

ШОЛОХ

ТЕНЬ
РАЗРАСТАЕТСЯ

АНТОНИНА
КРЕЙН

ТАЙНЫ

ПРИХОДЯТ
БЕЗ
СТУКА

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Тень разрастается

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Тень разрастается / А. Крейн — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-119329-4

Тинави пытается вернуться домой, но натывается на сплошные неприятности. Да и в самом Шолохе не все так гладко. Дворцовый остров раскололи трещины, а землетрясение в Лесном королевстве грозит разрушить некрополь. Кто живет под курганом и чем это грозит столице? Куда пропал принц Лиссай? И что за Пустота грядет? Никто, кроме Страждущей, не сможет собрать опасную мозаику из этих загадок.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119329-4

© Крейн А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	6
Пленница побережья	6
Кадий Мчун	13
Жуткий день для моей совести	20
Конфетки и кальсоны	27
На глубине	34
Дикая охота	40
Часть II	48
Господа добровольцы!	48
Одного раза в год	55
Неловко вышло	61
Рокочущие ряды	69
День цветов, Сайнор и Карл	76
Дождь в июньскую ночь	86
Ипостась-болтушка	93
Некрополь	99
Две тысячи лет	103
Куча-мала	112
Дахху дурит	119
Часть III	126
Санация	126
Приют экстравертов	135
История Теннета	144
Ручной Ходящий	154
Сезон охоты	164
Каминный жанр	174
Эксперимент	184
Нулевой пациент	195
Портал	204
Гойи на вас не хватает	216
Часть IV	221
Королева Бурундук	221
Клуб приключенцев	231
Морозная фаза	241
Драконий лагерь	248
Чужак	257
История вертопраха	265
На сердце беспокойно	275
Исполин	283
Работа ждет	293
...Тем временем в Чернолесье	304
Энциклопедия «ДОРОНАХ»	305
Устройство мира и вселенной	306
География и история Лайонассы	308
География Срединного государства	309
Срединное государство и открытие кромена	310

Кое-что из жизни Шолоха и Лайонассы

313

Антонина Крейн

Шолох. Тень разрастается

Часть I

Возвращение домой

Пленница побережья

*Вернусь домой, приду в себя, И там, у жаркого огня, Я расскажу
тебе о том, Как всю дорогу видел дом – И только дом во снах своих...
Путевая песня срединников*

Я обмакнула руки в жидкую вулканическую грязь. Потом провела пальцами по лицу: от носа к вискам. Заглянула в мутную лужицу, блестящую между черных камней.

Отражение мне понравилось: в меру безумное, в меру воинственное – то, что надо для пленницы побережья.

– Их-ха! – завопила я и галопом бросилась вперед – туда, где ровными рядами темнели сосны.

Прочь, прочь от штормового моря!

Бежала я, впрочем, недолго. В воздухе разнесся низкий вибрирующий «оммм» – будто кто-то невидимый ударил в гонг, – и меня, как тряпичную куклу, отшвырнуло обратно.

Пару мгновений я лежала на песке, очухиваясь.

Затем со вздохом села и обратилась к рыбаку, который был свидетелем моего позора:

– Видишь? Не пускает!

– Вижу. – Рыбак ошарашенно моргнул.

Совсем молоденький парень, он был бледный и какой-то серокожий, как и все из народа шэрхен.

– Так ты правда уже дюжину дней на пляже?..

– Ага. – Я угрюмо пошевелила пальцами на перепачканных ступнях.

Такую грязь не сымитируешь! Дырки на плаще-летяге, слегка потухший взгляд и мочалка на голове – привет соленой морской воде – тоже были симптоматичны.

Рыбак неуверенно переминался с ноги на ногу. Синий чубчик челки покачивался у него надо лбом.

– А я даже не знал, что эта система охраны до сих пор работает... – пробормотал он смущенно.

– Теперь знаешь. – Я нетерпеливо тряхнула головой. – Ну что, поможешь мне? Пожалуйста?

– Да. – Юноша кивнул и вытащил из-за ворота тельняшки монету на кожаном шнурке.

Он прижал ее ко лбу и, возведя глаза к небу, начал заунывно нашептывать заклинание приветствия. Получалось плохо: он постоянно спотыкался на полуслове, вспыхивал стыдливо-красным румянцем и... начинал сначала. О-о-о... Ну это надолго.

Чтобы не мешать ему, я отошла и стала пускать камешки по воде. Глупая затея в шторм: серые и гладкие в свете подслеповатого островного солнца, они не могли противиться волнам и сразу же проваливались на глубину.

Чую, за эти дни я нехило повысила уровень моря своими подачками. Надеюсь, это не приведет к глобальному затоплению всей Шэрхенмисты. Мне бы не хотелось, чтобы к пестрому

перечню моих достижений добавилось что-то вроде «зачинщицы потопа». И так разномастных званий хватает!

Посудите сами: государственная изменница, беглая Ловчая, путешественница по Междумирию, гроза падших хранителей, жуткая барахольщица и самая мечтательная из всех дурынд на свете...

Да-да, это все я – Тина́ви из Дома Страждущих.

Запутались? А я с этим живу. Причем последние две недели – живу в гордом одиночестве, в полной изоляции, попав в береговую ловушку народа шэрхен.

Помню, в годы учебы магистр Орлин целый семестр читал нам с Кадией и Дахху – моими лучшими друзьями – лекции про Шэрхенмисту.

Наставник воодушевленно рассказывал про эту загадочную страну молчаливых шэрхен, которые испокон веку придерживаются политики невмешательства и набиты секретами, как манускрипт Вонойчи. Но это был первый курс нашего обучения, а значит, мы были ленивыми и жизнерадостными олухами, склонными скорее считать ворон за окном, нежели слушать старого мастера.

Поэтому, когда меня выбросило сюда после одной невероятной стычки с иномирным чудовищем, я далеко не сразу вспомнила, что у шэрхен есть охранный береговая система, направленная против незваных гостей.

Ты не можешь просто взять и приехать в Шэрхенмисту. Кто-то должен искренне ждать тебя здесь или хотя бы номинально прочитать заклинание приветствия, чтобы «авторизировать».

К несчастью, я оказалась на пустынном и далеком от цивилизации побережье, где некого попросить о помощи. Так что я влипла по полной, совсем как муха в янтаре.

Сколько я ни шла в глубь острова, к видневшимся вдаль силуэтам сосен, они не приближались ни на йоту. Да и море никуда не девалось. Ехидно перекачивало свинцовые волны позади, как приклеенное. Влево-вправо путь тоже был закрыт. А если я усердствовала в побеге, то невидимая пружинистая преграда отбрасывала меня назад. Эдакий бесплатный вертикальный батут для отчаянных.

За две недели местный пейзаж стал для меня до отвращения знакомой декорацией.

Я научилась удерживать равновесие на скользких валунах, карабкающихся за горизонт. Я ловко перепрыгивала через илистые лужицы с моллюсками. Я выяснила, что на пористые каменные губки лучше не наступать – они только кажутся надежными, а на деле крошатся, как безе.

И, конечно, заметка для вашей поваренной книги: ягоды оранжевики выглядят куда лучше, чем креветки, но на деле – та еще дрянь!

Я свыкла с пляжем так сильно, что уже боялась, что никогда не смогу его покинуть.

Никогда не вернусь домой, к друзьям, которые понятия не имеют, где меня носит. Не узнаю, куда потрепанное битвой Междумирье выкинуло принца Лисая. Не увижу гордую скульптуру Полены, моего куратора, которому должны были присудить высокое звание Генерала Улова... Но стоило мне полностью утонуть в отчаянии, как ситуация кардинально поменялась. Сегодня утром на меня наткнулся рыбак.

Он шел по пляжу, насвистывая и размахивая жестяным ведром: на этом удаленном побережье водятся какие-то очень редкие деликатесные рачки. Рыбак уже представлял, как станет героем-добытчиком в своей деревне. Но вместо рачков юнец обнаружил меня: банально споткнулся о мою ногу, высунутую из пещеры, где я досыпала дневной сон (он же переходил в вечерний, в ночной и в утренний попеременно).

Когда я выползла из укрытия, ужасу рыбака не было предела: выглядела я паршиво. Но я быстро взяла ситуацию под контроль: начала трещать без умолку, перемежая сказ о своем пленении байками из прошлой жизни и щедрыми комплиментами (ах, как удачно он здесь

оказался, ах, какие чудесные перчатки для ловли раков, ах, как мило с его стороны спасти прекрасную – почти что – даму в беде...).

Юноша так обалдел от моего напора, что согласился помочь. Вот только попросил на собственном примере показать, как выглядит «защита от чужаков» – мол, друзьям расскажет, обзавидуются. Ну мне не жалко! Сталкиваться с препятствием страшно только первые раз двадцать. Потом это больше похоже на спорт, чем на неудачу.

– Готово! – воскликнул рыбак, выдергивая меня из раздумий. Монетка у него на шнурке засветилась золотым, а потом медленно, с достоинством угасла.

В остальном ничего не поменялось: все тот же вулканический пляж, все та же курносая физиономия незнакомца. Бестелесные духи острова не спешат петь мне приветственные гимны, в душе не разливается жар вседозволенности.

– Думаешь, не получилось? – заволновался юноша, усмотрев тень сомнения на моем лице.

– Сейчас узнаем!

Я хрустнула пальцами, покрутила головой, как на разминке, и, глубоко вздохнув, снова побежала.

Песок взрывался фонтанчиками под моими пятками. Рачки, спрятавшиеся было от рыбака, заинтересованно повылезали из-за валунов. Плотные тучи на небе опустились еще ниже – любопытно им, видишь ли.

Десять метров от берега, пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Я зажмурилась, и... Ничего! Никакого сопротивления!

Выдохнув, я открыла глаза, обернулась.

– Спасибо! – крикнула я, рупором приложив ладони ко рту.

Но рыбак уже не слушал: натянув защитные перчатки, он воодушевленно скакал меж валунов с ведром наперевес...

Я побежала дальше. Черные сосны острова Рэй-Шнарр уважительно расступались передо мной.

* * *

Дорога до ближайшего города оказалась долгой, но все-таки не бесконечной.

Новый день был в разгаре, когда я стояла посреди шумного проспекта, запруженного экипажами. Слева и справа мчались кэбы и всадники. Я шарахнулась в сторону, когда меня чуть не задавил какой-то ретивый кентавр, и в три прыжка оказалась на безопасном тротуаре. Недовольные крики возниц ударили мне в спину, и, хотя я знала язык шэрхен, мне не удалось разобрать все тонкости озвученных ругательств.

А жаль: судя по слову «д`гайла» – «вилка для выковыривания улиток», – там было что-то нетривиальное!

Откуда я знаю слово «д`гайла» на шэрхенлинге – это уже другой вопрос. С ним, пожалуйста, к Дахху и его увлечению высокой кухней.

Как и дорога, тротуар был выложен из плотно подогнанных друг к другу темных досок, но слегка приподнят над землей. По бокам от проспекта спиралями устремлялись в небо иссиня-черные шпили. Эдакий антипод нашей белоснежной Башни Магов, хотя форма та же – как у морской раковины. Материал зданий напомнил мне пемзу с побережья – та же губчатая структура, те же мягкие формы.

Деревьев вокруг было мало. Хотя, признаем, в любом городе мало деревьев по сравнению с Шолохом. Виднелись только частоколы сосен. Их голые стволы торчали такими одинокими палками, что у меня, уроженки Лесного королевства, слезы наворачивались на глаза. Зато меж

домов щедрыми горстями были разбросаны скалы. Острые, будто зубья акулы, они поблескивали на солнце.

– Хей! – окликнула я проходившую мимо парочку студентов. – А как называется этот город?

Они даже не удивились. Большинство шэрхен – воплощенное спокойствие. Или высокомерие, как посмотреть.

– Пик Волн, – ответили студенты.

Ну здравствуй, Пик Волн.

Значит, я в одной из двух шэрхеновских столиц, приморской. Хорошо, что не в Пике Грез – этот находится в скалистом центре острова, и, если бы меня каким-то боком увело туда с побережья, я бы точно не нашла себе корабль домой.

Я плотнее запахнулась в летягу – по проспекту гулял свежий морской ветер – и быстрым шагом двинула вперед.

Куда идти – я не знала.

Но иногда нужно просто идти, и знание приложится.

* * *

Чудные ароматы из первого же трактира заставили меня захлебнуться слюнями.

Но вместо того чтобы удовлетворить настойчивое урчание желудка, я стиснула зубы и вильнула вбок – на тенистую сосновую аллею, где острый запах свежей смолы и торфа привел меня в чувство.

Надо было срочно разобраться с отсутствием денег. Платежеспособность – главное качество кандидата в едоки. А я гредила этой ролью.

После некоторых раздумий я пошла в посольский квартал. К счастью, местные не гнушались указать направление незнакомке, пропахшей солью и водорослями.

Стройное здание шолоховского посольства напомнило мне Иноземное ведомство в миниатюре: резной фронтон, острые шпили, розетки окон, прицельно собирающие свет. Тяжелые бархатные полотна с вышитыми на них гербами качались под крышей. К крыльцу вели семнадцать ступеней – символическое напоминание о семнадцати знатных Домах Шолоха.

Сердце мое сладко екнуло: я почти на родине! Однако, собравшись шагнуть на первую ступеньку, я оробела...

Вдруг для Лесного королевства я все еще преступница?

Ведь как было дело: когда нас с куратором обвинили в измене и бросили в тюрьму, я смогла сбежать. А Полынь остался в темнице. Но ненадолго: хранитель Карланон отменил казнь моего коллеги. По идее, Полынь уже должен быть свободен.

А вот амнистию для себя я не попросила.

Мне бы хотелось надуться павлином и заявить, что причина заключается в моей колоссальной самоотверженности, но... Боюсь, я просто забыла.

Конечно, был шанс, что Карл без подсказки попросил для меня помилование, так сказать, сделал это *«по умолчанию»*. Но и вероятность обратного была высока. Хранитель тоже мог забыть. Или завредничать (он называл это *«борьбой с читерством»*).

Я долго топталась на месте, гадая: в розыске я или нет? Выяснить это здесь, в Шэрхенмисте, не представлялось возможным. Разве что зайти внутрь, назвать свое имя, попросить о помощи... И при плохом раскладе оказаться в кандалах. Опять. А это не тот опыт, который мне хочется повторить.

Посольские стражи подозрительно хмурились, поочередно указывая на меня глазами: мол, что делать с ней будем, дружище? А что с ней поделаешь – пока на ступени не шагнула – ни в чем не виновата. За любопытство денег не берут.

Наконец я отвернулась и со вздохом побрела прочь. «Осторожность превыше всего», – годами твердил нам магистр Орлин. И сегодня я последую его завету.

– Так, ладно. – Я задрала подбородок и уперла руки в боки по «бодрящему» рецепту Кадии. – Ищем альтернативу.

Проходивший мимо шэрхен с собачкой покосился на меня. Ох, точно. С «пляжной» привычкой размышлять вслух, чтобы не свихнуться, надо завязывать.

– Вы не подскажите, где здесь ближайший ломбард? – спросила я.

– Там. – Собачник махнул рукой в сторону башни в конце песчаной аллеи.

Согласно табличке у входа, ломбард тут действительно был. На шестом этаже. Шесть десятков ступеней, что к нему вели, я посвятила волшебной науке Вытаскивания Себя из Депрессии. На каждой ступени я придумывала по одной причине для благодарности. «Я в стране, где мои предки жили четыре века, ура!», «Я все еще жива, ура!», «Я уже гораздо ближе к Шолоху, чем вчера, ура!», «И к шестому этажу тоже ближе, чтоб вас, праховы небоскребы... В смысле, ура!». Под конец с причинами было туго, но я кое-как справилась. Ввалилась с жизнерадостной улыбкой, натянутой всего-то на семьдесят процентов.

Но даже напускное благодушие все равно расположило ко мне горбатого ростовщика.

Он с ходу предложил выкупить плащ-летьягу (ему очень приглянулся плотный лазурный шелк, пусть и драный местами), но я отказалась. Вот еще! Летьяга сейчас – мой единственный друг.

Зато я вытащила значок Ловчей – и со звоном плюхнула его на стойку.

Бронзовая бляшка размером в пол-ладони приятно тыкалась мне в ребра последние трое суток. Это был единственный предмет, помимо фонарика Карла, который шолоховские тюремщики не нашли во время обыска в темнице. Но фонарик забрал Карланон, а вот значок невольно отправился путешествовать вместе со мной.

Он провалился в подкладку сквозь дырку в кармане, и я нашла его, только когда решила постирать плащ в соленой морской воде. Это, кстати, была плохая идея: летьяга до сих пор стоит на мне колом, как неродная.

Ростовщик увидел удостоверение Ловчей и округлил глаза:

– Вы точно хотите это продать?

– Да, – твердо сказала я, хотя пальцы дрогнули, инстинктивно сжимаясь вокруг значка.

Профиль ястреба на эмблеме смотрел на меня с укором. «Эх, – будто говорил этот гордый хищник, символ нашего департамента, – предательница».

Ростовщик замялся. Потом тактично объяснил:

– Ничем не могу помочь, леди. Это незаконно.

– Хорошо. Черный рынок у вас есть?

Оценщик аж подавился.

– Вот у нас в Шолохе есть, – доверительно сообщила я. – Рокочущие ряды называется. Еще есть Потаенный рынок, но это так, несерьезно. Для туристов в основном, чтобы пищали от радости, «чувствуя опасность».

Подслеповатый ростовщик сторбился еще сильнее и понизил голос:

– Я прошу прощения, но у нас не принято обсуждать такие темы вслух...

– Могу написать на бумажке. – Я развела руками. – Я ведь не от хорошей жизни значок продавать собралась. Мне позарез нужны деньги. Так сильно, что сейчас я даже не могу вам заплатить за информацию, хоть и хочу.

Оценщик суетливо замахал рукой, мол, что вы такое говорите, девушка! Потом обеспокоенно заглянул мне в глаза:

– Он хотя бы ваш?

Я задрала левый рукав летьяги, демонстрируя татуировку Ловчей. Это была точная копия значка: две эмблемы одна над другой – полуразвернутая карта мира и голова птицы в профиль.

Татуировка не светилась, потому что я не могу колдовать в классическом смысле слова, но иностранца-шэрхен все устроило.

– Хорошо, – вздохнул горбун.

Он покопался под прилавком и вылез обратно с грязно-серой визиткой:

– Отправляйтесь в портовый квартал и отдайте это уборщику в баре «Тридцать три селедки». Он проведет вас.

Я горячо поблагодарила его и пошла к выходу из ломбарда.

– Но я бы все-таки не продавал! – крикнул мне в спину ростовщик.

– Это всего лишь значок, пустая формальность, – соврала я и вышла в стильный башенный подъезд.

* * *

Центральная часть Пика Волн поражала архитектурой.

Помимо витых башен, тут были диковинные деревянные домики с многочисленными балкончиками, фонарями, свисающими с крыш на длинных цепях, с угловатыми лесенками и переходами, которые могли связывать поверху целые кварталы. Некоторые дома стояли на берегу на сваях, под ними плескалась морская вода и гулко стукались лодки.

Это было красиво. Но из-за темного цвета, главенствующего в городе, он казался мрачным даже в солнечный летний день.

Я поехала. Чернота вокруг давила на психику, и без того ослабленную одиночеством. Единственное, что ободряло меня, – это мысль о том, что Полынь прожил тут пятнадцать лет.

Пятнадцать лет! Получается, все детство? Все подростковые годы куратора прошли здесь, за изучением запредельной магии Ходящих? Я представила себе маленького, насупленного, лохматого Полынь, уворачивающегося из-под лошадиных копыт на оживленных улицах острова, и мне полегчало. Хоть что-то общее у нас с этим городом есть. Жить можно.

И вот наконец я пришла в портовый квартал.

Он встретил меня запахами дыма, моря, сосновой коры. В Пике Волн вечерело, и толпы моряцкого народа косяками плыли туда и сюда. От общего потока отделялись ручейки посетителей, вливающихся в кабаки. Всюду зажигались оранжевые огни, в руках ночной стражи появились факелы.

Таверну «Тридцать три селедки» я нашла легко. Она пользовалась бешеной популярностью: железная вывеска, изображавшая стайку рыб, призывно блестела, ко входу тянулась очередь, а на витрине помадой было написано плотное расписание барных конкурсов. Судя по нему, сейчас шла игра «Кто выпьет быстрее».

Когда пришел мой черед заходить, охранник попросил к осмотру мою сумку, да вот беда – сумкой-то и не пахло! Равно как и платежеспособностью, вследствие чего я лишилась традиционного «хорошего вечера, леди».

Внутри было негде протолкнуться. В свете синеватых магических сфер немного можно разобрать, но я уж постаралась. Все столики заняты, в углах обжимаются, возле бара царит безумие поднятых рук. Несколько мужчин с огромными кружками сидели на стойке и на скорость хлестали брагу, а толпа горячо их поддерживала.

Грохотала музыка – страшный хаос духовых инструментов. Публике, впрочем, нравилось: матерые бандюганы, обнявшись и рыдая, раскачивались под иступленный рев кларнета.

– Небо голубое... – подивилась я вполголоса.

– О, отличная песня! – басовито заорали сбоку. – Лишка, понеслась! «Не-е-е-ебо голубо-о-о-ое, что ж меня так кро-о-о-оет...»

– «Что ж меня так кро-о-о-оет, мне бы да на во-о-о-олю...» – с чувством подхватили слева.

Я пискнула, пригнулась и ужом ввинтилась в толпу, подальше от запевалы, который, кажется, уже видел во мне свою лучшую подругу, если не любовь всей жизни.

Впереди мелькнула серая фигура с метлой. Вот он, мой уборщик, моя путеводная звезда сегодняшнего вечера! Сжимая в ладони грязную визитку, я мелкими перебежками рванула за ним.

У барной стойки меж тем начался новый раунд конкурса – уже с другими участниками. Гул болельщиков нарастал, и внезапно в их дружных воплях я расслышала словосочетание, которое заставило меня споткнуться.

– Кадий Мчун! Кадий Мчун! – скандировали зрители.

– Ка-а-а-дий Мчу-у-у-ун! – высокой трелью вывела красотка-официантка.

Я резко развернулась на сто восемьдесят градусов.

Что, галлюцинация?

Оранжевика оказалась ядовитой?

Зрители сорвались в аплодисменты и одобрительный свист. Кое-как прорвав ряды плотно сбитых моряков, я вынырнула точно у стойки.

– И первое место занимает наш иноземный гость! – взревел хозяин притона, надевая картонную корону на пшеничные волосы победителя.

Тот улыбался во все тридцать два и махал поклонникам широкой ладонью. Его загорелое лицо светилось гордостью, пустая кружка бликовала, а голубые глаза щурились, как у объевшегося рыбками кота. Он в упор не замечал меня, поглощенный своим триумфом.

– Ах! – восторгалась официантка. – Кади, ты мой герой!

– А ну-ка объяснись! – зашипела я, дергая его за штанину.

Звезда вечера, пронырливый Мелисандр Кес, псевдоисторик, саусбериец и авантюрист, только ойкнул в ответ и съехал с барной стойки.

Кадий Мчун

*Никто так не меняет историю, как историки.
Орбис из Дома Крадущихся, Глава кафедры источниковедения в
Шолоховской Академии*

Попросите меня охарактеризовать Мелисандра Кеса одним словом, и я скажу – самоуверенный.

Мы были знакомы недолго, но я уже знала: он из тех людей, кто живет так, будто у него в кошельке лежит официальное разрешение творить что вздумается – с личной подписью Отца Небесного.

Сокрушительная харизма, беспощадная. Полный бесповоротный каюк.

Еще в начале весны Мелисандр Кес служил патологоанатомом в жандармерии Саусборна. Но потом случилась трагедия: погиб его брат, который писал диплом о шести старинных амулетах. Увидев тело брата в морге, Мелисандр чуть не свихнулся от горя и... Решил продолжить его исследование.

Что на деле оказалось не столько научной работой, сколько авантюрными поисками артефактов. Да еще и с большим криминальным уклоном.

Меня саусбериец сделал невольной пособницей в одной из своих краж, что обернулось грандиозными проблемами на работе. А сам Мелисандр тогда просто сбежал. С тех пор мы не виделись.

– Какого праха?! – бушевала я, за рукав вытягивая его из бара.

– М-м, а как насчет приветствий?.. Нет?.. Это для тебя слишком традиционно?.. Что ж! Тогда давай уточним: что именно «какого праха»? – беспечно хохотнул Мелисандр.

– Для начала: почему они называют тебя Кадием Мчуном?

– Потому что я так записался на границе.

– Зачем?!

– Кадия из Дома Мчащихся достойна уважения и всяческого восхваления. Я как мог способствовал ее популярности.

– Так нельзя, Мел!

Бум! Мы все-таки вырвались из духоты таверны и теперь на улице стояли друг напротив друга, как бойцы на ринге. Точнее, как один боец – я. И его развеселенький и слегка отлетевший приятель с блаженной улыбкой.

– Фью! – присвистнул Мел. – Такая гневная. Ревнуешь, потому что я не использовал твое имя?

Я в ответ зарычала, да так, что Кес отшатнулся и звонко захлопнул рот.

– Ты бросил меня, Мелисандр! – рявкнула я даже громче, чем собиралась. – Оставил на растерзание иджикаянциам! Ты правда считаешь, что это нормально? Ты хоть понимаешь, каково мне было?!

– Детка, только не говори, что ты в таком состоянии из-за меня... – опешил Кес, который наконец-то хорошенько меня разглядел. Он неверяще коснулся пальцем длинной царапины на моей щеке, и глаза его наполнились искренним ужасом.

– Нет. Это другое, – вынужденно признала я. – Была еще одна порция приключений. Но...

Ох, зря я это сказала.

– Ага! – тотчас взбодрился Мел и по той же щеке триумфально меня потрепал. – Значит, мой проступок не так уж серьезен, раз ты не только вывернулась, да еще и успела вляпаться во что-то новое! Хм, а что ты делаешь?..

– Готовлюсь тебя придушить, – объяснила я, закатывая рукава.

– Эй-эй! – Кес перехватил мои запястья. – Мне правда жаль, Стражди.

Я посмотрела на саусберийца исподлюбя.

– Правда! – Он молитвенно сложил руки на груди.

Вот умеет он скорчить трагичную рожу, ничего не скажешь. Прямо-таки эксперт в сожалениях, воплощенные стыд и совесть.

Я поджала губы, потом отвернулась и молча побрела по улице. Мелисандр шел рядом, подстраиваясь под мой шаг.

Островная ночь привечала нас, как куртизанка – любимого клиента. Звезды на небе светили ярко, даже чересчур. Залив тихо блестел под луной, что-то шепча переливами: громче, тише, снова громче... Плеск прохладной воды приносил запах соли и далеких странствий. Люди вокруг послушно разбивались по парочкам, но мы с Кесом, хоть и были в том же интимном количестве, носили куда более угрюмый характер.

– Тинави, как я могу загладить свою вину? – пару кварталов спустя спросил саусбериец.

«Никак», – хотела ответить я, но вместо этого резко остановилась.

– Ты хочешь прощения?

Мел по инерции сделал еще шаг вперед, потом с интересом качнулся обратно.

– Конечно, хочу. А почему ты так покраснела? – протянул он загадочно.

«Загадошшно», – как сказал бы кентавр Патрициус, любитель местечковых сплетен.

Я действительно залилась краской. Ибо просьба моя была так себе:

– Дай мне денег, а?

Глаза Мелисандра полезли на лоб.

Я присела на каменную скамью набережной, подобрала плоский булыжник и с размаху пустила его прыгать по воде. Тихий плеск успокаивал... Всех, но не чаек, прикорнувших на парапете: с нецензурной чаячьей бранью они взлетели и раскрасили свое отступление авангардными белыми кляксами.

– Я оказалась тут случайно, настоящей бродягой, и теперь хочу вернуться домой. Я собиралась продать значок Ловчей, но этого все равно не хватит на билет до Шолоха, и... – Я махнула рукой. – Короче, если у тебя найдется десять золотых – считай, мы в расчете.

– Десятка?! Дешево же ты оценила мое предательство, – обескураженно пробормотал Мел.

– Значит, ты все-таки понимаешь, насколько это было отстойно, да? – Я криво усмехнулась.

Он вернул мне усмешку и развел руками.

– Прости, – повторил опять, теперь безо всяких ужимок.

На сей раз я поверила.

Потом Мел тоже опустился на скамейку. Удивленно покачал головой, будто отвечая каким-то своим мыслям, и наконец хлопнул в ладоши:

– Будут тебе деньги, Ловчая. Сколько понадобится. И билет на корабль – он отплывает через три дня. А пока хочешь интересную историю? Или, может, хорошо прожаренный стейк для начала?

Я даже не успела ответить. Желудок предательски и восторженно заурчал на всю улицу, тем самым ясно расставив приоритеты. Мелисандр заржал и жестом поманил меня обратно к косым рядам кабаков.

* * *

Очень скоро мне начало казаться, что жизнь моя прекрасна и удивительна, Шэрхенмиста – лучшее место для внепланового отпуска, а Мелисандр Кес – чудеснейший из людей. И

неважно, что это он забил первый гвоздь в мой карьерный гроб детектива по делам чужестранцев.

– Магия, Мелисандр! – орала я, перекрикивая очередной троллий коллектив с саксофонами. – Она оказалась такой фигней, ты бы знал! Есть она, нет ее – вообще по барабану! Стоило волноваться!

– Веришь, нет: я так же думаю про карьеру. Всю жизнь мечтал дорасти до королевского Свидетеля Смерти, а теперь вижу, что мое призвание – совсем в другом.

– В чем? В воровстве? – слишком громко хихикнула я.

Сидевшие за соседним столиком эльфы замерли: их острые уши дружно свесились по бокам от пышных причесок. Мел с силой наступил мне на ногу под столом.

– В баловстве, говорю! – «уточнила» я еще громче. – В баловстве с этими дешевыми амулетами, да?

Эльфы успокоились. Мелисандр тоже.

– Да, – подтвердил он. – Тайны амулетов разрастаются, и я начинаю думать, что... А. Погоди. Вряд ли ты хочешь сейчас слушать лекцию по истории.

– Хочу, хочу!

Расплатившись, мы снова выкатились на набережную.

Мелисандр галантно предложил мне свою кожаную куртку, что, увы, не делало погоды – на летягу не налезет, под летягу – так летяга не налезет... Глупость какая-то, почти рекурсивная сказка. Типа той, что учат дети в Шолохе: «Круст пришел к ундине в гости. Видит круст – в ракушке кости: «Как?!» Ундина отвечала: «Погоди, начну сначала.... Круст пришел к ундине в гости...» и т. д. и т. п. Все детство меня мучил вопрос: неужели ундина *съела* этого грешного лешака? Ундины же, по идее, пескетарианки?

Мелисандр прервал мои размышления, напомнив, что у него тоже есть загадочная история, причем не такая идиотская.

– Помнишь, я рассказывал, что искомые шесть амулетов были созданы за пару лет до уничтожения Срединного государства?

– Да. Еще помню, что они посвящены богам-хранителям.

– Это как раз неважно. – Мел отмахнулся. – Отставим легенды, оставим науку.

О да. Знал бы господин Кес, что хихикающая рядом с ним особа лично представлена трем богам...

Мы брели вдоль кромки моря, мимо лодок, каравелл, рыбацких судов. Пристань закончилась, превратившись в песчаный пляж. Лунная дорожка на воде сияла так резко, что казалась фальшивой. Вдалеке пели... Прах бы побрал этот Пик Волн – весь день, всю ночь поют. А еще говорят, шэрхен – самый чопорный из народов Лайонассы.

Мелисандр продолжил:

– Как бы то ни было, три амулета я уже раздобыл.

– Ого. Шустро ты!

– Остальные найду еще быстрее, вот увидишь. Спасибо Пику Волн: в этом городе полно полезных документов со времен срединников. В отличие от Шолоха, кстати. Вся моя поездка к вам была ошибкой. Нужно было сразу ехать сюда.

– Это точно.

Он фыркнул и взъерошил мне волосы.

– Среди прочего я раскопал кое-что, что должно заинтересовать тебя. Оказывается, создателем амулетов был Хинхо из Дома Страждущих.

– Хинхо из Дома Страждущих? Кто-то из моих предков?

– Не просто кто-то, а прародитель твоего рода! – патетически воскликнул историк. – Ты что, никогда о нем не слышала?

– Не-а.

Мел скорбно, по-актерски, закрыл ладонью лицо.

Затем пожал плечами:

– Ну а я теперь настоящий спец по твоему пра-пра...деду. И знаешь, в его истории есть несколько загадок.

– Каких?

– А тебе точно интересно? Что-то не вижу энтузиазма.

– Мел! Имей совесть!

– Хорошо... Итак. Тайна первая. До падения срединников Дома Страждущих не существовало. Он возник уже тут, в Шэрхенмисте. Хинхо – первый задокументированный человек с такой фамилией.

– А как же раньше назывался мой Дом?

– Понятия не имею. Я надеялся, ты мне скажешь. А вот почему вы именно Страждущие, я, кажется, знаю.

– Почему?

– Твои версии?

Я задумчиво пнула случайный камешек на мостовой. К моему величайшему изумлению, то, что выглядело древней окаменелостью, оказалось вполне живой улиткой. Отброшенная ударом на метр улитка вылезла из раковины и гневно шевельнула усиками.

– Извини! – Я прикусила губу, но гордый моллюск, разочарованный во всем роде человеческом, уже обреченно полз прочь, к уплывающему в ночи пляжу.

Что касается версий... Что ж, с детства мне нравилось мусолить на разные лады имя своего Дома: я придумывала жуткие и героические истории о том, почему оно такое грустное и одновременно красивое. Я поделилась с Мелом парой своих старых гипотез. Он с усмешкой выслушал, а потом наставительно поднял указательный палец:

– А теперь слушай мою идею. Хроники гласят, что Хинхо пришел в Шэрхенмисту уже после 1147 года. Он работал в Прибрежном легионе, когда Срединное государство уничтожили.

– Да ладно? – Я опешила. – Seriously?

– Ага. Представляешь, *что* ему повезло увидеть?

– Точнее, не повезло... – пробормотала я.

– Поэтому и Страждущий, – серьезно согласился Мелисандр.

Дело в том, что в 1147 году Срединное государство – страна наших предков – было беспощадно стерто с лица земли.

В одночасье. И целиком.

Его мирную столицу, город Мудру, с неба выжгли драконы. Военные отряды соседних стран захватили деревни и форты. А так называемый Прибрежный легион – исследовательский лагерь ученых, военных и магов, находившийся на месте нынешнего Шолоха, зажали в тиски две вражеских армии и устроили там такую резню, что о срединниках-легионерах до сих пор не принято говорить в полный голос...

Это их кости лежат у нас под дворцовым курганом.

Мелисандр продолжил:

– Хинхо каким-то образом выжил. Когда он добрался до Шэрхенмисты, из вещей у него были только эти шесть амулетов. И все. Он никогда не рассказывал о случившемся – даже принял обет молчания. Что, впрочем, не помешало ему завести тут семью. Правда, потом он ее бросил: уехал и стал путешественником, дошел аж до Западных Пределов.

– Но почему он молчал?..

– Вот-вот. Мой брат разрабатывал гипотезу о том, что Хинхо скрывал нечто важное и боялся проболтаться. Что-то, связанное с этими амулетами и с падением срединников. С тем,

как все-таки беспощадно перебили ваших предков. Не понимаю, почему ваш народ вообще с этим смирился: еще и забыть пытается всеми силами...

Я только горько вздохнула.

Есть такое.

Дело в том, что гибель срединников – болезненное место для нас. Мы считаем, что во многом они сами виноваты: их жестокая политика, чрезмерная гордыня и имперский гонор были *невыносимы*. Недовольство окружающих накапливалось и однажды вылилось в реки крови... Да, это была не война, а бойня. Но ведь не бывает дыма без огня.

– Обвинять жертву – последнее дело, – не согласился Мел. – Мне интересно, чем была последняя капля. Та конкретная финальная причина, из-за которой драконы и другие страны устроили такой кошмар. Особенно драконы! Зуб даю: я соберу амулеты и что-нибудь да пойму. Этот квест от меня не сбежит.

– Удачи, – искренне пожелала я.

Мелисандр притормозил возле лесенки, ведущей с набережной на пляж, и кивком предложил проследовать к воде.

Когда мы спустились к морю – здесь, в городе, оно казалось почти домашним по сравнению с дикой стихией «моего» пляжа, – Мелисандр засунул руки в карманы и улыбнулся:

– Тинави! Самое главное. Я думаю, тебе нужно присоединиться ко мне.

Внезапно.

– А я-то тебе зачем сдалась, Кес?

– Ну, во-первых, мне скучно.

Зашибись довод.

– А во-вторых, я что, зря сейчас разглагольствовал? Собака ведь зарыта рядом с твоим прадедом! Плюс ты теперь крутая волшебница, как я понял. А я полный ноль в магии. Вместе мы добьемся гораздо больших успехов. Ну и наконец... Я все-таки не до конца понимаю, зачем тебе домой, если мир вокруг так любопытен.

Я только головой покачала.

Мел предостерегающе поднял руку:

– Не спеши отказывать! Дела обсудим утром. А пока давай праздновать нашу волшебную встречу. Если судьба себя как-то и проявляет – то именно в таких случайностях.

* * *

В полночь, если бульварные часы Пика Волн не врут, мы стояли напротив университетского здания, которое чем-то напоминало оплывший торт безе.

Над полукруглыми окошками тут и там были вырезаны медальоны в виде игральные карт. На каждом шпиле – по каменному шутовскому колокольчику. Высокий кованый забор с узорами в виде покерных фишек окружал заросший скалами двор.

– Университет посвящен хранителю Рэндому, поэтому так забавно выглядит, – объяснил Мелисандр. – В городе это главное и единственное высшее учебное заведение.

– Хм. Интересно, наши Ходящие¹ тоже здесь учатся?

– Понятия не имею. Они что, учатся в Шэрхенмисте?

Мы подошли вплотную к ограде. Я вдруг почувствовала колоссальную усталость и тоскливо уперлась лбом в металлические вензеля забора. Они приятно охладили кожу.

– Мой куратор оказался бывшим Ходящим, – поделилась я с Мелисандром. – Врал всем на протяжении двух лет.

¹ Ходящие – они же тенивики – шолоховская контрразведка. Два года назад Теневой департамент был расформирован, в Шолохе осталась только дюжина Ходящих в личном подчинении короля.

– О! – Саусбериец тоже прислонился к воротам. Правда, спиной, а не лицом. – Если хочешь, можешь плюнуть сквозь решетку. Охраняют тут спустя рукава.

– Но Полынь был прекрасным куратором, – с досадой возразила я.

– Тогда не плюй, – милостиво разрешил Мелисандр и подхватил меня под локоток. – Пошли, покажу еще интересности.

* * *

К рассвету мы успели обойти все достопримечательности Пика Волн.

В темноте было здорово. Никаких людей. Никаких билетных касс. Кес пролезал везде и всюду, ловкий, как угорь. В узких штанах, белой рубашке и кожаной портупее, он был похож на блудного археолога, звезду материковых комиксов. Я рядом с ним казалась несчастной беженкой: мятая летяга, выгоревшие волосы, обезумевший взгляд и рваное ухо.

Тем не менее наш экзотический дуэт успешно посетил все, запланированное Кесом. Мы посмотрели дворец наместника Исцинари, сад горного хрусталя, непроглядные графитовые катакомбы и черное озеро Истинных Намерений.

Мелисандр провел в Пике Волн меньше месяца, но не зря говорят, что в путешествии сутки идут за неделю. В центре города Кес разбирался не хуже, чем местные. А может, и лучше.

Рассвет мы встретили на пляже.

Кес, разлегшись на вулканическом песке, как вышедшая из морских вод наяда, неистово изливал мне душу:

– Ярый патриотизм – самое удобное прибежище для тех, кому больше нечем гордиться. Нормальный человек должен гордиться собой – своими достижениями в выбранном деле, своими поступками на ниве общечеловеческой морали. Если здесь он провалится, то можно начать гордиться своей семьей, то есть примазаться к чужим подвигам под оправданием родственных генов. Если и тут не прокатило, то можно начинать кампанию беспрецедентной любви к своему городу – у нас лучшие дороги, лучшие дома, лучшие жители. А вот когда и город твой – сплошная шелуха, тогда уже и до патриотизма недалеко. В столицах-то все больше космополиты... Знаешь, очень легко любить целую страну, если задаться такой целью. Активная политическая жизнь нашего мира способствует тому, что в воздухе одновременно жужжит и вьется невероятное количество интерпретаций и точек зрения, все они озвучиваются весомыми людьми, опираются на подтвержденные факты (пусть и вырванные из контекста), выглядят потрясающе убедительно. Выбирай любую. А выбрав, постарайся только не думать сам и не слушать взглядов противоположных, ничто не должно поколебать твой патриотизм. Люби страну, люби, гордись и наслаждайся!

– Мелисандр, ты пьян.

Я рисовала на песке закорючки, просто так, не задумываясь. Сложившийся из них рисунок вдруг напомнил мне о шолоховском маньяке и о том, как он разрисовывал жертв перед убийством... Я вздрогнула и ребром ладони выровняла песок.

Кес продолжил:

– Неважно. Алкоголь просто делает меня смелее, позволяет озвучивать то, о чем обычно я рассуждаю сам с собой, боясь осуждения, а то и тюрьмы... Ты хоть знаешь, сколько людей гниет сейчас в подземельях Саусборна за то, что просто высказали свое мнение, без призывов к революции, без угроз? Можно отстроить целый паршивый городок... Да и ты сама, Тинави. Храни свои тайны сколько влезет, но я не думаю, что тебя сюда закинуло чисто по магическому недосмотру.

Он был прав. Я тоже улеглась на мокрый черный песок.

– Какая разница, Мел? Ты хороший человек. Я хороший человек. Все мы хорошие люди, ну кроме самых отбитых извращенцев. Разве эти размышления о патриотизме что-то меняют? Нет. Вот и начинай с себя.

– Мой квест, Тинави. Он может что-то изменить. Я говорю тебе: с падением срединников что-то нечисто. Я не верю, что информацию об амулетах Хинхо так тщательно вырезали бы из учебников, если она не была бы важна с политической точки зрения. Ты ведь помнишь, что никто-никто не воспринимает искомые мною амулеты всерьез? А между тем от них так и разит магией, когда они оказываются рядом друг с дружкой... Даже я, не колдун, чую.

Мелисандр повернулся на бок. Его глаза фанатично поблескивали, в глубине зрачка будто кто-то карты тасовал. Я лишь покачала головой, дивясь почти незнакомому мужчине рядом, незнакомому городу в отдалении, незнакомой магии в крови.

– Пойдем со мной на квест, Тинави.

– Пойдем, – неожиданно согласилась я.

Набежавшая волна Шепчущего моря изловчилась и резанула холодком по моим голым лодыжкам.

Я подтянула ноги поближе и еще раз подтвердила согласие:

– Да, пойдем. Что я, в конце концов... Сама ведь мечтала наполнить жизнь всем и сразу. Но сначала – в Шолох. Потому что у меня там своих незаконченных квестов полно. Мне нужно убедиться, что дома все хорошо. Что моего куратора выпустили из тюрьмы, мои друзья в норме, а принц Лиссай вернулся живым и здоровым. Если все в порядке – отлично, да будет квест. Боюсь, на работе меня все-таки не ждут...

– Даже если и ждут, – отмахнулся Кес, заправив мне прядку волос за ухо. – Со мной определенно веселее.

Я улыбнулась:

– Спасибо, что помогаешь мне сейчас, Мел.

Жуткий день для моей совести

*Кто легко подозревает, тот не столь умен, сколь вероломен сам.
Философ Ви' Га, Срединное государство*

Разбудили меня очень скоро. По ощущениям – вообще так через пару секунд.

Какая-то женщина орала на Мелисандра, а он чистил свежеморозильную рыбу прямо на песке. У него откуда-то взялись удочка, банка с червяками и ведро.

Одетая в тельняшку и шаровары дама рвала и метала:

– Какая такая отмена?! Я уже парней всех собрала, ты это понимаешь? – Ее голубоватая кожа и синие волосы намекали – чистокровная шэрхен.

«Голубая кровь» – знаете такое выражение? Вот оно про аристократию шэрхен. Они издавна питались исключительно с серебряных блюд, серебряными приборами, и отравление аргентумом вызвало у них какие-то странные оттенки крови... А столетия спустя мутация коснулась и волос. Я не Дахху, не смогу объяснить научно, но факт остается фактом: у шэрхен-дворян и их бастардов волосы синеватые. У шэрхен-без-понтов – льняные, как у Мелисандра.

Меня насторожил градус их ссоры. Я притворилась, что сплю, но наострила уши.

Мел между тем пожал плечами и потер переносицу:

– Отмена значит отмена.

– А неустойка? – взвилась женщина.

– Нет убытков – нет неустойки.

– Мы на тебя кучу времени потратили.

– Ты так со всеми клиентами говоришь, милая?

– Только с такими тупыми, как ты.

Мелиандр медленно встал. В левой руке он мрачно сжимал тушку окуня:

– Еще раз назовешь меня тупым – убедишься, что я очень рьяный патологоанатом.

– Я требую неустойку!

– А я требую, чтобы ты свалила отсюда куда подальше. Мы договоров не подписывали.

Так что до свидания.

Дамочка сжала кулаки. А потом быстро пошла прочь. Песок воинственно разлетался от ее шагов – будто земля от самовзрывающихся ядер. Мне стало неудобно.

Мелиандр закончил с несчастным окунем и повернулся ко мне.

– А ну-ка, подъем! – зычно крикнул он. – Нас ждут великие дела, Тинави.

– Какие? – зевнула я.

– Очень приятные. Ближайшие два дня мы отдыхаем и набираемся сил, а в воскресенье вечером пойдем на экскурсию в университет.

М-м-м. В прошлый раз Мелиандр тоже звал меня на экскурсию... Ровно перед тем, как обмануть. Но он ведь не считает меня настолько наивной, чтобы дважды повернуть один и тот же трюк?

Поколебавшись, я решила не оглашать свои сомнения. Лишь вскинула брови:

– Но мы же уже были в университете?

– Мы были *около* него, это совсем другое. У меня экскурсия давно запланирована. Интересная, ух! Гид нам все расскажет, покажет тайные ходы времен Айдечи – были тут такие шишки когда-то.

– Мел. Ты ведь мне не врешь?

– Про Айдечи-то? Не вру, конечно! – Господин Кес расхохотался. – Экскурсия тебе понравится. И уж точно больше, чем вкус этих рыбешек. – Он критично осмотрел улов в ведре

и, принявшись, скорбно покачал головой: – Нет, есть это не стоит, – после чего широким жестом выплеснул содержимое ведра в море.

Я вскрикнула:

– Ты что творишь?!

– Позавтракаем в городе.

– Но зачем ты их ловил?

– Ну что ты прикопалась? Рыбалка – отличное развлечение. А чистка – мне надо практиковаться хоть на каких-то трупах, извини уж за прямоту. Не людей же резать.

Насвистывая незатейливый мотив популярной песенки, он направился к городу.

Я мрачно уставилась на туманную полосу морского горизонта. Этим утром мой спутник резко перестал быть симпатичным. Хотя, возможно, это мое восприятие шалит после пляжного заключения. Легко быть дружелюбной оптимисткой дома, но в передрыгах характер портится... Я встряхнулась и подмигнула морю. Ничего. Прорвемся!

* * *

Дни в ожидании корабля мы провели в Пике Волн.

Остановились в уютной гостинице «Песок и пепел», где я несколько часов подряд отмокала в деревянной ванне, пытаюсь вернуть себе приличный облик. Вроде бы получилось. А вот письмо на материк, как мне сказали, посылать бессмысленно: пока его доставят, я приеду туда сама.

Были выходные, и чернящий Пик Волн кипел жизнью. Разношерстная публика празднично шаталась по улицам, и сорящий деньгами Мелисандр чудесно сливался с толпой. Я же постоянно думала о друзьях и, в отсутствии информации, начинала тихонько сходить с ума. Только Мел отвлекал, за что я была ему благодарна. Он трепался обо всем на свете целыми сутками, но, как ни странно, тему нашего квеста обходил стороной.

Также мое недоумение росло пропорционально количеству островных сладостей, которые саусбериец пытался в меня впихнуть. Это при том, что я к ним равнодушна, о чем сразу же сказала. Потом еще раз. И еще. Наконец я просто передала сладкую вату проходящему мимо ребенку.

Но Мелисандр не сдавался.

Зачем же он это делает? Что, ухаживает? Заботится?

Я искоса глянула на своего боксеровидного спутника с хитрой рожей. Нет, точно не заботится. Что-то тут нечисто.

Параллельно с нашей тихой борьбой на почве десертов я всеми способами намекала, что пора бы купить мне билет до материка, но Мел виртуозно игнорировал намеки. А когда я спросила в лоб, он пожал плечами:

– Так все уже схвачено, Стражди. Как я говорил, наш корабль отходит в понедельник. Так что расслабься и наслаждайся этим чудесным городом!

– То есть у тебя и для меня есть билет? Ты ведь не знал о том, что мы встретимся.

– Да, у меня и для тебя есть билет.

– Мел, ты что-то недоговарива...

– О! Смотри! Уличные артисты, давай поглазеим. Взять тебе пряников?

* * *

В шесть вечера воскресенья мы снова стояли перед университетом. Через ворота выливался непрекращающийся поток студентов – как раз закончилась последняя пара. Молодые,

беззаботные, в обнимку с учебниками, они с восторгом вдыхали морской ветер свободы после долгих учебных часов.

За высшим образованием в Шэрхенмисту съезжались со всего света. Здесь, в стенах университета имени Рэндома, слушателей равняли под одну гребенку – каждому выдавали по длинной черной мантии и учебной шапочке. Забавная строгость, учитывая, что Рэндом – самый безумный персонаж среди богов: шулер, картежник и плут. Эдакий прельстительный джокер.

Я его всегда обожала. Интересно, что было бы, сведи меня судьба с ним, а не с Карла-ноном?

Так странно – до сих пор не могу поверить, что мифы про хранителей оказались реальностью... Хотя нет, мифы – нет. Признаем: человеческая тяга к преувеличениям и неразборчивый почерк летописцев расправляются с истиной быстрее, чем голодный бродяга – с сэндвичем. Карл вон тоже на «себя» из легенд не слишком похож. Мало того, что мальчишка, так еще и какой-то подозрительно милый. Не то что тот рыцарь-паладин с двуручным мечом наперевес.

Про умницу Теннета, павшего до жалкого убийцы, я вообще молчу...

Впрочем, я отвлеклась.

Вернемся к глухой униформе студентов! Она была слишком жаркая для летнего дня. Поэтому, стоило студенту шагнуть за ворота, мантия сминалась и небрежно запихивалась в рюкзак, а шапочку студент заталкивал в боковое отделение, да так грубо, что ее квадратные картонные поля опасно хрустели.

И вдруг, как по волшебству, становилось видно, насколько студенты разные...

Синеволосые шэрхен, загорелые тилирийцы и смуглые иджикаянцы, коренастые степные жители, феи (для них были крохотные мантии) и тролли (тут, напротив, супербольшой размер), гномы и гордые северяне. Среди прочих затесались жители подводной Рамблы – блесны, – будто голые без дыхательных аппаратов, которые они вынуждены носить на дне. И еще красноглазые нюкты из горных королевств. Где-то в толпе даже мелькнули крылья пустынного ангела – сложенные под курткой горбом, как принято...

Нет, не подумайте. Шолох – тоже многонациональное государство. В конце концов, мне ли, сотруднице Иноземного ведомства, не знать!

Но здесь это было похоже на глобальное разоблачение, снятие масок. Черная толпа одинаковых студентов вдруг оживала, сдирая с себя мантии, являя миру свое прекрасное, свое особенное «я».

Да здравствует непохожесть! Свобода, проявляющаяся в каждом жесте. Смелость, гордость быть собой. Да здравствует сложность – суть разнообразие!

Меня заворожило это зрелище.

А потом я чихнула.

– Будь здорова! – дежурно отозвался Мелисандр, который в ожидании гида сидел на пенке и листал свои записи.

Я чихнула еще раз и тотчас резко повернулась. У меня за спиной, шагах в десяти, шушукались трое студентов. Они хмурились, исподлобья глядя на меня. Родные шолоховские лица!

– Эй! – Я рванула к ним. – Как? Как вы *это* делаете?

Студенты испугались и прижались друг к дружке поплотнее. Хорошо, что не убежали.

– Вы студенты-Ходящие, я знаю, – кивнула я, подходя. – Но как вы *Читаете* мысли на расстоянии? Ведь для этого надо посмотреть в глаза, разве нет? И да, все в порядке, у меня просто стоит блок. Вы все делали правильно.

Один из троих, смешной, круглолицый, пожал плечами:

– Пока татуировка *Чтения* свежая, смотреть в глаза не надо. Она подпитывает наши силы. Потом, когда учеба закончится и мы вернемся, уже придется. – Голос у студента был серьезный и взрослый.

Но я, глядя на него, мысленно хихикнула: а налезет ли вообще на его круглую физиономию золотая маска теневика? Ох! Хорошо все-таки, что меня не *прочитаешь*.

– Если вернемся... – мрачно бросила его однокурсница. – Ты же слышал новости – это просто кошмар...

Пареньки зашикали на нее. Я всполошилась:

– Какие новости? Шолоховские новости? Что там?

– А вы вообще кто? – набросилась бойкая девчушка уже на меня. – Что-то я не вижу у вас Глазницы!²

Я машинально убрала правую руку за спину и бросила взгляд на запястье будущей Ходящей. У нее татуировка в виде багрового ока была. Но вот стрела вокруг имелась только одна, а не классические пять. Видимо, их наносят по очереди, в порядке изучения запредельных Умений³.

Трое студентов выжидающе смотрели на меня.

– Я из Шолоха. Ловчая на службе Иноземного ведомства.

– И что, вы нормально относитесь к Ходящим? – неверяще спросил студент, до того молчавший.

Его серые глаза наполнились надеждой... Напрасной, боюсь. Мое нежное отношение к Ходящим, во-первых, касается лишь одного-единственного экземпляра, а во-вторых, отнюдь не отражает мнение остальных шолоховцев.

– И что, вы не знаете последних новостей? – язвительно перебила девочка. – А покажите-ка ваше удостоверение! И назовите ваше имя! – Она повысила голос. – Вы вообще кто такая?!

Студенты вокруг стали коситься на нас. Хуже того – двое охранников у забора медленно побрели в нашу сторону.

Я изобразила крайнюю степень возмущения, и тут, ура, меня окликнул Мелисандр. Рядом с ним стояла низенькая, пухленькая дама с завязанными в пучок волосами цвета индиго.

– Тинави! Погнали! Не заставляй госпожу Сторику ждать!

– Что ж, в другой раз поболтаем! – сглотнула я и позорно сбежала от студентов.

* * *

...Вообще я люблю экскурсии. А еще историю, литературу, искусство, языки. Все такое гуманитарненькое. Но если мысли заняты одним – ничто другое не пойдет.

Я, как зомби, ходила вслед за Мелисандром и экскурсоводшей. Что там, в Шолохе? О каких новостях говорила незнакомая девочка-Ходящая? Воображая картины одна ужаснее другой, за полчаса я накрутила себя так, что впору было звать армию игривых котят – пусть распутывают бешеный клубок моих нервов, сама ни в жизнь не справлюсь.

– Хей, конфетку будешь? – Кес прервал мои страдания.

Мы стояли в так называемом зале географических карт.

Посреди комнаты был установлен громадный глобус. Девяносто процентов его поверхности занимала синяя краска – она изображала море. Единственный материк был подписан «Лайонасса». На нем вольготно разместились пятнадцать суверенных государств и несметное множество вольных земель и племен. На востоке от материка бумерангом застыл остров Рэй-

² Глазницей называют эмблему Теневого департамента: рисунок в виде багрового ока, вписанного в ромб, в который летят пять кинжалов.

³ Хей, напоминаю! Ходящие обладают пятью «запредельными» способностями: Читать (мысли), Прыгать (сквозь пространство), Скользить (с большой скоростью), Созерцать (произошедшее на этом месте в течение последнего часа) и Блекнуть (становиться невидимым).

Шнарр – и, черными слезинками, десятки атоллов Шэрхенмисты. Еще несколько крупных островов находились к югу и западу от материка.

Старинные географические карты завешивали все стены зала. Это были дорогие, золотом выписанные изображения в тяжелых рамах. Потолок был расписан созвездиями, важными для мореходов.

– ...Герцог Айзино приказал создать эту комнату в XV веке, – надтреснутым, но жуть каким интеллигентным голосом вещала экскурсоводша. Она слегка прикрыла глаза, позволив себе утонуть в океане истории. – Это было смелое решение, которое...

– Конфетку будешь? – Мелисандр, который так и не дождался моего ответа на свой первый вопрос, непочтительно перебил гида.

Госпожа Сторика озадаченно умолкла, поправила пенсне на носу. Я покачала головой:

– Не буду, спасибо.

Кес высоко поднял пшеничного цвета брови:

– Ты хорошо себя чувствуешь, да? Энергично?

– Вполне. – Я недоуменно пожала плечами.

Стало слышно, как в углу комнаты, как раз возле карты Кнассии, зажужжал толстобокый шмель. Успокаивающее, летнее пение... Уже ведь июнь.

Вдруг Мелисандр снял с пальца перстень с пронзительно-синим камнем и сочувственно улыбнулся гиду:

– Извините! – после чего ткнул Сторику самоцветом в шею.

Камень, коснувшись сухой старушечьей кожи, вспыхнул яркими голубыми искрами. Однозарядный магический перстень!

Гид всхрипнула и молча осела на подставленные руки Кеса.

У меня отвисла челюсть. Мел сорвал с шеи экскурсовода ее удостоверение, подбежал к карте графства Норшвайн и подцепил карточкой какой-то хитрый крючок на обратной стороне рамы. А потом стал ожесточенно дергать карту справа налево.

– Мелисандр! – ахнула я. – Ты что делаешь?!

– Открываю тайный ход, естественно!

Тяжелая золоченая рама всхлипнула и дернулась. Мел навалился на картину всем весом, и медленно, со скрипом географическая карта поползла вбок. За ней оказался пыльный, затянутый паутиной коридор.

– Быстро за мной! – приказал Мел и сиганул в черноту проема.

Я со свистом втянула воздух, но все же не рискнула орать свое любимое «КАКОГО ПРАХА?!» рядом с уснувшей экскурсоводшей.

Внутри у меня зашевелилась злость. Страшная. Сжав кулаки, зажмурившись, я глубоко вдыхала и медленно выдыхала. Еще не хватало разнести этот университет подобно дворцовому острову в Шолохе! К тому же я поклялась Карлу колдовать правильно. Без эмоций. А если за что-то и нужно держаться в неразберихе бытия, так это за данное слово, за свою ответственность...

Так что тише, девочка. Ну подумаешь, он снова обманул, ну хобби у тебя такое – верить придурку Мелисандру Кесу. Вон Польша говорил, что мы наделяем людей теми качествами, которые присущи нам самим. Будем считать, я сама не способна на такую ложь, поэтому не жду ее от других, – а это, согласитесь, уже не так плохо, как быть просто наивной дурой...

...Вроде отпустило. О, великая сила самовнушения!

Затравленно оглянувшись, я выругалась и рванула в секретный проем вслед за Мелом.

– Ты тут? – не оглядываясь, спросил он. – Наколдуй нам свет, Стражи! А в конце коридора нужно будет отпирющее заклятие.

Я тихонько взвыла.

Так вот зачем были сладости. Многие народы, в том числе соотечественники Мелисандра, верят, что сахар повышает уровень магии в крови. Это совсем не так. Даже в случае классической ворожбы, не говоря уж о карловой⁴. Но мотив наконец-то понятен.

– Мать твою, Мел! – зашипела я, догоняя саусберийца. – Куда мы идем?!

– В Магический Арсенал города Пик Волн. Их с университетом объединяет тайный проход. Ты что, экскурсию не слушала?

– Так, ладно. – Я все еще пыталась успокоиться. В окружении пауков, мерзких личинок и сырых стенных камней это было непросто. – А зачем мы туда идем?

– Как зачем? Забрать четвертый амулет, который здесь хранится. На днях же квест обсудили.

– Вот именно! Обсудили и все, без продолжения. Информация про срочную кражу нового артефакта там явно отсутствовала, Мел! Разве что ты отстучал ее мне морской азбукой между делом, да еще и предварительно убедившись, что я смотрю в другую сторону!

– Кхм... Тинави, нам нужен нормальный свет. Эта свечка не особо-то помогает, а тут есть ловушки, – Кес весело проигнорировал упрек.

– Свечка?! Но почему ты хотя бы факел не взял?

– А как бы я его охране объяснил, интересно?

Резонно. Привыкшие к студенческим безумствам охранники и впрямь обыскали нас с головы до ног. Вот только сонный перстень не отобрали: маленький он слишком, одноразовый.

– Ты наколдуешь нам свет или нет? – нетерпеливо повторил Кес.

– Вообще-то я не умею это делать, – скромно прокашлялась я.

Мел остановился. Повернулся, не веря.

– Ты не умеешь?.. Но это ведь начальная ступень магии! Все в Шолохе умеют! Я читал!

– Где? В дешевой газетенке? Тем более у меня не та магия, что у остальных.

– Но вчера ты рассказывала, что на какой-то миссии взорвала прахов храм! Храм, Тинави! Мне нужна от тебя эта магия.

Я тихонько застонала. Язык мой – враг мой. Разрушение храма Белого огня – это, конечно, интересный эпизод, но вряд ли стоит включать его в резюме. Кто ж знал, что Мел – потенциальный работодатель?⁵

– Да с храмом была случайность!

– Так. Ладно. Ты нервничаешь, я понял. Но я в тебя верю. Главное – правильная мотивация. Даю тебе время до конца коридора, чтобы найти в этой случайности закономерность, а не то... – заявил Мел и шагнул вперед.

В ту же секунду от стены, противоположной той, вдоль которой мы шли, отделилась густая тень булавы. Привет, ловушка. Я рухнула на пол, увлекая за собой патологоанатома – спасибо тренировкам по тринапу, никакой магии не потребовалось.

Когда шипастое оружие просвистело над нами туда-сюда несколько раз и успокоилось, я рискнула выдохнуть.

Возле щеки обнаружили кожаные ботинки Кеса. На роль подушки точно не тянет. Саусбериец располагался дальше. Свечка потухла и укатилась, оставив нас в кромешной темноте.

Я обиженно стукнула ногу Кеса:

– Знаешь, Мел, я не нанималась в подмастерья ворюги. Ты обманываешь меня во второй, чтоб тебя, раз. Либо ты сейчас же объясняешь свой долбаный план до последней черточки, либо я разворачиваюсь и иду обратно, по пути сдавая тебя охране!

⁴ Классическая магия призывает бороться с унни, навязывать ей свою волю, прогибать ее согласно своим желаниям. Карлова магия жидется на принятии унни и единении.

⁵ В любом случае я нехило приврала. В версии для Мелисандры получалось, будто я разрушила храм по приказу Польши. Якобы это была продуманная ведомством операция захвата преступника, а не вышедшие из-под контроля нервы по причине того, что маньяк пытался убить моего лучшего друга.

Конечно, я блефовала.

Но из черноты снизу раздался расстроенный вздох, и Свидетель Смерти с удивительной неохотой рассказал мне суть ограбления. Стало ясно: я запомню этот день как самый жуткий день для моей совести.

Конфетки и кальсоны

*Одна из главных несправедливостей нашей работы заключается в том, что творить беззаконие обычно интереснее, чем соблюдать закон.
Мастер Саграйда Бон, глава Правого Ведомства*

В устах Мелисандра все звучало просто.

И как-то даже невинно. Что удивительно, согласитесь: ведь мы шли на ограбление Магического Арсенала. Это вам не легкий грешок типа свидания с обаятельным хулиганом, которое надо сохранить в тайне от маменьки! Хотя своими повадками и уговорами Мел очень напоминал такого хулигана.

Ситуация была следующая. Именно в Магическом Арсенале города Пик Волн хранился четвертый артефакт из шести. Этот амулет Хинхо из Дома Страждущих подарил жене, прежде чем отправиться в путешествие по Лайонассе – во второй половине жизни он внезапно стал паломником. Все таким же молчащим. Жена, в свою очередь, пожертвовала амулет в храм – вместе с горой старых вещей Хинхо.

Артефакт («безделица металлическая, украшена красным стеклом и рунами, посвящена богине Дану») пролежал на храмовом складе четыре века. Аккурат до 1575 года – тогда потомки срединников вернулись на материк и там основали собственное государство – то есть Лесное королевство, где я живу.

Жители Шэрхенмисты, покинутые своими подзадержавшимися гостями, собрали в кучу весь оставшийся от них скарб и сдали его в краеведческий музей. В том числе амулет Хинхо.

А еще век спустя «шолоховскую коллекцию» раскидали по другим учреждениям соответственно происхождению и функционалу экспонатов. Там-то и выяснилось, что «безделица» обладает слабой, но явно разрушительной магической аурой. Поэтому после экспертизы амулет отправили в Магический Арсенал.

Отсюда мы и должны были его выкрасть.

– Грош цена твоим артефактам, если за все это время шэрхен ни разу не нашли амулет полезным, – буркнула я.

– Не мне тебе объяснять, что в магии целое – это больше, чем сумма слагаемых. Соберем шесть артефактов, там и разберемся с ценой.

Мелисандр сосредоточенно ползал по глиняному полу темного коридора. Он не терял надежды отыскать потерянную свечу. Я калачиком свернулась под сырой стеной и прислушивалась: не отодвигает ли кто потайную дверь? Не скрипит ли новая ловушка?

– Почему ты не хочешь просто купить его, Кес?

– Магический Арсенал находится в управлении Военного ведомства. Они по закону не могут торговать экспонатами, даже самыми дурацкими.

– А если тайно? Подкупил стражника – и готово.

Голос Мелисандра, невидимого в темноте, наполнился презрением:

– Тинави, у меня есть честь! А ничего ниже и паскуднее взяточничества не придумаешь.

– Что, воровство лучше, что ли?

– Лучше. Так ты получаешь желаемое за свои мозги, хитрость, смелость... А не поощряешь жадность отдельных индивидов.

Я громко фыркнула и покачала головой.

Меня удивляло, как в Мелисandre уживались банальная лживость и высокие принципы, вульгарная грубость и аристократичная галантность, семейная трагедия и полнейший фарс. Не человек, а хлопущка, набитая противоречиями. Не хочу быть рядом, когда он взорвется.

– И как же мы выкрадем амулет? – вздохнула я.

– Вообще-то я рассчитывал на твою магию...

Мел подошел и сел рядом.

– Сначала я договорился с местной преступной шайкой. Но наш с ними план был очень грязным. С тобой все получится куда чище. Получилось бы. Нужно только усыпить заклинанием стражников, потом отключить систему безопасности – просто заморозить ледяным облаком. Затем вскрыть ядовитый замок на сундуке, шепнуть заклинание-противоядие – ну и бежать, по дороге отражая охранные заклинания на автоспуске.

Я потеряла дар речи. Потом неудержимо расхохоталась, закрыв лицо руками.

– Ты серьезно? Всего-то? Вот такой у тебя был план?! – Мой смех перерос в рыдания.

– Эй, ты чего? – напрягся Мел и аккуратненько отодвинулся. Смелый-то он смелый, но от сумасшедших лучше держаться подальше.

– Усыпление... Ледяное облако... Взлом... Противоядие... Отражение... А-ХА-ХА!!! Ты правда думал, что я на такое способна?

При всем желании я не могла вспомнить ни одного волшебника, кто бы одинаково хорошо владел столькими специализациями сразу. Магистр Орлин разве что? Ну нет. Точно нет. Представив бородатого старца, скачущего среди охранных заклятий, как козочка, я расфыркалась, немного истерично, но очень весело.

– Мел, ты сама наивность. Не бывает таких чародеев, чтоб все и сразу.

– А мне Кадия говорила, что в Шолохе и не такое бывает... – мрачно протянул Мелисандр.

– Кадия? Да все слова Кадии надо делить на пять, а то и на десять! Особенно если она рассказывала это тебе в уютном баре под бутылочку шаверни!

Красноречивое молчание значило, что я угадала.

– Вот прах. А я ей поверил, – разочарованно ругнулся Кес.

– Да ей все верят. Красивым девушкам сложно не верить. – Я нахмурилась. – Надеюсь, грязь вашего плана заключалась не в том, чтобы убить стражников?

Мелисандр с неохотой признал:

– Нет, просто вырубить, но... Потом прикрываться ими от заклинаний, как щитами.

– Это отвратительно.

– А вскрывать своего мертвого братишку не отвратительно?

Я возмутилась, но промолчала. Такие вещи нельзя ставить рядом. Грубое насилие над логикой, манипуляция чувствами собеседника. Да и на амплу жертвы далеко не уедешь – разве что по наклонной. Но не мне было упрекать Кеса.

Мой мозг продолжал перебирать варианты того, кто из магов способен выполнить озвученное Мелисандром техзадание... Полынь. Полынь смог бы.

Но не как чародей, а как Ходящий, с помощью запредельных умений. *Скользнул* туда, *Прыгнул* сюда, делов-то. Вместо взлома замка можно было бы *Прочитать* охранника. Подходишь к нему, заглядываешь в глаза, спрашиваешь: «А код от сундука – 4567? Или последнюю цифру сменили?» И стражник рефлекторно представляет верную комбинацию. А ты уже *считал* ее и дальше пошел. Хотя, конечно, такого эксцентричного лохматого чувака, как Полынь, охранник бы так просто не отпустил...

Эх, Мелисандр. Не меня тебе надо было с собой брать, а ту студентку-теневищу. Ей вон даже в глаза смотреть не требуется, чтобы *Читать*.

Кес между тем совсем пригорюнился.

– Знаешь, Мел. Еще раз втянешь меня в историю без моего предварительного согласия – я тебя нахрен испепелю, – жестко сказала я.

Несмотря на угрозу, он обрадовался:

– То есть ты все-таки можешь колдовать?

– Я могу колдовать, но весьма хаотично. Нельзя заранее сказать, что получится. И получится ли вообще.

– И что мы будем делать?

– Ты это устроил, ты и думай. – Я раздраженно пожала плечами.

Мы еще немного помолчали. Наконец я вздохнула:

– Ладно, раз уж я все равно здесь... Давай попробуем так... У тебя ведь остались конфетки?

* * *

Магический Арсенал города Пик Волн наполнился тишиной.

Тут и днем бывало немного народа, но после заката жизнь совсем прекращалась. Длинные сводчатые залы хранили безмолвие. Тонкий слой пыли покрывал шкафы. Отношение персонала к тайнам Арсенала было халатным, но магическая сигнализация все же тихо серебрилась по периметру комнат.

Вдалеке послышались шаги охранников, совершающих обход. Через пару минут они дойдут до зала, в котором мы вылезли из тайного хода.

Мелисандр и я кивнули друг другу: начинаем!

– И вот в семнадцатом веке правители города Пик Волн решают сконцентрировать все оружейные ценности в одном месте. Проект строительства Арсенала был препоручен архитектору...

Звучный голос Мелисандра Кеса постепенно становился громче, набирал уверенности. Я ткнула его в ребро:

– Не перебарщивай.

Шаги на секунду замерли, а потом ускорились. Дверь в наш зал распахнулась, и в проеме показалось два изумленных мужских лица.

– Вечер добрый, коллеги. – Мелисандр добавил несколько вежливых фраз на шэрхенлинге.

Один из охранников нахмурился:

– Что вы тут делаете?

У стражей была диковинная форма: обтягивающие черные комбинезоны, будто у акробатов. М-да, это очень некстати для нашего плана!

Мел прокашлялся и, подобострастно изогнувшись, затараторил:

– Я провожу экскурсию для гостей нашего города, достопочтенной Айнвилли из Дома Ищущих, королевского дома Шолоха, которая инкогнито посещает Пик Волн. Госпожа Айнвиль приехала с академическим визитом в университет, и ректор нанял меня для прогулки по наиболее значимым местам столицы...

Охранники смотрели на Мелисандра, как на умалишенного.

Но саусбериец так самозабвенно заливался соловьем, так активно размахивал украденным удостоверением экскурсовода и так уверенно вплетал в свою речь исторические факты об Арсенале, что стражи никак не могли понять, что с ним делать и в чем подвох. Я же стояла с брезгливой физиономией, достойной, как мне казалось, Дома Ищущих. Наконец я решила, что «госпоже Айнвилли» уже пора бы и утомиться.

– Мы продолжим экскурсию или нет? – Я капризно топнула ножкой, прервав Мелисандра. – Здесь так пыльно, что у меня в горле першит. Пойдемте дальше.

– А вы конфетку возьмите, госпожа Айнвиль. Уходить рано, потому что я вам еще не рассказал вот про ту комнатку – видите кованую дверь в западном углу? За ней хранится оружие, оставшееся в Пике Волн от ваших предков...

Мел продолжал триндеть. Я жеманно взяла конфетку, развернула, засунула в рот. На стражников мы перестали обращать внимание. Те недоуменно переглянулись.

Наконец один прокашлялся:

– Арсенал – объект стратегического назначения. Тут нельзя водить экскурсии.

Мелисандр обернулся и в притворном ужасе вытаращил глаза:

– Нельзя говорить «нельзя» наследникам иностранных государств... Госпожа Айнвиль, простите нас, гости вашего уровня так редки в Пике Волн...

– Ничего, – высокомерно фыркнула я.

И тотчас захрипела, схватившись за горло. Потом я повалилась на пол, щедро пуская изо рта слюни, и начала кататься туда и сюда, завывая. После особенно пронзительного взвизга я затихла, живописно раскинув по сторонам ноги. Охранники замерли.

Тягостное напряжение укутало Арсенал, как пуховое одеяло.

Мелисандр шумно сглотнул:

– Помощь! Срочно нужна помощь! – Псевдоисторик панически затряс одного из охранников. – Если госпожа Айнвиль умрет – нас повесят! Где ближайший выход?

– Никуда ты не пойдешь! – рявкнул тот, отцепляя от себя чужака. – Это твоя конфета ее отравила! Льовен, проследи, я за помощью!

И бравый боец в трико убежал, хлопнув дверью до щелчка – чтобы мы не сбежали, вестимо. По двери тотчас разлилась блестящая сеточка сигнализации. Льовен, оставшийся с нами, недобро зыркнул в сторону Мелисандра и присел возле меня на корточки.

Плохо так присел, неустойчиво, с отрывом пяток.

Тотчас мы набросились на стражника с двух сторон. Я ударила его по коленям и за плечи дернула к себе, а Мел прыгнул сверху, хватая за шею. Хорошо быть Свидетелем Смерти! Всегда точно знаешь, где у человека сонная артерия, и можешь его аккуратно «выключить».

Пока Кес возился с охранником, я уже сняла у того с пояса связку ключей и старательно подбирала подходящий к двери в каморку. Процесс был долгим, я нервничала.

У второго убежавшего охранника связки не было, так как Мелисандр стащил ее. Поэтому, даже если бы страж решил вернуться сразу, то не смог бы зайти через захлопнутую дверь. Но долго ли он будет бегать за помощью и сколько у нас времени – я не знала.

Наконец ключ подошел, и мы с Мелом ввалились в каморку.

– Вот этот. – Кес указал на небольшой сундук в углу. На сундуке была бирка: «Боевые амулеты». – Три, два, взяли!

Пошатываясь на ходу, я старалась не отставать от патологоанатома, который целеустремленно тащил сундук обратно в большой зал. Кодовый замок на крышке таинственно мерцал лиловым. Вобьешь не ту последовательность – поприветствуешь проклятье.

Мы плюхнули сундук на подоконник и распахнули окно. Холодный ночной воздух влажно, как щенок, лизнул мне нос. Три этажа вниз, а там – небольшой плац из черных булыжников, хилые игольчатые кусты и высокий забор.

– Будем надеяться, сработает... – прошептала я.

– Три этажа, детка! Точно сработает.

Саусбериец с ноги пнул сундук, и тот, скрипнув петлями, ухнул наружу.

Мы перегнулись через подоконник, с замиранием сердца наблюдая за его падением. Длилось оно недолго. Повстречавшись с мостовой, ларь жалобно всхлипнул, взвизгнул и раскололся в щепу. Сиреневое облачко спиралью взметнулось из кодового замка. Обычно в таких случаях проклятие бросается на взломщика, но тут взломщика не нашлось, поэтому облачко в нерешительности поплыло прочь по пустому двору Арсенала...

В дверь у нас за спиной заколотили.

– Льовен! Открой! – раздался голос первого охранника.

Льовен на полу слабо завозился. Мел запрыгнул на подоконник.

– Мне страшно, – пискнула я не своим голосом.

– Да мне тоже. – Патологоанатом отмахнулся.

И снял штаны.

– Что им стоило выдать охране нормальные плащи, да? Нам быгодились! А так – ходят в сутенерских комбинезончиках, позорище, – попробовал пошутить он, белея в ночи кальсонами.

Я лихорадочно перекручивала свою многострадальную летягу, как будто выжимая после стирки. Буквой «Х» сцепив получившийся жгут со штанами Кеса, я растянула в руках импровизированный канат длиной метра полтора. Негусто, но хоть что-то!

Идею я взяла из своего богатого ученического опыта... Как-то раз мы с Кадией и Дахху взобрались на крышу магистра Орлина – убегали от рассерженного вепря, на котором Дахху тренировал заклинание чистки зубов. Забраться-то мы забрались, а вот вниз спуститься не получалось: адреналина уже не было, а как в нормальном состоянии сползти по стене трехэтажного коттеджа – мы не знали. Короче, по итогам мы знатно развеселили самого магистра Орлина, сплетя из трех своих мантий такую чудесную «сосиску», что развязывать ее пришлось заклятьем.

– Удержишь? – заволновалась я, глядя, как Мел наматывает на ладонь противоположный от меня конец «каната».

– Да.

Саусбериец одной рукой и обеими ногами ухватился за оконную раму, другую руку свесил вниз. Жгут неглубокой петлей провис между нами.

– Давай! – кивнул Мел, и я с судорожным вздохом сползла с подоконника наружу, цепляясь ногами за шероховатости в стене. Наконец, ниже было некуда: я висела, как лягушка, сжимая трещащую ткань летяги. До земли все равно было слишком высоко.

– Прыгай, блин! – драматичным шепотом рявкнул Мел. Судя по крикам в здании, охранник Арсенала уже разжился подмогой, и теперь они дружно пытались деактивировать сигнализацию.

Я прыгнула. В падении я пыталась расслабиться, но куда там! Столкновение с землей было болезненным, я сгруппировалась и укатилась вбок с грацией мешка с картошкой. Потом вскочила на ноги, взъерошенная, испуганная. Вдруг я уже переломала себе все на свете, но еще не чувствую? Нет, вроде обошлось.

Я задрала голову.

Мел так же повис на руках, как и я минуту назад. У него не было этих полутора метров страховки, полученной благодаря одежде. Сочувственно шипя, я бросилась к развороченному сундуку. К счастью, в нем было не так много амулетов. Артефакт богини Дану я нашла сразу же: выхватила из груды других и крепко сжала в ладони. Сзади раздался удар. Я обернулась.

Мелисандр лежал на боку. Глаза у него были как у коровы – красивые и печальные.

– Жив?!

– Спина, – односложно ответил саусбериец и выругался. – Твой выход, волшебница.

Я прикрыла глаза. Унни, привет. Ты как там? Давно не виделись. Гармония в душе, ля-ля-ля, ручеек спокойствия, ля-ля-ля, единство со вселенной... Пожалуйста, помоги мне сейчас чуть-чуть. Ну чуть-чуть. Даже не мне, а вот этому несносному парню. Считай это благотворительностью, ладно? Дело хорошее, доброе, с тебя не убудет.

В ответ – тишина, никаких тебе теневых бликов.

Прах.

Я прикусила губу:

– Не получается. Мел, может, так дойдешь?

– Вот и доверяй после этого женщинам, – зашипел господин Кес, осторожно поднялся и, подволакивая ноги, похромал к забору.

Я прихватила жгут из одежды и поднырнула ему под руку, смиренно соглашаясь на роль костыля.

К счастью, хотя бы с оградой не пришлось мудрить и выкручиваться. Эту часть плана – удивительно! – Кес продумал, заранее расшатав несколько крупных камней в кладке. По его указанию я выбила их, мы вылезли наружу и на полусогнутых побрели прочь, тенью пробираясь меж острых скал, торчащих тут и там.

Мы держали путь в сторону порта.

Я заметила, что Мелисандр хромает все сильнее и сильнее. Лицо его побледнело.

– Так, останавливаемся! – решила я.

– Нас догонят, – неуверенно возразил он.

Но я лишь деловито затащила его под черную елочки лапы опускались до самой земли, как шалаш. В Пике Волн наступила ночь, тоскливая ночь с воскресенья на понедельник, и людей на улицах, на наше счастье, не наблюдалось.

Я осмотрела спину и ноги Кеса. Мда... Третий этаж – это только звучит несерьезно, а на самом деле можно так навернуться, что потом тысячу раз пожалеешь.

– Ты что, на всю стопу приземлялся, что ли?

– Да.

– Никогда так не делай! Позвоночник убить можно.

– Я знаю, Стражди, – гордо фыркнул он. – Я же спец по телам человеческим.

– Мертвым, ага.

– М-да, тут есть проблемка.

Где-то у нас над головой вдруг залился трелью соловей. Его пение разбудило мотыльков, которые прикорнули в трещинах елового ствола и теперь недовольно шебуршились, устраиваясь поудобнее.

Я снова воззвала к унни. Тишина.

Чувство единения с мирозданием никак не хотело приходить в столь неподходящих условиях – чужой город, Мел в подштанниках, колючая еловая хвоя под попой...

Я выдохнула, очень медленно, раз, другой, и попробовала мысленно воссоздать атмосферу Шолоха.

Светлая лесная поляна. Юный Карл, не знающий о том, что он хранитель, в красном комбинезоне, в окружении оленей (и нет, я не про нас с ребятами). Легкий запах жасмина и свежескошенной травы. Мне удастся поднять в воздух десяток книг, заранее притащенных из пещеры Дахху. Триумф! После занятия я пойду гулять с Кадией по вечерним набережным Верхнего Закатного Квартала... А наутро мы с Полюньей будем пить обжигающий кофе на подоконнике в нашем кабинете, и куратор снова будет ускользать от расспросов, не желая делиться подробностями своего расследования. И жизнь впереди – большая, длинная, полная удивительных встреч, подвигов и возможностей – лишь руку протяни...

Что-то шевельнулось внутри. Теплый блик прыгнул на изнанку века, дружелюбно запульсировал, будто пес, виляющий хвостом. Потом еще блик и еще. Я почувствовала, как тяжелеют кончики пальцев.

– Ну привет! Достучалась-таки! – В моей голове раздался веселый и мягкий голос Дахху.

На самом деле не Дахху, конечно, а энергии бытия унни, которая с какой-то радости выбрала моего друга в качестве *интерфейса*.

– Привет-привет... – улыбнулась я.

Магия начала лечение. Мелисандр облегченно выдохнул.

– Все-таки на что-то ты сгодишься, – хлопнул меня по плечу патологоанатом, когда мы продолжили свой путь к порту. Я снова нацепила любимый плащ и была в таком хорошем настроении после ворожбы, что даже не огрызнулась.

Мы поднялись на борт быстроходной шукки, которая должна была доставить нас на материк. Капитан арендованного корабля молча кивнул, увидев Кеса, и приказал команде отчаливать. Выглядел он напряженно-испуганным. Кажется, не одни мы тут нарушаем закон!

– Я спать, – зевнула я. – Разбуди меня по прибытии.

– Да это двое суток, э! Ты столько не проспишь.

– О, поверь, Мелисандр! У нас с постелью особые отношения. Чистая и бессовестная любовь. Не завидуй.

– Хм. Не завидую, но теперь хочу, чтобы ты показала мне мастер-класс!

Но я показала лишь фигу.

На глубине

Я не мечтатель, я – мечта!
Фраза, которую Мелисандр Кес повторяет себе по утрам, пока
бреется

Мне снилась какая-то мутная, несуразная дичь про то, что я – перекаати-поле и болтаюсь среди сельских дорог неведомого мира. Качусь туда, качусь сюда, и одна часть меня ликует – «свобода!», тогда как другая пугается пустоты. И вот я качусь и продолжаю катиться, пока не встречаю столб с указателями, и тогда замираю – мне хочется и не хочется – одновременно – выбрать себе путь...

Вдруг шея нестерпимо зачесалась.

– Я же просила не будить, – буркнула я, почувствовав, что рядом кто-то стоит.

– Отоспишься на том свете, – пообещали мне в ответ.

Сон улетучился, как окись балаган-травы. Моя рука, отправленная на важную миссию по чесу шеи, столкнулась там с лезвием ножа. Оно было обескураживающе острым. Я открыла глаза и увидела синеволосую шэрхен, которая ругалась с Мелисандром на пляже три дня назад.

Пиратка прижала оружие к моей нежной коже и, кажется, считала, что все в порядке. Она стояла расхлябанно, как в борделе: бедро вбок, подбородок задран, взгляд насмешливый и наглый.

– Вы кто? – проскрипела я тем мерзким голосом, что рождается в людской гортани сразу после пробуждения.

– Твоя гибель!

У этой дамочки смерть явно возглавляла топ тем для беседы. Поняв, что диалог не складывается, я попробовала отодвинуться. Кончик ножа неумолимо поплыл вслед за мной.

– Пшла на палубу, – рявкнула шэрхен.

Мне вспомнились правила поведения при захвате в заложники: мы зубрили их на первом курсе под строгим взглядом магистра Орлина. Несносный старец требовал, чтобы Кадия, Дахху и я наизусть зачитывали ему книжечку о чрезвычайных ситуациях, которая хранилась в верхнем ящике учительского секретера. Иногда я вспоминаю эти правила перед сном, одну за другой, вместо счета овец. Отлично работает.

«Не допускайте действия, которые могут спровоцировать нападающих к применению оружия и привести к человеческим жертвам», – представились мне ровные ряды печатных букв. Вот и ладненько.

Значит, пойдем на палубу.

* * *

Шепчущее море негодовало. Шквальный ветер обрывал паруса шукки, гребни волн взмывали выше бортов. Серая пена прокатывалась по качающейся палубе, с голодной жадностью набрасываясь на наши ноги. Низкое небо заваливалось то вправо, то влево и тем самым окончательно лишало душу остатков спокойствия.

Мелисандр Кес со связанными за спиной руками стоял перед длинной доской, выступающей далеко за борт, прямиком в бушующее море.

Пиратский суд... Час от часу не легче.

Синеволося шэрхен пинками проводила меня к патологоанатому. С десяток пиратов выстроились шеренгой вдоль кают. В луже из морской пены сидел связанный капитан – тот, что пустил нас на корабль. Так вот почему он нервничал! Когда мы погрузились на борт, его

шукка уже была захвачена: пираты наверняка где-то спрятались и ждали выхода корабля в открытое море.

– Что происходит?! – перекрикивая шторм, взывала я, когда оказалась подле Кеса.

– Нас будут топить! – бодро отозвался он.

Мокрые отросшие волосы налепились ему на лицо, Мел извивался и отплевывался, пытаясь улучшить обзор. Я с омерзением почувствовала, как тонкие струйки дождя добрались до самых потаенных мест моего тела... Обмякнувшая летяга на плечах стала во сто крат тяжелее.

– Но за что? – почти простонала я, пока юный пират рывками связывал мне руки за спиной.

– Это та шайка, с которой мы планировали ограбление. Они надеялись на большую добычу и теперь не могут простить мне двух вещей... Во-первых, что пошел без них; во-вторых – что взял только один амулет. Пираты считают это глупостью, несовместимой с жизнью, – продолжал бодриться Мел.

Мне было не до шуток.

Я всегда боялась шторма. Толща черной воды, жадной, беснующейся под ногами, казалась мне древним чудовищем, ненасытным в своей ненависти. Километры темноты, уходящие вертикально вниз, давящая тишина, куда не проникает свет, слепые рыбы-фонарики – все это было чуждым и до отвращения нереальным. Краем глаза увидев, как очередная волна накидывается на наш скрипящий бриг, я впервые за долгие годы обратилась с молитвой к богам...

Очень жаль, что знакомство с ними никак не повлияло на ситуацию.

Агрессивная пиратка загнала Мелисандра на доску. На середине пути саусбериец обернулся, открыл рот и крикнул что-то, но ветер подхватил его слова и выбросил за борт, как мусор. Корабль накренился, и Мелисандр беззвучно ухнул вниз, в разверстую пасть моря.

Я вскрикнула.

Времени горевать не было... Синеволосая тетка уже толкала меня: настойчиво, механически, без всех тех разговоров, которых так ждешь от истинных злодеев. Я извернулась и попробовала пнуть ее в колено, смутно надеясь на чудесное спасение. Но мах ногой на мокрой доске оказался до глупости неловким – и, поскользнувшись, я также полетела вниз.

Столкновение с водой окончательно лишило меня чувств.

* * *

Возвращение к жизни было стремительным и некомфортным.

Кто-то с силой зажал мне нос и, когда я взбрыкнула, накрыл лицо плотной железной маской. Несколько секунд я интенсивно сучила ногами, пытаясь прощупать обстановку, а потом все вдруг стало нормально. Маска перестала ощущаться, и я смогла открыть глаза.

Я лежала на больничной койке. Руки, вместо того чтобы покоиться на простынях, чуть парили над матрасом. Ноги – так же. От лица во все стороны отходили тонкие прозрачные трубки, напоминающие кошачьи усы.

– Дышите нормально, – сказал блесен, склонившийся надо мной.

Блесен! Подводный житель!

– Я что, в Рамбле?

– Да. Я переустановил вам *придонную маску*. Давление и гравитация сейчас нормализуются.

И действительно – мои безвольно зависшие руки вдруг опустились вниз, будто я на поверхности, а не глубоко в море. Я осторожно пощупала лицо. Глаза, нос и рот скрывала мягкая, прохладная на ощупь накладка. Сквозь нее все выглядело ярче, чем должно: предметы светились, будто белый цвет под ультрафиолетом, а самые темные оттенки слегка пульсировали.

Эта маска – волшебное изобретение тех безрассудных смельчаков, которые пару тысяч лет назад решили, что им надоело жить на земле, и поэтому ушли под воду. Но факты – вещь упрямая: на глубине нечем дышать, зато есть проблемы с давлением, сопротивлением, распространением звука... В общем, почти *со всем*.

Однако смельчаки были упрямыми в своей придури и очень умными, а потому изобрели хитрое устройство – маску, избавляющую от вышеперечисленных неудобств.

Сегодня мы называем подводных жителей блеснами. Есть тут, в Рамбле, и другие – рыбьеголовые, настоящие туземцы. Обе расы уживаются мирно: на праздничных открытках их всегда рисуют в обнимку.

– Вы спасли нас? – спросила я врача-блесна.

Он кивнул, не вдаваясь в подробности. Потом отошел в другой конец палаты и начал обрабатывать мои вещи... Я с любопытством следила за процессом.

В Рамбле интересно обращаются с теми предметами, которые мокнут в воде – бумажниками, книгами, одеждой и так далее. На них выпускают *сухоняши* – улиток-переростков, которые, ползая, оставляют за собой склизкий фосфоресцирующий след. Этот след – специальная мембрана, которая сохраняет предмет сухим. Или же помогает ему быстро высохнуть с минимальными потерями – как в нашем случае.

Дай улитке порезвиться на твоём вечернем платье – и можешь смело нырять в нем в бассейн, если градус вечеринки позволит.

Таких сухоняш блесны с успехом продают в сельские районы Асерина: там они очень высоко ценятся этнологами и странствующими целителями, которые, бывает, на много дней увязают в проливных дождях Туманного Нагорья...

С моей летягой сухоняша справилась быстро, а вот куртка Мелисандра заставила ее опасливо попятиться. Блесен критически посмотрел на улитку; потом взял куртку, похлопал по набитым карманам, заглянул в них, изумленно воскликнул и быстро вышел из палаты.

Тотчас двери снова распахнулись, и в помещение ворвался сам Мелиандр. С непривычки мне показалось, что на него напала медуза, которая подмяла лицо саусберийца и теперь пытается его сожрать. Громкий вопль, исторгнутый Кесом, только поддержал эту сюрреалистичную иллюзию.

Впрочем, это оказался вопль ликования.

– Мы живы, Ти! Мы живы! – буйно радовался Мел, тряся меня за плечи.

Я рассмеялась:

– Живы... Правда, я даже не успела сообразить обратного. Грохнулась в воду и обморок одновременно.

– Везучая! – завистливо выдохнул Кес, помогая мне подняться с койки. – А я еще побарахтался, поборолся за жизнь, что в условиях девятого, десятого и одиннадцатого вала было непросто... Как увидел акульки плавники рядом – все, думаю, кранты. Допрыгался. Кто твою-то смерть засвидетельствует, дурачина? Но плавники оказались фальшивыми. Их наши новые друзья присобачивают к подводным лодкам, как паруса, прикинь?

Вернулся блесен и начал педантично вводить мне какое-то лекарство под изгиб локтя. Шприц был настолько тонким, что я не почувствовала дискомфорта.

– Эх, Тинави! – продолжал радоваться Мел – теперь укол делали ему. – Как же здорово – жить! Жить на полную катушку!

Я рассеянно подняла брови, мол, и впрямь.

Мне стало как-то нехорошо...

Блесны переодели меня, и теперь длинная, в пол, перламутровая рубаша странно холодила кожу. Ее чешуйчатая ткань была как живая. Облизывала ноги прохладными язычками незнакомое материала, взбиралась вверх, стараясь потуже обтянуть шею.

Несмотря на маску, я не могла нормально дышать.

Кес еще что-то восторженно болтал, а я стала медленно оседать на пол. Удивительная ночнушка помогла приземлиться, насилу таща меня вниз. Блесен, отошедший в угол палаты, отвернулся и начал копать в каких-то склянках.

– Мел... – прохрипела я. На этом силы кончились.

– Ты что с ней сделал, гаденыш?! – возопил саусбериец, увидев, что творится.

Но потом, закатив глаза, Мелисандр и сам стал падать – как древний каменный колосс, очень прямо, медленно, лицом вверх, снося к праховой бабушке прикроватную тумбу.

Мир вокруг меня заполнился всполохами разноцветных огней. Я снова выключилась.

«Что за день! – воскликнул бы Дахху. – Ну что за день!»

* * *

Помпезный зал стал следующим куском моей разбитой мозаики под названием «сегодня». Я очнулась и обнаружила себя на троне.

Ого! Вот это поворот!

Но «живая» больничная рубаха никуда не делась. Она стискивала меня с любовной страстью и не давала шевельнуться, намертво приклеив мои руки к подлокотникам, а позвоночник – к спинке. Я только и могла, что растерянно оглядываться.

Обстановка смущала.

Мой трон стоял на сцене в небольшом театральном зале. Подводном, конечно: стеклянные стены обросли водорослями, вместо люстр – гигантские рыбы-удильщики на цепях, кулисы – водоросли, а пол отсутствует – лишь белесый песочек вздымается барханами.

Все места в театре были заняты: несколько десятков зрителей вальяжно развалились в коралловых креслах. У многих в руках были длинные трубки, пускающие жемчужные пузыри: не вполне безобидные, судя по чересчур томным лицам. Среди гостей я разглядела и блеснов, и рыбьеголовых, а в первом ряду полулежала сама подводная владычица в короне из ракушек...

Ой-ой. Это на какое шоу они все пришли? Только не говорите, что на меня!

Увидев, что я очнулась, королева выжидающе вскинула брови. Я сделала то же самое. Тогда она раздраженно закатила глаза, и тут я не рискнула повторять.

Так. Ну. Предположим.

– Приветствую, владычица! – с опаской кивнула я.

Теперь королева удовлетворенно кивнула, а потом прищелкнула пальцами. Гости плавно встали и склонились в глубоком поклоне, а из дальнего конца зала к нам выдвинулся некто в мантии с капюшоном и с грифельной доской. Его окружали рыбы, много-много рыб, похожих на мини-телохранителей.

«Капюшон» шел настолько медленно и уныло, что можно было свихнуться.

Я надеялась, что кто-нибудь по дороге даст ему пинка животворящего, но нет: рабловцев такой темп совершенно устраивал. Они продолжали стоять в поклоне, слегка покачиваясь от подводного течения, и, кажется, изредка серебристо смеялись без особой причины, а королева закинула голову назад и рассеянно разглядывала потолок.

Странно все это.

Рамбла, конечно, знаменита своей аристократичной заторможенностью и эксцентричностью, но происходящее сейчас совсем уж напоминает опиумный притон.

Когда «капюшон» наконец-то приблизился, королева что-то шепнула ему и указала на меня пальцем. Он ме-е-е-едленно повернулся. Елки-моталки. Он что, сейчас еще и к трону двинет?! В обход сцены, так же траурно?

Помогите!

Но обошлось. «Капюшон» лишь поставил доску на выдвижную треногу и начал писать. Этот стиль общения напомнил мне дело о тихом лодочнике, которым я занималась как Ловчая.

– «Приветствуем тебя в Рамбле, дочь верхнего мира».

Место на доске предсказуемо кончилось. Человек неторопливо стер написанное и приступил к следующей фразе.

– «Владычица Льянва Лои К`га Гэлдри предлагает тебе роль ночной рассказчицы».

Вот тут я совсем растерялась. Это еще что за ерунда?!

Десятки глаз смотрели на меня в ожидании.

– Спасибо, владычица Лья... Э-э. – «Капюшон» успел стереть имя королевы, а я его не запомнила. – Спасибо за предложение, и за спасение спасибо, но меня ждут на поверхности. Благодарю вас всем сердцем и прошу указать нам с другом путь на материк.

Я не стала выведывать, с какого перепугу блесны разглядели во мне рассказчицу и почему так диковато, нездорово развлекаются. Ситуация была крайне сомнительная, но мысль о долгой дискуссии посредством учебной доски угнетала.

– «От предложений Лои К`га Гэлдри не принято отказываться». – Выведенные «капюшоном» буквы прямо-таки светились укоризной.

– Просто я недостойна этой роли, поверьте. Мне жаль.

Владычица встала. Подданные с легкими стонами неудовольствия тоже опять поднялись.

Человек в капюшоне начал ожесточенно стирать с доски написанное, но королева остановила его жестом.

Она хрипло обратилась напрямую ко мне:

– Вы были на лодке с пиратами. Значит, вы преступники. Преступникам – наказание. Но нынче Рамбла милосердна... Поэтому вы будете гостями. Вам будет комфортно. Плата – ночные истории о жизни верхнего мира.

Я возразила:

– То, что мы были на лодке с пиратами, означает как раз-таки, что мы жертвы!

– Вещи твоего друга говорят об обратном. Фальшивые удостоверения. Магическое оружие. Дамские – краденые? – амулеты. Признак нечистой совести. Ты с ним.

– А как насчет презумпции невинности?

– В бездну презумпцию! – сонно отмахнулась королева.

М-да. А мы с Мелисандром на днях еще нашу политику осуждали...

Меж тем владычица стукнула о песок серебристым жезлом с сияющим наконечником.

– Идея с рассказчицей гуманна и справедлива, – поведала она. – Жаль, что ты не ценишь, чужачка... Тогда поступим иначе.

Несколько рыбьеголовых внесли в тронный зал клетку с Мелисандром Кесом. Саусбе-риец двумя руками вцепился в прутья и клял «этих дохлых селедок» на чем свет стоит.

– Мы ждем историю. – Владычица подняла подбородок. – А скаты ждут дозволения...

Вышеупомянутые обитатели глубин, облепившие клетку изнутри, неожиданно напрыгнули на Мелисандра. Блестящие разряды тока саданули историка по плечам. Мел зашипел, как масло на раскаленной сковороде. Вельможи заахали от удовольствия.

– Хей, полегче! – Сказать, что я была в шоке от этих психов, – ничего не сказать. – Будет вам история. Не знаю только, зачем...

– Хочется, – объяснила королева.

И действительно: чем не серьезная причина.

Вдруг легкое изменение подводного течения сдернуло капюшон с головы человека, писавшего на доске.

Ох! Не зря во мне всколыхнулись воспоминания!

Ибо подле морской владычицы стоял Ол`эн Шлэйла, тихий лодочник. Ни блесен, ни рыбьеголовый, серединка на половинку. По его собственным словам – рыбий хозяин. Перехватив мой взгляд, он отвернулся.

Ол`эн Шлэйла... Я вспомнила нашу встречу. Мы с Кадией должны были уладить конфликт между Шлэйлой и рыбаками-тилирийцами. Казалось, мы все сделали правильно, но... потом тилирийцы подожгли дом Шлэйлы. Видимо, тогда он и вернулся в Рамблу.

Я мрачно уточнила:

– О чем вам рассказать?

– О чем угодно. – Императрица склонила голову набок. Все ее подданные мгновенно сделали то же самое. Зеркалят, подхалимы.

И тогда я просто пересказала им дело о тихом лодочнике. Ну как – просто.

Превратила в сказку: перевела все в третье лицо, добавила красок. Представила себя рыцарем-паладином. Заменяла рыбьеголового на птичьеголового – живут же на западных островах люди с головами воронов.

Человек-птица в моей истории пытался понять, о чем поют небеса над Шолохом – так же, как настоящий Ол`эн пытался выяснить, о чем шепчет речное дно. Человек-птица узнал, что кто-то во вселенной допустил страшную ошибку и теперь мироздание рушится... Он напутствовал паладина, чтобы тот разобрался в происходящем.

Наша реальная история тут бесславно заканчивалась, но в вымышленной я продолжала.

Я рассказала о том, как паладин раскопал своим двуручным мечом все необходимые секреты. А потом направил «ошибившегося» на войну со злом – и война эта идет прямо сейчас, втайне от непосвященных. По страшному секрету я поведала, что паладин хочет рассказать человеку-птице о происходящем, но не может! Потому что его похитили глупые раскормленные голуби, которые клюют его прямо в маковку своими недалекими требованиями.

Однако, возможно, в следующей серии человек-птица спасет паладина? Тогда он узнает немало всякого интересного.

Тут я мстительно замолчала.

– И что, дочь верхнего мира? – Владычица обиженно надула губы. – Это конец?

– Пока да.

– Плохая из тебя рассказчица.

– Что же вы хотите от преступницы! Мой скудный ум не может с ходу придумать что-то получше, увы. Надо будет как следует поразмышлять в тишине.

Ол`эн Шлэйла смотрел на меня во все глаза. Стая рыб вокруг него в волнении трепыхала хвостами.

Сказка ложь, да в ней намек. К счастью, мой намек дошел до цели.

– Ну ладно, – зевнула подводная императрица. – Пока получается плохо, но завтра продолжишь. Еще раз оборвешь историю – несдобровать твоему другу.

Она томно махнула рукой, и клетку с ругающимся Мелисандром утащили куда-то вбок. На груди Мела я мельком заметила все четыре артефакта. Ну хоть какие-то плюсы – не отобрали наш трофей.

Перламутровая ночнушка наконец-то позволила мне пошевелиться. Более того, неугомонная одежда стала настойчиво подталкивать меня к выходу из зала, заставляя кланяться вельможам по дороге. Изысканные поклоны не мешали мне, впрочем, корчить им зверские рожи.

Длинными коридорами живая одежда увела меня в маленькую комнатку и там бросила на кровать, как тряпичную куклу.

Ох.

Дикая охота

*Над Шепчуцим морем глубокая ночь, И старец в усталой лодчонке
уснул, Сомненья и страхи откинуты прочь, Как будто Небесный
Проказник слизнул. О бортики хлещет волна за волной, Но сон старика
безмятежен и тих. Не знает, что прямо под ним, под водой, Королевской
охоты бушует прилив...*

Старинная песня

Я долго пыталась уснуть. Получалось плохо. Спать на спине я не умею, а волшебная ночнушка не позволяла выбрать другую позу.

В итоге до рассвета я просто валялась и костерила подводное царство на чем свет стоит. Я прошлась по каждой рыбешке, по каждой водоросли в Рамбле... Естественно, и себя не оставила без внимания.

Прахова кошелка! Ядрена мандаринка! Ну кто тебя, Тинави, просил связываться с этим дурацким Мелисандром?

Есть же люди – чуешь за версту, что у них любимые духи – «Пахнет Керосином». И все равно почему-то идешь, привороженный ароматом необычного... Зачем нам это? Почему в нас нет какого-то мудрого предохранителя, не дающего сделать неверный выбор?

Или неверных выборов в принципе не существует? Любая ситуация, с точки зрения все-ленной, имеет равное количество достоинств и недостатков – смотря какую позицию займешь?

Единственным слушателем моих скорбных псевдофилософских стонов была мраморная скульптура драконихи.

На то, что это именно девочка-дракон, недвусмысленно намекал венец на чешуйчатой ящериной башке. У драконов, знаете ли, матриархат. Вернее, был матриархат. Пока последняя королева не умерла, а новой почему-то не оказалось. Вообще ни одной самочки не нашлось, чтобы занять трон.

С тех пор драконы спят беспробудно... Как будто чего-то ждут. Или просто не хотят жить без своей королевы.

Дверная ручка в мою комнату медленно повернулась. Тихо тренькнуло – это звякнули бутылочные стекляшки, те, что у блесен играют роль звонка.

Ночная рубашка, прибившая меня к кровати, заинтересовалась происходящим. Она дернулась вверх, как разбуженная овчарка, и я с невольным любопытством привстала на локтях.

На пороге стоял Ол'эн Шлэйла. Прежде чем закрыть за собой дверь, тихий лодочник привычно подождал, пока внутрь проскользнет его рыба гвардия.

«Здравствуй, Тинави», – накорябал он на доске.

– Привет, Ол'эн.

Он замялся перед следующей фразой:

«А ты... расскажешь мне историю?»

– Да. – Я усмехнулась. Слишком уж это было похоже на приход грустного сынишки к маме поздно вечером: «Мам, а можно сказку на ночь?»

– Моя история про богов-хранителей, Ол'эн. Тебе понравится. – Я подмигнула лодочнику.

Он молитвенно коснулся пальцами лба. Щель, заменявшая ему рот, улыбочиво выгнулась на крупном, нечеловеческом подбородке. Рыбье лицо, казалось, не было предназначено для таких эмоций. Оно было тугим и неподвижным, как резиновая маска.

Ол'эн присел в ракушечное кресло, и я рассказала ему все.

Про то, как хранитель Карланон по ошибке выпустил Зверя, когда искал Отца; про то, как Зверь ранил Карланона, и Карланон сбежал в Шолох, а по дороге потерял память. Про

то, как я сама невольно стала мастером по возвращению воспоминаний. И что мы с Карлом, принцем Лиссаем и хранительницей Авеной поучаствовали в битве против Зверя. А потом нас разметало, как листву по осени: нас с Карлом – в Шэрхенмисту, Лиссая с Авеной – не пойми куда... И теперь мой друг-хранитель мечется по Вселенной, оценивая нанесенный Зверем ущерб, латая раненое Междумирье и выискивая врага.

Ол'эн выслушал историю, задумчиво покивал. Потом восхищенно накорябал на доске:

«А ты видела Авену, да?»

Точно. Они же, жители Рамблы, просто *сохнут* по этой хранительнице. Ведь у каждого из богов есть своя фишка. Так, Теннет, он же шолоховский маньяк, был пророком и повелителем времени, пока не потерял магию и совесть заодно. Карланон специализируется на защитных чарах и целительстве. Рэндом – мастер телепатии. Авена – божественная судия и воительница, которая в какой-то нелегкий этап своей биографии передвигалась по небу на рыбе. Как раз эта несчастная рыба заставляет всех в Рамбле болеть за белокурую богиню, как за свою.

– Да, я видела Авену! Она шикарная.

Тихий лодочник блаженно улыбнулся и вновь прижал пальцы ко лбу.

Я перевела тему:

– Ол'эн, почему ты вернулся в Рамблу? Из-за склочных тилирийцев? Прости, что я не проследила...

Полумесiac улыбки сполз с лица Шлэйлы. Он обернулся на своих рыб: рыбы нервно мельтешили вокруг драконьей скульптуры.

Лодочник вздохнул. Писчее перо запрыгало в руках Шлэйлы.

«Нет. Просто когда мир падет, я хочу быть рядом со своей семьей».

– Мир не падет, ты чего!

Кажется, я переборщила с описанием Зверя и его приспешников.

«Но дно все еще боится. Боится даже сильнее, чем раньше. Знать вдыхает толченые жемчуга, чтобы забыться, но кошмар не уходит от сладостной дымки, лишь набирает силу. Рамбла сейчас сонная и беспощадная из-за страха».

Что ж, не зря театральные зрители показались мне странными.

– Но почему вы боитесь? Я же говорю – Карл вернулся к своим обязанностям.

Шлэйла опустил взгляд.

«Врата открыты, – написал он. – Нет гарантии безопасности».

– Ол'эн, давай не будем пессимистами. В жизни вообще никогда нет гарантии безопасности – такой, чтоб сто процентов. В любой момент все может пойти прахом, но думать об этом – себе дороже. Надо просто жить. И вообще – Карл справится. Поверь мне.

Шлэйла будто прислушался к чему-то. Потом покачал головой. Упрямо, неверяще.

– «Ты плыла домой?» – наконец спросил он.

– Да. Мы с другом направлялись в Шолох. Мы не воры, Ол'эн. Точнее... – Я замаялась.

Вообще-то именно ворами мы и были, но я все никак не могла привыкнуть к тому, что такое плохое слово может иметь отношение ко мне. Ко мне! Я ведь положительный персонаж. Разве это не очевидно?

«Неважно. – Ол'эн устало прикрыл глаза. – Ты должна быть со своим народом, как я – со своим. Мы утешим их в конце, если Авена, сиятельная богиня, краса мира и т. д. и т. п., не справится со Зверем».

– Авена и Карл, ты хотел сказать?

В ответ на мой упрек Шлэйла невозмутимо подчеркнул слова «и т. д. и т. п.».

Потом подошел и неожиданно вложил мне в руку значок Ловчей. Пока я радовалась вещице, рыбьеголовый двумя пальцами взялся за подол моей серебристой рубахи и что-то шепнул. Ткань затрепетала, сначала слабо, потом сильнее. Через несколько секунд она билась в конвульсиях, как выброшенная на берег плотвичка. Я почувствовала, что меня больше ничего

не держит. Снова свобода! Классическое женское нытье про власть, которую над нами имеют шмотки, теперь обросло для меня новым значением.

«Я покажу выход. Только тихо. Нас не должны увидеть, иначе мне конец», – наспех нако-
рябал Ол'эн Шлэйла.

– Мелисандр должен пойти с нами.

«Он тоже знаком с богами?» – Рыбий хозяин глянул на меня с подозрением.

Я замешкалась. Мне ужасно захотелось соврать: дескать, да, знаком, вытаскивай его скорее, религиозный ты фанатик! Но пока я решалась на эту ложь во спасение, моя эмоциональная физиономия, судя по всему, успела отразить сомнение.

«Тогда он вместо тебя останется на роли ночного рассказчика».

– Ну уж нет! – запротестовала я. – Мы уйдем вместе. Не оставлю я друга в вашем сбрендившем государстве!

«Но это справедливо. Он преступник, он должен расплати...» – Я не дала Шлэйле дописать, сердито выхватив перо из его рук.

Потом заглянула ему в глаза своим Убеждающим и Подкупающим Взглядом. (Обычно после него мне отказываются сделать даже стандартную скидку в кофейнях, но надо же тренироваться, коли жаждешь мастерства.)

– Ол'эн! Раз ты боишься, что мир падет, разве не стоит пустить к семье и Мелисандра тоже? Будь милосерден. Ведь Рамбла милосердна. Пожалуйста, помоги и ему тоже. Поможешь?

Метис заволновался, испуганно замотал головой.

Его руки были удивительно теплыми для холоднокровного существа. А глаза – такими грустными, что мне вдруг захотелось плакать. Я заметила, что несколько крупных чешуек на правом веке Ол'эна смялись, сам глаз потускнел. Рыбий аналог бельма? Не удержавшись, я мысленно позвала на помощь унни и коснулась века. Как ни странно, на сей раз теньевые блики с готовностью заплескались и сила потекла сквозь меня.

Шлэйла ахнул. Пощупал свежую чешую, обалдело моргнул почерневшим глазом и вдруг поклонился. Так как перо все еще было у меня, он не смог ничего написать.

Зато рыбы, столбом вьющиеся подле него, вдруг, как в цирке, засуетились, перестроились и сложились в одно слово: «Помогу».

* * *

Ол'эн, рыбы и я долго блуждали по тихим тропам Рамблы.

Меня завораживал этот подводный мир. Плавно, все вокруг было так плавно...

Улицы пустовали. Только стайки неоновых медуз мерцали и переливались под стеклянным куполом квартала. По обочинам колыхались заросли актиний, а над головой у нас волшебным образом рассеивались столбы света, тщетно пытавшиеся пробить толщу воды.

Никто, кроме спящих скатов, не охранял клетку с Мелисандром. Увидев меня, Кес хотел было издать радостный вопль, но указательный палец возле губ стал ему предостережением.

Клетку с пленником поместили во внутреннем дворике подводного дворца. Ростры затонувших кораблей стояли здесь на постаментах, как скульптуры, и их гордые лица, казалось, искажены ужасом, а не былым триумфом первооткрывателей. Мелкий песочек пестрел ракушками, а скамьи для гуляющих затаили тина.

Мелисандр не скучал: прямо перед его клеткой высились информационные стенды с вариантами прогулочных маршрутов по Рамбле, которые он с удовольствием изучал. В обычное время в подводное царство легко пускали туристов. Даже мы с Кадией и Дахху подумывали провести здесь неделю-другую в августе: играть в подводный тринап, лежать на Пляжах У Бездны, ходить в пузырьковые бани подводных гейзеров...

Однако сейчас Рамбла пустовала и казалась до крайности недружелюбной. Все подводное королевство болезненно замерло и закрылось от страха, будто устрица – так объяснил мне Шлэйла.

– Это Ол`эн, – я представила лодочника Мелисандру. – Он поможет нам сбежать. Пожалуйста, следуй его указаниям.

– Будет сделано. Ол`эн, приветствую! – воссиял Мелиандр, когда Шлэйла, поклонившись, начал отпирать замок. – А что у нас в программе побега? Взорвем пару тюрем напоследок? Сорвем поцелуй с уст королевы?

Шлэйла глянул на меня с ужасом, мол, что за друг у тебя такой? Нас ждут неприятности?

– Нет, Мел, мы просто *тихонько уйдем*. – Я перебила мечтания саусберийца.

– Ну-ну. Значит, нормального плана нет?

– Так это и есть нормальный!

– Ну-ну, – еще раз повторил Кес до крайности неодобрительно.

Теперь мы втроем двинули прочь. Сначала шел Ол`эн, потом его рыбы, потом, осторожничая, по стеночке кралась я. Мелиандр замыкал шествие, сообщив, что лучше он будет всю дорогу любоваться моей задницей, чем я его. Периодически он восторгался окрестностями и выпавшими на нашу долю приключениями, а также радостно вещал о том, что успел прочитать о Рамбле на стендах.

В конце концов я перестала слушать. Мы шли уже очень долго, когда я поняла, что за спиной стало подозрительно тихо.

– Ол`эн! Мелиандр пропал! – окликнула я нашего провожатого.

Снова упакованный в свой треугольный капюшон, Шлэйла обернулся и горестно охнул. Рыбы Шлэйлы вытянулись длинной стрелой и устремились в темный арочный проем сзади.

«Зря я решил вам помочь», – написал Ол`эн, пока мы ждали, и посмотрел на меня с таким укором, что мне захотелось провалиться сквозь дно.

...И ведь не возразишь.

Вдруг Шлэйла замер, прислушиваясь, а потом зажал ладонью рот, испуганно вытаращил глаза и широко, страшно замахал руками, разворачиваясь и показывая, чтобы я бежала за ним.

Раздался звук далекого рога. Вода подхватила его, отбросила на стеклянный купол дворцового квартала, усилила и исказила. От вибрирующих незнакомых нот по спине побежали мурашки.

Прахова, прахова Рамбла.

Спотыкаясь, я неслась за Шлэйлой, который показывал какие-то рекордные скорости бега под водой. Темный плащ лодочника развевался за ним, напоминая чернила осьминога, и удаляющейся тревожной кляксой не давал мне сбиться с пути. Вода мутнела. Не выдержав и обернувшись, я увидела, что из-за поворота появился табун эх-ушкье. Это из-за него воду заволокло так, что ни одна маска не спасет твои легкие.

Вот это попали!

Суслик, кобылка Кадии, всего лишь на четверть морская лошадь – и то вселяет такой страх, что ночью мимо пройти поостережешься. А уж настоящие эх-ушкье – истинная беда. Они предоставляют жертве широкий спектр возможностей: быть разорванным острыми зубами, затоптанным стальными копытами, удушенным из-за филигранно высчитанной хватки премоляров... Сказки гласят, что эх-ушкье могут одним метким ударом выбить человеческое сердце – это четвертая опция, для гурманов. Но будь я проклята, если меня радует подобное разнообразие.

От табуна отделился, выдвигаясь на корпус, один конь. Он был еще чернее, чем собратья, еще крупнее. Я споткнулась, заглядевшись, и упала на колени. И без того небольшая фора исчезла.

«Что ж, – с горькой усмешкой подумала я, – видимо, меня ждет смертельное меню номер два...»

Умирать – так с честью.

Не помню, кто и когда вбил в меня этот простой завет. Было ли то в школе, когда мы всем классом анализировали рыцарские кодексы на уроках хорошего тона? Или еще раньше, в глубоком детстве? Неужели что-то такое лейтмотивом звучало в маминых колыбельных, которые она, позевывая после суматошного дня при дворе, нежным голосом пела мне перед сном? Может, мы говорили об этом с Кадией и Дахху на предзакатных пикниках у Камня Мановений? Или Полынь – не говорил, нет, – но думал о чем-то таком, вступая за меня перед Ходящими, и думал так громко, так отчаянно, что я подслушала ненароком?

Не поднимаясь – на это не оставалось времени, – я развернулась, чтобы достойно встретить смерть от табуна эх-ушкье.

Водяные кони были огромными. До меня им оставался прыжок или два, и они полностью заслоняли далекий свет размытого акварелью солнца.

Кто-то сидел на вырвавшемся вперед жожаке. Когда я малодушно зажмурилась, ибо копыта были прямо надо мной, этот кто-то силком схватил меня за шкуру и закинул на эх-ушкье.

– Классная лошадка, да?! – возопил Мелисандр, оборачиваясь.

Бултыхаясь на галопирующем коне лицом в седло, вцепившись в упряжь что есть сил, чтобы не слететь обратно, я не могла ему ответить. А хотелось.

Наконец мне удалось обрести если не равновесие, то хотя бы стабильность.

– Остановись! Я хочу сесть! – заорала я. Кожаное седло, к которому я все еще прижималась, сильно глушило эти панические вопли.

– Не слышу-у-у-у! – беззаботно отозвался Мел, подхлестывая эх-ушкье. И вновь затрубил в устрашающе длинный изогнутый рог, который успел где-то раздобыть. Там же, где и коня, видимо...

Еще немного доморощенной акробатики, и я, едва не визжа от ужаса, все-таки умудрилась принять сидячее положение.

Мы так и неслись во главе табуна, стремительно удаляясь от центра Рамблы. Аккуратные домики блесен становились ниже, потом – реже, потом и вовсе перестали попадаться.

– Где Ол`эн?! – рывкнула я на ухо Мелисандру, сидящему передо мной. Сжав саусберийца руками что есть силы, я чувствовала, как быстро и, казалось, ликующе бьется сердце патологоанатома в этой скачке.

– Не знаю! Кого это заботит!

– Это меня заботит! Возвращаемся за ним!

– Чокнулась?!

Мелисандр с силой дернул поводья на себя. Я подумала, что он хочет остановить красногоглавого жожака эх-ушкье и, спешившись, высказать мне свое фи. Наверное, Мел так и планировал – судя по удивленному возгласу, вырвавшемуся из его груди.

Но эх-ушкье на то и водяные лошадки, а не донные. Вместо того чтобы затормозить, наш конь продолжил скакать. Но уже не вперед, а вверх, каким-то волшебным образом отталкиваясь копытами от пустоты.

– А-А-А-А-А!!! – хором заорали мы.

И вскоре вынырнули на поверхность. Море вокруг белело гребешками, сияло под утренним солнцем. Мелисандр сразу же сорвал с лица липкую кислородную маску, что означало одно: вновь нырнуть мы не сможем.

– Прах... – пробормотала я.

Табун эх-ушкье торжествующе заржал, приветствуя день, и, лавируя меж волн, продолжил свою бешеную скачку.

* * *

Вдали появился материковый берег.

Поняв, что дело сделано, мы с Мелисандром неловко свалились со спины эх-ушкье – другого способа спешиться в море придумать не удалось.

Остальные кони уже умчались кто куда, но наш продолжал слушаться Мелисандра и, пусть неохотно, скакал вперед. Теперь, обретя свободу, водяной конь развернулся и мощными прыжками рванул обратно в синее июньское море.

Мы выбрались на пляж и долго лежали, отплеываясь от соли и водорослей. Всяческая флора во рту оказалась побочным эффектом аттракциона «покатушки с эх-ушкье». Хорошо, хоть не фауна!

– Ну что, еще немного отдохнем, и вперед? Глянем, что там в Шолохе, и – за оставшимися артефактами? – жизнерадостно предложил Кес.

Удивительно, но за то время, что мы были знакомы, он очень похорошел. Мелисандр с самого начала был весьма видным мужчиной, но сейчас он стал почти до неприличия привлекательным – осанка идеальная, кожа под завязку набрала бронзового загара, волосы будто специально уложены. Он сиял, натурально сиял. И вновь этот бешеный блеск в глазах – такой, что даже опасно смотреть на них долго.

С чего бы это?

Я с надеждой уставилась в лужицу в песке, натекшую с моей рубахи. Может, я тоже преобразилась? Но нет: черты лица острее, чем были, глаза холодные, настороженные, под ними – синие тени, в тон радужной оболочки. Я с обидой шлепнула лужу, и та резво смылась в песок.

Мы позагорали еще немного перед тем, как я все-таки решила объявить о своем новом решении.

– Мелисандр, боюсь, здесь наши пути разойдутся, – вздохнула я.

Он, сосредоточенно вычищавший песок из ботинка, замер.

– С чего бы это?

– Я так больше не могу.

Кес посмотрел на меня как на предательницу:

– Ты шутишь? Или мстишь?

Я прикусила губу. Он с жаром продолжил:

– Мы с тобой отличная команда, Стражди! И арсенал ограбили, и от пиратов спаслись, и в Рамбле шухера навели такого, что они надолго запомнят. Кстати, ты ведь поняла, что я сделал, да? Я на стенде увидел, где конюшня у этой дамочки, владычицы, и сиганул туда, когда мы мимо проходили. Блесны сейчас в таком состоянии, что даже стойла не запирают! Только и было заботы – успеть эх-ушкье на спину запрыгнуть, пока он мне хребет не переломил. Но я специально выбрал королевского: на стенде писали, что он самый нежный, покладистый, чтобы даже эта экзальтированная селедка могла с ним управиться. А вообще скачки на этом табуне называются «дикой охотой», это большой подводный праздник, и...

– Мел...

Он замолчал.

– Это для тебя случившееся – удивительные приключения. Для меня – нет. – Я покачала головой. – Ты радуешься новой игрушке-амулету, а я вижу пожилую женщину на холодном университетском полу. Ты потешаешься над пиратами, которым не удалось нас утопить как следует, а я помню, как стояла тогда на доске и думала: главный закон Вселенной в том, что каждый получит по заслугам. Мы с тобой стали ворами: я знала это, я ждала наказания, и оно поспешило прийти.

– Ну так не ждала бы! – обиделся Кес.

Он запустил руку внутрь ботинка, вытащил оттуда едва пискнувшего рачка и гневно зашвырнул его далеко в море.

Я поджала губы.

– Дальше – Рамбла. Не мне осуждать этих, как ты выразился, селедок, но Ол`эн Шлэйла... Ол`эн согласился помочь нам, хотя считал это неправильным. Мы втянули его в наше спасение – а потом бросили неизвестно где. «Кого это заботит?» – сказал ты. Меня, Мелисандр, меня это заботит! Вдруг его растоптали эх-ушкье? Вдруг его накажут? Я не могу вот так швыряться людьми, подставлять их, использовать! Это неправильно!

– Ах, вот как? – Мел высоко вскинул брови. – А тебе не кажется, моралистка, что как раз это ты сейчас и делаешь – используешь человека? Меня, в частности? Ах, Мел, помоги; ах, Мел, мне на материк надо; ой-ой, не хочу слушать про своих предков, лучше покорми меня, напои меня, лодочку добудь! И вот, стоило нам ступить на берег, как до свидания. Да еще и с таким гонором, что слов не хватает!

– Да потому что ты опять не посвятил меня в свои дурацкие планы! Ты что-то там себе придумываешь на грани самоубийства, а потом ставишь меня перед фактом – тебе и в голову не приходит, что я могу быть против! А я *против*, прах побери! Категорически!

– Ага, вот только всякий раз после у тебя до одури счастливая физиономия! – заорал Мел. – Сдирай уже свою пеплову маску, Тинави! Имей смелость признать, что тебе все это нравится, просто ты боишься, потому что, дескать, это расходится с общепринятой моралью!

– Нравится?! Не путай меня и себя!

– Я-то как раз не боюсь!

– А стоило бы! – рявкнула я. – Очень тонкая грань между авантюристом и жуликом! Если она вообще есть, в чем лично я сомневаюсь! Как ты мог так скатиться, а? Из патологоанатома в уголовники?

Мелисандр замер, подавившись новой репликой. Лицо его помрачнело. Он рывком натянул на ногу ботинок, поднялся и, приставив ладонь ко лбу, начал молча изучать море.

Прах... Кажется, я ударила по больному.

Мне стало стыдно и больно. Какое-то время я сидела на песке, потом тоже встала. Еще шагжок поближе. И еще.

– Возможно, ты в чем-то права, – глухо сказал Мелисандр. – Но лишь в чем-то, не вздумай сейчас возгордиться. Амулеты я не оставлю. Вот тресну, но соберу их: почему-то я чувствую, что это важно.

Небо как было безоблачным, так и осталось, а наша буря, кажется, пошла на спад.

– Ты тоже кое в чем прав, – буркнула я. – Иногда мне действительно нравится авантюриничать под настроение. Улыбаюсь, и все тут, не могу стереть улыбку. Однако это будто слегка против разума.

– Тогда отправь разум в отставку и отдайся адреналину, – фыркнул Мел.

– Ты какой-то деструктивный, ты в курсе?

– Отчего же? Я верю, что своя счастливая рожа в зеркале – неплохой ориентир при сложном выборе.

– Да, но это ты не видел мою рожу, когда я сижу на веранде «Воздушной гавани» со своим любимым слоистым кофе. – Я усмехнулась. – Вот там – истинное блаженство! Кажется, я начинаю проникаться твоей старой философией «счастья в мелочах» – помнишь, ты меня к ней склонял на нашей первой встрече?

– О! – Саусбериец разулыбался. – Ну тогда ладно, беги, куда хочешь, Ловчая. Моей последовательнице – моей *первой* последовательнице, прах побери, – можно все. Даже обижать меня – грустного, одинокого, никому не нужного Мелисандра Кеса...

На «грустного и одинокого» этот загорелый белозубый счастливчик был похож меньше всего на свете, но я все равно смутилась.

– Спорим, ты будешь скучать по мне? – подмигнул историк.

Видимо, едва натянутые ботинки все-таки не устроили его нежные ноженьки. Он снова расшнуровал обувь и теперь лихо перекинул пару через плечо, как иные бродяги – тюк с провизией.

– Буду, – признала я.

– Обнимемся на прощанье?

– В другой раз, мне и так мокро. – Я фыркнула. Он разочарованно цокнул языком. – Что ж, собери эти дурацкие артефакты, Кес. Возможно, овчинка и впрямь стоит выделки.

– Когда судьба сведет нас в следующий раз, ты узнаешь меня по имени... – мечтательно протянул он.

– Что, опять Кадий Мчун?

– Нет. Теперь – Тинав Стражди.

– О боги...

Мы рассмеялись. Потом это двухметровое чудовище все-таки заключило меня в объятия и, взъерошив волосы, пинком отправило в сторону Смахового леса.

За спиной у меня долго еще слышалось мелодичное посвистывание Мелисандра Кеса, саусберийца, псевдоисторика, ужасного планировщика преступлений и смелого наездника красноглазых эх-ушкье...

Часть II

Бокки- под-курганом

Господа добровольцы!

Стоит мне сказать: «Как все здорово складывается!» – и тотчас неприятности сыплются одна за другой. Судьба равняет благополучие со скукой.

Дайен из Дома Плещущих, придворный церемониймейстер

Шолох. Наконец-то!

Путь от побережья к столице занял немало времени. По дороге я вертела головой как сумасшедшая: не могла налюбоваться.

Я шла широким лесным трактом, и солнце било мне в спину, прошивая насквозь. Против его желтых, как цыплячья шейка, лучей летели пух и пчелы; пчелы и пух... Ровное жужжание набухающего лета, белая легкость неторопливых тополей.

Цветущие пролески встречали меня урчанием лягушек, заросли орешника – клекотом расторгуй-птицы. Я поглаживала мшистые дубы и подмигивала своему оголтелому отражению в лужах, оставшихся после ночного дождя. Лес дышал, как парник, утопая в одуряющем запахе свежей листвы.

«Небо голубое, – подумала я. – Небо голубое, это ведь и вправду *мое место*».

На душе было так легко, что, когда под вечер мне встретилась одинокая избушка травницы, я смело свернула к ней. Улыбчивая старушка действительно оказалась знахаркой, а не сумасшедшим лесным убийцей, мятежной Ходящей или оборотнем. Даже удивительно! Травница сочувственно выслушала историю про кораблекрушение, приютила меня и накормила. В волнении я спрашивала про столичные новости... Но старушку не интересовал мир вне ее огорода. Святая простота.

Зато она подарила мне старую драную куртку: в подводной ночнушке было холодно, пусть и лето за окном. Я приняла подарок со слезами на глазах – от куртки жутко воняло луком. Это холщовое недоразумение мы сняли с пугала: и пугало, скажу я вам, сопротивлялось со всей мощностью остаточной бытовой магии.

Другой причиной для слез были воспоминания о летяге: мой любимый плащ остался в Рамбле. Наверное, глупо оплакивать одежду. Скажешь кому – застыдят. И все же сердце щемило: столько лет мы провели вместе! Утешало лишь то, что летяга как следует нагулялась, прежде чем кануть на дне морском.

Зато перламутровый балахон из Рамблы ожил. Как оказалось, заклинание Ол`эна Шлэйлы не расколдовало рубаху, а лишь временно ее усыпило. Когда шелковые чешуйки зашевелились, я запаниковала.

Что, опять удушение, акт второй?!

Но вне родных пенатов ночнушка была далеко не такой дерзкой. Она только тихо колыхалась и переливалась под солнцем, поводя чешуйками туда и сюда. То-то же! Я рада, что кто-то научил ее незамысловатому правилу: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

* * *

Следующий день был в разгаре, когда я наткнулась на столичную дорогу.

Как водится, она возникла будто из ниоткуда. Раз – и передо мной указатель: «Аллея Радужных Осколков. Добро пожаловать в Шолох!» И галечная тропинка убегает вперед.

Вскоре появились заборы, увитые лимонником и глицинией. На обочинах затрепыхались бабочки. Уютные перебранки шолоховцев слышались из распахнутых – по случаю хорошей погоды – окон.

Я с наслаждением вдохнула пряный воздух любимого города. Эстет различил бы в нем нотки древесины (приличные такие нотки), намек на речные водоросли, сладковатые ароматы сирени и грибное послевкусие. Пессимист наверняка учуял бы коровьи лепешки. Романтик – феромоны, беспощадно атакующие студентов.

Я же чувствовала преимущественно запах жасмина, хотя, подозреваю, тому виной не Шолох, а Карлова магия, бурлящая в моей крови.

И еще немного отдавало мокрой землей и червяками. Но это, думаю, нервное: исподволь я боялась, что на меня снова бросятся Ходящие, а потому кралась по улицам на мысочках, отчаянно стараясь сойти за придорожный куст.

Однако, когда за очередным поворотом мне открылся уютный ресторанчик «Поцелуй фортуны», я отринула страхи.

У ресторанчика была веранда подле водяной мельницы. Широкое мельничное колесо крутилось медленно и величаво; в поднимаемой им пене поблескивала радуга. Цветные рыбешки плескались в реке. Деревянная табличка у входа гласила: «Драконы никогда не пробовали наш кофе – теперь они вообще не могут проснуться. Не проходи зазря; не допускай ошибки!»

– Люди, да вы просто идеальны! – Я восторженно выдохнула и рванула туда.

У меня опять не было денег. Но в Шолохе это уже не казалось проблемой: выручат студенческие трюки.

– День добрый! – Я плюхнулась в плетеное кресло у водяного колеса. Так, чтоб брызги долетали – весело же.

Официантка дала мне меню.

– Так-так, – сказала я. – А у вас на норшвайнском языке меню нет?

– Нет. – Веснушчатая девушка покачала головой.

– А на шэрхенлинге?

– Тоже нет.

– А на гномьем?

– Нет... – Работница «Поцелуя» стыдливо опустила взгляд и затеребила кружевной подол платяца.

– Супер! – Я возликовала. – Давайте я вам сделаю все три перевода – а вы мне кофе бесплатно нальете. Пойдет такой план?

Девушка удивилась и пообещала узнать.

Две минуты спустя на моем шатающемся столике обнаружились кофейник, молочник, глиняная чашка и бумага с писчим пером. Я честно выполнила обещанную работу. Особенно забавно было переводить состав бесплатного «завтрака по-тернасски»: *«Хлопок по спине, две таблетки от головной боли, стакан колодезной воды»*. О да, при степных разгульных привычках – самое то!

Владельцам кофейни мои труды, видимо, понравились, потому что бонусом к кофе мне выдали свежий номер газеты «Вострушка».

На титульном листе, как и раньше, значилось: «Печатается под редакцией Анте Давьера». Ну да, ну да. Давьер, он же маньяк, он же Теннет, в тюрьме – а бизнес идет. Что ж. Всем бы нам такую деловую хватку.

Я, лениво развалившись в кресле, начала читать содержание.

«Его Величество Сайнор и Совет: борьба разгорается».

«Казначейство в поиске золотых жил: расходы Шолоха растут не по дням».

«Новое лицо Чрезвычайного департамента: леди в гномых рядах».

Я листала газету в поисках последней статьи, как вдруг в глаза мне бросилось два объявления.

Челюсть моя бесславно упала на грудь...

С первого объявления на меня смотрела я сама. Физиономия у портрета была так себе, злобная какая-то. Но в общем и целом – узнаваемо.

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ», – бесстыдно вопила крупногабаритная надпись. Под ней шло перечисление особых примет: ухо порвано, рост средний, телосложение худощавое, волосы рыже-каштановые, на руке татуировка Ловчей, носит лассо и биты, крайне опасна.

Я вскочила с кресла. Натянула капюшон подаренной куртки, старательно затолкала волосы за ворот. Нервно помахала веснушчатой официантке и почти бегом рванула прочь от «Поцелуя фортуны».

Газету я не выпускала из рук.

Ведь на той же странице было еще одно объявление, не менее примечательное. Оно гласило:

«Господа добровольцы! Вас очень ждут!

Ты умен, силен, ловок и хитер? Ты хочешь разбогатеть и готов послужить своему королю? Прими участие в экспедиции под дворцовый курган! Спаси принца Лиссая, стань национальным героем и получи сто тысяч золотых в придачу!»

Под надписью лыбились два нарисованных молодца – маг и воин. Они стояли спинами друг к другу, как на театральной афише, и показывали большие пальцы.

На ходу я прочитала неуклюжий текст еще разок.

Что?!

Хорошо, с тем, что я в розыске, еще можно смириться – значит, Карл пустил это дело на самотек. Неприятно, но предсказуемо.

Но Лиссай под курганом?.. Невозможно!

Вдруг кто-то окликнул меня.

– Эй, мамзель, огонька не найдется? – поинтересовался блеющий голосок. Я вздрогнула и буркнула, что не курю.

– Да ладно, скидку на перевозчика сделаю! Подсоби сатиру, ну, мамзель!

Прежде чем обернуться к настырному гражданину, я постаралась максимально изменить свою внешность. В данных обстоятельствах это значит, что я выпятила губы, как речная ундина, по-гномьи свела брови к переносице и надула щеки, будто тролль.

Сатир только тихо ойкнул от открывшегося ему зрелища.

– Не курю, сказала! – басовито рявкнула я, еще больше распахывая психику собеседника.

– Добро, добро! – Сатир замахал волосатыми руками и, тряся хвостом, уцокал к постолу двору на соседней полянке.

Я проводила мужичка задумчивым взглядом.

Вообще, в Шолохе мало сатиров, промышляющих перевозками. Я посмотрела на вывеску. «Подкова наших душ». Хм. Помнится, мой приятель Патрициус работал во дворе с очень похожим названием, и там тоже был сатир-администратор. Если это единая сеть заведений, то зря я спровадила козлоногого.

Я снова обратилась к унни... После нескольких безуспешных попыток мне все же удалось достучаться до энергии бытия. Она благосклонно подарила мне оранжевый огонек на кончиках пальцев.

– Эй, сатир! – крикнула я. Снова басом. – Возвращайся, дружище.

Козлоногий товарищ с опаской приблизился. Когда его вонючая самокрутка задымилась, он добродушно усмехнулся в бороду:

– Скидку хочется, да?

– Не скидку, нет. Знакомого своей семьи найти хочу, кентавра Патрициуса. У коллег твоих работает.

– А, да! В большом городе седьмая вода на киселе всегда гуще кажется, – подмигнул сатир.

Видимо, он решил, что я прибыла из какой-то дыры покорять столицу... Что ж, с моим нарядом и дурацкой актерской игрой – немудрено.

В итоге сатир мне помог. С кем-то переговорил, куда-то отправил ташени, пообещал, что Патрициус скоро прискачет. Пока мы ждали, я забавляла администратора вымышленными историями о своем житье-бытье в деревне. А еще в качестве оплаты забивала его новые самокрутки, впрок.

Какая же гадость, а.

* * *

Прискакавший Патрициус был весел и подтянут.

Кентавр, как обычно, щеголял цветочным венком на шее и отрицал существование рубашек. Голый торс перевозчика блестел от масла, и я порадовалась, что с прошлого года кентавры обязаны выдавать клиентам поводья: руки бы точно соскальзывали. Не говоря уж об общей неловкости.

Не успел сатир свести «деревенщину» со столичным перевозчиком, как я вскочила в седло и шепнула Патрициусу своим нормальным голосом:

– Отвези меня к Мчашимся, друг! По дороге все расскажу.

Он игогокнул от неожиданности.

– Мадам, это вы-ы-ы? – повысив голос до дисканта, обернулся кентавр.

Я шикнула, глазами указав на любопытного администратора. Патрициус покачал головой и с места сорвался в галоп.

– Удачи, доченька! – Добродушный сатир пыхнул нам вслед едким оранжевым дымом.

* * *

Мы быстро убедились, что приватная беседа на скаку – выбор людей с очень громкими голосами: глашатаев при королевском дворе, например. А вот простым смертным ужасно мешают ветер, дующий в уши, клацающие на кочках зубы и прочие прелести скоростной езды.

Махнув рукой, Патрициус решительно выключил перевозчий счетчик и сошел с дороги в прохладные заросли ракитника.

– Что ж с вами приключилось, мадам? – запричитал он, когда я спешила. – Говорят, вы храм разрушили да из тюрьмы сбежали? А потом куда делись?

– Ох, Патрициус, тут непростая история... – Я осторожно пощупала щеки, жутко болезненные после моих конспиративных гримас.

То недолгое время, что я проработала в Иноземном ведомстве, мы с кентавром общались каждый день. Он возил меня всюду и с удовольствием слушал о моих рабочих приключениях. Я, в свою очередь, была доверенным лицом Патрициуса, главным консультантом по тайнам женской психологии, и даже успела мельком познакомиться с его семьей – красавицей-женой и шестью жеребятами. Все шесть были девочками.

– Бедная вы моя мадам! А я знал – вы не по злему умыслу! – охнул кентавр, выслушав отредактированный пересказ моих приключений.

Про богов я не заикнулась. Про Мелисандра Кеса – тоже. Зная Патрициуса, могу предположить, что кентавр тотчас бы организовал в Шолохе клуб почитателей саусберийца: по меркам

перевозчика, именно таким и должен быть настоящий мужчина – наглым, смелым и романтично непоследовательным в своих поступках.

– Король верит в мою вину, к сожалению. – Я вздохнула. – Но ты мне лучше скажи две вещи. Первая: как там Полюнь?

Патрициус, поколебавшись, пожал плечами:

– Я не знаю, мадам. Он в тюрьме.

– Почему?! – Я натурально взвыла.

Что-то многовато плохих новостей разом!

– Ну, – Патрициус задумчиво пожевал губами, – он ведь тоже храм разрушал? Как и вы?

Ага, значит, слухи про бывшую «теневую» работу куратора в город не просочились...

Я нахмурилась:

– Но ведь Полюни должны были дать Генеральство?

– Ему и дали! – Кентавр махнул золотистым хвостом. – Говорят, у господина Полюни теперь очень красивая статуя в ведомстве, амулеты – как настоящие, искусно из мрамора вырезаны... А волосы в ветреный день и вовсе шевелятся, как у медузы...

– А желание? Почему он не использовал генеральское право одного желания, чтобы получить амнистию?

– Я не знаю, мадам, честное слово, не знаю! – Патрициус аж руками лба коснулся, типа, боги мне свидетели.

Я прикусила губу. Прах пойми, что тут происходит.

Потом я достала из кармана свернутую трубочкой газету и открыла ее на странице с «господами добровольцами».

– Вопрос второй. Что это за чушь с экспедицией под курган?

– А это вовсе не чушь, мадам! Принц Лиссай пропал после землетрясения. Искали уж его, искали – да не нашли.

И Патрициус, комфортно улегшись возле обросшего мхом бревна, уверенно продолжил:

– После того как весь дворцовый остров многожды прочесали, стало ясно, что принц провалился в глубокую трещину. Экую глубокую, что сквозь нее ухнул прямо в некрополь. Трещин таких на острове теперь с десятков – страх берет за душу, мадам, как подумаешь, что за хмыри оттуда могут повылазить! Не-не, это я не о ваших предках, к срединникам я со всем почтением, – кентавр поспешил поправиться, наблюдая за сложной гаммой эмоций на моем лице.

– Все хорошо, Патрициус. Продолжай.

– Сайнор новостям про трещину не обрадовался. Могу понять! Если б мою жеребеночку неделю искали как сбежавшую, а потом выяснили, что она под каменным завалом, – да я бы их всех растоптал вот этими самыми копытами!

– А как они выяснили?

– Ну дык методом исключения.

Я приободрилась. Ведь при нашем космическом «дано» это отнюдь не самое эффективное решение! Куда вероятнее, что принца все-таки вышвырнуло где-то далеко от Шолоха, и он сейчас старательно ищет дорогу домой, направленный в нужную сторону богиней Авеной. Просто никто об этом не знает. Пока что.

Я кивнула:

– А дальше что?

– А дальше Сайнор отправил под курган поисковый отряд из магов, но через сутки никто не вернулся. Люди смеялись, что отряд подземными щелями драпанул из столицы, лишь бы более с королевским гневом не встречаться. Но после шуточки затухли: Его Величество отправил в некрополь Ходящих, и те тоже растворились, будто тени в полдень. Вернулся лишь один

– весь перемазанный кровью, полумертвый, маску потерял, как и кончик носа... Чтобы такое с Ходящим сотворить, мадам, – это ж кем надо быть?

«Например, Зверем», – подумала я, но эта версия означала бы, что плохо все – абсолютно все – и я не хотела давать ей шанса.

Так что я громко захрустела морковкой, пытаюсь ее хрупанием заглушить нестройный хор тараканов-невротиков в моей голове. За морковку спасибо Патрициусу. Добросердечный кентавр, когда мы сделали привал, разглядел меня получше, всплеснул руками, заявил, что я похожа на бледную немочь, и стал активно набивать меня витаминами – в его седельных сумках обнаружилась куча съедобных припасов, преимущественно овощного характера.

Когда шумовые эффекты морковки одержали верх над паникой, я все-таки спросила:

– И кем же надо быть?

– Упырем!

Кентавр с таким значением произнес название этой бытовой, в сущности, нежити, что я лишь тупо переспросила:

– Упырем? Обычным? Кладбищенским?

– Кладбищенским – да, но вот только не обычным! У вас ведь в некрополе что? Кости древних магов, ваш усилитель ворожбы, какого на весь Шолох хватает. Вот и на упырей хватило, которые там жили. Теперь это не чащобная нежить, мадам, а твари столь сильные, что даже Ходящих, как щепки, ломают. Шестерых теневинов за неделю уколошили...

Я ошарашенно умолкла.

Шестерых? Их же всего была дюжина! Не то чтобы я фанатка Теневого департамента, наоборот, помещайте меня в самый конец очереди за автографами, но... Новость все равно отвратная.

– Эти упыри-мутанты вылезли наружу?

– Не дай-то небо, мадам! – Патрициус аж выронил из рук ромашковый венок, который все это время мирно плел. – Наоборот, Ходящие к ним спускались. Трое, потом еще трое. Король совсем рассвирепел от таких неудач, требовал остальных одним махом в трещину спустить – но тут Совет взбунтовался, запретил ему.

Я тихонько выдохнула.

Как хорошо, что Сайнор не может принимать никаких решений в одиночку!

Обезумевший с горя король способен наворотить таких дел, что полстраны поляжет. Но у нас его всегда может остановить единогласным решением Совет – собрание руководителей всех девяти ведомств, людей опытных, умных и очень, очень разных. Если уж тонконогая кокетка из Ратуши протестует бок о бок с гротескным военным министром, то идея короля и впрямь плохая.

– Скандалище был изрядный. – Патрициус сопровождал речь бурной жестикуляцией, как при игре в пантомимы. – Совет потребовал, чтобы на следующей неделе все трещины в кургане запломбировали от греха подальше. А у главной двери уже выставили охрану и никого даже близко не подпускают. Сайнору ничего не оставалось, кроме как объявить щедрое вознаграждение для добровольцев, если они успеют найти принца в некрополе до пломбировки. Теперь каждый житель Шолоха знает имя и внешность принца Лиссая. Кончилась его анонимность, мадам.

Мы с кентавром усталились на газету, которую я бросила на землю и прижала камешком. Маг и воин на нем могли похвастаться поистине идиотскими улыбками. Иллюстратор явно испытывал глубочайшие сомнения по поводу того, к чему призывал.

– И много нашлось добровольцев?

Патрициус закончил плести венок, затянул какой-то хитрый узелок, чтобы ромашки не рассыпались, и с пиететом творца возложил его мне на голову.

Потом серьезно сдвинул рыжеватые брови и отрицательно покачал головой:

– Нет, мадам. Люди видели того Ходящего, выжившего. Никакие деньжища того не стоят. Даже Башня магов решила не вмешиваться.

Я с беспокойством почувствовала, как из сердцевин ромашек выбираются муравьи.

Вероятно, Патрициус испугал их, когда внезапно сорвал цветы. Это как если бы ты зашел в кабак по соседству, и его вдруг унесло невиданным доселе смерчем. Умные насекомые притихли на время плетения венка – решили переждать бурю. Теперь, оказавшись у меня на голове в относительном покое, они осмелели, повылезали, поползли оценивать ущерб и исследовать новые территории. Судя по энтузиазму, с каким они закопошились, новая реальность превзошла их самые смелые ожидания. Великое переселение муравьишек... И я в роли кисельных берегов.

У меня руки чесались с визгом отбросить венок в сторону, но я не хотела обидеть Патрициуса. Время на чужбине в компании Кеса и своего очумелого одиночества сделали меня до странности сентиментальной. Я решила стерпеть муравьев. Напоминала себе, какая я стала взрослая, сильная, крутая, умудренная, прах его побери, опытом. Негоже такой детине бояться лесных рыжиков.

Из-за этой моей внутренней борьбы к особняку Мчащихся мы ехали молча.

Когда я прощалась с кентавром у глухого кирпичного забора поместья, он ойкнул:

– Мадам, да у вас вся голова в муравьях!

– Правда? А я и не заметила... – героически стиснула зубы я. Играть – так до конца.

Но тут из-за высокой калитки донесся знакомый голос, сломавший мне все представление:

– Ага, щас, не заметила она! Признайся – ты просто выяснила, что укусы муравьев улучшают цвет лица.

Тяжелый кованный засов скрипнул и послушно уполз вбок под длинными пальцами Кадии из Дома Мчащихся.

– Слава богам, с тобой все хорошо. – Я облегченно выдохнула, когда подруга появилась в проеме.

– Это должна быть моя реплика, эй! – возопила Кад и заключила меня в такие крепкие объятия, что в шее что-то оглушительно хрустнуло.

Я с негодованием отстранилась, отплевываясь от ее вездесущих волос. Поняв, что все это взаправду, что я действительно добралась до дома, я жива, и моя лучшая подруга тут, выпящается надо мной, как березка, я от облегчения рассмеялась, да так заливисто, что залаляли соседские псы, а подводная ночнушка испуганно прильнула к ногам.

Смех перерос в легкую истерику: я поперхнулась и начала кашлять. Это показалось мне невероятно смешным, и я попробовала похлопать саму себя по спине, но вместо этого прихлопнула муравья, исподтишка выползшего из-за ворота... Я резко отдернула руку – и у меня вдруг свело ушибленное в Арсенале плечо. Я расхохоталась еще громче, некстати вспомнив белые портки Мелисандра, я подвывала и похрюкивала под обескураженным взглядом Патрициуса... Кентавр привык к более сдержанной версии «мадам».

Отсмеявшись и кое-как наладив отношения со всеми частями своего организма, я с удивлением поняла, что боевая, огненная Кадия тихо плачет, прижавшись лбом к калитке.

Одного раза в год

В любви всегда есть что-то надрывное, какая-то боль, неосуществленное желание... То ли дело дружба. Берегите друзей, они – ваш свет в темнейшую ночь.

Флаурда Северин, хозяйка сорока кошек

В итоге Кад устроила мне такой прием, что к ночи я уже и вовсе не верила в реальность предшествующих дней.

Наверняка вам знакомо это чувство: ты возвращаешься из путешествия, и его сразу же будто ластиком стирает, быстро, безжалостно, как это и принято у вселенной. С легким чпоком натюрморт повседневности втягивает тебя обратно, и кажется, что ничего не было. А если и было – то с кем-то другим. С твоим зловещим зеркальным двойником, с неясным образом из сновидений, который ты себе придумал каким-нибудь ужасно скучным будним вечером.

Увидев прозрачные блестящие слезы на глазах Кадии, я испугалась так, как не пугалась даже перед лицом звериных приспешников.

Кад? Плачет?

Невозможно!

Да еще чтоб так тихо, беспомощно... Я совсем растерялась.

Кадия всегда играла роль бравой девчонки (лучше: «деффчонки»), с самых малых лет. Сколько шишек ни кидали в нас соседские мальчишки, сколько оплеух ни лепил тренер по тринапу с говорящим именем мастер Пнивколоно, сколько юнцов, краснеющих уродливыми пятнами, ни признавались, что у них, дескать, нет к Мчашейся никаких чувств, – Кадия никогда, никогда не плакала. Ее открытое красивое лицо упорно не отворачивалось от препятствий, и поэтому у Кадии было больше врагов и врагинь, чем человек нормальный вообще может себе представить. Никто не любит смельчаков.

В глубине души я знала, что она – не тот картонный персонаж, каким хочет казаться. Что иногда ей хочется заговорить нормальным тоном, без всех этих разухабистых «хей», «эгегей» и «дорогуша». Что иногда она сомневается, хорошая ли это для нее затея – работать стражем? Носить по двадцать кило железа (если не больше) и решать все проблемы острием меча?

Я помнила, как у Кадии перехватило дыхание, когда в темной пещере Дахху она призналась нам в любви к Анте Давьеру. А потом сразу же отреклась от своих слов, попытавшись обратить все в шутку.

Сколько же на свете вещей, о которых мы не говорим! Не говорим даже с самыми близкими.

Мы оставляем их в темной зоне, не желая выводить под театральный софит, ведь они совсем не подходят нашим пьесам.

И на галерке верят. Верят.

А те, кто ближе, из уважения молчат. Ведь друзья всегда все знают. Не тешьте себя надеждой, что ваши тайны скрыты картонной декорацией на первом плане. Видно все. Но из любви мы отрицаем правду.

И тем страшнее было видеть Кадю без маски.

– Так, дома кто-то есть? – Я подхватила ее под руку и потащила на участок.

– Конечно. Полон дом гостей, все как обычно. – Она фальшиво хохотнула.

– Мне лучше ни с кем не пересекаться, ты ведь понимаешь?

Подруга неожиданно взярылась:

– Тинави, то, что я плачу, не значит, что я совсем мозги растеряла!

Мы спустились с покрытой гравием дорожки в яблоневый сад. Деревья не шелохнулись. Ветви с припозднившимися белыми цветами, приятно отяжелевшие, покорно гнулись к земле. Жужжание комаров успокаивало: кажется, фруктовые сады – это то редкое место, где оно лишь добавляет прелести. Кадия шла быстро, спину держала прямо, на меня не оглядывалась. Я семенила вслед, мысленно проклиная подводную ночнушку, которая оплетала ноги и не давала делать нормальные, широкие шаги.

Мы проскользнули в поместье через черный ход.

Я знала особняк Мчащихся как свои пять пальцев. Мы с Кадией дружили со школы, и я частенько оставалась у нее ночевать: в детстве, в отрочестве и в том периоде, что мне нравилось называть «затянувшейся юностью». Кадия тоже прельщало последнее определение, слегка расходившееся со словарем. Но в чем кайф быть человеком образованным, если не можешь противопоставить свое веское мнение словарной статье?

Я до сих пор, несмотря на возраст, воспринимаю себя как маленькую девочку, которая, хоть и наращивает знания о мире, все равно никогда не повзрослеет. Мысль о том, что где-то есть «настоящие взрослые», отличные от меня, является основой моей жизненной философии. С каждым годом я все больше убеждаюсь в том, что это не иллюзия: и в школах могут учиться дряхлые старики, а в домах престарелых – цвести легкость и любовь. Твое тело – это просто брома, материя, забота спящих на севере драконов.

А твоя искра... Твою искру, насколько мне известно, не колышет время.

– Так, – сказала я, когда Кад пропустила меня в свою летнюю спальню, удачно расположенную на задворках поместья. – Ты сейчас умываешься, мажешься всеми своими любимыми кремами – для настроения, – и по дороге из ванной цепляешь на спальню табличку «не беспокоить», чтобы к нам не ворвалась ваша горничная, Бруни Грэм...

– Бруни Даби Грэм, – поправила меня Кадия, которая раньше не отличалась щепетильностью в отношении гномьих имен.

– Бруни Даби Грэм, да. Еще мне нужна нормальная одежда, одолжишь? И... – Я вдруг поняла, что комок в горле не дает мне продолжить.

А ведь нужно задать следующий вопрос. Вопрос, который сверлом ввинчивался мне в самое сердце с тех пор, как Кадия заплакала на улице.

Но я до пепла боялась.

Подруга, увидев мои побелевшие губы, все поняла. Она лишь коротко кивнула:

– Если ты волнуешься за Дахху – то он жив.

Я перевела дыхание...

Кадия стянула сапоги, зашвырнула их в угол и с размаху плюхнулась в кресло:

– Но никак не придет в себя после нападения маньяка. Почти три недели без сознания. Врачи, что называется, безмолвствуют.

В ее голосе неожиданно прорезались обвинительные нотки.

– Кад... – пробормотала я.

– Да, так меня зовут. Кад. А лучше Кадия. Что, Тинави? Что ты смотришь на меня таким жалобным взглядом? Ты где пропадала вообще? Ты хоть представляешь, что здесь творилось? Ты видела последние новости? Тебя разыскивают, крошка. Этот неженка, Лиссай, застрел под праховым курганом, и король из-за этого скормил нежити кучу госслужащих. Налоги повысили, потому что дворцовый комплекс теперь надо ремонтировать. Я сдала своего парня властям и перешла работать в Чрезвычайный департамент. Теперь вокруг одни лишь гномы. Ежедневное количество трупов увеличилось, а зарплата почему-то осталась прежней. Жизнь идет, все меняется. Но тебя, где тебя носило, а, Тинави? Когда ты так нужна?

Лицо Кадии горело праведным гневом. Я не успела приноровиться к новому эмоциональному спектру Мчащейся и только растерянно хлопала глазами. Некоторые из нас успокаиваются, столкнувшись с испытаниями. Другие – вспыхивают ярким пламенем.

Кадия стала заранее собирать вещи на работу.

Она вытащила из шкафа доспех – не тот, что у нее был раньше, а новый, темный, с амантовыми пластинами на груди и шипастыми наплечниками. Она достала чугунный утюжок и, нагрев его над камином, прогладила нижние рубашки, усилив эффект простеньким заклинанием. Она долго выбирала склянку из всего многообразия парфюмов, разбросанных по туалетному столику, и наконец сухо спросила меня, можно ли погасить свет.

У меня в голове был такой водоворот из вопросов, что я пропустила мимо ушей тот, что задали мне извне.

– Я погашу свет? – повторила Кадия громче. Жестче. Четче.

В ее голосе появилась незнакомая хрипотца. Будто что-то тонкое надломилось в гортани, и осколки скребут, просясь наружу.

– Кадия, прости меня.

– За что?

– За то, что я исчезла. Ты осталась здесь совсем одна, без объяснений, без правил игры, и... И я догадываюсь, как тяжело это было. Пожалуйста, прости.

Я молча села рядом, положив руку ей на плечо. Мне было до дрожи плохо оттого, что я не знала, как исправить случившееся. И как утешить Кадия. Ну почему нельзя напрямую забрать чужую боль? Чужие беды?

Слишком просто, да, мироздание?

– Ты даже не представляешь... – тихо пробормотала Кад.

Мне хотелось сказать ей, что, к сожалению, представляю. Тут можно поспорить, что сильнее бьет по психике: преступные и коматозные друзья или битва богов в параллельном мире?

Впрочем, у нас тут был не конкурс Чья История Жалобнее.

И вообще, если кто-то начал грустить – изволь дослушать. Нет ничего мерзопакостнее, чем обесценивать страдания других. Если кому-то больно до той степени, что он об этом заговорил, – умерь активность. Не лезь со своими «а я», «а у меня», «да ладно тебе» – и так далее.

Просто не лезь.

Имей хоть капельку сострадания.

– Я с тобой, малышка, ну. – В темноте я нашарила голову Кадии и начала тихонько гладить всхлипывающую подругу ото лба к затылку, «по шерсти».

Она плакала, пока в окнах не забрезжил ранний июньский рассвет. В перерывах между всхлипами Кадия рассказала мне о том, как жила в мое отсутствие.

История Кадии из Дома Мчащихся

Вечером после поимки маньяка Кадия вернулась в свой кабинет в Военном ведомстве.

Мысли ее шумели, как липы в сентябре.

Возлюбленный оказался серийным убийцей. Дахху, его последняя жертва, лежал в Лазарете без сознания: знахари выпроводили Кадия вон, пообещав сообщать об изменениях. Тинави и вовсе пропала, не говоря ни слова... Мальчик Карл, «найденый», тоже куда-то делся.

Кадия не заметила, как, истерзанная волнениями, задремала за рабочим столом. Но вскоре ее грубо разбудили тычком в плечо.

Мчащаяся резко выпрямилась. Хлипкое ведомственное кресло закричало. Ох уж эти завхозы... Вечно экономят на мебели.

Кад негодуяще посмотрела на нарушителя спокойствия. Таковым оказался гном в полном боевом облачении: доспех празднично блестел, туго обтягивая выдающееся гномье брюшко, а бороду украшали традиционные подвески в виде топориков.

– Что вы делаете в моем кабинете? – прошипела стражница, потирая плечо.

– Кто тебе сказал, что это все еще твой кабинет?! Спишь на рабочем месте!!! – взревел гном в ответ.

Кадия уже почти прожгла незнакомца своим фирменным взглядом, как вдруг боковым зрением заметила на груди у гнома значок с изображением треснувшего колокола. Символ Чрезвычайного департамента! У нее тотчас поубавилось спеси. Кадия сглотнула.

Гном продолжил, по-военному чеканя слог:

– Кадия из Дома Мчащихся, поднимай свою задницу и двигай за мной.

– Есть, сэр! Но зачем, сэр?

– На допрос. – Гном свел кустистые брови.

Стражница внутренне содрогнулась, но, зная правила, не стала уточнять. Лишь прихватила в углу кабинета амуницию, сваленную неряшливой кучей, и под строгим взглядом гнома начала пристегивать ножны и портупею.

Пару минут спустя она под конвоем, под улюлюканье и свист коллег, шла в допросную. Гном, представившийся командором Груби Драби Финном, неодобрительно косился на ликующих стражей.

– Вас всегда так задирают? – поинтересовался он.

– Да, сэр.

Командор Финн хмыкнул, на ходу просматривая личное дело Кадии. Папка пестрела сертификатами о повышении квалификации и личными благодарностями.

В допросной, к вящему изумлению Кад, выяснилось, что ее позвали, так как правоохранные органы искали Тинави из Дома Страждущих и Полынь из Дома Внемлющих, новоявленных государственных изменников.

– Это бред! Вы несете какую-то дичь! – доказывала Кадия двум следователям-чрезвычайникам. Они в ответ только бесконечно черкали в блокнотах – таких же крохотных и толстых, как и сами гномы...

Город по самую маковку увяз в предрассветном киселе, когда семейный адвокат Мчащихся вызволил Кадью из допросной комнаты.

Для маньяка Анте Давьера, как и для Ловчих, уже все было кончено. Всех троих упекли в темницы – подальше от глаз людских.

* * *

– Я рыдала всю ночь. Я даже не подозревала, что во мне может быть столько жидкости. Будто с детства копила – и вот, прорвало твою хренову дамбу... Это полный абзац, Дахху, говорю тебе...

Дахху не отвечал.

Он уже давненько не отвечал никому и ни на что. Кома – дело серьезное.

Больничная палата постепенно погружалась в темноту, и Кадия отстраненно наблюдала за тем, как растворяются по углам, теперь невидимые, шкафы с лекарствами и ядами.

Это был реанимационный блок Лазарета – старинный зал со сводчатым потолком, величавыми портретами великих целителей прошлого и двадцатью койками в два ряда. Все, кроме одной, были пусты. Сквозь высокие арочные окна в зал проникали последние отблески солнца. Через открытую форточку доносился далекий колокольный звон.

Кадия придвинула стул вплотную к кровати и теперь сидела на нем с ногами, как на жердочке. Она зажала между согнутыми коленями полупустую бутылку вина. Горлышко подпирало ей подбородок. Не то чтобы это было удобно, но Кадии нравились экстравагантные позы. Даже если никто не видит.

Дежурная медсестра в белом чепчике прошла сквозь зал, не кивая, не поворачивая головы. По уговору, после каждого посещения Мчащаяся оставляла на стуле приятно звеня-

щий мешочек с золотом. За это ей позволялось сидеть в Лазарете сколько вздумается. С сапогами на стуле, с вином в голове, как угодно.

Начиная с того дня Кадия приходила сюда каждый вечер. Первые разы это было похоже на прием психолога. Она снова и снова пересказывала бессознательному Дахху события третьего июня, и чудесным образом под утро ей становилось легче. Ровно настолько, чтобы выдержать еще один день на работе.

Суровый гном Груби Драби Финн, руководитель Чрезвычайного департамента, представил Кадью к повышению за поимку маньяка. Она давно об этом мечтала, так что это было хорошо – в теории. В реальности – не очень. Мчащаяся предпочла бы отпуск всем этим новым обязанностям.

Хотя... Как бы она его провела? Учитывая, что тот день, как серпом, выкосил всех ее близких людей?

Кадия встряхнула головой, белокурые локоны рассыпались по плечам. Нельзя так говорить. Они ведь все живы. Просто не с ней.

Она почесала нос и продолжила свой рванный монолог, обращаясь к Дахху:

– В общем, когда я стреляла в Анте на дворцовом острове, я... Я где-то в глубине души надеялась, что все это – одно большое недоразумение. Что Анте ни в чем не виноват. Что это с моего ракурса кажется, будто он занес над тобой и Тинави меч. А на самом деле, скажем, показывал вам искусную резьбу на лезвии... И... Ох, мать твою...

Кадия с досадой глотнула прямо из бутылки и, наклонившись к неподвижному Дахху, шепнула ему, будто по секрету:

– Уже доказано, что он убийца, но я... Я все равно чувствую себя предателем, Дахху. Предателем самого низкого пошиба. Я знаю, что сделала правильный выбор – и все же... Ты бы понял. Ты бы точно понял, если бы был здесь.

Неожиданный всхлип вырвался из горла Кад, она испуганно дернулась и продолжила уже шепотом:

– Дахху... Пожалуйста, вернись к нам, я тебя очень прошу... Чтoб тебя пеплом присыпало, да я тебя первый раз в жизни о чем-то прошу, Дахху! Ну пожалуйста...

Но на лице Смеющегося ничего не менялось. Носатая физиономия умника Дахху, обращенная к потолку, казалась восковой маской. На веках чуть проглядывали сосуды, губы были тонкими и серыми, а кудряшки медсестры заботливо уложили по кругу, будто у какого-то дурацкого степного ангела.

Кадия, повинувшись внезапному порыву, дотронулась пальцами до шрамов, густо покрывавших шею Дахху. Старые отметины, оставленные волкодлаком, и новые – авторства убийцы – были на виду, и Кадия решила, что другу это не понравилось бы.

Она залезла в прикроватную тумбочку, чтобы там, среди личных вещей, отыскать привычные шарф и шапку Дахху. Их не было. Зато Кадия наткнулась на толстую стопку бумаг, перевязанную бечевой. Витиеватые буквы на верхнем листе гласили: «Доронах. Энциклопедия». Нижний угол был густо перемазан засохшей кровью.

Кадия опустила на холодный мраморный пол Лазарета и закрыла лицо руками.

* * *

– Все будет хорошо, – твердо сказала я, дослушав рассказ Мчащейся. – Я клянусь тебе. Слышишь?

Кад кивнула и прикусила губу. Потом, прищурившись, посмотрела на жемчужно-розовую полосу света, исподволь прокраившуюся к нам из-за неплотно прикрытых штор.

На соседней улице пронзительно, неприятно заорали петухи.

– Вот и утро. – Я вздохнула.

– А с тобой-то что случилось? – спохватилась Кадия. Да с таким искренним испугом, будто у нас всего-то и было на разговоры, что эта ночь – одна-единственная ночь, за которую мы не успели все, что надо было.

– Давай об этом потом. Ты как, больше не размякнешь? – Я сдернула с лица подруги одеяло, которое та натянула, и критически осмотрела ее мешки под глазами.

– Не, одного раза в месяц вполне достаточно. – Она кривовато улыбнулась, бодро сбросила голые ступни на мраморный пол и двинулась в сторону ванной.

– Ишь чего! Одного раз в год – не чаще! – Я строго погрозила пальцем и кинула ей вслед подушку.

Кадия засмеялась. Все еще немного натянуто, но хоть что-то.

– Давай сейчас заглянем к Дахху? – вдруг предложила она. – У меня есть немного времени перед работой.

– Я только «за». Но придется меня загримировать... – Я бросила взгляд в сторону газеты, лежавшей на книжной полке.

– В этом всецело положишься на меня, – пообещала Кад и так зверски ухмыльнулась, что мне поплохело.

Если окажется, что наше недопонимание исчерпано не до конца – мне хана. Она мне такое выщиплет и нарисует, что ни в жизнь не исправлю.

Ох, не ссорьтесь, люди, с лучшими подругами...

Неловко вышло

По-настоящему сильное желание легко стирает понятие невозможного. Все дело в приоритетах, знаете ли.

Бертранца из Дома Таящихся, глава кафедры Предельных Наук

По дороге в Лазарет я не уставала благодарить судьбу за то, что на объявлении о моем розыске отсутствовала цена.

Шолоховцы – далеко не такой жадный и предприимчивый народ, как, скажем, тернассцы. У тех способность к зарабатыванию денег считается главным признаком успешного человека. И на этом же строится вся правоохранительная система: за любого, даже самого хилого преступника назначается награда, и это резко сокращает его шансы уклониться от ответственности. Свидетелям приплачивают за количество информации об инцидентах, присяжным – за участие в суде, понятым – за количество просмотренных обысков и так далее.

В общем, деньги – первая мотивация.

У нас же народ и власть разнесены по сторонам и, что греха таить, часто глядят друг на друга волком. Кого и зачем ищут детективы Смотрящие – дело одних только Смотрящих.

В этом плане я могла дышать спокойно: прохожие не держали газету нараспашку и не спешили всматриваться в чужие лица на предмет совпадения.

Зато одиозные «Господа добровольцы!» вызывали у горожан бешеный ажиотаж. Как я вскоре убедилась, король Сайнор не ограничился покупкой газетной площади... Он приказал развесить объявления по всему Шолоху.

Маг и воин лыбились с каждого забора. Их взгляды были столь блеклыми и невыразительными, что я не представляю, кто в здравом уме захотел бы им уподобиться. Хотя сто тысяч золотых – это, конечно, много... Очень много. Очень-очень.

Поэтому шолоховцы собирались у листовок, будто на балаган: с лимонадом, орешками и раскладными стульями, чтобы засесть, как на набережной, и добрых три часа чесать языками.

Мы с Кадией неспешной рысью ехали на Суслике. Подруга обернулась и увидела, с каким интересом я слежу за «плакатными сплетниками». Лицо Кадии помрачнело.

– Тинави, – сказала она неестественно ровным голосом. – Если окажется, что Лиссай уже мертв... Учитывая судьбу тех Ходящих... Скажи, мне придется запереть тебя в чулане, чтобы ты не сделала что-то плохое?

Я вздрогнула. Потом перевела на подругу изумленный взгляд:

– Что? Небо голубое, нет, конечно. Скорее всего, Лиссай не под курганом. И вполне себе жив. И скоро вернется домой. Я же вернулась.

Кадия недоуменно нахмурилась:

– Что-то мне не вполне ясна твоя логика.

И я не могла ее за это осудить. Ведь Кадия не была в курсе всех наших «божественных» драм: не ведала ни о битве в Святилище, ни о Звере, ни о Карле, ни о Теннете... С учетом последнего пункта я понятия не имела, как лучше рассказать ей все это, и потому трусливо оттягивала момент признания. Даже зная, что потом будет хуже. Что огребу по полной от своей пылкой подруги. Знала – и все равно придумывала оправдания для суетливого «потом, потом».

Сколько несовершенен ты, человек!

Но раз уж тема поднята, то...

Я вздохнула:

– Есть кое-что, что я должна тебе рассказать.

Кадия потянула поводья Суслика на себя. Мы как раз въехали под сумрачную арку Моста Очарования, на чьих известняковых стенах все желающие рисуют лица незнакомцев: тех, кото-

рыми однажды залюбовались, но к которым побоялись подойти. Колорита этим почти иконографическим изображениям придает то, что пару лет назад туннель стало затапливать: вдоль стен заструилась зеленоватая вода. Благодаря усилиям Башни магов портреты не стираются – их закрепили специальными чарами.

Суслик затормозила и недовольно всхрипнула. Вскрип этот водопадом прошумел по серебряным ликам несбывшихся шолоховских любовей.

Кадия сощурилась:

– Только не говори, что это ты заставила Его Высочество пропасть.

– Ну разве что очень косвенно... – уклончиво ответила я. – Если я сильно напрягусь и буду тарабанить со скоростью лепреконьего зазывалы, то уложу весь сказ минут в двадцать.

– Тогда жги, – милостиво разрешила Кад. – Прямо сейчас.

– Может, в Лазарете все-таки?

– Ну уж нет, – воспротивилась стражница. – К Дахху мы всякую дрянь не потащим – а твоя виноватая рожа ясно говорит о том, что меня ждет та еще история.

Я кивнула.

– Тогда давай присядем.

Не мудрствуя лукаво, Кадия сползла с лошади и плюхнулась прямо в туннеле на роскошную траву обочины (еще бы, столько воды в канавках вдоль стен). Я последовала ее примеру.

Под Мостом Очарования немногие ездят – моей исповеди никто не помешал.

Но, когда я закончила, лица незнакомцев на стенах – клянусь – приобрели растерянное выражение. Кажется, они слушали нас чуть внимательнее, чем обычно ждешь от портретов.

Кадия пожевала губами. Потом дернула плечом:

– Мне надо все это переварить. Поехали.

– Поехали, – согласилась я и едва слышно перевела дыхание.

Если честно, я боялась, что новость про Анте-Теннета заставит ее развалить этот грешный туннель на тысячу отдельных камешков.

Это было бы грустно: больно красивое место. Вернее, красивое до боли: той сладкой и зыбкой боли, что всегда отличает настоящее искусство.

* * *

Начался район Пятиречья, впереди замаячила роща ошши. Кадия спешила, потрепала Суслика по морде и привязала кобылку к коренастому дубу на тройной булинь. Булинь – это самый крепкий узел в мире, чтобы вы понимали, – так что Кадия предостереглась.

Ибо идти с Сусликом сквозь владения крустов – себе дороже. Лешие начнут приставать, Суслик их мигом сожрет, аппетитно похрустывая, как сухариками, а нам потом выкатят штраф на кругленькую сумму. Или если у крустов хороший защитник в департаменте Шептунов, то и вовсе к исправительным работам приставят.

Я тоже прыгнула и с опаской пощупала свой нос.

– Не трогай! – взвыла Кад.

Мой временный конспиративный нос был предметом ее гордости. И моей паники. Кадия вылепила мне его с помощью какой-то хитрой прозрачной жижи, которая хранилась у нее в дальнем углу комода в стеклянной банке с надписью «Хэллоуин». Видимо, это была гримировальная масса для осеннего маскарада.

Свежеприобретенный орган дыхания получился воистину монументальным. Даже Дахху, известный носатик, не мог похвастаться таким агрегатом. Нос выступал далеко вперед за пределы лица, а под конец заодно загибался вверх, как у потомственной феи из Зубастых равнин. Я беспокоилась, что во время ходьбы он будет слегка подсакивать. Обошлось, но, куда бы я ни смотрела, нос всегда попадал в поле моего зрения. Ужас!

Зато, снабдив меня носом, Кадия сочла работу по преобразению законченной. Только еще на голову нацепила мне огромную широкополую шляпу, украшенную цветами, муляжами фруктов и листьями папоротника. Тоже, видимо, маскарадную. Тяжелую, с нарушенной балансировкой – приходилось передвигаться осторожно, как канатаходец.

– Если кто-то сможет разглядеть за ЭТИМ еще хоть что-то на твоём лице – расцелую как лидера по наблюдательности, – пообещала подруга, приложив руку к сердцу.

Я отнюдь не была в восторге от таких комплиментов. Но приходилось терпеть. «Безопасность превыше всего».

* * *

Дежурная медсестра подвела нас к палате Дахху. Дверь с надписью «Тишина!» располагалась в конце коридора на втором этаже южного флигеля, то есть максимально далеко от центральных операционных. Это был старый, плохо отремонтированный блок Лазарета, и его белый цвет уже выцвел, серея на фоне молодых коллег.

– Почему вы поместили его сюда? Он же тяжело болен! Ему надо быть под круглосуточным присмотром! – ругалась я, бросая на медсестру целую серию негодующих взглядов.

Носяра, кажется, породил во мне непривычную жажду скандалов.

– Это я попросила. – Кадия протянула сестре звякнувший суконный мешочек. Та ничего не ответила, кивнула и ушла. Белая тога слегка шелестела, отмечая ее путь по коридору.

– Но зачем?

– Мне так спокойнее.

Мы зашли внутрь, и мои вопросы разрешились.

Кадия превратила палату в то, что ей никогда не разрешили бы устроить в центральном корпусе – ни за какие деньги. Я явственно представила себе голос главного врача: «Это лазарет, а не зоопарк, девочка! А ну, выметайтесь отсюда, и больного своего забирайте, пусть помрет без лечения!»

На меховой подстилке возле кровати Дахху лежал белый волк. Снежок – питомец Смеющегося, который вообще-то должен был вырасти северной овчаркой, но разводчик при продаже слукавил. Завидев нас, Снежок подскочил, совсем по-собачьи твякнул, завертелся юлой и забил хвостом об пол так быстро, что любой барабанщик позавидовал бы.

В подвесной клетке в углу палаты сидел на жердочке Марах. Никакой заметной радости филин не проявил. Только нахохлился еще сильнее, приобретая форму идеального шара. Потом мой питомец нехорошо сощурился и мрачно открыл клюв:

– Уху.

– И тебе уху, – вежливо ответила я.

Филин раздраженно закрыл глаза и, мелко перебирая лапками, развернулся на сто восемьдесят градусов, явив нам с Кадией все великолепие своей покатой спинки.

– Обиделся, – шепотом пояснила мне подруга.

– Да я уж поняла.

Счет тех, кого я расстроила своим исчезновением, рос очень быстро. Боюсь, я так и вовсе не смогу расплатиться.

Я подошла к кровати. Дахху не шевелился. Я грустно улыбнулась:

– Это ты на него шапку с шарфом нацепила?

– Ага, – согласилась Кад. – Мне так...

– ...Спокойнее. Понимаю.

Мчась села в кресло-качалку глубокого вишневого цвета. Под ним были беспорядочно раскиданы газеты и журналы, преимущественно воскресные, развлекательного характера. Между ними высилась пирамида берестяных стаканчиков из лавки госпожи Пионии.

На тумбочке лежала стопка бумаг, освобожденная от бечевы, валявшейся тут же. «Доронах», – успела прочитать я до того, как Кадия быстро накрыла стопку пледом.

Стоило Кадии поудобнее устроиться в кресле, как на нее с размаху запрыгнул Снежок. Волк слегка потоптался по подруге – она не возмущалась – и свернулся у нее на коленях калачиком. Ну как калачиком... Только голова Мчащейся сверху и торчала.

Я нагнулась к Дахху. Мне показалось, что он не дышит. Я прижалась ухом к груди друга, но биение сердца было столь слабым, столь далеким, что скорее забирало надежду, нежели дарило ее. Я поспешно проглотила комок в горле.

– Ты читала «Доронах»? – спросила я Кадия.

– Да.

– Весь?

– Все, что есть.

– И как тебе?

– Смутно. Какие-то обрывки, много вопросительных знаков на полях. Но, – Кад потупила взгляд, – но ведь это *он* написал, Тинави.

– То есть тебе понравилось.

– А сама-то как думаешь? – Кад беззлобно огрызнулась.

Я присела на край больничной кровати боком, чтобы Кадия не видела мое лицо.

... Унни. Привет. Возможно, я нехило злоупотребляю, но, если так, ты заведи что-нибудь у меня – что хочешь, вообще что угодно, хоть душу, хоть жизнь сотри – только сейчас, пожалуйста, любой ценой, давай сделаем это, ладно?

Мой внутренний монолог был очень долгим. И слишком искренним – сюда его не пропустит моя цензура. Закончив призыв, я ущипнула Дахху за кончик носа: не только чтобы направить предполагаемое колдовство, но чтобы сбавить накал прозвучавшей молитвы.

Дурацкий это рефлекс, конечно. И дурацкая я.

Ненавижу тот факт, что я стесняюсь даже думать о том, что по-настоящему важно, предпочитая прятать все личное за пустой болтовней и бытом, ворчанием, тишиной. Упрямо выбираю образ приземленного параноика, настолько не хочу показаться слишком искренней, увлеченной или ранимой. Да и кому показаться-то? Вечности? Близким? Если следовать логике, я сомневаюсь, что они одобряют такую подмену.

– Дурацкий рефлекс, говорю же.

– Что ты там делаешь? – подозрительно спросила Кадия из кресла.

– Я... – начала было я, но запнулась.

Потому что Дахху оживал.

То ли сработало мое колдовство, то ли знахари ни разу не пробовали дернуть Смеющегося за нос, – а друг, как бы далеко от тела ни витала его искра, не мог такого простить.

Нет, конечно, он не сел на кровати, не заговорил и даже не открыл глаза. Но вдруг проступило дыхание. Сердце забилося чаще. Лицо перестало отливать пугающим болотным цветом. Я сосредоточенно пыталась сохранить спокойствие и не расплакаться от благодарности, когда вихрь в лице Кадии отбросил меня от койки. Прямо в кресло, которое закачалось так сильно, что я чуть не перекувырнулась через спинку.

– У-ху-ху! – мстительно захихикал Марах.

Я метко швырнула в птицу клочок бумаги, застрявший в обивке кресла. Бумага была свернута неплотно, текст на ней складывался в стихотворные строки. Я отвела глаза.

Стихи под авторством Кадии... Тоже ведь волшебство.

* * *

В итоге мы просидели в Лазарете весь день.

Кадия отправила в Чрезвычайный департамент ярко-лиловую ташени.

– Скажу, что заболела, – подмигнула мне она.

В ответ прилетело аж пять голубей. Один за другим, подряд. Если у первого голубя на ноге была лишь маленькая записка, то последний притащил добрый такой свиток в колбе.

– Все нормально? – заинтересовалась я.

– Ну... Командор Груби Драби Финн считает, что молодым специалистам не пристало простужаться. – Кадия покраснела.

Зная, что гномы – весьма несдержанный в выражениях народ, я содрогнулась. Это ж в каких словах руководитель Чрезвычайного департамента высказал свое фи, что подруга так запунцовела?

Ответ прилетел со следующей птицей. Это уже не был голубь. Это была редкая разновидность ташени – дорожке классической, а потому менее популярная. Такие ташени – крупные, с глубоким зобом, отличались тем, что передавали сообщения вслух.

– КАДИЯ ИЗ ДОМА МЧАЩИХСЯ! – заорала волшебная птичка низким гномьим голосом. – ХОРНАЯ ТЫ Ж ЛЕНИВИЦА, ГРЕК ТЕБЯ ПОДЕРИ! БЫСТРО НА РАБОТУ, БЕЛОКУШНАЯ ТЫ ЛОДЫРИЩА! А ТО БУДЕШЬ ПОСУДУ В СТОЛОВОЙ ТРИ ДНЯ МЫТЬ! ТРИ НОЧИ! ПОСЛЕ РАБОТЫ! И ТОЛЬКО ГРЕКНИ МНЕ!

Я в восхищении покачала головой:

– Ого! Это он так с сотрудниками разговаривает?

– Да. Всегда, – позеленела Кад. – Командор Финн верит, что чем больше гномьих ругательств он изречет, тем серьезнее мы воспримем угрозу.

– Что, уже жалеешь, что перевелась из корпуса стражей? – посочувствовала я. – Как тебя звать-то теперь? Чрезвычайница?

– Не, не жалею. Условия еще хуже – хотя в это сложно поверить, но как-то... Повеселее. Да продолжай стражницей называть, все осталось по-прежнему, просто теперь в случае городского несчастья я в авангарде.

Что ж, в таком случае на месте городских несчастий я бы постаралась стать потише! А то Кадия им устроит. Хотя гномы, кажется, тоже не лыком шиты.

– Ну ты иди на работу, раз он так беснуется. Я сообщу, если что изменится.

– Ага, щаззз. – Кад блеснула глазами. – Ничего, это он только угрожает. Посуду мыть не заставит – я при всем желании на ведомственную кухню не влезу, она под гномий рост сделана.

Так наше добровольное дежурство продолжилось.

Знахари приходили каждый час, по двое, что-то замеряли, тихонько колдовали, радовались прекрасным симптомам и вводили Смеющемся лечебные растворы посредством длинных тонких трубок, неприятно напомнивших мне Рамблу.

– Не верится, – вздохнула Кадия. – Не верится, что Карл и Анте – хранители...

– Нужно время, чтобы привыкнуть, – согласилась я. – Дахху, кстати, в курсе. Ему об этом бокки-с-фонарями рассказали. Пока пытались его убить.

– Мда-а-а... – протянула Кад. – Нашел себе братьев по разуму.

Вдруг со стороны кровати раздался глубокий шипящий вдох. Мы так и подпрыгнули. Все четверо: Кад, я, Снежок на подстилке и Марах, который все-таки соизволил меня простить и теперь привычно сидел на плече.

– Дахху! – хором возопили мы, кидаясь друг к другу.

– Книгу, – невнятно произнес Дахху, не открывая глаз. Его правая рука с усилием поднялась.

– Что? Кто?

– Книгу. «Доронах». Дайте.

Нижняя губа Кадии мгновенно надулась, как у маленькой девочки. Я тоже не обрадовалась такому приветствию, но все же исполнила первую волю оживающего... Когда стопка чер-

новых бумаг оказалась на груди у Дахху, он открыл глаза. И сразу же увидел мой выдающийся нос.

– Тинави! Небеса-хранители! Что с тобой? – Друг сипло ахнул.

– Конспирация, – буркнула я. – Ты вообще как?

– Нормально. – Дахху улыбнулся уголком рта и начал увлеченно копаться в своих листочках.

Я же с ужасом следила за Кадией.

Глаза ее налились кровью, губы сомкнулись в одну узкую трясущуюся линию. Кажется, Смеющийся никогда не был так близок к смерти, как в этот момент. Я всерьез испугалась, что сейчас мы потеряем его по-настоящему, и приготовилась грудью защищать его от рассвирепевшей стражницы.

Но она сдержалась.

– Что ж, Дахху, мы очень рады, что ты очнулся, да еще и такой бодрый, – отчеканила Кадия, сжав кулаки так сильно, что побелели косточки пальцев. – Пойду на работу, а ты приходи в себя. Тинави тебе расскажет, что тут творилось в последние три недели.

Подруга наклонилась, рывком схватила свою брошенную на пол сумку и твердым шагом направилась к выходу из палаты. Снежок попробовал потереться о ее ноги, но Мчащаяся проигнорировала волка. Хорошо хоть не пнула!

Дахху осоловело заморгал:

– Три недели, что?

Дверь за Кад хлопнула, едва не развалившись. Марах ехидно захлопал крыльями. Дахху схватил со столика карандаш и уже что-то черкал в бумагах своим идеально ровным почерком...

Я помедлила, глядя на друга.

Потом, пожав плечами, заварила чая ему и себе. Выждала еще минуту для приличия и лишь тогда, поняв, что «с той стороны» соображалка не включится, деликатно откашлялась:

– Дахху, боюсь, ты не очень-то хорошо повел себя сейчас с Кадией, ведь она так заботи...

Но меня перебила почта: в открытое окно влетела ярко-лиловая ташени, с яростью врезалась мне в грудь, упала и раскрылась в послание – «ДАЖЕ НЕ ВЗДУМАЙ НИЧЕГО ЕМУ ГОВОРИТЬ!!!».

Я сокрушенно покачала головой. Снова-здорово.

Дахху, впрочем, не сильно-то заинтересовался. Он, восторженно приборматывая, заполнял уже третью страницу кряду. Кровавое пятно, коричневой корочкой слепившее стопку бумаг, его совсем не смущало.

– Слушай, – протянула я. – А ты вообще что-то помнишь?

– Помню, – кивнул он, не отрываясь от работы. – Потому и записываю. Обряд «Ночная пляска» был прекрасен. Но неужели я потом так долго лежал без сознания? – Он изумленно покачал головой, не поднимая глаз. – Кошмар.

– Да уж...

– Тинави, мне очень нужна твоя помощь. – Дахху поднял на меня свои умные фисташковые глаза. – Ты можешь пригласить сюда Карла и Анте Давьера?

Я поперхнулась чаем, на радость Мараху.

– Анте Давьера?!

– Пожалуйста, – как ни в чем не бывало попросил Смеющийся, чуть ли не носом водя по страницам будущей энциклопедии.

Я только и могла, что протянуть:

– Э-э-э...

– Просто то, что я узнал от бокки-с-фонарями, касается и Карла, и господина Анте, и будет лучше, если мы сразу проведем общее собрание, – пояснил Дахху и педантично поправил вязаную шапочку.

– Ну, э-э-э...

– Понимаю, что ты спешишь поделиться со мной новостями. – Он вел себя так, будто разговаривал с неразумной пятиклашкой. – И да, я тоже не откажусь обладать информацией о том, что происходило в эти дни, но работа – работа прежде всего. Надеюсь, вы не расстроились, что я сразу заговорил о «Доронахе»? Неловко вышло, да? – Он нахмурился, такой серьезный, интеллигентный и отчужденный, что хоть плачь.

Я потрясла головой. Да так сильно, что фальшивый нос чуть не отвалился.

– Дахху, – смущенно сказала я. – Но ведь Анте Давьер – он же Теннет, я в курсе – чуть не убил тебя! Это он – шолоховский маньяк! Ты из-за него был в отключке, не из-за обряда!

Кажется, впервые в жизни я увидела, как челюсть Дахху из Дома Смеющихся отправляется в вольное путешествие к груди друга.

– Прости, что ты сказала? – переспросил он растерянно.

Я вздохнула и начала очередное повествование.

Мда. Хоть из Рамблы я и сбежала, а вот высокое звание рассказчицы, кажется, последовало за мной.

* * *

Смеркалось.

От Кадии больше не было новостей.

Мы с Дахху продолжали сидеть в Лазарете. Вернее, он – лежать, погребенный под рукописями. А я – играть в парикмахера, устроившись в кресле-качалке. «Клиентом» был Марах, вдруг вообразивший, что он – птица, которая любит ласку. Я уже несколько раз разгладила все его перышки, а филин все кудахтал и кудахтал, требуя дальнейшей улады, и, стоило мне отдернуть руку, лапкой цеплялся за мое запястье. Мол, продолжай! А то не прощу!

Дахху вздохнул и потянулся. Потом ойкнул, схватился за сердце, замер – рановато что-то начал физкультурой заниматься!

Опять вздохнул:

– Признаться, я в смятении.

– Из-за чего именно? – полюбопытствовала я. – Из-за того, что Карл вызвал Зверя? Или из-за того, что хранитель Теннет деградировал?

– Из-за всего и сразу... – кисло протянул Дахху.

Потом он оценивающе посмотрел на меня. Почесал затылок под шапкой. И спросил тоном университетского профессора на экзамене:

– Тинави, как ты думаешь, из чего сделаны фонари бокки?

– Хм. Из стекла, наверное. Деревянной рамы. Ну пара пружинок еще есть... В общем, обычные фонари.

– А внутри?

– Огонь.

– Откуда у потусторонних духов огонь?

– Да прах его знает.

– Ниоткуда. Это не огонь, Тинави.

Дахху приподнялся на локтях. Глаза его сверкали, и я вдруг прониклась ощущением того, что в мою грешную жизнь сейчас припрется, незваная, еще одна тайна...

Смеющийся улыбнулся:

– Это искры. В фонарях бокки носят искры.

– Искры как души? – обалдела я. – Души живых существ?

– Некогда живых. Бокки-с-фонарями – это... наши предки.

– Так-так-так! – Я наострила уши.

– Бокки – это призраки срединников. Тех, что жили здесь и работали в Прибрежном легионе. Это их кости под курганом. А их искры бродят по городу дважды в месяц.

Я так опешила, что перестала чесать филина – и тотчас получила укол острым клювом.

Ссадив недовольного Мараха на подлокотник кресла, я подошла к кровати Дахху и села подле друга:

– Ты хочешь сказать, что после гибели срединников их искры не потухли, а остались тут? И... Хм... Живут в окрестностях кургана уже тысячу лет?

– Именно так. И поэтому они возвращаются в некрополь между полнолуниями и новолуниями – стараются быть поближе к костям. И вся память срединников, все чувства, все надежды – при бокки. И некоторые из них даже были готовы поделиться ими с нами, молодыми дураками, – глаза Дахху наполнились вековой грустью, – но мы всегда прятались от них, запирали двери своих домов. Только изредка бокки-с-фонарями удавалось дотронуться до какого-нибудь шолоховца и, наладив контакт, потом пытаться рассказать ему свою историю с помощью снов. Но упрямые граждане в таких случаях шли в Лазарет и «лечили» странные дремы. Так делали все. Кроме меня. Только я дослушал историю бокки. – Он развел руками.

– Это действительно круто, – искренне сказала я.

– Ох, поверь, это еще далеко не круто... Но мне надо подумать, как быть с остальной информацией. Она местами шокирует. – Друг прикусил губу. – Ты не расстроишься, если я пока придержу ее?

Я прижала руку к сердцу:

– Вообще не расстроюсь! У меня сейчас столько насущных проблем, ты бы знал. И кстати, об этом: ты можешь отправить ташени одной леди в Иноземном ведомстве?

– Легко. И давай заодно решим, что будем делать в понедельник.

– В смысле?

– День цветов, ты забыла? Я бы хотел поучаствовать в фестивале. Предлагаю составить расписание.

Я помотала головой. Небо голубое, праздники же...

– Ладно, Дахху. Расписание так расписание.

Рокочущие ряды

Мы сами решаем, как реагировать на те или иные стимулы. Ничто не может заставить вас расстроиться, или обрадоваться, или разозлиться – это все лишь ваш выбор. Только вы выбираете то, каким видите мир.

Пайветри из Дома Созерцающих, мастер Легких Мыслей

Весь следующий день я изящно балансировала между депрессией и эйфорией.

С одной стороны, мне было горько и странно из-за Полыни. Я не понимала, почему Ловчий до сих пор в тюрьме, и мне самой не удалось ничего узнать об этом. Кое-какая информация должна была появиться вечером, но до тех пор у меня не получалось отвлечься и выдохнуть.

– Ты сказала «Полынь» двадцать раз за последние полчаса. Мне кажется, у меня вот-вот начнется аллергия на это слово, – проворчала Кадия, расставляя лимонад и ягоды на садовом столике.

– Аллергия не так появляется, – рассеянно бросил Дахху из гамака и схлопотал лимонадной соломинкой по макушке.

Да, за мою эйфорию отвечали эти двое. Сам факт их наличия, их шуточек и перебранок, искреннего смеха и не менее честной тоски. Я прямо чувствовала, как окончательно исцеляется моя издерганная в Шэрхенмисте душа, как сердце вновь наполняется светом: я дома.

Кадия, как всегда, в одночасье простила Смеющегося (он, как обычно, не понял, что у них вообще был конфликт), и мы весь день провели втроем в поместье Мчащихся. Из Лазарета Дахху выставили еще с утра пораньше: ох и долгий же это был переезд! На прощанье ему выдали костыли и огромный набор обезболивающих – теперь друг лежал в гамаке, бледный и блаженный, в обнимку, конечно же, с «Доронахом».

А когда на город спустилась ночь, я вновь нацепила свой нос и отправилась на Невероятно Тайную Встречу.

Провожал меня – вернее, подвозил – Патрициус. Я почему-то была уверена, что кентавр – из племени жаворонков, а нет... Оказалось, он донельзя болтлив в любое время суток.

Я тихонько сжегивала зевоту в кулак, пока Патрициус Цокет заходиллся трепом:

– «Ухо и Копыта»... «Ловкость и Перевозки»... «Езжай и Стражи»... О. «Езжай и Стражи»! Как вам, мадам? – Патрициус ухватился за это словосочетание, покатав его на языке так и эдак. – Прекрасное название для нашей команды!

Я не разделяла его восторга:

– Немного упадническое, как считаешь? Куда езжай? Почему стражи?

– Зато как звучит!.. Приехали. Подождать вас?

– Да! Иначе я вряд ли отсюда выберусь.

– Ваша правда, мадам! «Езжай и стражи» друг без друга не могут! А если серьезно: кричите, если кто-нибудь к вам пристанет. Я как раз пару дней назад переподковался, хорошо бить могу, очень звонко.

Я поблагодарила кентавра за заботу и потопала к тускло освещенному рынку, проглядывающему за темным орешником.

Там на набережной Топлого канала прижимались друг к другу десятки торговых палаток. Все – сумрачного травянистого цвета.

Длинные гирлянды из багровых лент опутывали непромокаемые козырьки и столбы-указатели. На них были подвешены банки с болотными огоньками. Огоньки денно и нощно бились в стекло, раздражаясь и разгораясь от этого лишь ярче.

Под натянутыми тентами сидели мастера-татуировщики, беззубые картежники, кальянщики с густо подведенными глазами и сумасбродные предсказательницы. На прилавках было разложено оружие и поблескивали артефакты – дешевые, массового производства. Почти безобидные. По-настоящему серьезные товары торгаша прятали в опутанных цепями сундуках у себя за спинами.

Рокочущие ряды... Наш черный рынок. Работает только по ночам, зато совершенно бесстыже, в открытую. Сайнор давно махнул на него рукой – пусть в Шолохе лучше будет немного контролируемой преступности, чем много бесконтрольной.

Простым горожанам тут делать нечего. Под глухими мантиями покупателей может скрываться кто угодно – кошкоголовый степной ассасин, съехавший с катушек архимаг, эльфийский мастер-отравитель... Толкнешь такого случайно – и до свидания, жизнь, приятно было познакомиться.

Помню, меня занесло сюда в ту неделю, когда я самостоятельно бегала по всему Шолоху, решая дела для Полыни.

Нужно было требовать неоплаченный налог с равнинного торговца эликсирами. Я думала, живой не выберусь, когда лавочник, не обрадовавшийся такой гостье, оскалил на меня три ряда клыков. Да еще и зашипел, выпустив зеленые когти.

Правда, налог он все-таки отдал. После этого я вернулась в наш кабинет, и куратору пришлось стерпеть мое краткое, но эмоциональное выступление на тему «гори оно все синим пламенем, я больше никогда не пойду туда одна». На словесные утешения Полынь скупился (подозреваю, он меня вообще не слушал), но кофе подливал исправно.

И вот месяц спустя я снова в Рокочущих рядах.

И снова одна.

Эх, судьба, сколько ж раз ты готова подсовывать нам одни и те же испытания, пока мы не пройдем их на должном уровне? Изволь принять правило, человек: развивайся. Или – прочь из игры!

Я поежилась, надвинула шляпу на глаза и медленно пошла по рынку. В руке у меня была схема Рокочущих рядов с жирным чернильным крестиком, перечеркивающим площадку у самой реки. Слегка поблуждав в лабиринте прилавков и поймав на себе пару нездоровых взглядов, я вышла к нужному месту.

На зятых водорослями ступенях, спускающихся к самой воде, спиной ко мне сидела девушка. Ее русые волосы были подстрижены под пружинистое каре. Круглые металлические очки с толстой оправой – то ли воздухоплавательные, то ли для ныряния, – служили девушке вместо ободка. Диковинные такие очки! Визитная карточка Андрис Йоукли.

– Привет, – сказала я, присаживаясь на скользкие ступени рядом с Ищейкой.

Она повернулась ко мне и внимательно оглядела меня с головы до ног. Потом какое-то время понаблюдала за тем, что происходит вокруг нас.

Я и сама стала ее разглядывать, не менее тщательно. Даже более тщательно: брови Андрис поползли вверх при виде такой моей прилежности. С ней все было по-прежнему: комбинезон из грубой ткани, рубаша под ним, румяные щечки и татуировка волчьей головы на предплечье.

– Йоу, Тинави! Надо же, а я боялась, что это будет ловушка, а не настоящее приглашение, – подивилась Андрис, закончив осмотр.

Она выпустила клуб вонючего вишневого дыма из курительной трубки и разжала руку. На ладони Ищейки лежал звездчатый металлический амулет.

Андрис запихнула его в нагрудный карман и широко улыбнулась:

– Думала, сейчас придет какой-нибудь хмырь подставной, припечатаю ему на шею Светило Утопленника и буду макать головой в воду в целях самообороны – подготовилась вот. А это действительно ты – невероятно! Где раздобыла такой шикарный нос, признавайся?

Я призналась.

– Отдай потом мне, – попросила Андрис. – В работе пригодится.

Она достала из рюкзака сочное красное яблоко, отерла его рукавом рубашки и предложила мне. Потом вытащила еще одно для себя. Мы энергично захрустели, что никак не вязалось у меня с черным рынком, чье опасное варево бурлило у нас за спинами, изредка выплевывая драки.

Андрис очень любила оружие. Неизбывной радостью для нее было пойти и спустить ползарплаты на какие-нибудь безумные зажигательные смеси, метательные ножи и хитроумные стебельковые пики. Еще она не понаслышке знала, как обращаться с гайками и винтиками: Йоукли могла играючи собрать с нуля походный нож, да не простой, а с какими-нибудь медными шестеренками по боку и выпуклыми линзами разноразмерных луп.

В общем, Рокочущие ряды не только были важны для нее с точки зрения рабочих контактов, но и нравились Йоукли сами по себе. Это она выбрала их для нашего тайного свидания.

– Андрис, почему Польша в тюрьме?

– Потому что нарушил закон.

– А что насчет генеральского желания? Что он попросил, если не свободу?

– Понятия не имею. – Ищейка с размаху метнула огрызок яблока в реку. – К нему не пускают визитеров.

Потом Андрис взяла свою трубку, вытряхнула из нее старый табак и полезла в кисет за свежей порцией.

– Более того, никто причастный не соглашается даже словечком про Польшу обмолвиться. Я подняла все свои связи, просто все. Всех должников перетрясла, лишь бы хоть что-то узнать. Но им будто языки отрезали. Молчат, и все тут.

Андрис щелкнула пальцами, зажигая трубку. Набрала полный рот вишневого дыма и выдохнула:

– Ситуация нехорошая, Тинави. Король бросает Внемлющего в тюрьму, затем – ни с того ни с сего – признает его Генералом Улова, заказывает статую, и – тишина. Никакой информации про казнь. Ничего про дарственное желание – загадано, не загадано. Мне кажется, его Польшу вообще не дали. Плюс тотальная изоляция. А ведь даже к самым страшным убийцам допускают мастеров Легких Мыслей и близких родственников.

– Но ведь ты не родственник, – осторожно заметила я.

– Я лучше родственника, Тинави.

М-м-м. Вот как.

Ищейка продолжила:

– Я не понимаю, зачем Сайнор устроил этот фарс с генеральством. Боюсь, от короля добра не жди.

«Просто Сайнор не может противиться воле хранителей, а приказ Карла был весьма четким: не убивать, выдать генеральство и желание», – подумала я. Я могла бы успокоить Андрис, в который раз за день заведя героическую волюнку о своих похождениях, но...

Но пока не стала этого делать.

– Как ты сбежала из тюрьмы, Тинави? Ты можешь проверить это еще раз?

– Нет, не получится: там была индивидуальная ситуация.

– Точно-точно?

– Точно, Андрис.

– Жаль... Я на тебя рассчитывала, – прикусила губу лучше-чем-родственница.

– Ты хочешь устроить побег Польшы?

– Да.

Мы немного помолчали. Блестящая в свете молодой луны вода Топлого канала зеркалом лежала перед нами. Отдельные островки кувшинок белыми пятнами разбивали черное безмолвие водной глади. Вдалеке надрывались лягушки, в лещине на противоположном берегу

зарянка упражнялась в музыкальных гаммах, а постаревшие стволы орешника скрипели и завывали на ветру.

– А что говорят в ведомстве? – не удержалась я от вопроса.

– О чем?

– Ну о заключении Полены. И о моем исчезновении.

Прежде чем ответить, Андрис выпустила несколько дымных колец:

– Ты только не обижайся, но... Ни одна сплетня не живет больше недели нигде, кроме как в головах действующих лиц. Про Полюнь иногда вспоминают, правда. Про тебя – нет.

Я, конечно, обиделась. Но постаралась это подавить, еще больше уязвленная оттого, что меня такое обижает и что Андрис это заметила.

Ищейка поднялась и поманила меня:

– Пойдем, покажу кое-что.

Вслед за Андрис я устремилась в ядовитые пары Рокочущих рядов. Йоукли была здесь одной из немногих, кто не скрывал лицо. Она со знанием дела лавировала между головорезами всех мастей, и ее хорошенькая кругленькая рожица с родинкой под правым глазом вызывала недоумение у матерых контрабандистов.

Ищейка отвернула полог какого-то особенно грязного шатра, и, зайдя за ней внутрь, я поперхнулась от неожиданности: на длинных походных матах сидела целая банда горных троллей.

Внезапно!

Тролли резались в покер, но замерли при нашем появлении. Меня впечатлили их каменные лица с фиолетовым отливом.

– Йоу, ребята, – сказала Андрис.

– Здорово, – ответили тролли.

– Вечер добрый, – вежливо улыбнулась я.

Андрис представила нас. Не берусь повторить прозвучавшие имена, так как мода у троллей странно тяготеет к согласным буквам: сочетания типа «грвкшм» и «дцхчтк» кажутся им приятными и мелодичными. Как Андрис не сломала язык, знакомя меня со своей шайкой, – ума не приложу.

– В общем, это мой крайний выход, – объяснила она, когда мы снова вышли на улицу.

Я нахмурилась:

– Ты что, возьмешь королевскую тюрьму приступом?

– Я тебя умоляю! Нет, конечно. Мы собираемся под курган, найти его высочество. Королевской награды в сто тысяч хватит на то, чтобы с потрохами купить не одну смену тюремной стражи.

– Но, Андрис, я не думаю, что Лиссай...

– Жив? Я тоже не думаю. Но даже тело принца – это лучше, чем ничего, – вздохнула она.

Вообще-то я хотела сказать, что Лиссай вряд ли под курганом, ну да ладно. Может, хорошо, что она меня перебила.

– Тролли – самые твердые ребята во вселенной, – продолжала Андрис, постепенно увлекаясь. – Я подсчитала, какими бы кровососами не были эти тысячелетние упыри, они потратят на одного тролля столько времени, – даже если не будет сражения, просто попробуют от него что-то отгрызть, – что я успею полнекрополя обежать в поисках принца. А у меня троллей много, ты сама видела.

– А тролли знают, что ты их за «мясо» считаешь?

– Тролли ценят любые аферы, от которых хоть немного пахнет деньгами. И очень верят в себя.

– Но эти упыри перебили кучу магов, потом растерзали пятерых Ходящих и почти прикончили шестого.

– В несколько приемов, не забывая. А нас будет три дюжины. Может, упыри вообще наелись уже – никто ведь не удосужился проверить... Тинави, я не верю Сайнору. То, что Ловчего до сих пор не казнили за измену – это чудо какое-то. Король может передумать в любой момент. А я не собираюсь лишаться Полыни окончательно.

Я подцепила ногой камешек и бездумно пнула его, запусив далеко вдоль торгового ряда. Камешек, как назло, попал в щиколотку какому-то негодяю в узких штанах. Негодяй стал медленно и неумолимо разворачиваться в нашу сторону. Это не предвещало ничего хорошего. Я ойкнула. Андрис схватила меня за рукав и утянула в щель между двумя палатками, от греха подальше.

Все это время она не переставала расписывать мне плюсы своего плана. Ее подгонял страх перед возможной казнью Полыни... Я же знала, что времени у нас, в теории, полно (если не брать в расчет крайнюю тоску пребывания в тюрьме): можно придумать план получше.

Да и вообще. У Полыни есть желание! Если бы приспичило выйти – он бы вышел.

– Ну что, ты с нами? – Слова Андрис ударили меня, как обухом по голове.

– С вами?

– Да, ты ведь тоже пойдешь под курган? Если выберешься живой, Сайнор и тебя, в теории, может амнистировать, – улыбнулась она. – Зачем жить подпольно?

Я замешкалась и увидела, как улыбка Йоукли потихонечку-полегонечку сползает вниз, очень медленно, будто давая мне шанс одуматься, исправиться. О нет. Она думает, что я струсила! Прах! Но ведь...

– Экспедиция под курган не имеет смысла, Андрис, – вслух закончила свою мысль я.

Твердо, максимально твердо.

– Тинави, я все просчитала. Это единственный выход. Поверь. – Она развела руками.

– Это вообще не выход. Это скорее бестолковое самоубийство.

Я хотела пояснить свою мысль, но в этот момент Андрис посмотрела на меня с таким неожиданным... презрением, что ли, что я невольно отшатнулась.

– Я не настаиваю на твоём участии, – сухо проговорила Ищейка. – Просто предложила, решив, что так правильно. Ведь это ты бросила его там, Тинави. – Голос ее стал ниже. – Ты бросила его в тюрьме, а сама каким-то образом сбежала – согласишься, некрасиво? Но, оки-доки, об этом забудем. Однако не надо пугать смертью меня, ладно? Я – не ты. – Она сложила руки на груди и вызывающе приподняла брови.

У меня в глазах потемнело от внезапной злости. Стайка теневых бликов с любопытством прыгнула на периферию взгляда, и в сознании мелькнуло ликующее: «Испечем ее?!»

Я ахнула, заморгала и панически прижала руки ко рту: так, тихо, унни! ТИХО, я сказала!

Андрис, видимо, приняла эту мизансцену за какие-то новые доказательства моего страха.

Ищейка фыркнула, отвернулась и попробовала уйти, но я ухватила ее за рукав рубашки:

– Андрис, погоди! Ну не глупи, пожалуйста! – Злость смешалась с паникой. – Просто поверь мне – тебе некуда торопиться с этим планом, хорошо?

– Не хорошо. – Она отцепила мою руку от локтя. – Мы выдвигаемся в четверг ночью, я уже обо всем договорилась. Если у тебя есть какие-то обоснованные возражения – говори. Я слушаю.

Меня жутко коробил ее тон. Мягко говоря, он не добавлял желания делиться хоть чем-нибудь.

Я неохотно выдавила:

– Это очень долгая история, Андрис... Там полно чужих тайн, поэтому я бы не хотела ее рассказывать.

– Йоу, ну конечно! Или ты просто не хочешь, чтобы это я вытащила Полынь. Но и самой тебе неохота стараться. Помнишь сказ про собаку на сене?

Сиплая злость внутри меня снова всколыхнулась... Я замерла, пытаюсь подавить эту маящую ярость в душе. Прах, мне что, теперь всю жизнь с соблазном разрушения бороться?!

Андрис, не отводя от меня взгляда, искривила губы так сильно, что они уплыли вбок, будто у рисованных персонажей. В эту скособоченную ухмылку Андрис привычно воткнула трубку, пыхнула дымом и вдруг начала меня отчитывать:

– Молчишь, Тинави? Удобная у тебя позиция – обмотаться не своими тайнами, будто поясом смертника. Как бы все по принуждению. Ты такая маленькая, слабенькая, миленькая, с этими огромными глазищами, и жутко хочешь всем помочь, но не можешь – иначе злоумышленник, хозяин пояса, подорвет все к праховой бабушке. Отличный предлог для ничегонеделанья. Это работает раз. Это работает два раза. Но трижды... Не знаю. Ты мне нравишься – боги видят, ты мне нравишься, – но что-то мне уже надоело. Многовато вокруг тебя вопросов, даже если смотреть с отдаления, как это делаю я. Полынь, может, и готов был с тобой нянчиться, он слишком уж падок на прикопанные секретки, но со мной так не пойдет. Выкладывай начистоту – или смиришься с тем, что ведешь себя недостойно.

В ее медово-ореховых глазах был такой вызов, что мне захотелось убежать – чтобы случайно не сделать чего-то, о чем пожалею... Но я лишь глубоко вдохнула, прогоняя блики. Спокойствие, только спокойствие.

Я склонилась к Андрис, девочке-отвертке, и тихо повторила:

– Вам некуда торопиться. Не надо идти под курган. Полынь не казнят. Лучше придумать другой план.

– Придумывай. Расскажешь, когда я вернусь из некрополя.

Башенные часы на Ратуше начали вызванивать полночь. Звук постепенно подхватывали все остальные куранты и колокола столицы. Традиционное ночное шоу, главный объект ненависти всех любителей тишины.

Йоукли воспользовалась долгим перезвоном как предлогом и, попрощавшись, выскользнула из нашего уголка и мгновенно затерялась среди посетителей Рокочущих рядов.

Я застонала и закрыла лицо руками.

* * *

Когда я вернулась в поместье Мчащихся, Кадия еще не спала, судя по горящим окошкам ее спальни.

Всю дорогу до этого Патрициус продолжал радоваться нашему с ним «новорожденному дуэту, прекрасному союзу», совершенно игнорируя тот факт, что я не проронила ни слова. Кентавра так воодушевляла идея бравой команды «Езжай и Стражди», что он даже собрался рисовать о нас комиксы, подрядив в качестве художниц своих многочисленных дочурок.

– Кажется, я опять наделала глупостей... – простонала я, вваливаясь в комнату.

– О, ну хоть что-то в этом мире стабильно! – отозвалась Кадия. Подруга сидела в удобном бархатном кресле и хихикала. В кресле напротив сидела моя подводная ночнушка.

– Ты посмотри, Тинави! Эта штука повторяет все мои жесты! – восторженно взывала Кад.

Для демонстрации волшебства она показала мне кукиш. Рукав серебристого балахона тотчас свернулся в такую же фигу. Кадия заржала. Ночнушка мелко затряслась, переливаясь чешуйками.

– Кажется, вы отлично сработались! – улыбнулась я.

Кадия лишь ликующе закивала, радуясь, как ребенок. Мне не хотелось портить ей настроение своими проблемами. Я села поодаль и стала придумывать планы – миллион планов по спасению Полыни из тюрьмы. Ни один не выдерживал критики...

На сто двадцатой дурацкой идее я сдалась и рухнула на кровать лицом вниз. Мне было стыдно перед Андريس. Кадия продолжала экспериментировать с рубахой, громко удивляясь и восторгаясь ее знаниями-уме- ниями.

– Ну вообще! Она даже сама на меня надевается, с лету! А-ха-ха, ты что щекотишься, поганка!

Я уже спала, когда Кад заботливо подоткнула мне одеяло.

– Утро вечера мудренее, подруга. Все наладится. Обещаю, – сказала она, и в ее голосе звучала непривычно мягкая улыбка.

Мой сон тотчас стал гораздо светлее.

День цветов, Сайнор и Карл

День цветов – один из пяти летних праздников Лесного королевства. По статистике, у четверти туристов, приехавших на фестиваль, начинается аллергия – в Шолохе развешено слишком много цветочных гирлянд. Поэтому рекомендуем вам положить в саквояж толченый корень ларош-травы или эссенцию квадральсты. Вы ведь тоже не пропустите карнавал?

Энциклопедия «Дорогах»

– Тинави, ты меня слышишь? Эй?

– Дай ей пару минут, Карл.

– Она плохо выглядит. Может, слишком резко выдернули?

– Она человек. Они хлипкие. Подожди немного.

– Ави, это грубо. Касательно живого существа говорят «слабые». Слабые, а не хлипкие.

Хлипкий – это стол. Или алиби. Или сюжет в этом новом блокбастере.

Я открыла глаза. И сразу закрыла обратно.

Карл, сиятельная Авена и я сидели за шатким трехногим столиком в уличном кафе. По дороге мимо нас пронеслись ревущие механизмы, похожие на железные алхимические капсулы, с грохотом взрывающие тонкую пленку пространства. На обочинах росли шершавые деревья, чьи круглые коричневые плоды были втрое меньше плодов ошши. Странная музыка откуда-то сбоку – слишком быстрая, слишком резкая – корбила слух: будто каменный великан энергично боксирует с твоей ушной перепонкой на роли груши...

– Тинави! Ты как? – Заметив мое движение, Карл смягчился.

Его детский голос отнюдь не соответствовал бешеной обстановке вокруг.

Подкатившая тошнота мешала как следует осмотреться, хотя мир вокруг был безумно интересным. Везде – стеклянные дома из давних видений Карла – нереальные, невозможные здания, крышами подпирающие небо.

Над самым ухом раздался героический голос богини Авены:

– Что ж, добро пожаловать в Форт-Лодердейл, девочка.

– Это не сон, да? – прошептала я, зажмуриваясь еще сильнее.

– Нет. Не совсем.

Сначала я протянула руку вперед, потом нащупала теплое запястье Карла и только затем снова открыла глаза.

Мы сидели на жаркой, очень жаркой улице.

Авена. Богиня – она и есть богиня, белокурая, величавая; Карл в знакомой мне ипостаси мальчишки; Лиссай и я.

Лиссай! Тонкое, изможденное тело принца обмякло в инвалидной коляске, какие встречаются в портах Саусборна. Лиссай был будто всплывший труп на ночной поверхности озера: глаза закрыты, руки безвольно раскинуты на подколотниках, а лицо обращено вверх, к безупречной синей выси.

– Лис здесь? Он что, мертв?! – Я одурела от собственной смелости, задавая этот вопрос.

Светло-рыжие, будто рассветные волосы Лиса непослушно торчали во все стороны. Прозрачная белая кожа светилась, такая чужая всей этой загорелой роскоши кругом. Многочисленные веснушки дрожали перед глазами.

– Жив. – Карл не стал мучить меня предисловиями. – Повезло.

– Куда же его выкинуло Междумирье?..

– Куда *нас* выкинуло Междумирье, – поправила Авена. Глаза богини прятались за огромными очками с блестящими стеклами-зеркалами. – В предместья Хаоса, если тебе это о чем-то говорит, девочка. Принцу хватит впечатлений на целую жизнь.

Я ахнула.

– Боюсь, вся ситуация со Зверем оказалась хуже, чем я мог представить. – Карл сквозь трубочку потянул темную пузырящуюся жидкость из запотевшего стакана. – Зверь не только выжил – Зверь стал сильнее, черт бы его подрал. И с Междумирьем беда...

– Не забивай смертной голову. – Авена, сдвинув очки на кончик носа, строго посмотрела на Карла.

Он покосился на величественную сестру и незаметно от нее подмигнул мне. Потом снял с себя кепи с жестким козырьком и нахлобучил Лиссаю на голову. Он одернул ее так, чтобы казалось, что принц просто спит, размякнув на полдневной жары.

– Мы вернем Лиссая в Шолох, но пространственно-временной континуум потребует пару дней на его перемещение. Можно было бы сделать временную воронку – но ни Авена, ни я не специалисты, это сфера Теннета. Впрочем, разберемся. Какое у вас сейчас число?

– Ночь на двадцать пятое июня.

– Отлично. Двадцать седьмого июня в одиннадцать вечера тебя выкинет ко мне, и принц уже будет готов к возвращению домой.

– Но почему я не могу забрать его сейчас?

– Потому что тебя тут нет, Тинави. Ты спишь в Шолохе. Здесь только проекция, твоё отражение. Ты чувствуешь себя живой, но местные не ощущают твоё присутствие, разве что как холодок, непрошенные мурашки на шее. А вот Лиссая нужно вернуть целиком – ну если ты не рассчитываешь на ещё одного милого шолоховского призрака...

– Двадцать седьмое июня, одиннадцать вечера, я поняла.

– Супер. – Карл улыбнулся.

Авена кивнула мне:

– Всего хорошего. – И богиня бросила на Карла недвусмысленный взгляд: ты тоже закругляйся.

Хранительница отодвинула металлический стул и пошла к внутреннему помещению кафе. Когда Авена скрылась за стеклянными дверьми – они разъехались перед ней по сторонам сами, словно по заклинанию, – мальчик наклонился ко мне и быстро зашептал:

– Тинави, учти, Междумирье продолжает барахлить. Очень сильно. Несмотря на то что я закрыл входы и подчистил логи, оно бесится и жадно втягивает в себя всех, кто похож на хранителей. А ты похожа – моей магией. Так что, пожалуйста, будь аккуратна и не вздумай поддаваться ему, если попробует притянуть.

– Хорошо, Карл. Слушай, а насколько все плохо со Зверем? Один мой друг по имени Ол`эн Шлэйла боится, что мир падет...

Но Карл уже рассеянно смотрел на то, как к нам возвращается Авена, листающая меню. Мальчик кивнул в её сторону:

– Она очень расстроена из-за моего поведения, и это справедливо... Увидимся, Тинави. – Карл поднял холодный бокал с трубочкой-зонтиком мне навстречу, будто хотел чокнуться.

Обжигающе-красочный мир закачался и ухнул куда-то вниз.

* * *

Нежные припудренные потоки солнечного света акварельными мазками разукрашивали летнюю спальню Кадии.

Высокая этажерка с воинскими дипломами, бархатная лиловая тахта и туалетный столик составляли треугольник композиции, открывшейся моему ословелому взгляду.

Серебристо-салатовые ивовые грозди непрошеным изобилием вваливались в распахнутое окно. За ним с плеском дурачились краснобокие карпы в декоративном пруду. Вдалеке, пока еще тихо, приборматывая, распевалась садовница – краснощекая кудрявая душечка с кнаским акцентом, немилосердно затянутая в корсет.

Я перевела дух. Потом вытащила из-под невесомого одеяла руку и с опаской ощупала лицо, шею, плечи. Вроде все на месте. Сев в кровати, я сбросила ступни на каменный пол, привычно постаравшись не наступать на трещинки между розовато-оранжевыми, цвета апельсина меренги, плитками.

Бом-м-м-бом-бом... Старинные ходики вскинулись на стене, дважды повторили свой трехдольный напев.

Шесть утра.

Я вышла в сад: босая, припухшая со сна, со встрепанными волосами. Утро в Шолохе было до боли прекрасно...

Я застыла на резном крыльце летнего домика Кад, не в силах вдохнуть: мешали то ли остатки межпространственного сна, то ли так некстати припершая к стенке ностальгия.

Сметанные облака аппетитными ложками сгущали высокий лазурный небосвод. В скрупулезно подстриженной траве с безбашенной смелостью тарахтели кузнечики. Блестящие, как самоцветы, стрекозы расчетливо вспарывали шелка утреннего воздуха, слоями поднимавшегося от земли: холодно, теплее, совсем тепло... Я глубоко вдохнула эту пьянящую шолоховскую боль.

Жизнь.

Привет, жизнь!

Как же я тебя люблю, дорогая моя, драгоценная моя, моя главная страсть и главная радость. Куда бы ни мчались безумные кони фатума, как бы далеко ни было настоящее от моих детских мечтаний, знай, жизнь, – ты прекрасна. Каждым вздохом своим я славлю тебя, каждой секундой бытия. И неважно, кто я, что я, что сделала, а что – увы, но нет. Неважно, любит ли меня хоть кто-нибудь, я люблю – тебя, моя жизнь, тебя, мой Шолох, и значит, все это уже не зря.

Где-то там красивый, золотой, как старинная монета, Лиссай спит под палящими лучами такого знакомого, а все же чужого солнца. Послезавтра его вернут домой. А значит... это значит, что... Ох!

Я аж подпрыгнула, когда у меня в голове с ясной отчетливостью нарисовался слегка безумный, слегка самонадеянный, но все же план – план, который мог дать сто очков вперед Андрис с ее дурацкими троллями и григами и переходом на личности.

От избытка чувств я послала воздушный поцелуй садовнице, копавшейся в зарослях шиповника, и вприпрыжку бросилась обратно в спальню.

* * *

– Кад, Кад, просыпайся! – расталкивала подругу я, с ногами забравшись на кровать и пытаясь отобрать у нее подушку. Свою подушку, ведь стоило мне покинуть наше ложе, Кадия заграбастала мою сатиновую думочку и нежно сжала ее в объятиях, сладко посапывая. На мои толчки – весьма интеллигентные, надо признать, – она не реагировала. Ситуацию спасла ночнушка из Рамблы, которая стремительно бросилась на лицо подруги и сжала той нос и глаза, будто припадочная профессиональная лобызательница.

– Хей! – Не успела я испугаться, как подруга уже очнулась.

Рывком сорвав с лица серебристую тряпку, Мчащаяся расхохоталась:

– Ой, не могу! Эту штуку можно использовать как будильник! Ну чего, чего тебе надобно, неугомонная? – ласково обратилась она уже к рубашке. Та замерцала, смущаясь.

– Слушай, Кад, а хочешь, я тебе ее подарю? – внезапно предложила я. Обе, стражница и ночнушка, повернулись ко мне в счастливом изумлении.

Я усмехнулась:

– Бери!

– То-о-очно? – Глаза Кадии возбужденно полыхнули голубым. Чешуйчатая рубашечка метнулась на шею подруги, обмотавшись вокруг нее, как диковинный шарфик.

– Точно. Вы идеальная пара, а вот у нас не сложилось, – фыркнула я.

Кадия возликовала. Рубашка с лету напрыгнула на нее, наползла через голову прямо поверх нормальной, неживой комбинации – черной, шелковой, жутко красивой, сшитой на заказ. Я, довольная, отправилась умываться.

Как же здорово дарить! Просто брать – и дарить. Вы возмутитесь: велика наука – дарить то, что тебе самому не нужно. А все-таки – неважно. Дать человеку то, от чего сердце его радостно подскочит, – это величайшее наслаждение. Чувствуешь себя таким свободным, таким благополучным... А кем себя чувствуешь, тем и становишься. Закон наивный, но действует. Прах поberi, на сто процентов действует.

Когда я вернулась в спальню, Кад уже сидела за письменным столом, одну за другой выводя лиловые ташени. Ночнушка переливалась на ней всеми цветами апрельского лососевого нереста и поприветствовала меня, на мгновение блеснув иссиня-зеленым.

– Кому пишешь? – полюбопытствовала я, перед зеркалом прилаживая свой суровый псевдонос.

– Коллегам. День цветов – слишком крупный праздник для того, чтобы мы в Чрезвычайном департаменте чувствовали себя в своей тарелке. Так и ждешь подлянку от расслабленной публики. Везде чудится опасность. Готовлюсь к бою и обороне, короче. – Кадия со вздохом почесала свой хорошенький вздернутый носик, густо намазанный кремом от солнца. Ты ж моя предусмотрительная!

Я призадумалась:

– То есть, считай, праздников у тебя больше нет? Чем больше отдыхающих, тем большая нагрузка на ваши плечи?

– Именно. В обычные дни за порядком присматривает куча госслужащих. По праздникам – только мы.

– А где будет твой пост?

– Возле Башни магов.

– А во дворце во время праздников тоже чрезвычайники дежурят?

– Конечно. На каждом этаже.

Мое сердце громко заколотилось. Я подошла к Кадии, присела на резной подлокотник кресла, в котором подруга уютно свернулась, обложенная душистыми письмами, перьевыми ручками и пушистыми склянками духов, и беззаботно спросила:

– А ты можешь поменяться с тем, кто дежурит у покоев Его Величества Сайнора?

Кад подозрительно сощурилась на меня через зеркало.

* * *

Шолоховский День цветов!

Что может быть прекраснее? Мой день рождения чуть-чуть не дотянул до этого фестиваля, о чем я бесконечно, беспредельно, бездумно жалела в детстве – и чему так радуюсь сейчас. Потому что День цветов – он для всех. А день рождения – только для меня.

С возрастом все больше ценишь эксклюзивность.

Но День цветов, как ни крути, всегда так свеж, прохладен и впечатляющ, будто в первый день бытия. Горожане щеголяют изысканными полумасками и цветочными венками в волосах,

глава Башни магов проезжает в жемчужной карете по улицам, раздаривая благословения с щедрой подачи налогоплательщиков; гирлянды из пионов украшают переулки.

Ярмарки гремят на площадях, рыцарские турниры дребезжат подле трактиров, музыканты взрывают легкие, стремясь отдать зрителям как можно больше волшебных песен... Иноземцы наполняют Шолох, как модные аметистовые амулеты – шкатулки столичных фифочек, и никто уж не разберет, где свой, где чужой. Смотрящие не бдят, Ловчие не ищут; все, кроме унылой горстки стражников-чрезвычайников, праздно шатаются по городу, разукрашенному так сочно, что веришь, что именно здесь начинается радуга.

Часть шолоховцев уже вплотную познакомилась с чарующей настойкой облепихи и распевала фольклорные гимны, когда мы с Дахху пересекли Трекованный мост.

Зеленый лабиринт, экстерьерная прихожая дворца, был набит горожанами.

Ребятишки в плащах-летягах и масках милых зверушек то и дело выскакивали мне навстречу из-за фантазийных можжевельных стен. За ними с встревоженными вскриками носились мамки и няньки. Периодически взрослые путали детей: когда все в масках, поди разбери, твой это Джекки лезет обниматься к мраморному ферзю или все же соседский! Шахматные фигуры в два человеческих роста, верные стражи лабиринта, злобно скалились на непрошенных гостей, но тем было абсолютно неважно мнение каких-то там каменных глыб.

Охрана бездельничала, предпочитая скорее любоваться всполохами магических огней в небе, нежели следить за туристами. Я в который раз порадовалась, что моя татуировка Ловчей неактивна. (Пусть магия ко мне и вернулась, но это Карлова магия, не имеющая ничего общего с насильственным – с точки зрения унни – клеймением сотрудников.) Госслужащую, тем паче беглую, засекли бы куда быстрее, чем прохлаждающуюся девицу в костюме лесного зверька: мы с Дахху вырядились лисами.

– Я вернусь через час, если все пойдет по плану, – шепнула я Смеющемуся.

Дахху опирался сразу на два костыля – для верности. Ходил он довольно бодро, но иногда опасно спотыкался на поворотах. Со стороны казалось, будто в такие моменты он вдруг решает сплясать: эту палку сюда, эту ногу туда – и шарфик залихватски летит через плечо... Я еле успевала подхватывать друга.

– Подожду тебя на шахматной поляне, – улыбнулся Дахху. Его тонкие бледные губы приподняли края лисьей полумаски.

– Сам дойдешь? – критично уточнила я.

– Вряд ли. Но вдруг мне помогут?

– Кто?

Дахху поднял взгляд к огромному ферзю, мимо которого мы проходили.

– Может, вы, сэр? – спросил друг у мраморной фигуры. – Пожалуйста!

Я с беспокойством воззрилась на Дахху... Так. Ему в Лазарете, случайно, лишнего морфия не сыпанули?

Но... Ферзь вдруг шевельнулся, пробуждаясь от долгого сна, и шагнул вперед. Распрямил правую руку, склонился и уцепился молочно-белой кистью за локоть Дахху.

Я аж поперхнулась.

– Я не знала, что они так умеют!

– Я тоже не знал, пока не спросил! – восторженно ответил Дахху, нимало не смущаясь мраморной громады, взявшей его в плен. – Иногда стоит сделать что-нибудь наугад. Тинави, сколько же в Шолохе тайн! Много-много тайн, лишь копни. – Смеющийся с любопытством посмотрел наверх. Глаза его цвета осеннего пруда затянуло мечтательной ряской.

– Ты пришли ташени, если вдруг ОН отведет тебя не на полянку, – шепнула я однокурснику, глядя в непроницаемое лицо скульптуры.

Дахху отмахнулся и выронил костыль. Ферзь услужливо поднял деревяшку.

* * *

Я шла по дворцовому острову и улыбалась.

Не только потому, что улыбались все вокруг, в кои-то веки не стесняясь быть счастливыми на людях, но и потому, что мне было до жути хорошо. Так хорошо, как случалось только в Святилище, где воздух напоен загадками, а белый туман меж чуждых деревьев плывет из одних миров в другие.

Наверное, поэтому я всегда так любила туман... Каждый вечер он исподволь, незаметно затапливал Шолох, собирался сизым облаком в долах и низинах, осторожно примеривался к деревянным ступеням моего коттеджа.

Мне бесконечно нравилось выходить на порог около одиннадцати, когда город замирал между последним судорожным выдохом вечера и первым ласковым вдохом ночи; выходить, крепко сжав в руках глиняную чашку с липовым сбором, прислушиваться к жужжащей тишине далеких болот, втягивать носом чуть влажный, прелый воздух Смахового леса и долго, долго вглядываться в потустороннюю седину тумана.

Откуда он пришел, этот туман? Из какой неведомой земли? Что он видел, прежде чем вольготно улечься поверх моих розовых клумб, и куда уйдет на следующую ночь?

Междумирье... Это слово, суть описывающее Святилище, фруктовым льдом таяло на языке. Междумирье... Однажды Лиссай признался, что нигде не чувствовал себя таким свободным, как там, в тихой реальности с позабытой богами беседкой. И пусть сейчас Святилище под запретом, и пусть наша последняя встреча обернулась липким мушиным кошмаром, я явственно вспомнила, какой силой, какой радостью Междумирье было и для меня тоже.

Я уже подошла к главному входу во дворец, когда заметила, что кончики моих пальцев лучатся сквозящим золотым светом. Будто в фаланги вживили маленькие плоды ошши, которые просвечивают сквозь кожу.

Я встряхнула кистями. Сияние усилилось. Я подула на пальцы – снова обратный эффект.

Горожанин в маске оленя, сидевший на ступеньках дворца и непочтительно жевавший бутерброд, открыл рот и так и застыл, глядя на этот свет.

– Прах! – Я поскорее спрятала руки в складки плаща.

Это что за дела?! Ручеек в душе, давний символ унни, вдруг хлынул в самое сердце широким стремнинным потоком, сметающим все вокруг. Я охнула и согнулась, чувствуя, как реальность неумолимо расползается по швам.

– Святилище, отвянь! – рявкнула я, поняв, что происходит. – Не сегодня! Нельзя! Фу!

Люди начали оглядываться на странную незнакомку, говорящую с собственными ботинками. Я изо всех сил пыталась удержаться за шаткую действительность.

Святилище хотело общаться.

Все, как сказал Карл.

Унни почувствовала мое благодушное, мечтательное настроение и раскрыла навстречу объятия, словно любимая бабушка. Близость кургана тоже сыграла роль. Энергия мироздания бурно радовалась гармонии, так некстати воцарившейся в моей душе, и жаждала позвать меня в гости.

Праховы ладони бессовестно горели золотом даже сквозь плотную ткань плаща. А еще нестерпимо жарили! Я вытащила их обратно и с шипением уперла в мраморные плиты ступеней, надеясь остудить. Раздались ошеломленные вскрики, пронзительный младенческий плач. Кто-то заорал: «Стража!» Детский голос над самым ухом восторженно ахнул: «Тетенька горит?!»

Святилище тянуло меня к себе, как, бывало, Снежок тянет Дахху на прогулку: дергает поводок, не слушая возражений; тащит, не боясь уронить хозяина, порывкая, потягивая, само нетерпение. Междумирье не хотело понимать, что мне в него нельзя.

– Унни, поганка! – выдохнула я, осознав, что энергия бытия наполняет каждую клеточку моего существа, еще мгновение – и я просто взорвусь.

Ее надо погасить.

Срочно погасить.

Слишком много, набежала со всех окрестностей! Убийственная щедрость!

По плану унни, ее горячее изъяснение любви должно было помочь мне с перемещением в Святилище. Увы, но так не пойдет. Нет-нет-нет. Даже не просите. Иди на фиг, Святилище, неразумное ты чудовище!

Значит, два пути.

Либо я взрываюсь – сияние пальцев уже распространилось до локтей и ползло все выше и выше, по ходу дела окрашиваясь в янтарно-багряные, перезревшие тона. Либо я нахожу другой выход для скопившейся энергии.

– К Сайнору, – процедила я сквозь плотно сжатые от напряжения зубы.

Надеюсь, это делается именно так.

Руки вспыхнули алым цветом – и все пропало.

* * *

Телепортация не изменила моей изначальной позы. Толстый иджикаянский ковер, расстеленный посреди королевских покоев, прекрасно заглушал шаги посетителей – любых, будь то муштрованные горничные или укомплектованные тяжелой броней гвардейцы.

Выдержал ковер и мое приземление из ниоткуда.

Думаю, если бы не исторгнутый мной вопль, Его Величество вообще не заметил бы появление незнакомки в своей спальне.

А так – бодренько подпрыгнул на инкрустированном изумрудами кресле, эдаком внучатом племяннике трона, негодуя встал, чудом не запутавшись в многослойном парчовом одеянии, и устремил на меня пронзительный монарший взор.

Не будь я так испугана предыдущим актом собственной пьесы, умерла бы от страха.

Разозлить Сайнора... Это полный финиш.

Впрочем, Его Величество не стал гневаться. Он просто поднял руки к правому плечу и приготовился дважды хлопнуть в ладони. Я знала, что это такое. Охранный сигнал – Кадия рассказала.

Хлоп-хлоп от Сайнора – и вокруг меня тотчас материализуется переносная пыточная камера, а со всего дворца к нам галопом рванут стражи, маги, безымянные подхалимы и шестерка недобитых Ходящих. Ходящие наверняка объявятся сразу внутри предполагаемой клетки и с ходу меня придушат, если не придумают что-то пострашнее. В общем, не очень радужная перспектива.

Но король не успел позвать на помощь.

Унни сегодня была в ударе. Я была в ударе. Время ползло со скоростью улитки, раздобревшей на мясистых виноградных листьях, и обогнуть его не стоило забот.

Моя ладонь, так и не погасшая до конца после телепортации (догадываюсь, что *Прыжок* в иную реальность должен был забрать больше унни, чем перемещение на сотню метров, – так у меня образовался излишек), сжалась в кулак и осуществила красивую тринапскую подачу снизу вверх. Только вместо плотного мячика в руке пряталась чистая энергия. Она, повинувшись праху знает какому шестому чувству, в полете превратилась в золотую сеть, мгновенно сковав-

шую короля сверху донизу, как погребальную статуэтку. Так изображают плакальщиц в далеких западных культах: одеревеневшие, с поднятыми в мольбе руками.

Изумленно моргнувший Сайнор пошатнулся, но – на мое счастье – устоял. Завалился он плашмя на пол, никакой ковер бы не спас от гулкого удара. И никакая унни, никакие боги – от моей скорой казни.

– Ох ты ж ежик... – протянула я, поднялась с колен, отряхнулась и подошла к Его Величеству.

Там, замешкавшись, я сделала то, с чего планировала начать, сложись день по плану, – склонилась в земном поклоне и отчетливо проговорила в соответствии с принятыми нормами этикета – лебезя, насколько позволяет совесть, и не подымая глаз:

– Ваше Величество, я посланница хранителя Карланона, пришедшая вслед за его небесным ястребом, я прошу Вас выслушать меня. Имя мое – Тинави из Дома Страждущих, и, боюсь, если вы знаете обо мне, то лишь наихудшее. Умоляю, не судите сейчас меня, я – лишь сосуд для добрых вестей, летящих к вам от богов. С Вашего высокого позволения и благословения, при помощи хранителей наших Карланона и сиятельной Авены, я верну Вам сына, принца Лиссая. Я спасу его от нечисти, заполонившей некрополь, и доставлю Вам целым и невредимым, ибо на то воля и желание богов, чьим гласом сейчас я низжайше пришла к вам.

Я украдкой, исподлобья, глянула на Сайнора. Как и следовало ожидать, скованный золотой цепью, он не мог ничего, кроме как поблескивать белками глаз.

– Лиссай вернется к Вам, Ваше Величество, – повторила я.

Надеюсь, его проняло. Я поочередно щелкнула ногтями больших пальцев о подушечки всех остальных – и золотая цепь с легким шорохом растворилась.

Король даже не вздрогнул, освободившись от тугих пут, – как стоял, так и стоял, будто ему было зашибись как удобно все это время. Вот это выдержка! Я нервно сглотнула, исподволь следя за его ладонями: позовет охрану?

Сайнор с не меньшей опаской следил уже за моими руками.

– Боги хотят, чтобы принц Лиссай возвратился домой живой и здоровый, поэтому....

– Хватит, – прервал король. – Посмотрите на меня.

Я перевела взгляд на его безжалостные лазоревые глаза. Морщинки рунами разбегались до самых висков. Волосы были коротко стриженные, золотые. Корона с сапфиром туго перетягивала голову – интересно, она не вызывает мигреней?

– Вы ведь дружили с моим сыном, Тинави. А потом предали его и королевство, – как-то буднично укорил меня Сайнор, садясь обратно в кресло.

Я осталась стоять:

– Нет! Нет-нет. Боюсь, информация могла дойти до Вас в несколько искаженном свете, я никогда, ни в коем случае не...

– Пустое, Тинави. Значит, вы посланница Карланона. – Он бросил взгляд на гордого ястреба, все это время неподвижно сидевшего на подоконнике. Мое шоу птица переждала с колоссальным, воистину божественным спокойствием. – Какова цена?

– Что? – растерялась я.

Мне казалось, до этого пункта беседы мы дойдем еще нескоро, если вообще дойдем.

– Если бы у вас не было неких надежд, вы бы сразу пришли с Лиссаем, а не устраивали... это. – Сайнор едва заметно поморщился. – Так какова цена за спасение моего сына? Чего вы хотите, так безрассудно прикрываясь божественной волей?

Я покраснела. Прах. Я надеялась, Сайнор не допустит мысли о моей самодеятельности. Во всяком случае, так вот с ходу!

– Я бы хотела попросить об амнистии. О двух амнистиях. Для себя и для Полыни из Дома Внемлющих.

– Что ж. Хорошо.

Я заморгала. «Как это хорошо?!» – хотелось заорать мне. А где долгие дебаты? Уговоры? Мольбы и, может, угрозы? Где крики «Почему ваш куратор сам себе амнистию не попросит?!». Сайнор не спешил объяснить, с чего бы это он, король Лесного королевства, сегодня такой покладистый перед лицом зарвавшейся девчонки.

Я прокашлялась:

– Еще Полынь нужен мне в некрополе для спасения принца.

– Вот как? – Его Величество скучающе прикрыл глаза и начал массировать веки подушечками пальцев.

Мне стало как-то совсем не по себе.

– Да. Моих умений не хватит, несмотря на пособничество Карланона и Авены. Мне нужен именно Ходящий с полным комплектом запредельных способностей, чтобы миссия прошла как надо.

– Кажется, вы и сами неплохо *Прыгаете*, – пожал плечами Сайнор. – А таких золотых сетей я не встречал даже у Теневого департамента.

– Вся моя магия дарована мне пресветлым Карланом и несет на себе отпечаток дарителя.

– Значит, вы умеете лечить, сражаться и защищаться. Это именно то, что пригодится вам в некрополе.

– Но я не могу и лечить и сражаться одновременно.

– Моя гвардия в вашем распоряжении. – Сайнор костяшками пальцев подпер подбородок.

– Прошу прощения, но, если вся ваша гвардия ляжет, Совет отнюдь не будет рад. А если под курганом погибнет тот, кого вы и так похоронили в тюрьме, – какая разница?

– Договорились.

И снова странно.

Его Величество сквозь зеркало посмотрел на настенные часы, идущие в обратном направлении:

– Меня уже ждут в Зале Совета. Я спущусь туда и соглашусь, чтобы двадцать восьмого июня в девять тридцать утра маги запломбировали все новые входы в курган. Ориентируйтесь на этот срок. Если к тому моменту Лиссай не будет дома – вы умрете.

– Либо я вернусь с принцем, либо меня убьет нечисть, – подтвердила я.

– Нет. – Сайнор отрицательно покачал головой. – Не только так. Если вдруг вы струсите, передумаете, решите сбежать со своим выпущенным из-под стражи куратором – вы все равно умрете. Мне даже не придется вас искать. Любой, кто без приглашения появляется в королевских покоях, попадает под проклятие. Неважно, как пришел чужак – в дверь, в окно или *Прыжком*. Через шестьдесят шесть часов вы перестанете дышать. Вы обрекли себя на это своей дерзостью. Шестьдесят шесть часов.... Я сам выбрал этот срок для проклятья. Говорят, всю среднестатистическую человеческую жизнь можно уложить в него – вернее, все, что в ней достойно упоминания и сожаления.

Я окаменела.

Часы тикали. Ястреб застыл, буравя нас янтарным взглядом. Сайнор легонько улыбался.

Прах. Допрыгалась.

Король легонько пожал плечом:

– Если к тому моменту Лиссай будет у меня – я сниму проклятие. Кроме меня, этого не может никто. Можете спросить богов, конечно, – королевская бровь ехидно приподнялась (самую чуточку, тем ехиднее), – но я бы на вашем месте не тратил время зря. Конечно, сто тысяч золотых отменяются. Две амнистии вместо них – это даже слишком щедро.

Я кивнула и вдруг спохватилась: ох, я ведь все еще в лисьей маске! Ну да ладно. Возможно, это даже хорошо. Вдруг носатая рыжая мордочка напоминает королю о сыне и тем самым играет мне на руку в этих безумных переговорах?

– Итак, девять тридцать утра, двадцать восьмое июня. Маги закрывают трещины. Если Лиссай дома, я отменяю проклятие и подписываю два помилования. Если нет, вы умираете, Ловчего – если выживет – возвращают в тюрьму. Договорились?

– Да.

Его Величество встал, попрощался со мной легким кивком головы и бесшумно прошел к выходу из покоев. Я, сохраняя почтительную дистанцию, поплелась за ним.

Перед самыми дверьми он развернулся, снял с указательного пальца крупный желтоватый перстень и протянул мне:

– На эти шестьдесят шесть часов вы снова в законе, Тинави... Снимайте уже свой ужасный нос.

Ого. И как он разглядел муляж под карнавальной маской?

Сайнор вышел в коридор. Стражники-чрезвычайники хором гаркнули «Вашличество!» и дружно топнули правой ногой. Сайнор не ответил и торжественно, не оборачиваясь, поплыл прочь.

Я снаружи закрыла за собой дверь в покои и оперлась на нее же, переводя дух, не в силах поверить в то, что вообще произошло.

Правый стражник сохранял профессиональную невозмутимость. Левый стражник, едва Сайнор свернул за поворот, поднял глухое амарантовое забрало.

– Может, объяснишься? – прошипела Кад.

– Ты на посту, душа моя. Тебе нельзя болтать, – пробормотала я.

Ее взгляд мог прожечь во мне дырку. Я прикрыла глаза и примерила королевский перстень на большой палец.

Сел идеально.

Итак, начинаем обратный отсчет.

Дождь в июньскую ночь

*Лил дождь, и город наполнялся небом, Сошедшим к нам. Желая
обогреться, Оно искало тех, за кем горячим следом Тянулось прошлое –
и омывало, Обновляло, Любуясь, целовало сердце.*

Шолоховская баллада

Я вышла из дворца – и о моей решительности можно было слагать легенды.

Первое, что я сделала, – нагло, пользуясь предоставленными Сайнором благами, сорвала с себя лисью полумаску, на весь мир выставя лицо разыскиваемой преступницы.

Но – ноль эффекта! Секунду я соображала: что за дела, где реакция гвардейцев? А сообразив, не менее помпезно, с хлопаньем, отодрала от себя и карнавальный нос тоже. И шляпу сбросила, что уж там.

Вот тут-то стражи и дернулись!

Но я лишь гордо выставила им навстречу перстень с королевской печатью. Это сработало: гвардейцы замерли как вкопанные. Видимо, практика с «дозвоительными» кольцами была во дворце в ходу. Хм... Интересно, как далеко я могу зайти с эдаким перстеньком на пальце? Не то чтобы я слишком озабочена вопросами вседозволенности, но соблазн творить чушь, пока можно, велик. До ужаса велик.

Так, изо всех сил тормозя своего внутреннего бунтаря, я пошла на шахматную поляну к Дахху.

Вечернее солнце в прощальной щедрости вызолотило и без того мягкие краски островных угодий. Наш многоуровневый дворец, похожий на свадебный торт с декоративными бусами плющей, возвышался надо мной, как гора. Диагонали этажей сбегались к наивысшей центральной точке – белоснежной башенке, над которой реяло полотнище с шолоховским гербом: коронованным деревом инграсиль, растущим из кургана, под которым изображен бриллиант.

Народа вокруг стало еще больше.

На небе со свистом носились спирали магических огоньков. Они сбивались в стаи, будто скворцы, и удивительными геометрическими фигурами рассекали набухающую сумеречную синеву.

Когда я нашла Дахху, он безмятежно улыбался, глядя вверх своими чуть плывущими из-за лекарств глазами. Белый ферзь поддерживал Смеющегося за шарфик – как за поводок.

Друг стоял в углу игрового поля и лениво «рулил» сразу двумя юными шахматистами: поочередно подсказывал то одному, то другому. Детишки таскали огромные пешки с клетки на клетку и выражали бурный восторг, когда Дахху рекомендовал кому-то из них «съесть» фигуру противника: в таких случаях ее заваливали на бок и колбаской скатывали с доски.

Я подошла к Смеющемуся. Он извинился и прервал партию, посмотрел на меня выжидающе.

– Все получилось, ура! Полынь выпустят, чтобы мы спустились под курган.

– Ура! А что у тебя на шее?

– В смысле?

Дахху указал на полированный диск солнечных часов, тускнеющий подле шахматной полянки: они могли худо-бедно сыграть роль зеркала.

– Присмотрись.

Я так и сделала.

И ужаснулась.

Во впадинах над ключицами проступили черные жилки. Будто кто-то влил мне в сосуды ядовитую вурдалачью кровь, и она теперь разбухает под кожей. Прожилки медленно удлинялись, напоминая туристическую карту Шолоха, все разрастающуюся с каждым годом...

Шестьдесят шесть часов, говорите?

Дахху не дал мне всласть налюбоваться проклятием. Сложив оба костыля вместе и нетерпеливо вручив их гигантскому ферзю, друг по-лекарски неделикатно схватил меня за подбородок и поднял его вверх, чтобы разглядеть узор.

– Не трогай! – рявкнула я, когда загребушая лапка Дахху потянулась к черным узорам.

– Почему? Никогда такого не видел. – Его глаза блеснули алчным исследовательским огоньком. – Тебя заразили чем-то в Шэрхенмисте?

– Нет. В королевской опочивальне, – буркнула я.

Друг поперхнулся.

Я сменила тему:

– Кадия на посту до полуночи – после этого предлагаю собраться у тебя. А пока что я еду в тюрьму – забрать Полынь.

Дахху глянул на недоигранную партию (оставшиеся без присмотра мальчишки устроили там страшный бедлам) и задумчиво кивнул:

– А знаешь, я, пожалуй, с тобой.

После этого он витиевато попрощался с ферзем. Когда мраморная громада затопала обратно к лабиринту, земля под фигурой легонько тряслась... Детишки бежали вслед, визжа и похохатывая.

Мы покинули остров-курган.

* * *

Полынь держали в тюрьме Гластер-Кох.

Она находилась на северо-востоке Шолоха, за Башней магов. Не в центре города, но и не на отшибе, ведь это была королевская тюрьма для особо опасных преступников, психопатов, которых чародеи и знахари изучают на досуге.

Когда мы вылезли из нанятого кэба, было уже совсем темно. Дахху оценивающе посмотрел на мрачное здание Гластер-Коха: замшелые стены, узкие бойницы, гнилая вода во рву... В тюрьму вели четыре разных моста – преступники делились на категории в соответствии со своими нарушениями и жили «клубами по интересам».

– Я тут тебя подожду, – решил Дахху, глядя на кованые ворота нужного мне входа.

– Это надолго. Уверен?

– Да.

Формальности, связанные с временным освобождением Полыни («в целях консультации и помощи государству»), заняли несколько часов. Никто, ясное дело, не поверил мне, когда я нагло потребовала выпустить Ловчего.

Сотрудники писали во дворец, дворец отвечал – очень неспешно, якобы с достоинством. Никак не могли добиться подтверждения у его величества Сайнора – стеснялись отрывать короля от ужина.

– Рекомендую вам вернуться к этому вопросу завтра. – Господин Стэгель Дайно, комендант тюрьмы, устало протер очки-полулуны.

– Завтра будет поздно, – возразила я.

Седовласый комендант вздохнул, но спорить не стал. Судя по тому, что он заваривал мне уже третью чашку чая, я ему понравилась.

– Вы молодец, что поймали маньяка, – будто подслушав мои мысли, сказал господин Стэгель. – Отвратительный тип. Всем тюремщикам уже душу вынул своими разговорчиками... Приходится сдавать его лекарям в три раза чаще, чем остальных.

Я удивленно приподняла брови.

– Мы пускаем к нему целителей из департамента Легких Мыслей, чтобы они успокаивали его разум, – пояснил комендант и расправил складки на своем бархатном камзоле.

Камзол у Стэгеля был прекрасный – только очень мягкий, приунывший. Как и сам Стэгель. Вот уж кому действительно лекарь-оптимист бы не помешал – работать в таком месте, как тюрьма!

Наконец мне разрешили пройти в камеру Ловчего.

Казематы располагались на нижних уровнях. Идешь и идешь. Тишина постепенно побеждает жизнь, и вот уже никакой надежды не брезжит перед глазами. Лишь темнота, разрываемая слабым светом фонаря. Да редкий гиений хохот обезумевших злодеев.

– Тут, – пояснил толстый добродушный охранник, когда мы остановились у какого-то замызганного угла.

Глухая дверь с номером «999» показалась мне насмешкой: генеральское число, прах его побери.

Сторож зажег фонарь поярче и передал его мне, а сам полез за ключами. Держа керосинку, я вдруг поняла, что мои руки страшно трясутся, а сердце бьется где-то в районе горла.

Полынь. Я сейчас увижу Полынь.

– Готова, милая? – спросил охранник.

Я кивнула.

* * *

– Полынь?

Мой голос заметно дрожал. Я шагнула в непроглядную темень тюремной камеры.

Мне никто не ответил, но я почувствовала, как сгустилась и напряглась чернота при моем появлении.

– Ты здесь? – еще более неуверенно спросила я.

– Да.

Призрачный голос, прозвучавший где-то в дальнем от меня углу, оборвался так же резко, как и возник. Я сглотнула.

– Полынь, я... Верней... Ну...

Я запнулась.

Стражник в коридоре зажег факелы, и пространство за моей спиной наполнилось алыми всполохами огня. Мне показалось, что едва различимая тень, укутанная черными волосами, поднялась с пола, шагнула мне навстречу и снова замерла, не выходя на опрокинутый прямоугольник света, приклеенный к дверному проему. Я переминалась на этом прямоугольнике с ноги на ногу, и фонарь, качаясь, тревожно поскрипывал в моей руке.

Полынь меня видел.

Я его – нет.

Я судорожно вздохнула, натянула самую радостную из своих улыбок и подняла светильник выше, к лицу, давая Внемлющему еще большую фору в наших неравных гляделках.

Но тут мне почему-то вспомнилось, как магистр Орлин рассказывал нам о правилах контакта с дикими зверьми. Каким надо быть осторожным – и обязательно честным, а то пиши пропало. Моя фальшивая улыбка сползла, сменившись куда более привычным и искренним выражением глубокой озабоченности и легкой неврастении.

Темнота фыркнула в ответ на такие гримасы.

– Полынь, тебя временно выпускают – для помощи в одном деликатном деле.

– Интересно. И зачем это я понадобился?

– Нужны твои умения Ходящего.

– Хм. Значит, живым из передраги не выбраться? – метко предположила темнота. Голос стал ближе. – А то я не помню за собой какой-то другой уникальности – с точки зрения Сайнора, – кроме той, что меня не жалко пустить в расход.

– Ну я оцениваю наши шансы весьма оптимистично. – Я пожала плечами.

Тьма будто взметнулась вихрем, когда заключенный в один шаг оказался рядом со мной:

– Что значит «наши»?

Я ахнула, разглядев его.

Руки и ноги Ловчего были закованы в кандалы. На шее – широкая скоба, похожая на защитный обруч игроков в тринап. Кожа вокруг железок покрылась пузырями, как от ожогов, и была до крови расчесана.

Полынь походил на жертву войны со всеми его бескомпромиссно торчащими из-под тюремной робы костями. Если мне казалось, что это я похудела на вулканическом побережье, то нет! Однозначно нет. Черты лица куратора стали еще острее, чем раньше. О скулы можно было уколотся.

Плечи Внемлющего багровели порезами и кровоподтеками, видимыми даже поверх многочисленных татуировок. Знак Ловчего на левой руке и Глазница на правой не светились. Значит, оковы антимагические.

Пока я оторопело пялилась на эти немудреные свидетельства пыток, Полынь обогнул меня и выглянул из камеры, насколько позволяла длина цепей.

– Ты вообще как? – жалобно протянула я.

Ловчий, удовлетворившись открывшимся ему видом, обернулся и, рассмотрев мою перепуганную рожу, ободряюще подмигнул:

– Терпимо!

Его черные глаза на осунувшемся лице казались огромными, как созвездия южного креста. Взгляд у Полыни был все такой же спокойный, как и обычно, слегка отстраненный. Ловчий остро пах мокрой землей и сыростью, как месячной давности номер «Вострушки», посвященный ритуальным голодовкам... Кстати, да!

Я достала из кармана заранее припасенные коричные крендели:

– Хочешь? Это из той забегаловки на Министерской площади, ну где ты кофе по утрам берешь.

Полынь не сразу понял, что это за бумажный пакет я впихиваю ему в бледную руку. А поняв, почти беззвучно рассмеялся:

– Тинави! Я тебя умоляю!

– Ну тебя ж, наверное, тут не сильно потчевали... – заворчала я.

– И то верно. Разве что пинками. – Он с интересом принялся к запахам свежей корицы, сахара и масла, деловито расползавшимся по камере из кулька. – Только я предпочитаю сначала выбраться отсюда, а потом уже наслаждаться жизнью. Чтобы уж сразу и на полную катушку.

К нам подошел охранник, с криком сел на корточки и стал отстегивать кандалы Полыни, начав с левой ноги. Лысый затылок стража покрылся бисеринками пота.

Ловчий стоял, скрестив руки на груди, и не собирался помогать – ногу там приподнять или еще что. Только поблескивал глазами, с жадностью осматривая всю длину убегающего вдаль коридора, такую манящую долгую дистанцию – уж по сравнению с камерой в пять шагов.

Я вдруг ужасно испугалась этого опасного блеска:

– Полынь, ты только это... Без фокусов. Сделка честная.

Сидевший на карачках стражник замер, услышав мою реплику. Видимо, живо представил, какими травматичными последствиями грозят фокусы от Ходящего.

- Ваша магия только завтра вернется, если что, – «заботливо» предупредил толстяк. Но Полынь успокаивающе поднял ладонь и, глядя на меня, удивленно хмыкнул:
- Это с какими безрассудными идиотами ты тут без меня общалась, что высказываешь такие опасения?
- Да уж была пара прецедентов... – буркнула я.

* * *

После того как охранник надел на Полынь специальный отслеживающий браслет, мы подписали все необходимые бумаги. Затем Внемлющему разрешили помыться и вернули его одежду: любимую шелковую хламиду (мутанта из кучи разноразмерных масок и полотен шелка, из-под которых едва видны штаны), а также браслеты, амулеты, обереги и нагрудные часы.

И вот мы на улице.

– Как же я люблю июнь, – улыбнулся Ловчий, с наслаждением втягивая свежий летний воздух.

Потом Полынь осмотрелся и указал на пару качелей, сиротливо скрипящих на аллее перед тюрьмой.

– Пойдем туда? – спросил он.

– Конечно, пойдем, – одобрила я, не переставая крутить головой: Дахху куда-то запропастился.

Минуту спустя мы с куратором сидели на слегка влажных – накрапывал дождь – деревяшках. Полынь раскачивался с силой, высоко взмывая вверх, полностью поглощенный этим занятием. Шелковые полы хламиды звонко хлестали по ветру. Крендельки хрустели на зубах.

Я болталась у самой земли, исподволь наблюдая за куратором.

– Полынь, почему ты не попросил, чтобы тебя освободили? Ты же мог.

Он пожал плечами.

– Если помнишь, у меня есть планы на мое желание. Я должен его тетке.

– Ты потратил желание на госпожу Тишь?!

– Еще нет. Было бы неразумно принимать такие решения в камере – мне не хватало данных. Но теперь потрачу, раз мое собственное положение улучшается. И, напротив, если бы ситуация обострилась, то между казнью и родственным взаимонепониманием я, конечно, выбрал бы второе. До сегодняшнего дня сохранялся баланс между этими вариантами развития событий. И, следовательно, желание стоило приберечь. Я не из тех, кто расшатывает лодку, если все стабильно.

Я осмыслила. Я обалдела:

– То есть, не приди я, ты бы так и сидел в тюрьме?

– В смысле, «не приди ты»? – Полынь хитро сощурился. – Ты же обещала, что вернешься.

– И ты всерьез этого ждал? – Я запуталась.

– А что, впредь мне не стоит верить твоим словам? – Куратор лукаво улыбнулся.

Я заморгала:

– Нет, верь, конечно, верь... Просто шансы были как бы невелики...

– Тинави, ну раз уж ты смогла меня вытащить, зачем теперь на себя наговариваешь? Плохая привычка, малек, до пепла плохая привычка!

Я собралась было высказать свое негодование тем, что он с места в карьер бросился «начальствовать», как откуда-то из влажной темноты к нам вывернул Дахху.

– Приветствую, господин Полынь! – обрадовался Смеющийся. – У нас еще не было случая пообщаться лично, но я слышал о вас много хорошего. Я Дахху.

– Я помню, – кивнул Полынь. – Я же видел вас в храме. Поздравляю со спасением.

– Ох, точно, это же вы меня и спасли! – смутился энциклопедист и машинально натянул шапку пониже, аж до бровей. Типа, «я в домике».

– Не я, Тинави.

Продолжения разговора не последовало: интроверт-Смеющийся не знал, что сказать после подобной Ужасной Оплошности, а Полыни было плевать – его куда больше интересовал заново обретенный город, чья волшебная, до боли сладостная сущность волнами разливалась вокруг нас.

– И как ты не околел, дожидаясь нас? – Я благодарно улыбнулась сконфуженному Дахху. – Кругами гулял, что ли?

Друг, укутанный в два свитера и теплый шарф, вряд ли замерз бы даже в северном Асулене. Но несколько часов на улице – это все-таки испытание, достойное похвалы.

– Гулял?.. Э-э... Ну... – Он почему-то покраснел. – Думаю, нам пора ехать! Полынь, вы ведь с нами?

Внемлющий по-птичьи наклонил голову вбок.

– Мне что, надо отрабатывать свободу прямо сейчас?

– О боги, нет, нет! Считайте это приглашением на вечеринку, – замахал руками Дахху и чуть не выронил костыли.

– Вечеринку? – Проколотая бровь Полыни выгнулась таким лихим углом, что я залюбовалась.

И поспешила вмешаться, пока взаимонепонимание этих двоих не привело к чему-нибудь катастрофическому:

– Так! Нам действительно стоит поехать всем вместе к Дахху, там же можно переночевать. «Отрабатывать свободу», Полынь, ты начинаешь попозже. Но вот с организацией сего действия лучше разобраться прямо сейчас. И ты нам нужен. Выдержишь?

– Конечно.

Мы снова поймали кэб. Полынь отказался забираться внутрь салона, предпочтя вместо этого сесть на козлах рядом с кучером.

Дахху, свернувшись на бархатном сиденье, мгновенно уснул – ослабший организм не справлялся с нагрузками. Я ткнулась носом в холодное стекло кэба и задумчиво созерцала город.

Дождь усиливался. Уже через несколько минут небо разорвала первая вспышка молнии. Раз, два...

Тыды-ы-ы-щ.

Гроза весьма близко.

Я подняла окошко и крикнула:

– Хей, Полынь, мокро же! Пересаживайся!

– Нет, спасибо, – раздался веселый ответ.

– Тут зонтик есть, дать тебе?

– У меня все отлично.

Я почти до пояса высунулась из окна, чтобы увидеть, как куратор, раскинув руки и задрав голову, улыбается лиловому лику небес...

Кучер-эльф рядом с Полынью, напротив, сгорбился до состояния болотной кочки.

Я нырнула обратно в кэб, прикрыла глаза и тоже попробовала уснуть, баюкая себя мыслями об увлекательном грядущем. В целом мысли мне нравились. Только черные жилки на шее огорчали – слегка.

Вдруг кэб затормозил. Я приготовилась к драке, решив, что сейчас обязательно последует какой-нибудь профилактический пинок под зад от нахалки-судьбы.

Но нет: деревянная дверца возле меня открылась, и под пронзительной белой вспышкой рассерженных небес угловатая, замотанная в алые шелка фигура Полыни запрыгнула в

салон. Куратор громко хлопнул дверью и бесцеремонно впихнулся между мной и стенкой кэба – почему-то именно с той стороны, где места было меньше, ибо до того я вольготно развалилась почти посередине сиденья. Я отодвинулась, пока капающая с Ловчего вода не вымочила меня.

– Что-то там и впрямь мокро. – Полынь тряхнул головой. – Кажется, я переоценил романтику наружности.

Я горделиво поджала губы и развела руками, мол, «я же говорила!». Потом достала из кармана платок и протянула куратору.

– Ты это бросай. – Он погрозил мне пальцем.

– Что именно?

– Заботиться обо мне. И играть в главную.

– Да я не... – слабо запротестовала я, но Полынь уже скрестил руки на груди, примял затылком бархатный подголовник, устраиваясь поудобнее, и демонстративно закрыл глаза.

Дискуссия была окончена.

– Спасибо, Тинави, – тепло сказал Ловчий чуть погодя и снова затих.

Маленький кэб, поскрипывая на поворотах, неспешно ехал по городу. Праздник закончился, Шолох уснул, и грозди промокших цветочных гирлянд тяжелыми перевернутыми арками приветствовали наш дождливый путь.

Изредка мы подпрыгивали на ухабах, и тогда Дахху особо пронзительно вздыхал во сне, а Полынь легонько стучался лбом о стекло. Всю дорогу его многочисленные амулеты нестройным хором позвякивали в такт перестуку колес, то тише, то громче, набираясь смелости и умолкая вновь.

Я свернулась калачиком в уголке и, разморенная уютом поездки, никак не могла стереть с лица счастливую улыбку.

Ипостась-болтушка

Когда в 1575 году потомки срединников приплыли с островов Шэрхенмисты, в Смаховом лесу уже был курган... Ров Рейнич вокруг него тоже был – еще безымянный. Были и шесть шолоховских рек: Нейрис, Арген, Доро, Вострая, Триба, Бонго и Плюма. Магический фон – тут как тут. И множество волшебных существ. Прекрасное наследство для выходцев из знатных Домов! Но... Кто же построил курган, если все срединники погибли в 1147 году?

Энциклопедия «Доронах», черновик. Текст яростно перечеркнут с пометкой «Никакой заманиловки, держи себя в руках, это должен быть научный труд!»

После такой мирной, я бы даже сказала, сладостной поездки я никак не ожидала, что в пещере Дахху разразится скандал.

Гроза снаружи не шла ни в какое сравнение с тем, какие страсти бушевали внутри – в каменной кухонке со сводчатым потолком.

Снежок тихо поскуливал, забившись под шкаф, а Марах ехидно пушил перышки – вредная птица всюду наслаждалась бесплатным зрелищем. Рыбки в волшебном матрасе вылупили свои и без того круглые глазки и лишь безмолвно распахивали рты.

– Никуда мы, блин, не пойдем! – неистово орала я уже порядком севшим голосом. – Пересидим у разлома ночь – и все!

Кадия с энтузиазмом бахнула об пол очередную чашку.

Это Дахху предусмотрительно выделил ей горстку посуды, которую-давно-пора-бы-выкинуть-но-рука-не-поднималась.

Чашка разлетелась вдребезги, глазированными осколками усеяла полкухни. На них тотчас с утробным урчанием бросился магический веник, зачарованный Дахху еще на далеком первом курсе. Ненасытный голод метелки на секунду выбил всех нас в состояние транса.

Первой оклемалась Кад. Стукнув кулаком о стол, она по-военному рывкнула:

– Отставить панику! Еще как пойдем! Я хочу орден за смелость!

– Посмертно, что ли? – зашипела я.

Со стороны мы выглядели как две безумных ведьмы из детских сказок: встрепанные волосы, горящие глаза, вот-вот обернемся кошками и поскачем по черепичным крышам пугать нетопырей.

Дахху, который все это время пытался заварить нам липовый сбор, пробормотал, якобы ни к кому не обращаясь:

– А я бы тоже не отказался изучить некрополь подробнее – раз выдается такая возможность...

Я взвыла. Смеющийся ойкнул и поскорее отвернулся, внезапно очень заинтересовавшись узором заварки.

– Полынь, ну скажи ты им! – Я прибегла к помощи условно «старшего».

Жизненный опыт Внемлющего был побогаче, чем у нас троих вместе взятых. Плюс Кад и Дахху слегка робели перед ним, как это нередко бывает при встрече с незнакомым дотоле человеком, героем увлекательных рассказов подружки.

А сейчас Полынь воистину поразил их размахом своей эксцентричности.

Стоило Ловчему в развевающихся шелках переступить порог пещеры, как он вытребовав у Дахху домашнюю аптечку, из коей в мгновение ока выхлебал все три пузырька мятного сиропа от кашля – того, что помогает скрыть земляной запах агента-теневика. Не поперхнувшись, не размениваясь на объяснения, Полынь с ногами забрался на высокий барный стул в

углу комнаты, деловито стянул кожаный сапог и начал так и эдак примериваться к тюремному браслету.

Дахху бочком приблизился с пачкой магических пластырей: «Ох, у вас так много порезов, давайте подлатаю...» Но Полынь смерил его таким взглядом, что друг быстро передумал поддаваться знахарским инстинктам и, попятившись, чуть не снес хлипкую этажерку с шахматной коллекцией. Если бы не метнувшаяся туда Кад, наш личный мастер быстрого реагирования, у волшебного веника появилось бы уйма работы, а у Дахху – повод для нытья на всю оставшуюся жизнь.

Но на этом увлекательное шоу «Познакомьтесь с Полынью» не закончилось.

К гостю подлетел Марах.

Филин сел на коленки Ловчего, растопыренные «бабочкой», и обольстительно ухнул. Типа, эй, я слышал, у тебя есть совушка, так вот я тоже совушка – изволь почесать!

Но Полынь не оправдал надежд моего питомца: он лишь сощурился, клешней искривил пальцы и вдруг метко выдернул у Мараха особо симпатичное бежевое перышко. Я возмутилась, птиц обиженно клюнул Ловчего и улетел. Полынь покрутил перышко, любуясь, а затем удовлетворенно хмыкнул и воткнул его в прическу.

Я искоса глянула на Кадью: ну как пройдет твоё «обнюхивание»?

Подруга молча достала из ножен меч и принялась его затачивать. Весомые, размеренные «шух-шух» в руках Кад производят на людей неизгладимое впечатление! Идеальное лицо, склонившееся над темным металлом, блестящие локоны белокурых волос, румяные скулы и особые феромоны чести и достоинства – как тут устоять?

Мы с Дахху понимающе переглянулись: Кадия всегда точит свой грешный меч, если хочет кому-то понравиться. Но сейчас стражница почти сразу досадливо остановилась и раздраженно отложила клинок. Ибо Полынь вместо того, чтобы любоваться ею, просто закрыл глаза и замер, уйдя в себя.

За следующие пару часов он не произнес ни слова, молча неся свою барную вахту Ордена Скрещенных Ног.

Все это время я то ли бахвалилась, то ли исповедовалась, в который раз выстраивая событийную цепочку последних недель.

И, кажется, уже так привыкла к этой истории, что нечаянно переборщила с оптимизмом...

Особенно в той части, которая касалась грядущего спасения принца. Потому что по итогам Дахху и Кадия вспыхнули горячей страстью к некрополю и возможностью туда «сходить». Причем «сходить» по полной, добраться до самого центра кургана, где лежали предыдущие отряды – в поисках, видите ли, каких-то там исторических открытий, потенциальной славы и просто хорошего настроения.

Я заламывала руки и громко стенала, но безбашенная удаль этих двоих не утихала. Ребята свято верили в себя, в Полынь и в меня (последнее особенно забавно).

– Тинави, они правы. Нам нужно по-настоящему спуститься под курган, а не ограничиться предбанником, – цокнул языком Ловчий.

– И ты-ы-ы туда же?! – Я изумленно повернулась к предателю.

Полынь ткнул пальцем в свой мерцающий антрацитом браслет:

– Он записывает каждое мое движение. Как нас предупредили, тюремный наблюдатель будет в режиме настоящего времени следить за моими перемещениями. Подумай сама: если браслет замрет у входа в курган на долгие часы, страж почует неладное, не так ли?

– Да какая разница, Полынь? Потом мы вернем Лиссая – ведь Карлу по барабану, откуда меня выдергивать, хоть с этой кухни, – и вопрос о твоих не-перемещениях будет снят. Спектакль закончится, а победителей не судят!

Ловчий задрал хламиду повыше и демонстративно постучал по стеклянному шарiku, венчающему браслет со стороны икроножной мышцы:

– Видишь?

– Ну.

– Эта штука взрывается. Удаленно. Если тюремщики решат, что я сбежал, – просто подорвут браслет. И меня вместе с ним, как ты догадываешься.

– Но ведь ты не сбежишь!

Полынь из Дома Внемлющих равнодушно пожал плечами:

– Если бы бывший Ходящий под моим присмотром вдруг перестал идти по обговоренному маршруту и застопорился, да не где-то, а в самом сердце столицы, под дворцом – я бы точно его ликвидировал. На всякий случай. Превентивность, помнишь? Главное правило любой госструктуры.

– Так у нас с Сайнором уговор – есть время до девяти утра!

– Но тюрьма-то находится в управлении Совета, а не короля. А для Совета никаких «уговоров» не существует.

Я упрямо надула губы. Полынь покачал головой.

– У тебя не должно быть иллюзий на этот счет, Тинави. Ты согласилась на сделку не с государством, а с Сайнором как частным лицом, чьей власти по недосмотру хватило на подобную аферу с амнистиями. Сайнор так отчаянно хочет вернуть сына, что даже нарушил его анонимность⁶. Но Совет хочет только залепить поскорее все новые входы в курган, «во избежание». Им плевать на лирику. Зуб даю – если мой браслет покажет неладное, меня укокошат. Здорово, конечно, что на твою миссию это не повлияет. Но я не собираюсь умирать. Поэтому безвылазно торчать на одном месте – не вариант.

Я заметила, как во время этого монолога Кад покраснела и поспешила опустить голову.

Ее отец, Балатон из Дома Мчащихся, возглавляет Совет. Судя по тому, что Кадия не бросилась защищать честь папочки и не стала возражать Полыни, она понимала – Ловчий все говорит правильно.

Дети – это, конечно, цветы жизни. Но Шолох – сама жизнь. Так что пусть Совет и верит, что Лиссай под землей, терпеть подозрительные «выходки» ради его спасения он не станет.

– Ну давайте кругами будем по предбаннику ходить! Пусть думают, никак не можем пройти внутрь!

– А как же великий махач с упырями, о котором будут слагать легенды? – снова взъерепенилась Кад.

– А как же мое исследование? – осмелел Дахху.

– А как вам идея взять с собой Андрис – она наверняка что-то придумает с передачей фальшивых данных через браслет? – Полынь по-воробыиному склонил голову набок.

Я взвыла еще громче.

Не специально, просто... Просто вырвалось.

А потом я вдруг поняла, что это Ловчий меня так поддержал в моем нежелании углубляться под курган. Кадия и Дахху тоже встрепенулись и сразу поникли: голоса «идти вглубь – ждть у входа» внезапно разделились поровну, что при установившейся субординации означало мою и Полыни победу.

Я нахмурилась:

– Андрис нормально отреагирует на всю эту информацию вселенского характера?

– Андрис сложно обескуражить.

Я насупилась, вспоминая нашу встречу в Рокочущих рядах.

⁶ По нашей лесной традиции, частная жизнь Дома Ищущих не афишируется, а личности принцев не раскрываются для народа. Из-за объявления о «добровольцах» Лиссай стал исключением.

М-да. Что-то не могу найти имя Ишейки в своем списке людей, Которых Очень Хочется Увидеть. Зато у Полыни ее имя там точно есть. Класс. Но... Ладно. Дело есть дело.

Я неохотно кивнула:

– Тогда зовем Йоукли.

И, чтобы взбодриться, кулаком погрозила Кадии:

– А ты только попробуй сунуться под курган глубже, чем надо! Догоню и лично уколошу, никаких упырей не понадобится!

– Как же ты идиотски выражаешь свою любовь, – фыркнула Кад. – Но я все равно ценю, заметь!

Перемирие на кухоньке наступило одновременно с рассветом: косые лучи восходящего солнца спицами пронизали комнату через несколько потолочных окошек. Дахху с бряцаньем поставил на стол поднос с дымящимся липовым сбором и плюшками.

Да уж, вовремя!

Кад широко зевнула, сграбастала свою кружку и уселась прямо на пол. Я привычно выдвинула из-под стола скрипящую табуретку. Полынь, не слезая с барного стула, приблизился серией мелких громающих прыжочков, а сам Дахху, пробормотав что-то на тему «утро... эээ... утра мудренее», укывлял в комнату и ничком рухнул на матрас, перепугав золотых рыбок в оном.

После нескольких обжигающих янтарных глотков – бессмысленных, раз уж идем спать, но необходимо вежливых – мы все последовали примеру Смеющегося и разбрелись по комнатам.

* * *

Моя «келья» была тихой, уютной и маленькой.

Одеял на всех не хватило, так что я легла спать под вязаным пледом с длинными и кокетливыми кистями. Я сложила руки под щекой и прикрыла глаза. Раннее птичье пение баюкало куда лучше, чем вечерний стрекот цикад.

Засыпать на рассвете – блаженство, доступное лишь выскочкам. Тем, кто играет со временем, как ему хочется, тем, кто исподтишка мнит себя Стражем Ночных Мечтаний.

На заре всегда такая волшебная, кристальная тишина, что, каким бы ты ни был злобным отморозком, жди прекрасных снов. Подозреваю, жизнь благоволит бунтарям: иначе не знаю, почему нет ничего слаще, чем, обдулив ход планет, ложиться спать на рассвете.

Я перевернула подушку свежей, прохладной стороной к лицу и уже почти вырубилась, но...

В дверь ко мне тихонечко поскреблись.

– Кто там? – шепотом спросила я.

– Ты не знаешь, где твой друг хранит кофе? – еще тише отозвался Полынь, просовывая голову в щель.

– Зачем тебе кофе в пять утра?

– Слово «утро» и «кофе», как по мне, прямо созданы друг для друга. Неужели дерзнешь оспорить? – Он зашел и прикрыл за собой дверь.

– Ну... В пять это пока еще лживое утро, фальшивое, знаешь, утро без чести и достоинства... Такому утру кофе не положен, нечего.

– Какая ты немилосердная, – хмыкнул Полынь, садясь на пол и затылком подпирая стену. – Правила строишь, часы муштруешь. Кошмар. Будь я пятичасовым утром, я бы, наверное, как-нибудь отомстил.

– Да ну эту месть! Пусть лучше заставит себя полюбить.

– М-м-м, прямо-таки заставит? Так ты предпочитаешь тиранов, малек?

– Не. Не дай небо. Но в болтовне все жесткое будто звучит сочнее.

– Сильные эмоции, стучащие сердца, адреналин и страсти... – Ловчий приподнял бровь на выверенный сантиметр. – Да, звучит и впрямь неплохо.

Мы болтали. Мы долго и беспечно трепались о всякой ерунде на грани диагноза «шизофрении». Ни слова о деле. Иногда мы понимающе молчали, смотря на все светлеющий квадрат окна.

Кофе был благополучно забыт, да и, думаю, изначально играл лишь роль предлога. Я не сразу сообразила, как, наверное, жутко Полыни было зайти в свою гостевую келью и вновь запереться в тесноте каменного мешка после долгого заточения в Гластер-Кохе. А когда сообразила, порадовалась, что Ловчий пришел именно ко мне – а не вышел на кухню или просто не утопал прочь из пещеры, в рассвет...

Во время какой-то особенно уютной и долгой паузы, когда Внемлющий уже безапелляционно отобрал у меня подушку, подложив себе под голову, я внезапно уснула.

А когда я проснулась, келья была светла и пуста.

Только пахло мятой и перцем.

* * *

На следующий день белокаменные ступени Иноземного ведомства – эдакий щеголеватый амфитеатр власти – были обсыпаны госслужащими, как виноградом.

День выдался жаркий, по-настоящему летний, и вывалившие на обед чиновники розовели на прохладном мраморе, медленно, но верно обгорая на солнце. Аппетитно пахло сэндвичами с огурцом. И, конечно, чернилами: Говоруны, Ловчие и Указующие не отрывались от бумаг даже за перекусом. Неудивительно, что Архив постоянно просит магов зачаровывать пергамент на самоочищение от крошек!

Я сидела меж бывших коллег буревестником: черная майка, черные шаровары и, конечно же, черный плащ – пустынный, с глубоким капюшоном и одной клиновидной фалдой сзади – то ли птичий хвост, то ли имитация воздушного змея. Жадные до подачек грачи учтиво обходили меня по кругу. Принимали за свою.

Не то чтобы я возлюбила тьму – не дай-то небо, – но так черные червячки проклятия пугали меньше. Сливались с общим колоритом. Не зная контекста, можно было подумать, что это я специально разрисовала себе руки под любимый стиль в одежде. А не наоборот. Эх, сладкая иллюзия свободы!..

Прошло сорок два часа с моего визита к королю – и аспидные жилки расплзлись от ключицы до кончиков пальцев. Одно хорошо – лицо у меня пока что было нормального цвета. Хотя, стоило мне увидеть Андрис Йоукли, как оно потемнело само собой.

– Андрис, – я встала ей навстречу.

Ищейка энергично скакала по ступеням вверх – возвращалась в ведомство с очередного ареста. Судя по изрыгающей проклятия миниатюрной клетке на ее поясе (клетка была целомудренно завешана тряпочкой) – с ареста феи.

Андрис притормозила возле меня.

– Йоу, – кивнула девушка. И умолкла, предоставляя мне право оправдываться.

Я прикусила губу.

...Полынь еще вчера пошел посвящать Андрис Йоукли в ход грядущей миссии. Пока куратор, сидя в прихожей, зашнуровывал свои умопомрачительные сандалии с тысячей цветных веревочек, я, скромно прокашлявшись, призналась ему в нашем с Йоукли «легком недопонимании».

– То есть вы рассорились в пух и прах, – перевел Полынь. Днем он снова стал рационален и суров, в противовес ночной ипостаси «болтушки».

– Да нет, просто были не так милы, как прежде, – промямлила я.
– Пожалуйста, извинись перед Андрис до того, как мы спустимся в некрополь. – Куратор придиричиво оглядел навязанные им узлы и поправил один из пушистых помпонов.
– Почему я?!
– Потому что в итоге ты фактически украла ее идею с «господами добровольцами».
– Я не подкупала ночную стражу, эй!
– Ну да, ты просто напала на короля, – фыркнул Полынь.
Встал, распахнул входную дверь и уже на пороге пещеры обернулся:
– Извинись, Тинави. Это будет правильно. И предотвратит проблемы потом. Например, когда ты захочешь вернуться в ведомство, а у тебя там не окажется союзников.
– Да что ты понимаешь, Полынь! – раздосадованно крикнула я.
Но куратор уже ушел: ловец ветра на козырьке обреченно звякнул, когда он задел его своим высоким клубковатым пучком.

* * *

– Андрис, прости меня, – выдавила я теперь.
В этот самый момент фея-преступница попробовала совершить побег: разоралась в клетке и, ухватившись за прутья, затрясла ими, будто дикая обезьяна. Тряпочка упала... Грохот и лязг железа заглушил мою реплику.
– Что? – перепросила Андрис, одним пальцем отвесив фее профилактический подзатыльник.
– Прости. Меня, – сглотив, повторила я. – Пожалуйста.
Какой интересный момент: у каждого извинения, оказывается, есть свой вкус.
Просить прощения у Кадии было будто Даххов лимонный пирог жевать – цедра попадается, сахара не хватает (бывший лекар же, ну), но в целом даже вкусно. Достоинство, так сказать. А вот извиняться перед Андрис – это как если бы мне в рот смолы напихали. Той дешевой смоляной жвачки, с которой справляются лишь кентавровы зубы. Язык вообще не хочет двигаться, развалился, как контуженный.
Ищейка внимательно на меня посмотрела.
– Как тебя корежит!.. – вдруг рассмеялась она. Солнечные блики отразились от очков Андрис и щекотнули мне ресницы. – Йоу, конечно, прощаю. Полынь жив, здоров – меня вполне устраивает такой расклад. Ты тоже прости, что я стала тебя обвинять. По роду деятельности я не люблю, когда мутят воду. А ты, Тинави, одна большая ходячая недомолвка.
– О! – Я польщенно вскинула брови.
Не знаю, что подразумевала Андрис, но в моем мире «ходячая недомолвка» – это очень нехилый комплимент.
– Я тороплюсь: малышку ждет камера. – Йоукли потрясла клеткой. Фея внутри снова заверещала, почему-то басом. – Бедняга вбила себе в голову, что гоблины коблинау хотят выдать новый золотой прииск «не тому человеку», и попробовала поджечь их предприятие... Н-да. В общем, встретимся уже на острове.
Андрис ушла.
Странное дело, но на сердце у меня стало легко. Неприятное ощущение утекло, будто лужа, и без остатка всосалось в ступени ведомства.
Хм. Может, смоляную жвачку купить? Вдруг после нее, гадкой, тоже такой благодатный эффект?

Некрополь

Маршрутная метка позволяет нам выполнять Прыжки на длинные расстояния. Заранее поставьте такую метку в определенном месте, и вы сможете Прыгнуть туда, а потом вернуться на исходный адрес – из-за этой особенности мы также называем ее «рогаткой». Метка действует на расстоянии до дюжины километров. Она одноразовая, после каждого цикла телепортации ее нужно переустанавливать. Нельзя иметь больше двух меток одновременно.
«Практикум по Прыжкам» Учебное пособие студентов-Ходящих под авторством Тишь из Дома Внемлющих

Вечером мы собрались у дворца.

– Ну ты сильна-а-а-а, – выдохнула Кад, заглядывая в глубокий разлом, уродующий зеленые уголья острова.

Я с тоской оглядывала окрестности. Этот участок дворцового комплекса находился чуть на отшибе. Раньше здесь был прелестный круглый пруд, Храм Белого Огня и старая аркада, туннелем ввинчивающаяся под холм. Ее каменные подпорки, похожие на реберные кости, таили в себе две двери: деревянную, за которой жил принц Лиссай, и кованую, круглую, – в самом конце туннеля, где скрывался главный вход в шолоховский курган.

Теперь ничего из этого не было...

Храм я уничтожила, пруд осушили, поляну разорвали трещины – последствия землетрясения. В самую огромную из них осела вся наземная часть аркады, включая, видимо, покои принца.

Я подошла к разлому поближе: его края уходили вертикально вниз. Не видно ни праха.

Полынь достал из кармана монетку и бросил вниз. Мы дружно прислушались. Вскоре донесся тихий плеск, потом какой-то странный щелчок.

Полынь и Андрис со значением переглянулись.

– Йоу, ну что же, пора выдвигаться! – Йоукли сняла огромный рюкзак, раза в полтора больше ее самой, и, присев на корточки, начала тормозить внешние кармашки.

Поочередно она вынула два мотка веревки с примесью единорожьего волоса; гномьи «кошки», чьи зубцы без труда рассекают даже самые твердые горные породы; ремень со страховочными петлями и несколько переносных сфер-светильников.

Андрис оглядела нас, прикидывая что-то, и вдруг окликнула Дахху:

– Лекарь! Ты будешь первый.

Дахху в это время старательно утрамбовывал в своей кожаной сумке бумаги, перья и чернильницы. М-да... Лучший набор для экспедиции, конечно. Сегодня практичность Дахху дала сбой, всухую проиграв исследовательскому азарту.

– Я? Почему я? – смутился друг, застигнутый врасплох. – И я уже не лекарь!

– Если не лекарь, то зачем прицепил к сумке значок Лазарета?.. Давай, иди сюда, не смущайся. – Ищейка поманила его пальцем. – Ты такой симпатяга, что ливьятаны просто постесняются тебя есть.

– ЛИВЬЯТАНЫ?! – побелел Дахху.

– Конечно. А у тебя есть другое объяснение этому сочному «щелк-щелк» снизу?

– Да это эхо!

Тут уж вступила Кадия:

– Ты где такое эхо слышал, дорогой?

– Лично я не слышал. Но в теории во вселенной насчитывается безграничное число типов эха, и...

Пока он болтал, Андрис незаметно пристегнула к нему крепеж.

– Хей! Госпожа Йоукли! – ахнул друг.

Андрис ему подмигнула.

– Так, хватит. – Я прервала их, пока Смеющийся вообще не передумал куда-либо идти, а Кадия не лопнула со смеху.

Не то чтобы я была главным апологетом нашей массовой подземной тусовки, но раз уж собрались – нужно довести дело до конца.

Тем более на почтительном расстоянии от трещины караулили несколько гвардейцев, призванные проследить за нашей благополучной отправкой на миссию. Так не стоит же смущать Сайнора вестями о том, что бравые добровольцы переругались и перетрусил еще даже не на подходе к некрополю!

Я улеглась возле пролома, пытаюсь что-то разглядеть в свете фонариков Андрис, и нервно почесала щеку. Прахово проклятие медленно выползло на скулы...

Я уже не снимала глубокий капюшон ассасинского плаща. По идее, все под контролем: шестьдесят шесть часов закончатся только в девять тридцать утра. Времени вернуться из-под кургана хватит с лихвой, но все равно страшно.

Дахху улегся на траву по правую руку от меня.

– Может, для начала спустим просто фонарь? Без человека? – предложила я.

Так мы и сделали.

Правда, путь фонаря был недолог: он едва успел осветить дно расщелины, как из темноты на него метнулся гигантский змей – и бесшумно сомкнул челюсти вокруг светильника. Мне показалось, что я даже успела увидеть разочарование в ливьятановой морде: а мясо-то, мясо-то где?..

– Ох ты ж небо голубое! – впечатлился Дахху, шустро отползая от края.

Зато Кад воспрянула духом:

– Андрис, а привяжи меня! Полезу первой. Темноты не боюсь, рубиться с тварями люблю. Теперь, когда ясна диспозиция...

– ...Первым двигаю я, – закончил вместо нее Полынь.

Его руки сверкнули алым, и он исчез.

Точно.

Вчера ночью бывший Ходящий как раз рассказывал мне, как действуют Прыжки: ты можешь прыгать либо в то место, которое видишь, либо в то, которое находится довольно близко и которое ты замечательно представляешь (не дай тебе небо перепутать хоть детальку!), либо – если адрес подальше – туда, куда заранее поставил *маршрутную метку*. У Полыни такая метка сейчас стояла в хранилище улик Иноземного ведомства.

– Почему там? – удивилась я странному выбору.

– В гонке за Генеральством я иногда во внеурочные часы перемещался туда, чтобы спокойно рассмотреть что-нибудь из вещдоков. А в последний раз просто забыл отменить метку. Она так и стоит до сих пор, – объяснил Ловчий.

Ну а сейчас, как я понимаю, ему хватило для ориентировки того клочка земли, который высветил фонарь Андрис.

Внизу было подозрительно тихо. Я со вторым фонарем в руках чуть поглубже свесилась над разломом:

– Эй! Ты живой?

«Ой...ой...ой...» – распереживалось эхо.

– Вполне! – послышался голос Полыни и далекий тихий плеск, как будто идешь по пояс в воде.

Эхо воспротивилось: «Не...не...не...»

И тут же послышался сиплый и как будто немного торжественный рев.

«Ага, я понял! Там был свет без мяса, теперь мясо без света!» – решил, кажется, ливьятан.

Раскол осветился серией вспышек. Рев повторился, землю трянуло, с края расщелины сошел легкий оползень... Под обвалившимися кусками земли торчали червяки, обескураженные резким уменьшением жилплощади. Один такой вылез прямо у меня под носом. Я инстинктивно зажала рот руками – фонарь выпал и, кувыряясь, ударяясь о стенки, понесся вниз.

– Уже два светильника полегли из-за тебя, Ловчая! В этот раз прощенья будешь дольше просить! – Андрис печально цокнула языком.

Меж тем в голубоватом свете мы успели различить совершенно жуткого водяного змея: обхватом с древесный ствол, коричневый в желтую крапинку, с веерами-пленками ушей. Ливьятан гнулся дугами, как припадочный, вокруг мелкой – все познается в сравнении – фигурки Полыни.

Дахху охнул. Кад дернулась, но потом резко успокоилась: она увидела, как хладнокровно Андрис продолжает крепить страховку.

– Если станет по-настоящему жарко – он вернется сюда, – объяснила Ишейка, сжавшись над нашим испугом. – Теневик же, йоу. Один-два раза в день может позволить себе Умения.

– И зачем тут вообще я... – протянул Дахху, а потом резко оборвал сам себя.

Я поднялась – трещину внизу продолжали раскалывать вспышки боевых заклятий, – отряхнула колени от зелени и тихонько шепнула другу, так, чтобы остальные не слышали:

– Может, тебе и впрямь вернуться в город?

– Ну уж нет, – проворчал он. – Мне в некрополь не меньше вашего надо.

– Зачем?

Он не ответил.

Вскоре звуки битвы внизу утихли, и мы поочередно спустились на дно расщелины.

Помимо Полыни и свежееубиенного ливьятана, там нашлись иссеченные заклинаниями тела еще десятка змеев, если не больше. Они жутко смердели.

– Я смотрю, Ходящие тут от души порезвились... – прогнусавила Кадия, зажимая нос.

Подводная река оказалась мелкой, но очень топкой, и глиняное дно все норовило стянуть с нас сапоги. Мы упрямо чавкали в сторону кургана, редкими вскриками омерзения приветствуя новые трупы змей. Вода была холодная, и ноги быстро перестали слушаться.

Наконец в одной из стен показался тесный проход.

– Йоу, все пролезут? – Андрис поочередно осветила нас фонариком, оценивая габариты.

Расщелина, зараза, оказалась не только узкой, но еще и постепенно теряла в высоте: под конец каждый из нас вынужден был кособочиться, будто рак-дикуватый-танцор в подводном притоне.

Зато она привела нас прямо в некрополь – в его оригинальном виде тысячеклетней закусаски.

– Прах побери! – Я не удержалась от восхищенного вздоха.

Мы оказались в коридоре, чьи стены и потолок покрывали неведомые письмена, желобами просверливающие камень. Они мягко светились и пульсировали красным... Мы будто попали в плен заколдованной типографской машинки. Эдакий счастливый сон гравера.

Наклон у шрифта был острый, рукописный, резко уходящий вправо. Буквы на соседних строках едва ли не сталкивались завитушками хвостов. По полу бегали неясные тени – сами по себе, без хозяев.

Из стен на равноудаленном расстоянии торчали каменные драконы, чьи пасти были до смятения зубастыми и распахнулись в безмолвном крике. Между ними встречались ниши, в которых стояли фигуры рыцарей с изображением семиконечной звезды на щитах.

Герб срединников.

– Что это за язык? – удивилась я, подходя ближе. – На стародольный не похоже.

– Потому что это не стародольный, – зачарованно отозвался Дахху.

Друг достал из сумки тетрадь и начал быстро, почти на ощупь, перерисовывать туда символы со стены.

– Но это же курган, посвященный срединникам! Логично, если бы ритуальные тексты были на языке падших, – нахмурилась я.

– Да, но... Создатель кургана решил иначе.

– А кто его создатель?

– Хей, люди! – Звонкий голос Кадии мгновенно разрушил всю атмосферу таинственности. – Я правильно понимаю, что мы все-таки остаемся тут лагерем?

Мы зашикали на нее.

– Да, правильно. – Я кивнула, не в силах оторвать взгляд от таинственных мерцающих букв.

Иногда письма перемежались схематичными изображениями драконов, хранителей и каких-то странных плошек – будто мисок из-под хлопьев для завтрака. Каждый столбик текста заканчивался размашистой буквой «Т».

Подпись?

Я обвела пещеру рукой:

– Располагайтесь. Андрис, пожалуйста, попробуй перенастроить браслет Полыни так, чтобы казалось, что мы удаляемся на глубину...

Но можно было и не просить: Ищейка уже азартно копалась в принудительном аксессуаре Ловчего. Гайки, отвертки и винтики мелькали в ее руках, как яблоки у жонглера. Вот только, в отличие от ярмарочных представлений, Андрис в случае неуспеха ждала не толпа разъяренных крустов, а большой бабах.

Пока Йоукли колдовала над его ногой, сам Полынь расслабленно отклонился и только держал фонарь, давая мастерице необходимый свет. Дахху намертво прилип к письмам. Кадия меряла шагами коридор, любопытничая, что там дальше, но не решаясь удалиться. Я с внезапной нежностью оглядывала нашу горе-команду.

– В общем, еще раз проговорим план: в назначенное время, в одиннадцать вечера, я исчезаю. Карл препоручает мне Лиссая, и мы уже вдвоем возвращаемся сюда. После этого мы с вами проводим чудную ночь у костра, полную откровений и разговоров, и часов в пять утра лезем обратно, герои героями.

Все покивали. Андрис – не выпуская из зубов отвертку.

– А там заживем... – мечтательно вздохнула я, с беспокойством ощупывая лицо.

– Сейчас только десять, присядь. – Полынь приглашающе похлопал ладонью по камню. – Предлагаю начать разговоры сразу же.

– Пофалуйста, нифафий фасгафоров, пока я не фафончу, – попросила Йоукли. – И не февелись, Полынь: фэта фифня мофэт рвануть.

Вдруг странная дрожь сотрясла курган.

Я успела увидеть, как удивленно приподнялись брови Ловчего, после чего мир разорвало белой вспышкой.

Боги-хранители, нет!

Я взвизгнула, как раненая лиса, до смерти испугавшись, что это активировался браслет на ноге Полыни. Я инстинктивно рванула вперед в какой-то бездумной попытке спасти, отменить, вернуть.

Но все оказалось проще – курган пропал.

Пропало все.

Шагнув вперед, я не почувствовала под ногами пола и, ахнув, начала проваливаться вниз, все глубже и глубже, в вязкую молочную белизну небытия. Ох.

Кажется, у Карла проблемы с пунктуальностью...

Две тысячи лет

*Не бойся смерти, бойся жизни без души.
Срединная поговорка*

Я зависла в белой вате небытия столь надолго, что, казалось, возникли какие-то проблемы с пересечением границы. Формальные бюрократические неувязки – ну вы знаете.

Будто неведомый великан-пограничник, уже забрав меня из некрополя, вдруг засомневался: а есть ли у этой странной верещащей девчушки разрешение на выезд? Пойду, мол, проверю. И чайку по случаю бахну. А ты тут поболтайся в тишине, помедитируй. Может, заодно осмыслишь наконец-то свою грешную жизнь и перестанешь мелькать туда-сюда, взгляд мозолить. Междумирье – не кабак, чтоб так фривольно шляться!

Или не Междумирье... Прах побери, Карл, где я?!

Мне уже даже надоело орать.

Я начала с интересом шарить вокруг руками. Почти на ощупь: одинаковость, однородность этого «не-бытия» не оставляла никаких координат. Когда взгляду не за что зацепиться – он растерян. Зрение лишается смысла.

Не успела я довести эту философию до фундаментального «дайте мне точку опоры – и я переверну землю» под авторством Архимеда Иноземного, как волшебный дозорный все-таки дал добро на посадку.

Я раскашлялась – то ли от неожиданности, то ли от песка, мгновенно забившего нос.

Песок был не такой, какой мы ожидаем найти на морском побережье. Нет, местный песок разбавляла голубоватая стеклянная крошка, пахнущая масляными красками, очень мелкая. Да еще и острая. Впилась мне в ладони сотней крохотных шипов – прямо-таки бюджетный сеанс иглоукалывания...

Я подняла глаза и обомлела.

Передо мной во всей своей ночной красе лежала Мудра, бывшая столица Срединного государства. Город, некогда славившийся беспредельно сильными магами. Город, с которого началась история Лайонассы, где на заре времен поселились сами хранители, чтобы каждый день был праздником единства и знаний. Город, задуманный центром вселенной.

Но бесславно сожженный драконами в 1147 году. Пустой и позабытый ныне, отданный на растерзание пустыне. Позор шолоховцев.

Я обвела взглядом раскинувшийся кругом пейзаж...

Блеклые дюны песка синусоидами лежали вплоть до самого горизонта, будто хищные пустынные пумы, отдыхающие после охоты. Тут и там стеклянные башни пиками разрывали мягкие округлости барханов. На фоне темного неба они чуть светлели. Но нет. Это обман. В Мудре нет никакого света.

Проклятое место.

Когда-то эти оплавленные башни были прекрасными каменными дворцами. Однако драконье пламя – магическое пламя детей небесных – не сжигает предметы, а обращает их в сизую смальту. Даже если это очень большие предметы. Например, городские стены. Мосты. Здания.

Люди.

«Какими же идиотами, – я вдруг вспомнила вопрос, который не давал мне покоя в студенческие годы, – какими же надо быть идиотами, чтобы даже флегматичные драконы возненавидели вас настолько, что сожгли всю столицу целиком, в один присест, не размениваясь на мораль и обеденные перерывы?..»

Ох, срединники. Наши предки – наша боль, наш позор и, как это частенько случается, источник нашей силы.

Пыльный поземок струился у меня под ногами, как шелковый. Песок – он и есть песок. Но чем – или кем? – были тысячу лет назад эти острые крошки, больно впивающиеся в кожу?

Раньше можно было гулять по Мудре, как по траурному музею. Драконье пламя застало людей врасплох: кто-то погиб, баюкая ребенка, другие – покупая свежий хлеб или слушая лекцию в старом университете.

Но и тех, кого не было в столице, ждала жестокая смерть от вражеских войск. Не выжил никто.

Никто, кроме Хинхо из Дома Страждущих. Может, он потому и соблюдал обет молчания? Не из-за тайн амулетов, как думал Мелисандр, а просто от стыда? От боли? Каково оно – остаться единственной живой душой на тысячи мертвецов?..

Ах, Лайонасса! Прекрасный, свежий, сильный мир! Мир, на котором углями чернеют два горьких срединных кладбища: остекленевшая Мудра и наш дворцовый курган.

Говорят, когда-то сумасбродные путешественники, которые без страха перед проклятым местом приходили в Мудру, находили тут останки срединников: скульптуры, занятые своими делами. Все, как один, в немом изумлении задрали головы к небу. Последний общий жест. Никого не спасшее единство.

Сейчас этих скульптур уже нет.

В пустыне Тысячи Бед бродят шувгеи – жестокие смерчи, раздирающие в клочья все, что попадает на их пути. За сотни лет шувгеи уничтожили большую часть останков. Остались только здания, наполовину утопленные в песках. И голубоватая крошка смальты. Вдыхаешь ее – вдыхаешь прошлое. В прямом смысле этого слова.

Пустыня Тысячи Бед...

Я бы назвала ее «Пустыней Тысячи Сожалений». Если бы да кабы. Если бы срединники не возгордились. Если бы не настроили против себя другие страны. Если бы не взбесили – и чем только?.. – драконов.

Одна сплошная боль.

Я и представить не могла, что Мудра *настолько* давит. Что ни вдоха тут сделать нельзя без бьющего набатом «если бы, если бы, если бы»...

– Что, ностальгия заела? – горько усмехнулась я, увидев фигурку Карла, бредущую ко мне издалека. – К чему такое место встречи?

Хранителя освещала восходящая луна – щербатая, погрызенная сбоку. Встрепанный мальчишка в красном комбинезоне тянул за собой санки – нормальные зимние санки, отвратительно будничные в этом скорбном пейзаже. Такие санки используют скальники в Сизых горах: нарядные загнутые полозья, деревянный лежак, длинная веревка, чтобы тянуть.

На санях спал Лиссай, укутанный в пуховое белое одеяло. Ночь в пустыне обманчива: несмотря на, казалось бы, южные пески вокруг, холод пробирал до костей.

Санки совсем не скользили – видать, не смазаны воском, – и Карл прикусил губу от усердия. Ни один ребенок вообще не смог бы затащить такие саночки на песчаный бархан, но Карл – это, конечно, совсем другое дело.

– Междумирье продолжает барахлить? – допытывалась я, глядя, как мальчишка оттирает вспотевший лоб.

Карл вздрогнул.

Поколебался с мгновение, потом вдруг заговорил – тихо, упрямо, со страшной ровностью:

– Встреча здесь – мой подарок тебе. Точнее, обещание. Я любил этот город – и дал ему умереть в муках. Вам – не дам. Никому из вас. Просто помни об этом: сегодня, когда я возвращаю тебе принца из царства Хаоса, и всегда, когда решишь, что за тобой никто не приглядывает. Я приглядываю, Тинави. Даже если не прихожу по первому зову. Даже если вообще не прихожу. Однажды, когда ты будешь свободна, я найду тебя и покажу тебе вселенную. Обещаю.

Я моргнула от неожиданности. Какой... невеселый монолог.

Карл склонился над санями и стал разворачивать одеяло. Глаза мальчика при этом так влажно сверкнули, что я растерялась.

Что-то случилось.

Случилось что-то плохое.

Моим первым порывом было обнять Карла: ну не бойся, не знаю, в чем беда, но я с тобой! Наивное желание, да. Но однажды усвоенная в наших отношениях роль «взрослой-и-заботливой» никак не хотела сменяться на более подходящую «восхвалительницы-жрицы-ученицы».

Да и я вас умоляю: можно ли с пиететом относиться к подростку, который раньше канючил у тебя сладкую вату?

Карл усмехнулся и потеревил себя за ушную мочку.

Ой, прах. Он же мои мысли читает...

– Кстати, об этом. – Карл резко развернулся ко мне. – Тинави, чего ты боишься?

– Чего только не боюсь! – призналась я.

– Нет, прямо сейчас?

Не дожидаясь ответа, мальчик шагнул вперед и, встав на мысочки, сдернул с меня капюшон. Сразу же ахнул, подпрыгнув на полметра:

– Это что за дела?!

Кажется, и в свете ночной Мудры были видны черные узоры проклятия, разбегающиеся по моему лицу.

Карл нахмурился:

– Кто навел?

– Его Величество Сайнор. Можешь убрать?

– Конечно. – Хранитель пожал плечами.

Потом чуть сощурился, как бы прислушиваясь. Прислушиваясь к моей памяти, как выяснилось секунду спустя, когда Карл успокаивающе поднял руку:

– Не беспокойся о друзьях. Курган едва ли обвалился, когда я забрал тебя, – некрополь построен на совесть. А если даже и посыпалось что-то... Я уверен, твой куратор сможет вытащить их. Удобные у него способности. Тоже дружит с унни, да?

Я кивнула. Наверное. «Дружба» и «Ходящие» – не те слова, которые ожидаешь увидеть в одном предложении, но по сути получается, что да, все так. Запредельные способности теневиков – это из области Карловой магии. Удивительно, но факт. Правда, вряд ли Ходящие знают, что это «дружба».

Как-то по-другому у них запускается тот же процесс.

Между тем Карл сжал правый кулак так, будто там лежало нечто хрупкое, резко дунул в маленькую щель между мизинцем и ладонью и потом приложил раскрытую руку к моему лбу.

Я стояла, воодушевленная.

Прошло секунд десять.

– Что за черт... – пробормотал Карл и повторил операцию.

Потом третий раз. Ну и четвертый.

Я напряглась.

Хранитель протянул: «Э-э-э...» и задумчиво поскреб каштановые вихры.

– Сайнор, говоришь? – скривил губы он.

Я кивнула. Карл, не открывая рта, провел языком по верхним, потом по нижним зубам: будто гусеница под кожей проползла.

Хранитель убрал руки в карманы комбинезона:

– Очень интересно.

– А мне вот не очень, – пожаловалась я. – Что делать-то?

– Попроси его снять проклятье.

– Издеваешься? – Я обалдела.

Карл поморщился и, понизив голос, буркнул якобы спящему Лиссаю:

– Было куда лучше, когда она думала «Бог» с большой буквы...

– О сиятельный Карланон, я готова рассыпаться в любых комплиментах, эпитетах и восхвалениях, но скажи – что делать? Ты правда не можешь его снять?

Мальчик прикусил губу:

– Нет. Тут замешаны хранители. Один из нас смастерил королю это проклятье. Судя по почерку, – он протяжно вздохнул, – Дану.

– Меня прокляла хохотушка Дану? – Я изумленно подняла брови.

– Нет, тебя проклял Сайнор... Но с ее помощью.

Карл сделал несколько неопределенных магических пассов. Вокруг меня закрутились спиралями разноцветные потоки света – как в рассказах принца Лисса. Были там и зеленые, и фиолетовые, и оранжевые оттенки, и опасные черные крапинки, и белые звезды, формой напоминавшие геральдические лилии. Преобладал мерцающий цвет морской волны.

Карл обошел меня кругом, поцокал языком и виновато развел руками:

– Да, точно Дану. С ума сойти! Значит, она проигнорировала нашу договоренность не соваться в Лайонассу, – пробормотал он. – Интересно, только ли она? Или все хранители исподтишка забредали домой? Кроме нас с Авеной, самых, блин, честных?

– Ну, вообще-то ты тоже сюда пришел, тогда, в ночь бокки, – пожалала плечами я.

Карл затряс головой:

– Нет, у меня другое. Я бежал от Зверя, и я был ранен. Инстинкты привели меня в Лайонассу. А Дану... – Он еще раз вздохнул. – Подозреваю, Дану просто крутила шашни с кем-то из Ищущих. И оставила проклятие как подарок. В форме кольца, наверное. Есть у нее такая привычка – вручать любовникам донельзя опасные цапки.

– Что, крутила прямо с Сайнором?! – ужаснулась я.

– Вряд ли. У проклятия старый движок... Попахивает семнадцатым веком. Сейчас бы она придумала что-то поизящнее.

Карл хлопнул в ладоши, и потоки света вокруг меня исчезли. Я нахмурилась:

– То есть хранительница Дану сильнее тебя? Раз ты не можешь повлиять на ее колдовство?

Мальчишка вспыхнул от такого предположения, как спичка в раскаленный полдень:

– Вот еще! Просто мы вшестером вообще не можем противодействовать друг другу с помощью магии. Или оружия. Только дипломатия, только *хардкор*, – улыбнулся Карл.

Хардкор... Красивое слово.

Мальчик усмехнулся:

– Забавно, конечно. Впрочем, я и сам, помнится... А Дану такая хрюшка-повторюшка.

Я улыбнулась:

– Я правильно поняла, что, по вашим правилам, бедная Дану даже по лбу тебе дать не может за «хрюшку»? Можешь безнаказанно обзывать сестрицу – ответа не последует?

Улыбку Карла как рукой сняло. Он резко помрачнел.

– Карл, ты чего? – испугалась я.

Песочная поземка усилилась, остро покалывая ноги. Луна уже была довольно высоко, и проклятый город призраком вздымался над серебристыми барханами.

Хранитель прокашлялся:

– Ты права. Дану не ответит мне. Она у Зверя.

– Что?!

Мальчик продел большие пальцы за лямки комбинезона:

– Все идет... Достаточно плохо, Тинави. Пока я жил у вас, Зверь успел найти кое-кого из хранителей. Селесту и Дану, в частности. Они в плену. Мы с Авеной не сразу это поняли – думали, девчонки просто где-то далеко, не докричишься, но... – Он прикусил губу.

– Так что же, вас только трое против Зверя? Ты, Авена и Рэндом?

– Двое, – поправил Карл и пояснил: – Я понятия не имею, где носит Рэндома. Запаха не чувствую, как ни приноживаюсь. Хотя с Рэндома станется раздробить себя на десять тысяч маленьких Рэнди и разбежаться по всем мирам одновременно, так, что мы его просто не можем засечь. Он всегда был джокером и самодуром... Нет, Рэндом нам не помощник. Как и Теннет. Он в тюрьме, кстати?

– В тюрьме, – подтвердила я.

Карл задумчиво кивнул и повернулся в сторону стеклянных башен. Их грустная, обреченная красота странно щемила сердце. Вроде бы тебе и плохо, но при этом так хорошо, что кажется – истина только здесь, и нигде больше.

– Это хорошо, что Теннет у вас. – Карл тяжело вздохнул.

– Почему это?

– Каковы бы ни были его грехи, мне легче оставить вас с ним, чем совсем одних, – витивато пояснил мальчик. – Я закрываю Лайонассу.

Я напряглась:

– То есть?

Карл бросил быстрый взгляд на мирно спящего Лисса и вдруг крепко обнял меня: совсем, ну совсем по-детски, будто не под двенадцать, а под пять лет косит.

– Не будет у вас больше Междумирья, Тинави. Или Святилища – как вы его называли. Не будет – для вас – других миров. Вообще. Я должен удалить все выходы и входы к вам. Помнишь, я говорил, что мой фонарик – это как бы ключ? Пришло время взорвать дверь и оставить вас за надежной, крепкой стеной.

– Но почему?!

– Зверь слишком силен. Зверь... Это как мы вшестером. Были бы. Все честно – вселенная любит гармонию: один государь Хаоса равен шести хранителям. И при нынешних потерях ситуация складывается плачевная. У нас со Зверем не блицкриг – у нас затяжная война. И, как я сказал, у меня уже был любимый город, который я потерял по недосмотру. Я не готов потерять теперь всю Лайонассу.

– Но... Не понимаю. Ты что, не сможешь приходить сюда? И другие хранители тоже?

– По Междумирью? Не сможем. Но ты не бойся, ведь мы и раньше особо не заглядывали – после того, как покинули срединников. Пообещали друг другу дать вам свободу воли. Как я понимаю, не все удержались от соблазна. – Он снова скользнул взглядом по узору на моем подбородке. – Но это мелочи. Глобально вы всегда были сами по себе. Так что не волнуйся.

Я скрестила руки на груди:

– Ну здрасти! Нет уж! Давай лучше мы тебе поможем со Зверем.

Он рассмеялся и с нежностью улыбнулся:

– Очень героически. Лайонасса – это его цель вообще-то. Не стоит выносить в авангард.

– Почему?

– Потому что Лайонасса – это самое первое бытие, созданное Отцом. Именно тут появились мы – хранители и драконы, квинтэссенция унни и бромы. Все начинается нами – и заканчивается на нас. Зверь хочет уничтожить драконов, спящих на севере, – тогда материя исчезнет, вселенная обратится в унни. Потом он впитает унни – и нашего измерения не станет. Только небытие, столь милое ему. Без драконов план не сработает – поди уничтожь все миры по очереди – слишком долго!

Я присела на песок, спиной опершись на едва скрипнувшие сани с Лиссаем. Карл сел рядом. Пейзаж был столь тих, что казалось, мы на какой-то другой, безжизненной планете.

– А мы маньяка, то есть Теннета, как раз в таких мотивах подозревали, – крикнула я.
– Ну, Теннет бы миры не рушил. А Зверю только того и надо. Я идиот. Я выпустил настоящую тьму.

Его голос был полон боли. Я обняла его.

– Карл, я очень хочу помочь тебе. Как это сделать, скажи?

Он улыбнулся и покачал головой.

– Никак. А что касается неснимаемого проклятья... Держи письмо. Дай его Сайнору.

Карл прищелкнул пальцами, и в его руке, полыхнув золотом, появился старинный свиток с восковой печатью. Очень увесистый, длинный. Хранитель протянул его мне.

– А что в письме?

– Если кратко, суть в том, что если он еще раз хоть пальцем тронет мою *протезе* – явлюсь ему лично, мгновенно, и ему это явление не понравится.

– Но ведь это... Неправда, раз ты уходишь?

– Неправда.

Он поджал колени и положил на них подбородок, грустно глядя вдаль, – старый добрый Карл...

Мы помолчали. Я убрала письмо.

– Карл, если бы я знала, что все хранители такие, как ты... Я бы всегда верила в богов. Правда. С детства.

Он улыбнулся:

– Если б я знал, что люди – такие, как вы с Дахху, – я бы не искал отца. Мне ведь просто было одиноко, понимаешь? Просто одиноко. Вот я и позвал его. А наварался на Зверя. Прежде чем искать неведомое, хорошенько изучи тех, кто рядом. Возможно, счастье – в них.

Он снова посмотрел на стеклянный город, потом на свои ладони.

– Но не позволяй им себя распыть. Они так быстро все забывают.

– Что?

– Неважно.

– Карл... А что такое блицкриг?

Он рассмеялся.

– Ну вот вам и новое словечко! Надо же, я думал, оно у вас тоже уже есть, наравне с *оригами*, *Хэллоуином* и прочими... Знаешь, слова очень легко пробегают из мира в мир, я всегда думал – они делают это как-то самостоятельно, у них своя магия, но теперь подозреваю – братья и сестры все-таки разнесли... Блицкриг – это скоротечная война. И у нас со Зверем явно не она.

– То есть потребуется пара лет, да? А потом ты «откроешь» нас и сможешь вернуться?

– ...Пара тысячелетий.

Я почувствовала странный холод в руках и ногах.

Карл еще раз обнял меня.

Хрупкий мальчик в красном комбинезоне и с глазами, так похожими на мои.

– Главное – береги тех, кого любишь. И доверяй вселенной. Любовь и доверие – это плюс сто к любой истории.

– Но я...

Мудра начала очень медленно таять, захватываемая темнотой сверху вниз, будто с неба опускали черный лист бумаги.

– Карл!!!

Мальчик прижал палец к губам.

– Пожалуйста, не уходи. – Слезы заполнили мои глаза. – Ну пожалуйста.

Подросток поднялся. Его лик вдруг зарябил, как озерная вода, в которую бросили камень, – и мгновение спустя Карл превратился в высокого рыцаря в серебряных доспехах, с

бордовым плащом на плечах, подбитым горностаем, с двуручным мечом в ножнах за спиной. Я отшатнулась. Какой... канонический.

Рыцарь улыбнулся, каштановые волосы волнами рассыпались по плечам:

– Мы все однажды уйдем, Тинави. Это не так страшно, как кажется. История остается, понимаешь? Хорошая история всегда остается.

И он исчез.

Я вдруг захлебнулась слезами.

Я даже не знала, что во мне может быть столько слез.

Откуда вообще? Копила, что ли?

Обрести бога – и потерять его. Ладно, не в одночасье, но... Меня колотило. Натурально колотило. К праху все эти бытовые страдания. К праху карьерные неурядицы, к праху непонятки со «смыслом жизни», к праху страх своей «темной стороны» и боязнь не добиться успеха...

Я подошла к Лиссаю, бледному, красивому, замершему на санях, как фарфоровая статуэтка.

– Лиссай... Лис, просыпайся. Лис!

Я трясла Ищущего так, как, наверное, Смотрящие поутру трясут бродяг, улегшихся вдоль теплых деревянных лавок на Мускатной улице. Без почтения, без жалости, без какого-либо намека на этикет.

Я рыдала, размазывая по лицу горячие слезы, и в голове у меня билось набатом: «Пара тысячелетий... пара тысячелетий».

Пара драных тысячелетий.

Мы все когда-нибудь умрем.

Будто я на секунду приблизилась к вечности – в ее дурацкой ипостаси мальчишки – и тотчас, споткнувшись, лишилась всякой надежды. Совсем. Поманили и бросили. Снова показали, что есть игры для взрослых и мне до них не дорасти, никогда, просто потому, что так устроен мир. Так решил кто-то другой – а мне теперь смирайся. Опять.

Бунт против божеств – такой притягательный и такой бессмысленный. Якобы героический. Якобы.

Обреченный с самого начала. Люди – создания наивные, отличаются тем, что с упоением играют в игру, в которой всегда проигрывают. Игру под названием «жизнь».

Для нас выхода нет, Карл, и ты это знаешь. Более того – зачем-то признаешь передо мной. Пара тысячелетий!

Почему ты просто не соврал мне, чудо-мальчик? Почему не успокоил сладкой ложью? Не одарил «святою простотой», «пресветлой тупостью», «волшебной дуростью»? Ведь не знаешь – не страдаешь.

...Но не знаешь – и не живешь.

Лиссай вдруг пошевелился. Задержал белыми пальцами в рыжих веснушках, задрожал полупрозрачными ресницами.

Резко открыл глаза. В первое мгновение в них отразилось нечто далекое, космически-одинокое – мириады незнакомых звезд, похожие на воспоминание (*откуда вообще он вернулся?*) – но потом в отражении появилась я.

– Тинави!.. К-как я рад вас видеть! – выдохнул Лис.

Я улыбнулась сквозь слезы, пожала ему руку – и снова привет, знакомый туман Междумирья.

«Прощай», – шепнул в голове подростковый, еще не сломавшийся голосок, – и не бойся конца: ведь тогда я покажу тебе вселенную».

Туман Междумирья, буде он настоящий, на веки вечные стал немного мокрее от моих слез...

Если все в этом мире однажды, пусть и две тысячи лет спустя, будет хорошо, если боги одержат победу над Зверем и снова откроют Лайонассу – я только за.

Но как же жаль, что мы этого уже не увидим...

* * *

И вот мы снова в кургане. Под курганом. Принц и я.

А еще сани. Дурацкие деревянные сани, своим новогодним настроением смазывающие всю мою космическую метафизическую тоску.

Письмена на стенах тревожно мерцают красным, и, если щелкнуть пальцами – унни, зайка, после встреч с Карлом ты особенно дружелюбна, – то в свете разгоревшейся на ладони звезды проступят наши будто пламенеющие фигуры.

– Тинави? – тихо спросил Лиссай.

– Что?

– Почему вы так горько плачете? К-как я могу вам помочь?

В изумрудных принцевых глазах плескался Лес... Я со свистом вдохнула влажный под-куранный воздух.

– Никак. Если вы, конечно, не бог.

– Совсем нет, к-к сожалению, – покачал головой он и тотчас поморщился, потеряв шею. Да уж, спать столько времени – все отлежать можно...

– А как вы себя чувствуете? Как вообще ваши дела? – спохватилась я. – Где вы были?

– Голова к-ружится. – Принц вздохнул. – Давайте выберемся отсюда?

И мы пошли.

Мимо убегали закручивающиеся спиралью коридоры... Покатые стены и потолки... Везде – буквы неизвестного алфавита.

А ведь Карл этот алфавит наверняка знал. Или узнает, если еще нет. Хорошо быть бессмертным, да? Да еще и с пятью такими же бессмертными братьями и сестрами. Ну да, Отца им не хватает, но... Мне кажется, все равно далеко до одиночества. Я бы на его месте точно не страдала.

Уж не знаю, что это – показатель качества моей жизни или трусости философов, но я признаюсь открыто: я бы хотела быть бессмертной. Да. Как Карл. Кидаться этим так легко и браво: «Ну пара тысяч лет потребуется. Не, не десяток. Всего лишь пара. На сдачу возьмем...»

Я истерически расхохоталась.

– Нет, так не пойдет, – озадаченно протянул Лиссай.

Он остановился, взял меня за руку и заставил посмотреть на себя.

– Поверьте, Тинави: все наладится. Что бы ни происходило сейчас, однажды вам станет легче. К-клянусь, – серьезно сказал принц.

Какой же он красивый: взлохмаченные рыжие волосы, прямые брови, мягкие губы. И шелковая пижама, такая приятная и прохладная на вид, что хотелось со стоном отобрать. Превышение Лиссая в гостях у Зверя было, видимо, настолько комфортным, что даже не принесло проблем с одеждой... Хах. Может, зря Карл Зверя боится? Лучше б экскурсионное бюро в царстве Хаоса открыл...

Я неудержимо всхлипнула, Лис погладил меня по щеке.

– А вы не знаете, сколько сейчас времени? – утерев слезы, спросила я.

Принц полез в карман пижамных брюк за часами. Я подсветила циферблат: волшебная звезда на моей ладони разгорелась не хуже светильника с осомой. Можно гордиться.

– Девять утра.

Что ж!

Предчувствие меня не обмануло. Не дружите, девочки, с теми, у кого времени хватит на миллион бесконечностей... Они не знают цены минутам.

– Полчаса, – объявила я. – У меня осталось полчаса жизни. А мы с вами прах знает где, да? Ну уж точно не в предбаннике кургана. Больше похоже на центр лабиринта...

Он окаменел:

– Как это полчаса?

– Да Сайнор проклял.

Лиссай непроизвольно подался вперед. Совсем побелел:

– Вас?!

– Ага. Увы.

– Так-к побежали!

– Ну уж нет. – Я фыркнула. – Ну уж нет. Подумай сам, Лис, – такое панибратское обращение вне Святилища – больше не существовавшего для нас, увы, – заставило его остановиться на полушаге. – Подумай сам – какая разница? Несколько десятков лет туда-сюда. Умру ли я старушкой Тинави у себя в кресле-качалке или умру сегодня, здесь, под курганом, в твоей очаровательной компании? С точки зрения вечности разница минимальна. Но во втором случае хотя бы будет определенный шарм...

– Тинави, – расширил глаза принц, глядя куда-то позади меня. – Подождите...

Но я, по примеру Карла, прижала палец к губам. Шагнула вперед. Подмигнула ошарашенному Лису и поцеловала его.

Все равно сдохну.

Так давайте ж повеселимся напоследок.

Куча-мала

Магия – это выбор гуманитариев.
Хранитель Карланон

Вероятно, Лиссай был очень хорошо воспитанным принцем и берег чувства других. Или он тоже нуждался во встряске. Или что-то еще.

Так или иначе, он ответил мне, хотя обстоятельства совсем не подходили для романтики.

Болезненно-отчаянный, одинокий, будто просящий защиты – *я не одна, скажи, что я не одна*, – таким получился мой поцелуй. *Нет, ты не одна. Мы почти незнакомцы, я понятия не имею, что происходит, но я здесь, и, знаешь, я счастлив тебя целовать*, – отвечал Лиссай.

Это не было похоже на заявленное мной веселье, однако это было искренне и утешающе, щемяще и честно – очень правильно в данных обстоятельствах, потому что только так, наверное, и могли целоваться два чужих человека, внезапно узревшие вечность.

А потом Лис все-таки отстранился, после чего потребовал:

– Немедленно обернитесь!

Прах.

Нет: ПРАХ!

Зачем он ждал?!

...Из глубины коридора к нам медленно, истекая слюной, двигалось склизкое чудище.

По стене.

Его можно было назвать человекоподобным. Но со скидкой на то, что у людей все-таки две руки, а не четыре, – тем более, так гуттаперчево гнущихся во все стороны. И еще люди прямоходящие, а не бегают по любым вертикальным поверхностям. И у нас есть глаза, хвала небу.

Слепая башка монстра могла похвастаться грандиозной улыбкой, а длинный язык, высу-нутый далеко вперед, рыскал туда-сюда, вибрируя и будто принюхиваясь...

Подкурганный упырь зашипел. Чем ближе он был, тем радостнее звучало его сипение. Что, опять еду поставили?.. В который раз за неделю? Какие-с добрые-с человечки-с!..

Мне резко расхотелось умирать.

Я сграбастала Лиса за руку:

– Вот теперь бежим!

И мы рванули. Да так резво, что тренер Пнивколени гордился бы мной, если бы увидел. Мне показалось, что своим стремительным стартом я чуть не вырвала руку Лиссая из плеча. Но вроде бы обошлось.

Тварь, почуяв, что неожиданный завтрак сматывается, взвыла и помчалась за нами, неравномерными прыжками сгая со стены на стену. Она была быстрее нас, и расстояние неумолимо сокращалось.

Коридор резко кончился, оборвавшись в какое-то помещение. Оборвавшись в прямом смысле слова: пол располагался чуть ниже, и мы с принцем, не ожидая этого, с воплем повалились вниз.

Световая звезда скатилась с моей ладони и угасла. Я успела увидеть, что мы находимся в гигантском зале с высоким потолком.

Упырь в прыжке пролетел над нами и лишь чиркнул острым когтем по моим взъерошенным волосам.

Ох!

Вот она, польза быть неуклюжим! Все время падаешь, сбивая врага с толку. Мой любимый прием. Намеренный, конечно, намеренный...

Пока Лис барахтался на полу, собирая неверный пазл своих конечностей, я уже вскочила и столкнулась с развернувшейся тварью лицом к лицу.

– Унни! Давай, ну давай же! – взывала я, тряся руками. Вот сейчас бы *Прыгнуть*, а! Как тогда, во дворце.

Но, увы, до душевного спокойствия мне было, как до Норшвайна... Ярость тоже не спешила помогать.

Телепортироваться не получилось, однако энергия унни все же пришла на помощь – в своей манере.

Упырь прыгнул на меня, широко распахнув зловонную пасть – и врезался в золотую стену, пружинисто отбросившую его обратно. Вокруг нас с принцем возникла защитная сфера, похожая на антипрослушивающий пузырь Бубри.

– Спасибо! – выдохнула я.

Сфера разгорелась ярким янтарным светом – и обрисовала весь зал.

Он действительно был огромен, размером с два поля для тринана. И совершенно пуст, не считая высокой стелы в центре, на которой кладбищенскими светящимися рунами бежали имена, имена, имена. Братская могила срединников. Самое сердце кургана.

Под стелой росла гора камней. Вокруг ползли щупальца неведомого тумана.

Я обвела взглядом стены, ожидая увидеть там привычные красные письмена. Но только тихо пискнула, поняв, что их нет.

Они были скрыты под десятками, сотнями упырей, замерших на этих стенах, словно летучие мыши. Когда «наш» монстр, отброшенный преградой, с визгом упал, его собраты начали легонько шевелиться, просыпаясь от долгого сна.

Лиссай выпрямился рядом со мной:

– Если мы пойдем, заклинание поплывет за нами? – спросил он, касаясь янтарной сферы.

– Н-не знаю... – От волнения я тоже стала заикаться.

Принц усмехнулся такому эффекту:

– Давайте попробуем? Я вижу к-коридор в том к-конце зала.

Черный проем коридора номер два действительно был четко напротив нас. Будто диаметр зала мерили.

Лиссай двинулся вперед. Я подстроилась под его шаг. Пузырь, хвала небесам, послушно поплыл за нами. Мы снова побежали, теперь в своем золотом шаре.

Упыри между тем окончательно пришли в себя.

– Сделайте еще пузырь, внешний, – попросил Лис, когда слепые монстры начали прыгать на нашу защиту, примериваясь. Лиловые молнии разбежались по барьеру – но он не раскалывался.

Пока.

Мы притормозили – и, о чудо, на сей раз теньевые блики сделали в точности, как я хотела.

– *Привыкаем к тебе, милая!* – сказал в голове голос Дахху, бликовый *интерфейс*.

Еще один янтарный шар, больше раза в полтора, окружил нас. Пять упырей оказались зажаты между двумя слоями. Монстры в ловушке бесновались, бились то туда, то сюда, их шарахало энергией, и...

Я с ужасом поняла, что каждый удар в пузырь – будто удар по мне. Заклинание – очень действенное, бесспорно, – выжимало из меня силы.

И ведь точно.

До сих пор я использовала Карлову магию только для «мгновенных» формул. Взорвала – и все. Вылечила – и все. А тут изволь поддерживать... Я быстро слабела, тем быстрее, чем больше упырей бросались на наши преграды. Не ровен час, еще и стану прозрачной, как Полынь, переигрывающий с запредельным.

Или у меня это не так работает?..

– Держитесь, Тинави! Потерпите немного! – Лиссай подхватил меня за талию и целенаправленно потащил к выходу.

И тут нас ждал облом.

Внутренний пузырь плыл за нами, да. А вот внешний – нет.

Он не распознавал команду из-за своего «младшего брата», разделявшего нас, и стоял на месте, прикованный ровнехонько к центру зала.

– К-кажется, большую сферу надо отменить... – протянул Лис.

– Не могу. – Я всхлипнула. – Я не понимаю, какая из них какая. Вдруг удалю внутреннюю? Нас мгновенно сожрут!

Лиссай прикусил губы. Очень мягкие, нежные губы, как я недавно выяснила. Ух! При воспоминании об этом меня как молнией прошило.

– Не отвлекайтесь, – попросил Лис, потому что внешняя сфера на мгновение мигнула – и еще пара упырей проникли внутрь. Я сосредоточилась. Ладно. Сколько выдержим – столько и выдержим.

Холодная рука принца ободряюще вцепилась в мою ладонь.

Должен быть способ спасти его.

Я закрыла глаза.

Думай, Тинави.

Терпи и думай.

Каждый удар в сферы – и внешнюю, и внутреннюю, – отдавался пинком в самое нутро, будто тебя снова и снова бьют под дых, не давая перевести дыхание.

И вдруг залихватский девичий вопль разорвал однообразное тьяканье и повизгивание упырей:

– Хе-е-е-й, малыши! Айда на смертный бой!

Его сразу же поддержал другой женский голос, пониже и поспокойней:

– Йоу, проголодались?

Я открыла глаза.

У второго коридора, намеченного нами в качестве цели, стояли бок о бок Кадия и Андрис.

Мчащаяся раскручивала меч лихими восьмерками, Ищейка в каждой руке сжимала по длинной цепочке взрывательных бутыльков.

За ними из темного коридора выступали, один за другим, бокки: глубокие капюшоны, неясные лица, скрипящие фонари...

Упыри, ликуя, взыв, рванули к девушкам и духам. Я почувствовала свободу своих барьеров, с облегчением выдохнула и согнулась, пытаюсь отдышаться. Золотые сферы воспользовались моей слабостью и поочередно лопнули: сначала внешняя, потом внутренняя.

И все бы хорошо, но какой-то тормознутый упырь из «прослойки», не соблазнившийся на веселых девчонок, прыгнул в мою сторону, с воодушевленным сипом минуя прежде неприступные преграды.

Я расширила глаза.

Упс...

Но между мной и упырем вдруг странно дернулся воздух.

Проявились обмотанные вокруг невидимого тела пурпурные шелка, и магический кинжал воткнулся в глотку слепой тварюги. Упырь захлебнулся электрическим разрядом, завыл, затрясся, отскочил в сторону. Шелка, побрякивая висюльками всех мастей, прыгнули ему вслед, аки горная козочка. Кинжал мелькнул еще дважды – упырь задергался и упал.

Шелка повернулись ко мне...

– Где. Ты. Шлялась?! – раздельно и очень злобно рявкнул невидимый Полынь.

Вот опять он перебарщивает с магией.

Зал разрывали вспышки ударных зелий Андрис. Обезумевшие бокки-с-фонарями кидались на упырей, будто бойцовые псы. Стенка на стенку, не меньше сотни участников.

Тут и там сверкал меч Кадии.

– Ну что ж вы такие вялые? Витамина Д не хватает? – издевалась над упырями стражница. Но разумно не лезла в первый ряд, уступив эту сомнительную честь бокки.

Я с трудом оторвала взгляд от эпичной сцены и заблела в сторону негодующих очертаний куратора:

– Да я просто...

– Тинави помогала мне вернуться домой, а не «шлялась», – вдруг отчетливо и высокомерно произнес Лиссай. – Вы бы извинились за свой тон, господин Ловчий.

Я испугалась, что принца сейчас тупо пришибут.

Хламида нехорошо повернулась к королевскому отпрыску...

Но обошлось.

– Стоять, – прошипел Полынь и вцепился мне в локоть, когда я рванулась к коридору. – Ждем тут.

– Чего ждем?! – взвыла я. И сразу же по-свойски возмутилась: – А почему мы не Прыгаем, кстати?

Невидимый Полынь рявкнул мне в самое ухо:

– Потому что я и так всю пеплову ночь Прыгал туда-сюда по некрополю, тебя искал! Сдохну от истощения – будешь виновата!

Я умолкла.

– Их-ха! – раздался впереди вопль Кадии.

Бойня упырей и бокки нарастала. Я уже не видела стражницу за всей их толпой. Происходящее живо напомнило мне детскую игру в кучу-малу: по сигналу ведущего все вдруг наваливаются на одного-единственного невезучего дитятку, хороня его под горами собственных тел. Бессмысленно и беспощадно.

И прах с ними, с бокки, но я боялась, что пострадают Кад и Андрис.

– Может, поможем? – Я попробовала вырваться из цепкой хватки Полыни.

– Поддерживаю, – кивнул Лиссай.

– Я сказал – ждем! – Теперь куратор и принца ухватил за локоть. Прямо как мамашка, отчаянно собиравшая разбегающуюся малышню в карнавальной безумии Дня цветов.

От дурдома впереди отделились три бокки-с-фонарями и быстро поплыли в сторону нашей тихой гавани у траурной стелы.

Лиссай и я покосились на Полынь. Ловчий невозмутимо ждал, ждал, не шевелясь, пока призраки не приблизились настолько, что врезались в нас. Точнее, врезались бы – будь они из плоти и крови.

А так – прошли насквозь.

Или не прошли...

Я почувствовала странную прохладу, наполнившую меня с головы до ног. Я моргнула и поняла, что со зрением что-то не так: все вокруг двоилось. Нормальный мир, как акварелька, был будто наложен на какую-то мрачную средневековую гравюру...

– Они что, вселились в нас? – зажмурилась я.

– Да, временно, – подтвердил Полынь.

Оба моих спутника были как бы подсвечены черным изнутри. Лицо Лиссая странно смазлось, потемнело, как ночная вода в запруде. Из ворота кураторской хламыды проступило лицо Полыни – но тоже куда более неопределенное, чем обычно.

В агатовых глазах куратора полыхали, на самой глубине зрачка, фонарики егерей – будто в зеркале отражаются.

Полынь неожиданно подмигнул мне. Я тяжело сглотнула.

Я ощущала присутствие духа внутри. Это было безумно. Я страшилась шевельнуться. Иностранное существо поселилось в моем теле, и, хоть оно не спешило захватывать власть, мне было до жути неловко и как-то... нечистоплотно. Хотелось помыться.

Мне казалось, я слышу мерное дыхание бокки у себя в голове. Мне казалось, если я подвинусь, призрачный егерь заберет себе мое тело, вышибет меня наружу – и тусуйся потом, Тинави, бесплотная и никому не нужная...

– Невероятные цвета... – восхищенно протянул бокки-Лиссай.

Меня удивило, что ни Полынь, ни Лис – домашний, изнеженный Лис – не испытывали дискомфорта из-за «подселения» бокки. Тогда как я чувствовала себя будто уж на сковородке.

Вдруг все упыри, бывшие с призрачными егерями, упали на колени и завывали. Хором. Барабанные перепонки – прощайте!

Бокки-с-фонарями с остервенением бросились на прервавшихся – и почему только? – врагов.

За рядами пригнувшихся монстров я увидела Андрис Йоукли. Ищейка оглянулась на нас, кивнула, сделала шаг навстречу не занятому битвой бокки – и тоже слилась с призраком.

– Кад! – крикнула Андрис моей подруге.

Кадия как раз уколошила очередного упыря. Стражница азартно воткнула меч под лопатки нечисти и смачно провернула его – будто ключ в замке. Монстры продолжали выть, не обращая внимания на то, что так бокки убивали их гораздо быстрее...

Кадия обернулась на окрик и, скривив лицо от омерзения – о, она меня понимала! – попятилась от подступившего к ней бокки. Лесной дух подплыл к Кадии. Кад снова отступила.

– Ду-у-у-ра, – на выдохе просвистел Полынь и тревожно оглянулся на коридор, из которого прибежали мы с Лисом.

Андрис вмешалась в непонятки Кадии и бокки.

Ищейка одним прыжком запрыгнула на стражницу сзади и технично подмяла девушку под себя – это был специальный захват ногами, уже тысячу раз отработанный на преступниках всех мастей, от троллей до лепреконов. Кад с негодующим криком ухнула на каменный пол. Отвергнутый ею дух тотчас тонкой струйкой дыма всосался в ноздри и глаза девушки.

Упыри перестали выть.

Мы впятером, в разных концах зала, чего-то ждали. Нас с Лиссаем крепко удерживал Полынь, а Кадю – Андрис.

И тут позади, из первого коридора, послышалась какофония лязга и такого звука, будто игральные кости бросают на стол.

Кто-то отозвался на вой чудовищ.

Я медленно обернулась...

Из коридора в зал ломились, давя друг дружку в узком проходе, скелеты. Толпы скелетов!

Они выглядели куда менее мерзкими, чем склизкие упыри, но что-то мне подсказывало, что их железные мечи могут нанести не меньший урон. Внешность обманчива. Наличие скелетов в детских шолоховских сказках – иногда даже на положительных ролях – не делало конкретно этих особей добрыми.

Скелеты быстро приближались, размахивая оружием. Когда последние из них просочились в зал и проем первого коридора опустел, авангарду мертвой армии оставалась до нашей троицы буквально пара метров.

– Вот он, твой план? Вечеринку решил тут устроить? Всех собрать? – Я изумленно подавалась к Полыни.

Ловчий ничего не ответил. Только покачал головой и вдруг плотно прижал меня к себе, будто воспылал внезапной любовью, а потом крикнул – так, что острый подбородок клюнул меня в макушку:

– Сейчас!

– ПРЯМО СЕЙЧАС! – отозвалась с того конца зала Андрис Йоукли.

Я, отплеываясь от амулетов, попробовала вывернуться из объятий. Хочу видеть, как все будет!

Увидела.

Перепугалась...

Весь воздух в зале вдруг обернулся огнем. Ревущее пламя вихрем выжигало упырей, обращало в пепел скелеты, выбеливало мемориальную стелу.

Однако вокруг нас пятерых и всех бокки царила зона отчуждения. Так вот зачем они в нас вселились! Защищают от огня. А огонь непростой: оранжево-алый, прозрачный, – стопроцентно магический. Сквозь него было прекрасно видно, как гибнут чудовища.

Я попыталась понять, откуда взялось это пламя... И вздрогнула от неожиданности, когда разглядела Дахху на выходе из коридора.

Смеющийся стоял в полный рост, гордый, будто хранитель. Он запрокинул голову и раскинул руки по сторонам. Из его пальцев и начинался этот всепоглощающий пожар.

– Дахху же так не умеет... – ошарашенно пробормотала я сквозь опаленные ресницы, из-под подмышки Полены выглядывая наружу.

– Ему бокки подсобили, – шепнул Ловчий, резко пахнув эвкалиптом. – По дружбе.

И точно. Сквозь волшебное пламя я различила, что огненные духи с фонарями скользили к Дахху и вливались, вливались в него тeneвым водопадом, пока все не растворилось в Смеющемся.

Так длилось с полминуты.

Потом ревущее пламя утихло.

От упырей и скелетов остались лишь горстки пепла. Зал, сердце некрополя, страшно пах паленым мясом...

Я раскашлялась и сползла по Полены, как по стене.

Струйка черного пара вылилась у меня из носа, растеклась по полу лужей. Из этой лужи вырос бокки-с-фонарем. То же самое произошло у ребят.

В случае Дахху, наверное, выстроится целая очередь «на выход».

Я бы посмотрела.

Да сил нет – дышать невозможно.

– Время? – пробормотала я, сворачиваясь на полу.

– Девять двадцать пять, – ответил Лиссай откуда-то сверху.

Рядом послышался топот сапог и яростный девичий голос, звонкий и резкий, как удар хлыста:

– Быстро тащи ее во дворец!

– Да не могу я! – рявкнул в ответ Полень, зло, обреченно. – Не могу!

– Соберись, ублюдок! – Звон пощечины.

Низкий рык. Женский вскрик.

– Эй, полегче! – здоровый голос Андрис Йоукли.

И принцев шепот над правым ухом:

– Тинави, к-как угодно, но выживайте – это к-королевский приказ. – Мне показалось, что от принца веет Святилищем. Магией Междумирья. Бесконечной свободой тeneвых бликов.

Какой прекрасный запах... Мне хотелось вдохнуть его полной грудью – этот волшебный, манящий, вечно шумящий Лес...

Но дышать становилось труднее.

Я подняла левую руку, будто онемевшую, и неловко бухнула себе на лицо. Черные червячки ощущались уже на уровне носа.

Ну вот, Карл. Не придется ждать две тысячи лет. Посмотрим вселенную уже сейчас, если, конечно, в твоём плотном графике найдется местечко для пары путешествий.

Затяжная война допускает выходные? Зверь уступит мне песчинку твоего божественного времени?

– Полынь, дайте руку. – Краем сознания я уловила сосредоточенный голос Дахху из Смеющихся.

Голос множился, рассыпался странным эхом, будто брызги водопада – вроде и не различаешь отдельные капли, а весь уже в мокрой пыли...

– Что?

– Руку, правую. Вот так. Вы молодец.

Все дружно ахнули. Я хотела разомкнуть веки, но... Навалилась такая странная, такая сладкая тяжесть...

Лес. Лес шумит, и я засыпаю под сенью Леса.

О, кажется, Мишустый квартал. Ничего себе, какой цветущий.

Странно, я думала, пионы вокруг моего коттеджа распускаются в мае, а сейчас июнь, м... Какой запах...

Тонуть. Тонуть в белоснежных волнах аромата, свободной и вечной, спокойной и полной бытия...

На краю сознания, среди нарастающего шума моей собственной крови, упорно циркулирующей по телу, несовершенством мелькнул голос Андريس:

– Ничего себе!

И тотчас – Лисая:

– Я тоже нужен?... Ах, вот так?... Тогда к-конечно!

Я уже хотела было пойти навстречу распахнутой калитке своего сада, ведущей в глубину Смахового леса, когда чьи-то надежные руки хорошенько потрянули меня.

Идиллическая картинка любимого участка мигнула и растворилась в беззвездной темноте...

Пропал наполненный косыми лучами солнца и пением птиц Лес. Пропало удивительное чувство того, что все и всегда будет хорошо – независимо от других и другого.

Чернота Прыжка сменилась ощущением содранных коленок из-за непредвиденного столкновения с ворсистым ковром.

Ну вот.

Стоило только познать покой!

Дахху дурит

Красивые идеи сами по себе ничего не стоят. Попробуй воплотить хотя бы одну из них – тогда и поговорим.

Из расшифровки тюремных бесед хранителя Теннета

- Отец там? – Голос Лиссая был непривычно жестким.
- Нельзя, Ваше Высочество. Законопроект обсуждают. С Советом, с приглашенными...
- Вы точно осознаете, к-кому говорите «нельзя»?
- Да, но...
- Может, хотите на плаху?
- Никак нет, мастер Лиссай!

Я одурело мотала головой, изо всех сил пытаюсь сфокусировать взгляд на собственных руках. Руки эти, покрытые уродливыми узорами проклятья, упирались в голубую ковровую дорожку, какой был выложен дворцовый коридор перед тронным залом.

Послышался скрип открываемых дверей. Казалось – почему бы не смазать петли тронного зала как следует? Ан нет. Скрипящие куда романтичнее. Чай, в королевстве живем, а не в какой-нибудь дурацкой республике...

– Потерпи еще немного, – шепнул мне на ухо Полынь, подхватил меня под мышки и поволол, как мешок с мукой, не сильно-то приподнимая над полом. Быстро, но отнюдь не изящно.

Я вяло пялилась вперед, и передо мной расступались, ряд за рядом, изящные эльфийские туфельки, дорогие тилирийские ботинки, замшевые сапоги гномьего производства. Хозяева всего этого богатства, высящиеся где-то за пределами зоны видимости, исторгали попеременно возгласы удивления и негодования.

Две пары обуви честно сопровождали мой негероический путь. Эдакая свита: остроносые тапочки Лиссая, шлепающие о голые принцевы пятки, и сандалии Полыни с цветными завязками.

– Лиссай! – Неожиданно живой, человеческий вскрик вырвался из горла его величества Сайнора.

Это к нему мы так целеустремленно перли сквозь ряды обалдевших придворных.

– Отец! Вылечи Тинави! Немедленно!

– Ты жив? Ты цел? Что с тобой сде...

– Пр-р-рок-к-клятье! – рявкнул Лис.

Судя по стройному аху в зале, все решили, что Лиссай позволил себе выругаться, а вовсе не обрисовал беспокоящую его проблему.

Сайнор подошел: передо мной появились королевские туфли с пуговицами-гербами.

– Поднимите, – веско произнес он.

Полынь так и сделал.

Я заболталась, как соломенная кукла, осоловело пялясь на главу Дома Ищущих. Тот смотрел на меня абсолютно равнодушно. Никуда не торопился.

– Папа! – В голосе Лиссая прозвенел металл. – *Сейчас же!*

Взгляд Сайнора сначала смягчился от не слышанного прежде ласкового слова, потом полыхнул негодованием – из-за приказного тона. Готова поспорить, гвоздем вечера у них с Лисом будет тема Как Не Позорить Отца, Если Уродился Принцем.

Сайнор достал из-за ворота парадной мантии синий пузырек, отвинтил крышку и высыпал на ладонь несколько крохотных драже. Потом с уверенностью, достойной опытного вете-

ринара – с людьми так обычно не делают, – нажал мне на челюсть и всыпал в открывшийся рот лекарство. И тотчас захлопнул его шлепком.

– Унесите, – равнодушно приказал Сайнор.

И, даже не кивнув на прощанье, развернулся и потопал обратно к трону.

– Ты издеваешься, что ли? – опешил Лиссая совсем уж не по этикету. – А поблагодарить?! Ведь она спасла меня! Да вы хоть знаете, что там творилось?! – Лиссая обвел тронный зал пламенеющим взглядом.

И тотчас отшатнулся – наверное, увидел ауры аристократов.

– К-какие же вы лицемеры! – ахнул Лис. – Это что, всегда так-к было? Да вам должно быть тошно от самих себя – вы посмотрите на свои лица! Хотя нет. Тут все так запущено, что ничего не поможет, зря расстроитесь... – Принц на мгновение задумался, а потом твердо сказал: – Отец, я рек-комендую тебе пересмотреть состав двора.

Полынь, уже деловито тащивший меня прочь из зала, замер и с восторгом оглянулся.

Сайнор небрежно махнул рукой гвардейцам:

– Принца Лиссая доставить в Лазарет. Он, очевидно, болен.

– Я-то к-как раз не болен! Это вы больны – все вы!

Но приказ короля был исполнен в одно мгновение. И с видимым удовольствием.

Лиссая профессионально скрутили, заткнули ему рот и, негодующего, брыкающегося, поволокли к запасному выходу. Не хотели, видимо, чтобы мы пересекались.

– Дамы и господа, прошу простить меня за столь неудобную сцену. Итак, вернемся к повестке дня... – услышала я спокойный голос Сайнора, прежде чем караульные захлопнули двери за нами с Полынью.

* * *

В коридоре я быстро пришла в себя.

По моей просьбе Внемлющий усадил меня на подоконник, и я с опаской следила за своим отражением в радужном стекле: как исчезают, всасываясь под кожу, сосуды и капилляры проклятия. Вскоре и не осталось ничего – будто водой смыли.

Теперь я чувствовала себя потрепанной, но вполне живой. Чем не повод для счастья?

– Хвала небу... – выдохнула я.

Полынь подпрыгнул и уселся рядом. Ну да: подоконники – это вообще-то его страсть. Я так, скромная последовательница культа.

– А что, ребята пешком пойдут из-под кургана? – Я вдруг спохватилась. Хорошее самочувствие как нельзя лучше способствует мозговой деятельности. – Их не пришибут?

– А некому уже пришибить. – Ловчий пожал плечами. – Собственно, бокки помогали нам на том условии, что мы сожжем всех их подкуранных сожителей. Очень им не нравилось делить некрополь с нежитью. И с теми скелетами – остатками вражеских войск 1147 года. Ведь сами по себе духи не могут применять свою силу, обязательно нужно тело-передатчик. Как Дахху. Или как я. – Он задумчиво уставился на свою уже непрозрачную ладонь.

За десять минут до этого, когда мы покинули тронный зал и удалились на достаточное расстояние от караульных, Полынь остановился и вдруг раскашлялся.

Я тогда испугалась до обморока: что, опять какое-нибудь проклятие, долбаный король никак не уgomонится? Но нет. Ловчий лишь «выкашлял» три облачка дыма, которые стремительно унеслись сквозь окно. Видимо, бокки помогли с Прыжком и, как только выдалась спокойная минутка, поспешили вернуться домой.

– Но ведь выходы из некрополя сейчас запломбируют! – вспомнила я и приготовилась сломя голову всех спасать.

Полынь удержал меня:

– Главный – тот, что под бывшей аркадой – останется. Совет никогда ничего не имел против него. У двери выставлена охрана, но им приказано лишь не *впускать*.

– Думаешь, на стук изнутри они положительно среагируют?..

– Думаю, разбегутся, – подмигнул Польшень.

Тут к нам из-за угла прискакал упакованный в бархат гонец: безусый мальчишка с павлиньим пером на берете.

– Госпожа Тинави из Дома Страждущих, Господин Польшень из Дома Внемлющих, Его Величество Сайнор из Дома Ищущих просит Вас принять от Него два Высоких дарственных документа!

Количество заглавных букв в предложении зашкаливало: у меня аж зубы свело. Польшень взял письмо, развернул и удивленно хмыкнул:

– Смотри-ка, а он не соврал! Полное помилование.

Гонец продолжил, выгибая грудь колесом:

– Также Его Величество Сайнор из Дома Ищущих просит Госпожу Тинави из Дома Страждущих вернуть Ему Его дарственный перстень!

– Какой же он дарственный, если вернуть, – пробурчала я, снимая колечко. И поскорее отвела руку от загребущих лапок гонца: – Э, не так быстро!

Я достала из кармана свиток, который Карл вручил мне в Мудре. Смяла его и просунула сквозь перстень: так королю точно придется обратить внимание на диковинное письмо! Ну а там и прочтает, наверное.

И, будем надеяться, проникнется угрозой.

Когда гонец умчался – только павлинье перо и мелькнуло, – Польшень рассеянно почесал подбородок:

– За Лисаа обидно... Я считал его избалованным и трусливым типом. Но его выступление в тронном зале было забавным. Хотя и наивным. Чую, его не скоро выпустят из Лазарета. Король предпочитает хоронить все неудобное.

«Как и я», – содрогнулась я, порадовавшись, что в ближайшие пару дней можно не объясняться с Лисом по поводу моего курганного поведения.

Польшень полюбопытствовал:

– А принц успел рассказать тебе, что с ним было?

– Не-а.

– Что же вы делали всю ночь?

– Э-э-э... Ну Карл нас только в девять утра обратно отправил. Может, пойдем, встретим нашу бравую команду? – предложила я, чтобы сменить тему. Думать о Лисае рядом с Польшенью было практически невыносимо.

Польшень пожал плечами и спрыгнул с подоконника.

* * *

Мы с куратором долго ждали ребят. Но все-таки дождались.

Все трое вывалились из-за круглой металлической двери грязными, ошеломленными и крайне возбужденными.

Дахху шел впереди, сжимая свою кожаную сумку. Она теперь приобрела форму шара и чуть ли по швам не трескалась. Смеющийся прижимал ее к груди с такой страстью, что я аж позавидовала. Кто бы ко мне так относился, как этот ненормальный – к своим вещам!

Я поразились:

– Ты вообще что туда засунул?

Мне ответила Кад:

– Мусор преимущественно. Камней набрал! – И подруга нетерпеливо пресекла дальнейшие расспросы, подняв перемазанную сажей ладонь: – Так, народ! Я считаю, нам срочно нужна вечеринка! За новую жизнь, лыдра тебе в пятку! И прямо сейчас! Все согласны?

– Я не могу, извините, – пробормотал Дахху и, не вдаваясь в подробности, потопал прочь, слегка сомнабулически.

Андрис Йоукли, вся черная, как трубочист, окликнула его:

– Лекарь! Да ладно тебе, останься!

– Я не лекарь! – крикнул Дахху, не оборачиваясь.

– Ну а зачем тогда все-таки носишь значок на сумке?..

Друг не ответил. Мы с ребятами переглянулись.

– Может, его после бокки внутри так корежит? – предположила я. – Я вот тоже устала.

Кад проворчала:

– Понятно. Празднуем в другой день. Хотя откладывать радости – очень плохая примета, по гномьим поверьям.

– Соберемся в следующую пятницу? – предложил Полынь. – Мы с Тинави как раз успеем восстановиться в Иноземном ведомстве.

Я подпрыгнула:

– А что, можно?!

– Будем надеяться. Андрис, замолвишь слово?

Ищейка покосилась на меня. Белки ее глаз на грязной физиономии выглядели пугающе.

– Прости, прости, прости за те светильники! – покаянно взывала я.

– Хорошо, – прыснула Андрис.

* * *

Следующая неделя была чудо как хороша.

Я переехала от Кадии обратно в свой Мшистый квартал. Дом встретил меня запахами старых книг и свежего лака: это Анхела, моя приходящая кухарка, умудрилась отреставрировать лестницу на второй этаж, пока я была в бегах. И купила живых цветов на кухню.

– Анхела! Я-то думала, ты вообще уволишься, проклянешь меня! – ахнула я, пораженная в самое сердце Умилительными Войсками.

– Ишь, думала она, пигалица скитальческая!.. – Кухарка смущенно отмахнулась полотенцем.

Каждый день по много часов я проводила в ведомстве: мы с Полынью боролись за возможность снова работать Ловчими. Нам пришлось пройти собеседования с главами всех департаментов, а также отсидеть по три сеанса у мозгоправов и заполнить что-то вроде десяти тысяч бумаг.

А по вечерам мы гуляли по мерцающему городу. Во время этих прогулок Полынь всё чаще улыбался, и я чувствовала, как что-то хрустально-нежное прорастает у меня внутри. Такое, о чем и думать нельзя – спугнешь!

...Хотя, может, спугнуть будет правильнее?

Я все же попробовала обсудить это с Дахху, но на полпути смутилась и неловко перевела разговор на принца. Того так и держали в Лазарете, никого не пуская.

Наконец переговоры в ведомстве увенчались успехом!

Ярким летним днем Полынь отправился в специальную комнатку в Галерее Генералов – загадать свое желание. Я ждала куратора в центральном холле, на скамье, которая вилась лентой вокруг министерского фонтана.

Лучи солнца, льющиеся сквозь большое витражное окно, полоскали фонтан в разноцветных потоках света. Сотрудники ведомства бегали спринты сквозь холл: от одной резной двери к

другой. На горбатых мостиках второго и третьего этажей также кипела жизнь: коллеги возбужденно шелестели папками, надиктовывали и написывали ташени, изредка что-то колдовали. Никто не обращал внимания на фонтан, которым я любовалась.

Он изображал семнадцать знатных Домов Шолоха. Никогда прежде у меня не было времени отыскать среди вдохновенных фигур образ Дома Страждущих. Сейчас такая возможность появилась.

– Ну привет, – пробормотала я, поглядывая на статую молодого человека в прихотливом одеянии, напоминающем нашу традиционную тогу.

Символический Страждущий стоял, опустив голову, и руки его безвольно свисали по бокам. Все Дома были изображены в своих позах: Пляшущий пританцовывал; Таящийся крался; Парящий странно растопырил руки – на манер индюшки. В общем, скульптор не сильно утруждался в толкованиях.

Я думала про своего деда Хинхо, амулеты срединников и Мелисандра Кеса. Интересно, как там поживает саусбериец? Уже нашел следующий артефакт?

– Готово! – Из-за фонтана вдруг выехал Полынь, большой любитель поскользнуть по опасно гладким плитам пола. – Мое желание одобрено. Тетушку Тишь ждет свобода.

– Поздравляю. Хотя лично я не уверена, что это хорошая новость.

– Ее свобода равняется моей свободе – от прошлого. Так что, поверь, новость все-таки неплохая, – не согласился Полынь. Колокольчики и бубенчики в его прическе звякнули в поддержку хозяина. – К тому же я предостерегся: прописал, что также прошу ее изгнания из Лесного королевства. Здесь нам Тишь, конечно, не нужна.

– Разве только тишь да гладь, как сказал бы мастер Улиус, – фыркнула я, вспоминая любовь нашего начальника к разного рода словесным закавыкам.

– Кстати, о нем. Завтра шеф ждет нас в своем кабинете – подписываем бумаги. И все. С понедельника мы снова Ловчие. – Полынь улыбнулся.

– Ура! – сказала я. – Ура.

* * *

Придя в Мшистый квартал, я с удивлением обнаружила, что на крыльце моего коттеджа лежит посылка. Ни подписи, ни бантика – ничего.

Заинтригованная, я утащила коробку в дом. Села в библиотеке, долго на нее смотрела. Наконец открыла.

Внутри оказался... плащ-летяга. Бирюзовый, весь в разноцветных заплатках, карманах, с шелковой подкладкой цвета весеннего моря. Я ахнула, начала его теребить: сразу же выяснилось, что это не моя летяга. Копия. Но настолько хорошая, что любые огорчения завяли на корню.

В одном из глубоких внутренних кармашков нашла записку: «Я бы сказал – за красиво разыгранную партию, но победа подразумевает убийство короля. Это не наша история. И никогда не будет ею. Мы спасаем принцев. И, может быть, королев?»

Хм. Я призадумалась.

Звучит как тост от поэтичного шахматиста... Возможно, посылка от Дахху? Очнулся-таки от истории, подал первые признаки жизни?

С него станется подарить мне летягу: он часто преподносит подарки без повода. И никогда не подписывается. Мы с Кадией все равно понимаем, кто отправитель, прибегаем, верещим от восторга. Дахху отмахивается и ворчит, что мы зря уделяем «этой глупости» внимание, но сам сидит довольны-ы-ы-ый.

Я нацепила вновь обретенный плащ и вприпляску отправилась к садам Аутурни, возле которых жил-поживал в своей пещере господин Смеющийся.

* * *

– Дахху! Это великолепно! Сногшибательно! Лучший подарок в мире! – завопила я, с ноги распахивая входную дверь.

Друг, стоявший подле каменного очага – растопленного, несмотря на жару, – подпрыгнул аж на полметра и быстро спрятал что-то за спину.

– Тинави?!

– Ага. Спасибо-спасибо-спасибо! – Я бросилась к нему, распахнув объятия.

Дахху сделал два быстрых шага назад.

– За что спасибо? – пролепетал он, глядя на меня с вящим ужасом.

– Как за что? За летягу! – Я удивилась. – Это что, не ты мне ее прислал?

– Видимо, не я. – Друг облизал пересохшие губы. – Но я рад тебя видеть. Пожалуйста... М-м-м... Помой руки. И пойдем на кухню.

– У тебя все нормально?

Дахху неопределенно пожал плечом. Я, проходя мимо него в ванную, попробовала изловчиться и заглянуть ему за спину – что он там прячет? – но друг повернулся резвее, чем ратушный флюгер в ветреный день. И тотчас прижег меня укоряющим взглядом.

Минуту спустя мы сидели на старой доброй кухне.

Дахху размешивал сахар в чае, бездумно пялился в шершавую стену. Я все поглаживала лазурный шелк летяги: никак не могла успокоиться – как же хорош!

Достав из кармана загадочную записку, я протянула ее Дахху:

– Есть идеи, кто автор?

Друг скользнул по бумажке рассеянным взглядом. Потом сфокусировался, встрепенулся:

– Записка была в летяге?

– Да. Ты знаешь, от кого она?

Не успел он ответить, как с улицы постучались. Очень требовательно и, кажется, какими-то маленькими кулачками.

Дахху извинился и пошел в прихожую. Он закрыл за собой дверь: я крикнула от недовольства, но не посмела намеренно подслушивать и подглядывать.

Впрочем, кое-что и так достигло моих ушей.

– Я еще не согласился! – возмутился Дахху.

Пауза.

– Передайте... Передайте, что давление лишь убивает доверие!

Собеседник был слишком тих.

– Я не говорю, что это выдумки! – рявкнул Дахху еще несколько мгновений спустя. – Просто дайте мне время!

Дверь в пещеру хлопнула, чашки в серванте затряслись. Я сглотнула. Кричащий Дахху? Так бывает?

– Кто это был? – спросила я, когда Смеющийся вернулся. И, честное слово, для этого вопроса мне понадобилась вся моя смелость: ибо лицо у Дахху было темнее тучи, а ноздри раздувались, как у эх-ушкье во время Дикой охоты.

– Тинави... – пробормотал друг, плюхаясь на табуретку. – Скажи мне, что лучше: довериться и проиграть? Или не довериться – и проиграть?

– Лучше выиграть, – с ходу отозвалась я.

Видимо, это был неправильный ответ.

Дахху снял шапку, взъерошил седые волосы на макушке – я такого стриптиза от него в жизни не видела – и мрачно уставился в чашку.

Я смотрела на друга во все глаза.

– Мне сейчас надо побыть одному. Увидимся завтра, хорошо? – наконец выдавил Смейющийся.

– Да что случилось-то?!

– Не беспокойся об этом. – Он встал и недвусмысленно поднял с тумбочки мой рюкзак. Я нахмурилась, не спеша подниматься:

– Слушай, Дахху, опять ты темнишь. Чуть не помер – и все равно темнишь. Выключай уже свой романтичный образ непонятого ученого. Что на сей раз? Ты опять записался на какой-то ритуал? Вляпался в новую загадку? Бокки хотят обратно в твое тело? В чем беда?

– Никакой беды. Я занят исключительно историческими вопросами, а они, как мы знаем, тебя не очень интересуют.

Дахху потянулся к моей руке, но в последний момент передумал и схватился за рукав летяги... И недвусмысленно потащил к выходу из пещеры.

– Но меня интересуешь ты! Чтобы у тебя все было нормально! – расстроилась я.

Не отвечая, эта озверевшая оглобля в полосатом шарфе – странная ипостась моего друга – выставила меня за порог и посредством дубовой двери отрезала от пещеры.

Пока я стояла, обалдело разевая рот – возмущенные слова необходимого градуса никак не находились, – дверь снова приоткрылась:

– Тинави, на всякий случай: больше ни с кем не целуйся в ближайшие дни.

– ЧТО?! Да я тебе по секрету... А ты...

– Вообще с людьми поменьше контактируй, сезон вирусов, – почти прошептал Дахху.

Дверь захлопнулась окончательно.

– Зашибись я тайну летяги раскрыла... – проворчала я.

Помялась на пороге еще немного и, чувствуя себя полной дурой, пошла домой.

Часть III

Пустота проникает в Шолох

Санация

В Лесном королевстве вы встретите три разновидности гоблинов. Во-первых, гоблины грязевые, которые давно обжились в Шолохе в роли лавочников. Во-вторых, кобольды, нанимающиеся на работу к фермерам в сенокос. В-третьих, гоблины коблинау – великие мастера золотоносных руд, те, кого так ценят и ненавидят в нашем Казначействе.
Энциклопедия «Доронах»

Утро пятницы выдалось на редкость мрачным и дождливым.

Всю ночь лило, и городские улочки – те, что на отшибе, – буквально плыли, истекая глиной и песком, как кровью. Центральные проспекты, искромсанные косохлестом, сдерживали натиск стихии. Но вот реки... Шесть шолоховских рек чуть не затопили наш прекрасный город. Свинцово-серые воды Нейрис хищно вгрызались в мрамор набережных, а узенькая, обычно игривая речушка Арген то и дело захлестывала Верхний Закатный Квартал, немилосердно набрасываясь на ни в чем не повинных лавочников. Темно-синие тучи ходили так низко, что цепляли шпиль Башни магов. Платаны на аллеях раскачивались, шквальный ветер срывал вывески гостиниц; и даже ундины, эти оголтелые девицы, не спешили резвиться в гребнях реки.

Дождю, казалось, не было конца. Он уничтожил лето в полприема, он оглушил столицу по щекам, – и, ненасытный, все лил,

лил,

лил...

Мы с Полынью встречались у дверей Иноземного ведомства.

Я спрыгнула со случайного перевозчика (Патрициус прислал мне голубя, что, мол, слишком ценит свое здоровье, чтобы вылезать из дома в такую погоду. Лучше с дочками порисует про «Езжай и Стражи») и, укутавшись в летягу, взбежала по скользким ступеням к Внемлющему.

– Ну и погодка! – перекикивая ветер, пожаловалась я.

– Будем считать, на счастье.

Полынь протянул мне берестяной стаканчик с кофе – благоухающий и ледяной. Но не успела я взять напиток, как нас цапнул резкий порыв ветра, – и стакан, расплескивая ароматную тьму, попрыгал, кувыркаясь, по всем шестидесяти ступеням министерства.

– Э-э-э.... Тоже на счастье? – протянула я.

– Однозначно, – строго кивнул Полынь.

Мы вошли в Иноземное ведомство.

* * *

– Вяжи гужи, пока свежи! – Громогласный бас мастера Улиуса приветствовал нас, как труба. – Вместе тошно, а врозь скучно, что, вернулись, мои сиротинушки?

Рыжебородый толстяк сидел в глубоком кожаном кресле и обеспокоенно косился на стопку документов, высящуюся перед ним. Видимо, новые дела для департамента. Много, ой, много. Кому с ними разбираться, как не нам?

Я почувствовала странный азарт... Хм. Наверное, пора мне завязывать со своим вечным «не знаю, кем хочу стать». Хочу стать – хочу быть – Ловчей. Сегодня и всегда. Однозначно!

– Приветствую, мастер. – Полынь кивнул шефу. И с жадностью, многократно превосходившей мою, облизнулся на изумрудные папки.

Бородач расхохотался, захлопав себя по коленям.

– Ой, не могу, Ловчий! Сколько собака ни хватает, а сыта не бывает! Нормальные люди после гонки за Генеральством отпуск берут, отсыпаются, а ты...

– Мне на сон вполне хватило времени в тюрьме, – хмыкнул Полынь.

– Что же, кому тюрьма, а кому и добрый домок?

– Ну, добрый – это вряд ли... – Куратор машинально потер запястья, где под браслетами все еще краснели следы от гластер-кохских железных скоб.

Они с мастером Улиусом еще немного поперекидывались репликами – почти дружескими, тугими, как мячики для тринапа. Наконец в коридоре пробило десять утра – об этом разом возвестили все ходики, расставленные по ведомству тут и там (и это не считая гонга в центральном холле), и тогда мастер Улиус спохватился о формальностях.

Начальник официально протянул мне руку:

– Добро пожаловать домой, Тинавушка!

Я почувствовала, как колотится сердце в приятном волнении. И тотчас с проклятьем отдернула руку. Затрясла ею, неверяще глядя на рыжего толстяка. Полынь удивленно покопился на меня. Улиус поднял брови и снова – безмятежно – повторил жест приветствия.

Я тяжело сглотнула.

Я протянула свою вспотевшую ладонь ему навстречу.

И вот опять!

Кто-то – *что-то* – пыталось проникнуть в меня сквозь рукопожатие главы Ловчих.

Неприятный сухой холодок навалился на пальцы, пощипывая кожу, пытаясь выдуть, высвистеть себе путь внутрь. Будто тысячи крохотных пинцетов отдирают от тебя кусочки в надежде прокрасться сквозь свежие дырочки. Будто странная межзвездная тишина увидела в тебе интересный образчик для опытов и теперь хочет разорвать на куски – четко, хирургически, безэмоционально.

Меня такое категорически не устраивало.

Я со сбивчивым «Извините!» метнулась в коридор.

Добежала до поворота, прижалась спиной к стене, отдышалась и досконально осмотрела руку: все в порядке? Успела?

Дверь кабинета хлопнула, и ко мне подскочил взъерошенный Полынь:

– Что случилось?

– Руку! Ты пожал ему руку? – вдруг взбеленилась я, цепляясь за Ловчего. Подтянула его ладонь к носу, начала внимательно осматривать, едва ли не нюхать.

– Тинави! – опешил Внемлющий. – Ты с ума сошла?

– Точно не трогал его? Обещаешь?

– В чем дело, ты можешь объяснить?

– Нет... – прошептала я. – Пожалуйста, пойдем отсюда, Полынь.

Ловчий непонимающе нахмурился, глядя на то, как меня бьет крупной дрожью. Щеки мои покраснелись, глаза потемнели, зубы выбивали чечетку.

– Слушай, но ведь нас вот прям шас едва восстановили! Уйти будет как минимум недальновидно.

Я громко шмыгнула носом и, кажется, приготовилась рыдать. Он подпрыгнул.

– Запрещенный прием, малек! Так, ладно. Я перенесу встречу, жди меня внизу.

– Нет! Не подходи! Не приближайся! – Я вцепилась в кураторскую хламиду так, что ткань треснула под моими пальцами.

Вдоль коридора начали открываться двери кабинетов, оттуда – высовываться любопытные лица сотрудников. И тотчас – шепоты, шорохи, по всему этажу взбудораженные перемигивания – «смотрите, *этот* вернулся».

Полынь различил в общей массе чей-то восторженный писк «Я за автографом!» и ошутимо содрогнулся.

– Понял. Бежим!

Подхватив меня под локоть, он рванул на первый этаж, потом – к выходу. На ходу черкнул записку Улиусу.

На площади Полынь остановил кэб, страшно качающийся на ветру, и буркнул вознице:

– Поместье Внемлющих.

Пока мы ехали, я уткнулась лбом в стекло и бездумно пялилась на свою руку, пытаюсь понять, что же меня так неуместно скособоило.

А деревья за окном гнулись, гнулись, ветками хлестали по земле.

Ненастье разгоралось.

* * *

Впрочем, в поместье жизнь кипела, несмотря на непогоду.

Глава Дома Внемлющих – эффектная ведьма со звонким именем Монета – устроила тут пансион для магических талантов.

Круглый год и круглые сутки родовое гнездо Полыни бурлило ворожкой юных дарований. Старшие члены рода не отставали: изобретали разнообразные диковинки на грани волшебства и техники.

Из-за этого масштабного непрерывного бедлама многие представители Дома предпочли съехать куда подальше и заезжали в поместье только по праздникам. Или как Полынь – чтобы устроить выволочку ненормальной подруге.

– В последние дни ты что-то курила? – Куратор усадил меня на стул с жесткой спинкой и устроился напротив.

– Я никогда не курила.

– Сидр? Вино? Настойки? – и глазом не моргнув, продолжал Ловчий.

– Да нет же! – Я закатила глаза к живописному потолку гостевой комнаты, где мы находились.

Как объяснил Полынь, у него не было личной спальни в поместье. Вернее, была когда-то, но за давностью лет испарилась: ее захватили чужаки. А именно: пока Полынь работал Ходящим, двое предприимчивых ученичков тетушки Монеты устроили в его комнате экспериментальный аквариум – разводили хищных морских звезд. Опыты давно закончились, комнату осушили, но Полынь так и не вернулся туда. Ему совсем не улыбалось однажды проснуться от того, что выживший подводный мутант оттяпал ему большой палец ноги, а то и что похлеще...

В общем, Полынь сидел в центре малой гостевой комнаты. Он закинул ногу на ногу и балансировал своим любимым блокнотом на лодыжке.

Куратор вперил в меня испытующий взгляд:

– После перемещений в Междумирье и обратно у тебя случались галлюцинации или видения? Кружилась голова?

– Голова кружилась. Но никаких глюков. Полынь, я в своем уме. Кто-то пытался пробраться в меня через Улиуса. Какое-то существо. Клянусь.

Я почувствовала укол грусти, когда куратор холодно и равнодушно покивал в ответ на эту реплику. Очень равнодушно. Будто Ловчий на допросе.

Каковым он и был.

– Как ты думаешь, если бы ты пожала руку кому-то другому, не мастеру Улиусу, то тоже почувствовала бы «вторжение»?

Я пожала плечами. Увы, тут догадок нет.

– Давай попробуем, – как ни в чем не бывало продолжил Внемлющий.

Встал, подошел и протянул мне руку. Я взглянула на него исподлобья:

– Серьезно?

Полынь лишь призывно затряс ладонью, что классически сопровождалось перезвоном его браслетов и амулетов.

Я протянула свою.

– Давай поспорим на что-нибудь, что ли... Чтоб рукопожатие зря не пропадало.

– Что-то чувствуешь? – Он проигнорировал предложение.

– Нет.

Вдруг в дверь гостевой комнаты постучались.

– Спорим-На-Круассан – Это-Талантливый-Болван! – выпалила я.

– Ты проиграешь, – сочувственно подмигнул Полынь.

И оказался прав.

За открывшейся дверью стояла молодая женщина в парчовом фиолетовом платье. У нее были острые плечи, темные волосы, идеально прямой нос и большой чувственный рот, а взгляд такой самонадеянный, что хоть плачь. Где-то я это уже видела...

Стоп!

– Да ты занят, братишка? – Незнакомка ехидно вскинула брови.

– Для тебя, Душица? Всегда! – отзеркалил ее Полынь.

Я же во все глаза пялилась на гостью.

Вот это сестра Полыни?! С ума сойти! Душица?! Небо голубое! Может, у них еще и братец Хрен найдется?

Между тем женщина, мой интерес к которой возрос до небывалых размеров, прошеле-стела платьем в нашу сторону. Удивительно, как оно бывает: черты лица у обоих абсолютно одинаковые, но Полынь почему-то похож на лягушонка-переростка, а вот Душица... Да-а...

Женщина остановилась возле стула Ловчего, развязно облокотилась о спинку и жарко шепнула в ухо брату – выбрав ровно ту степень громкости, чтобы я при всем желании не могла не услышать:

– Не мое дело, но рановато ты расслабился, подружек стал приглашать. Король еще не закончил беседу.

И Душица, вынув из декольте маленькое письмо с печатью в виде дворцового герба, вложила его в руку Полыни.

– Увидимся, малышка, – бросила мне она, кокетливо повела обнаженным плечом и уплыла прочь. Дверь закрылась. Я подобрала челюсть и обернулась к куратору:

– Ого! Ого-го!

Но он почему-то не разделял моего энтузиазма. С каменным лицом Полынь пробежался глазами по письму.

– Ну да. Кто бы сомневался, – вздохнул куратор. И было непонятно: это ответ на записку – или на мой щенячий восторг?

Я забеспокоилась:

– Что такое?

– Да ничего, просто мир бьет все рекорды предсказуемости, и меня это бесит, – с убийственной честностью заявил Полынь, а потом смял бумажку и запулил ее в мусорный бак под

столом. Он снова натянул деловую физиономию. – Итак, на чем мы остановились... Ах да. Надо убедиться, что проблема не в тебе, а в Улиусе – как ты говоришь.

Я обиженно сложила руки на груди:

– Тебе не кажется, что подобная формулировка пахнет недоверием?

– Подобная формулировка – обязательный шаг расследования. Согласись, глупо опираться только на твое субъективное мнение.

– Тогда расширение моего субъективного мнения до десятка или сотни рукопожатий погоду не изменит. – Я пожала плечами. – Все равно единственным источником информации останусь я.

Полынь тряхнул головой. Кажется, он забыл, что я тоже способна на конструктивные выводы. Вздыхнул:

– Ладно, давай так. Запиши сейчас максимально подробно все, что ты почувствовала, коснувшись Улиуса. С этой информацией мы пойдем в библиотеку и попробуем узнать, может, у кого-то тоже были подобные... глюки. – Куратор все-таки не удержался от снисходительной интонации.

– Зачем записывать? Я и так все помню.

– Затем, – Полынь повыше задрал подбородок, – что иначе получится, как с медицинскими справочниками. Про какую болезнь ни прочитаешь, все у себя находишь.

Он достал из верхнего ящика стола лист бумаги и перо. Приглашающе похлопал по креслу:

– Вернусь через двадцать минут. Думаю, тебе хватит времени.

Ясен-красен, стоило ему выйти, как я в странном возбуждении бросилась рыться в мусорке. Бродяги саусберийского портового квартала могли позавидовать моей самоотверженности в данном процессе. К счастью, скомканное послание, переданное Душицей, валялось наверху.

Нет, не подумайте. Тайна личной переписки – это святое. Но сестричка Ловчего упомянула короля. А король был нашей общей проблемой.

«Полынь из Дома Внемлющих, вы записаны на санацию на завтра, ровно в полдень. Не опаздывайте. Элдо Мэверик, Старший Придворный Лекарь».

Санация?

Это что за ерунда?

* * *

Два часа в библиотеке ничего не дали.

Мягко говоря, задача оказалась не из простых: поди пойми, как вообще искать нужную нам информацию? На что опираться? Какие выделить ключевые слова, категории?

Библиотеки, увы, не спешат открывать тайны бытия первым встречным. Надо знать, что искать и как искать. А составленный мной список («инородная сущность, гадко, липко, дырочки, ползет, злая») был больше похож на шифровку шизофреника, чем на план работ.

Вдобавок мы с Полыней сдуру отправились в самую большую библиотеку Шолоха – в Башню магов. Книжные шкафы, растущие на десяток метров вверх (передвижные лесенки к вашим услугам), всегда вызывали у меня восхищение. Но сегодня они повергали в тоску. Думаю, я нехило накачала икроножные мышцы, ползая вверх и вниз в поисках наугад подобранных томов... А потом угрохала мышцы зрительные, на скорость и по диагонали проглядывая бесчисленные столбики энциклопедий.

– Пора прекращать это безобразие! – Я решительно захлопнула очередную книгу.

– Что, выдохлась? – Полынь попытался подавить зевок.

На его левой щеке краснел след, оставленный ладонью: Ловчий давно не менял одной и той же унылой позы.

– Ага.

Я обвела взглядом читальный зал. Ненастье за окном как нельзя лучше располагало к закуске в виде гранита наук, поэтому посетителей было очень много. Но ни перед кем из этих бородатых старцев в колпаках со звездами не высилось таких гордых книжных башен, как перед нами.

Хотя вот у нашего соседа по столу имелась превосходная гора из носовых платков... Он сморкался в них каждые пять минут, как по часам, – я начала подозревать, что старикашку специально наняли библиотекари-мизантропы, дабы с его помощью отвадить какой-то процент посетителей. Например, брезгливых. Или тех, кто боится всяких вирусов.

– Вирусов! – ахнула я.

– Прости? – Судя по тому, как Полынь дернулся, он уже успел провалиться в сон.

– Меня Дахху предупреждал о каком-то вирусе, – вспомнила я. – И... Дай-ка подумаю... Точно. Вчера он как-то особенно нервно относился к моим рукам: попросил их помыть, когда я пришла...

Полынь заржал:

– Это вообще-то нормально.

Я отмахнулась, решив не продолжать список антитактильности Смеющегося. Решено: иду к нему. Слушать эти громовые «а-а-а-а-апчхи-и-и-и» справа уже нет никаких сил.

К тому же Дахху наверняка знает, что такое «санация». А это меня уж как интересует.

– Кстати, Полынь, – «спохватившись», протянула я, – я же тебе проиграла круассан сегодня. Хочу поскорее расплатиться с долгами.

– Н-да? – Он покосился на меня.

– Н-да, – в тон подтвердила я. – Давай завтра утром сходим в кафе «Стрекозиная кухня»? Недавно открылось возле Ратуши. Говорят, жутко атмосферное. Его держат несколько фей, в прошлом – стрекозиных наездниц. Весь зал увешан крохотными седлами, сбруей и прочим жокейским реквизитом, который иначе как без лупы не разглядишь.

– Ну пойдем, – сощурился он. – Часиков в девять?

Я притворно замахала руками:

– Что ты! Я так рано не встаю. Давай в двенадцать.

– В десять, – продолжил торговаться Ловчий.

– В одиннадцать. Хочу отоспаться. – Я не сдавалась.

– Десять тридцать. Или уже не завтра.

– А что, у тебя какие-то дела? – Я невинно захлопала ресницами.

Он смерил меня долгим взглядом. Я улыбалась своей фирменной улыбкой – идиотически широкой, до ушей.

– Просто люблю спорить, – пожал плечами куратор и в прямом смысле слова ушел от ответа, развернувшись и деловито утопав прочь.

Ах ты гад.

Я, считай, в открытую призналась в чтении записки, а ты так и не делишься.

* * *

Моему удивлению не было предела, когда, добравшись до пещеры Дахху – путь оказался предсказуемо мокрым, ветреным и мерзким, – я обнаружила, что друга нет дома.

Что за дела?

Я тоскливо замерла под узеньким каменным козырьком, кляня себя за то, что до сих пор не додумалась выпросить у Смеющегося запасные ключи. На всякий случай подергала дверь.

ную ручку – с этого мечтателя станется бросить все нараспашку! Но нет. Дверь была заперта. Лежавший за ней Снежок почуял меня, приветственно заскулил и зацарапал дорогушую дубовую дверь.

– Тихо-тихо! – Я переполошилась, предчувствуя разборки с Дахху по поводу порченного дерева.

Волк не успокаивался. Он твердо решил пустить незваную, но такую дорогую гостью в дом – самолично прокопав ей путь внутрь. Шипя и с ужасом представляя изнанку двери, я мелкими перебежками отправилась в лесную чащобу, чернеющую сразу за участком.

Что ж, буду прятаться от дождя под вечнозеленым покровом. Не впервой!

Помню, в детстве это было самым главным волшебством: дожждаться по-настоящему сильного ливня и выйти в лес. Заползти под разлапистую ель, доверчиво подставляя спину острым иголкам, улечься пузом на буроватую лесную подстилку. Лежишь себе, шпион шпионом, и, чуть раздвигая осыпающиеся ветви, выглядываешь в загадочную наружность...

А там, как по приказу Мастера Травника, с невероятной скоростью растут грибы, хихикают феи, спрятавшиеся под лист папоротника, кружатся, поблескивая, вайты – шаловливые духи воздуха.

Сейчас я не стала с размаху плюхаться на живот. Ностальгия ностальгией, а новую летягу жалко. Я враскорячку проползла в шалашик, образованный низкими еловыми ветвями, и тихо ойкнула, обнаружив, что там уже занято.

– Привет!

Сидящий передо мной гоблин нахмурился, сосредоточенно выбирая, как среагировать на неуместного человека, и наконец также буркнул:

– Привет.

– А что ты тут делаешь?

– Дождь переживаю, что, – фыркнул сморщенный кожистый коблинау.

– Почему именно тут?

Гоблин скосил на меня пронзительно-желтые глаза с горизонтальными, как у козы, зрачками:

– Мастера Дахху жду, – и он как-то опасливо прижал правую руку к карману залатанных шерстяных штанов.

– Я тоже к нему пришла, – улыбнулась я. – Что у тебя за дело?

Гоблин замешкался. Коблинау относятся к чужим людям с разумной опаской («Никогда не знаешь, чего ждать от этих высоченных придурков!»), хотя со «своими» достаточно дружелюбны.

Большинство шолоховских коблинау живут у дельты реки Нейрис, где пчелиными сотами раскинулись золотые рудники. Гоблины сотрудничают с горняками: указывают им путь к плодотворным жилам и предупреждают о скорых обвалах.

Изредка коблинау выдают людям местоположение новых рудников, магических, какие самостоятельно даже чародеи обнаружить не могут. Если гоблины рассказывают об этих рудниках Казначейству – Казначейство счастливо. Если вдруг – по одной им известной причине – коблинау дарят рудник простому смертному, то Казначейство начинает выплясывать вокруг везунчика такие шаманские танцы, что одно удовольствие наблюдать!

– Ну... – Коблинау закричал, переминаясь с одной маленькой ножки на другую. – У нас с мастером Дахху деловой договор. По поводу золотой руды.

Я удивленно вытаращилась на него. Дахху и золото в одной фразе? Да ладно?!

– Не уверен, что могу распространяться, – вдруг засомневался гоблин, тревожно зыря глазами-блюдцами и еще сильнее сжимая карман.

– Не можешь – не распространяйся, – милостиво разрешила я.

И про себя добавила: «Все равно все у Дахху выпытаю».

* * *

Наше подъелочное сидение продолжалось так долго, что мы успели сдружиться. У коблинау была смешная манера говорить: он то и дело разбавлял человеческую речь гоблинскими словечками.

Правда, когда я пыталась переползти на вопрос золотой руды, Чичко (так звали гоблина) сразу замыкался. Зато мы от души почесали языками на такие жизнеутверждающие темы, как любовь и предательство, вера и принятие, борьба и самопожертвование. Не знаю, как так вышло (видимо, по недосмотру фатума), но коблинау – жуткие романтики. Эти кожистые сморчки обожают перетирать все розовое и высокопарное.

– Безусловная любовь точно существует, я тебе спэйю! – Чичко авторитетно кинул в меня шишкой. Я с грустной улыбкой пожала плечами. Точно существует. Главное – до нее дорасти. Мне еще явно надо работать.

– А вот я дорос! – Похвалился Чичко. – Зачем бы я иначе помогал эйду, даже зная обо всех его ошибках, всех его грехах, если бы не... – он умолк и испуганно зажал рот руками.

– Так, вот с этого места поподробнее, – заинтересовалась я. – Кто такой эйд? Что за грехи?

– М-м... О! Мастер Дахху идет! – И коблинау ураганом вылетел из-под елки, нарушая хрупкое равновесие дождевых капель над нашими головами.

Я зашипела, как рассерженная кошка, когда целое ведро воды – совокупно – ухнуло мне на голову бриллиантовой крошкой.

– Дахху, Дахху! – кричал Чичко, несясь к ковыряющемуся в дверном замке Смеющемуся. Гоблин высоко задирает суставчатые колени и издали был похож на захмелевшую цапельку.

Дахху обернулся.

– Ну я же просил дать мне время! – Он с досадой всплеснул руками и потянул за концы своего полосатого шарфа так эмоционально, будто придушить сам себя хотел.

Но потом его взору явилась я, с треском выползшая из-под елки. Смеющийся ахнул, схватился за сердце. Я шлепала к нему через лужи, и дождь, вновь разошедшийся, глумливо хлюпал в моих сапогах.

– Чичко, шли бы вы... Куда-нибудь, – от души посоветовал Дахху гоблину.

– Мне запретили уходить от вас, пока вы не возьмете это, – коблинау достал из кармана пухлый конверт.

– Не буду я его брать! Я еще думаю!

– Ну господи-и-и-и-ин Дахху, я та-а-а-ак околел вас дожидаться!.. Хо-о-о-олодно! Она подтвердит, вот! – Паучья лапка ткнула на меня.

Смеющийся протяжно вздохнул. Гоблин воспользовался моментом и почти насильно всучил конверт энциклопедисту.

– Это не значит, что я согласен! – крикнул Дахху вслед гоблину, который уже перебежками дернул в сторону набережной. – Мне просто надоело спорить! Я никуда не пойду, пока не сочту это правильным, так и передайте! Или пока не будет доказательств!

Но Чичко уже и след простыл. Дахху повернулся ко мне. Мы топтались на крылечке, безнадежно мокрые, а по ту сторону двери неистовствовал, радовался, дубасил хвостом об пол вечнослюнявый Снежок.

– Ты тоже будешь меня мучить? – тоскливо протянул Смеющийся.

– Да, – призналась я.

Он сокрушенно покачал головой и пропустил меня в пещеру.

* * *

Дахху заклинанием сушил свою замшевую куртку. Я вручную выжимала летягу – прямо на коврик у входа в пещеру. Коврик – рамбловская штучка, из каких-то хитрых кораллов – довольно урчал и причмокивал после каждой новой порции воды.

– Короче, у меня два вопроса, не считая любопытства про коблинау, – вздохнула я. – Первый вопрос. Что такое санация?

Дахху повесил куртку на крючок, оперся на косяк двери и задумчиво потеревил растрепанный кончик вязаного шарфа. Тоже уже сухого.

– Санация – это комплекс мер по оздоровлению организма. В магии – очистка человека от постоянно действующих колдовских чар.

– Например?

– Скажем, пожизненный улавливатель удачи, стабильное увеличение обаяния и так далее. Светящиеся ведомственные татуировки тоже из этой категории... Тинави? Ты чего?

Я схватилась за голову и потрясенно открыла рот:

– Они хотят лишить его запредельных Умений! – охнула я, складывая два плюс два.

– Кого? Полынь?

Вот за что люблю Дахху, так за то, что он быстро соображает. Ну это помимо других неоспоримых преимуществ, вроде доброты душевной и переходящего все границы альтруизма.

Я кивнула.

– Видимо, без чая нам тут не обойтись. – Дахху костяшками пальцев почесал нос и пошлепал в кухню.

На спине его вязаного свитера была вышита надпись, достойная стать девизом всей моей жизни: «Всякое случается!»

Приют экстравертов

*Людям доверяй, но колоду приноси свою.
Приписывается хранителю Рэндому*

Я наматывала по кухне волнительные круги. Они были сильно ограничены размером помещения. И мебелью. И вообще, взгляни кто на мою траекторию сверху – сказал бы, что это кляксы, а не круги. Жутко кривые, контуженные кляксы-дистрофики...

– Отправь Полюны записку, будь добр, – взмолилась я. – Я ж теперь не успокоюсь.

Дахху перестал резать лимоны к чаю и написал:

«Полюнь, пожалуйста, загляните сейчас ко мне в гости, если свободны. Тинави хотела бы обсудить с вами санацию».

С ответом не замедлила прилететь черная глянцевая пташка Ловчего.

Белые буквы на ней гласили:

«Увы, я занят, господин Дахху. Передайте Тинави, что нехорошо читать чужую переписку».

«Тинави говорит, что нехорошо безропотно идти на заклятие. Санация лишит вас теневых способностей».

«Уточните у Тинави: она решила сменить профиль и стать Мастером Очевидности? Если так, пусть предупредит: я не буду зря назначать ей новую встречу с Улиусом. Он, кстати, крайне расстроен сегодняшним инцидентом».

Следующая наша ташени была написана уже другим почерком. Быстрым, острым и хронически заваливающимся налево. Моим.

«Так, Полюнь, а ну не переводи тему! Дуй сюда, дурачина, будем думать, как тебя спасать!»

Ответа не последовало. Хотя ждали мы долго.

Наверное, я переборщила с «дурачиной». Вечно со мной так – схожусь с кем-то близко и сразу теряю чувство такта. Будто меня в любом случае примут и поймут, такую распрекрасную. Что, увы, является скорее исключением, чем правилом – даже в самых теплых отношениях.

– Ты бы с ним повежливее. – Дахху как мои мысли прочитал. – Все-таки твой куратор, и вообще... Мужское достоинство, понимаешь?

– Но ведь надо что-то делать.

– А кто тебе сказал, что это твоя забота? – Дахху сел за стол, хитро сплел пальцы в заклатье, и лимонная долька с плеском шлепнулась в мою чашку. – Или что без тебя не разберутся?

Я замешкалась.

– Более того, – продолжал энциклопедист, подперев щеку рукой, – почему ты считаешь, что потеря запредельных умений – это трагедия?

– Потому что Полюнь без татуировки – это не Полюнь.

– А кто?

Я обрисовала рукой какую-то смутную, невнятную фигуру в воздухе. Пожала плечами. Как бы объяснить...

– Не факт, что твои суждения о том, что хорошо для господина Внемлющего, совпадают с его собственными суждениями, – укорил меня Дахху. – Возможно, ты зря рвешься в бой. К тому же далеко не все любят, когда о них пекутся. Многим от этого становится душно, как считаешь?

– Дахху, ты что, в лазаретный отдел Легких Мыслей устроился? Что за сеанс психотерапии? Ты еще свечу зажги и благовониями попшикай, – смутилась я и, скрестив руки, откинулась на спинку стула.

Друг сконфуженно улыбнулся, поправил выбившиеся из-под шапки волосы. Они от влажности завивались вопросительными знаками.

– Ладно, прах с ним, с Полынью! У меня еще одна тема для обсуждения есть, – решительно заявила я. И протянула Смеющемуся руку.

Он удивился.

– Будешь ее жать? – спросила я. – Или боишься вируса?

Дахху вздрогнул.

Я рассказала ему об утренней встрече с мастером Улиусом. Друг слушал меня очень внимательно. В отличие от Полыни, он не попрекнул меня ни единым словом, не закатил глаза, не стал выпрашивать на тему потенциальных галлюцинаций.

Потом Дахху задал несколько уточняющих вопросов, поднялся и со вздохом направился прочь из пещеры, на ходу слегка качая головой, будто самому себе не веря.

– Эй! – возмутилась я. – Ты куда? А прокомментировать?

– Ты все узнаешь, когда я вернусь. – Дахху благоразумно прихватил зонтик. – Обязательно дождись меня, ладно? Я приведу еще одного свидетеля заражения.

– О. Ну ладно. А твой уход не затянется? – Я напряглась.

Пепел его знает: Дахху все-таки жил с Карлом какое-то время, не дай небо поднабрался от того временной гигантомании!

– Мне нужно несколько часов, – прикинул Смеющийся и схватился за карман, совсем как гoblin Чичко. – Пещера в твоём распоряжении, не скучай, пожалуйста.

Я послушалась и не скучала, ох как не скучала, выпотрошив за это время все медицинские справочники, которые нашла у Дахху. Благо их оказалось много. То, что мне удалось выяснить о «санации», отнюдь не вдохновляло.

Полынь и впрямь собирались лишить Умений. Навсегда.

Я голову сломала, пытаюсь понять, как такое технически возможно. Ведь магия Ходящих по сути похожа на Карлову, дружественную магию... Но разве можно вытравить благорасположение энергии унни? И вообще, если задуматься о Теневом департаменте – как у них работает колдовство?

Я не помню, чтобы Полынь пытался найти у себя в душе пресловутую гармонию перед тем, как *Прыгнуть* или *Поблекнуть*. Яростью он тоже не пылал – это чисто мой грешок.

Так каким образом татуировка Глазницы запускает «божественное» волшебство? И почему дает такой ограниченный список возможностей?

Я никогда не была сильна в теории магии, да и не планировала развиваться в этой сфере, но нескольких часов наедине с собой, под аккомпанемент грозы и волчьего храпа, хватило на широкий мысленный ассортимент.

...И почему же я раньше не сообразила, что Сайнор так просто не позволит бывшему Ходящему жить и процветать в его столице? Полынь – проблемный парень, такого в свиту не возьмешь. А Ходящий-без-поводка – опасно!

Не успела я окончательно добить себя страданиями на тему грядущего потрошения Внемлющего – в дверь постучались.

* * *

На пороге пещеры стояла Кадия во всей своей мокрой красе.

Грохнув перевязь с мечом на пол, стражница со скрежетом потянулась в форменных доспехах и радостно возопила:

– О, и ты тут?!

– Только я тут, – педантично уточнила я. – Дахху ушел.

– Ну дает! А сам меня в гости позвал. Говорит: общую вечеринку опять переносим, но ты приходи ко мне, пожалуйста, да волшебную рубаху из Рамблы возьми. Что, нас ждут пижамные посиделки?

И Кадия, не переставая беззаботно болтать, почапала на кухню. Прямо в сапогах. С одной стороны, ее можно понять – их пока расшнурешь, состаришься. С другой – все равно свинство. Заколдованный веник непременно охнул бы, если б Дахху наделил его голосом. А так – просто кинулся размазывать грязь по полу, усугубляя и без того нечистую ситуацию.

– Кстати, душа моя! У тебя что, нервишки шалят? – весело спросила Кад.

– С чего ты взяла?

– Дахху на свою ташени прицепил вот это, – и подруга метнула мне через кухню несколько спресованных таблеток пустырника. – Я подумала, это тебе.

Пока я разглядывала успокоительное, Кадия по-свойски распахнула шкаф со сладостями, вытянула оттуда пакет печенья и с размаху плюхнулась на стул.

Подруга доверительно сообщила:

– А ко мне сейчас Полынь заходил.

Я не поверила своим ушам:

– Это по какому поводу?

– В смысле?! Я красивая, он разборчивый – этого мало?

Кадия насладились произведенным эффектом и заржала, как конь.

– Шучу, конечно. Ловчий просил, чтобы я напомнила ему кое-что из придворного этикета. – Кадия аппетитно захрустела ржаными крекерами.

Вообще-то Дахху покупает их для Снежка, но я не стала говорить об этом стражнице. Ничего-ничего. Считай, она получила по заслугам. И за шуточки, и за то, что мокрые следы на полу выглядели ужасно. Я обмотала ретивый веник тряпкой, выуженной из-под раковины (дабы его усилия не были столь бесплодны), и села напротив Кад, положив подбородок на кулаки:

– Но зачем?

Кадия развела руками:

– Он идет на прием. После «урока» мы отправились покупать ему вечерний костюм.

– И куда же?

– В Сапфировый переулок. Там, конечно, в основном ателье, но Полынь напрочь отказался ждать, пока сошьют, – ему уже к вечеру надо приодеться. Так что пришлось довольствоваться магазинами готового платья.

– Да нет, куда он идет? На какой прием?

Кадия вдруг почувствовала неладное. Распрямила смятую упаковку крекеров, прочитала название и, скривившись, кинула их обратно в шкаф.

Потом подруга повернулась ко мне:

– Не знаю. А что?

– Да просто... – протянула я озадаченно.

Как-то странно, что в последний вечер перед санацией куратор не колдует до одурения и не ищет возможный выход. А вместо этого идет за покупками под ручку с моей блондинистой бестией. Нет, он всегда был шмоточником – чего только стоят эти вечные реверансы по поводу собственной хламиды: как бы не запачкать, как бы не помять, и неважно, что ты в эпицентре магической битвы! Но... Вечерний костюм? Этикет? Прием?

В дверь снова постучали.

Мои брови взметнулись вверх. Да елы-палы, с каких пор пещера Дахху столь популярна? Придется переписать входную табличку: превратить «убежище поэта» в «притон экстравертов».

Ворча, я прошаркала ко входу в слишком больших для меня тапках Смеющегося (они жуть какие уютные, овечьи, но только больше, чем надо, размеров эдак на пять).

– Здравствуйте! – расплылся в улыбке курьер за дверью. Серая мантия, широкополая шляпа, унылый ослик с пухлыми седельными сумками. Грустные глаза животинки зажглись алчным огнем, когда ослик узрел нежно-сиреневый выюн, оплетающий крылечко Дахху.

– Добрый вечер! – улыбнулась я.

У юноши на груди была фирменная нашивка: острые готические буквы, складывающиеся в название «Вострушка».

– Примите-распишитесь! – Газетчик бодро подсунул мне какой-то сверток.

– Я не хозяйка. Ничего страшного?

– Страшнее вернуться к начальству, не отдав пакет! – поделился юнец. И доверительно добавил: – Убьют.

Такой судьбы для него я совсем не хотела! Я забрала свёрток, и освобожденный от ноши газетчик тотчас начал беспорядочную борьбу с осликом, который уже вцепился во выюн. Бедное растение неумолимо гибло во чреве зверюги.

Я вернулась на кухню. Кадия с любопытством вытянула голову:

– Это что?

Она уже успела надыбать откуда-то пачку миниатюрных пирожных и теперь закидывала их поштучно в рот, как семечки. Во дает, а.

– Что-то для Дахху. – Я шлепнула посылку на стол.

– А что именно? Из «Вострушки»? Давай посмотрим? – Кадия сощурилась. – Вдруг там что-то плохое!

Я невольно рассмеялась знакомому энтузиазму.

– Если честно, я сегодня уже залезала в корреспонденцию одного... важного мне человека. Следовала этой же логике. И да, там гипотеза подтвердилась. Но дальше – тупик! Резюмируя, опыт мне не понравился. Так что карьеру Мастера Подглядывающего я завершила, и тебе ее не советую!

– Что, хозяин письма возмутился?..

– Не, собственная совесть.

– А. Ну у меня ее нет!

И Кадия принялась деловито разрывать оберточную бумагу. Несколько секунд спустя стражница издала почти предсмертный хрип:

– Дахху – новый владелец «Вострушки»?!

Я подавилась, что уже само по себе подвиг, учитывая, что во рту у меня было пусто.

– Это дарственная! Здесь написано, что за оказанные услуги по освобождению... – подружка обалдело шарила глазами по бумагам, и челюсть ее опускалась все ниже и ниже. – ГРЕК ТВОЮ НАЛЕВО, ДРЫГНУТЫЙ ТЫ ХОВЕР, ЧТО?!

Тогда я так и не узнала «что», к моему величайшему сожалению.

Потому что входная дверь в пещеру вновь стала объектом навязчивого внимания посетителей. В этот раз они хотя бы не стучались, вынуждая меня почем зря подыматься со стула. Что, впрочем, сложно назвать плюсом, учитывая, что дверь открылась и...

...И на пороге очутился собственной персоной Анте Давьер – шолоховский маньяк, темная ипостась хранителя Теннета и неудавшийся возлюбленный Кадии.

* * *

Убийца.

Убийца в доме.

Время застыло. Вошедший стоял на пороге недвижно: взгляд прямой, правая рука замерла на дверной ручке. Мне вспомнилось, как эта самая рука втыкала нож в горло Дахху. Замахивалась мечом надо мной. Резала иноземцев.

Я смотрела на маньяка и чувствовала, как кровь все сильнее пульсирует в висках.

– Не поздоровается, дамы? – Убийца разомкнул губы и покровительственно улыбнулся уголком рта. Одновременно он отпустил дверь – замок металлически лязгнул – и опустил руку к бедру – будто к ножнам.

Ой, зря.

Зря-зря-зря.

Внутри у меня что-то хлопнуло, рассыпалось каскадом алых искр. Глаза заволокло бордовой пеленой, и, не успев понять, что происходит, я выбросила руку вперед, будто желая вытолкнуть Анте прочь из пещеры.

Ненависть душевной волной поднялась из подреберья, и, мне казалось, меня больше не существует – есть лишь обжигающая сила, оскорбленная тем, что падший на свободе.

Эффект превзошел все мои ожидания.

Искрящийся шар фиолетовой энергии слетел с моих пальцев и, раскрывшись сферой, полетел на врага. По-хорошему, тут бы Анте и откинуть ласты.

Но навстречу сфере прыгнуло другое заклятье. Пронзительно-голубой, цвета высокого апрельского неба щит росчерком пера выстроился в прихожей. Благородная и неуместная синева полыхнула от обувной тумбочки и до вешалки.

Шар столкнулся с щитом и расплескался скворчащим лиловым цветом. В пещере будто разорвался фейерверк.

Но мое заклятие не погасло. Как и синий щит, ему противостоящий. Всполохи лиловой энергии, шипя, ползли вдоль синевы – надеялись на брешь. Щит держался, отплеиваясь краской...

Две магических волны разделили пещеру пополам. Намертво сцепившись, они переливались в центре прихожей, как северное сияние.

Там в далеком дверном проеме стоял Дахху, автор щита. Он гнулся, будто ясеновый лист, не переставая бормотать на стародольном. Кровь капала из его левой ноздри.

– Тинави, – прохрипел друг. – Остановись.

– Я не могу. Это уже не я.

Я и впрямь не могла. Энергия мироздания раскаленным потоком вырывалась из самого сердца, и, пусть я и опустила руки, лиловая сфера продолжала давить на щит Смеющегося и беспрестанно выкачивала из меня что-то глубокое, что-то равнодушное, такое сильное – и страшное одновременно.

Я отступила назад, с ужасом глядя на дело рук своих. Пещера плавилась по углам. Кровь из носа Дахху уже лилась рекой, пачкая шарф и свитер. Анте Давьер, стоявший подле друга, не шевелился, напряженно глядя вперед.

– Да вы совсем охренели!! – рявкнула у меня за спиной Кадия и вдруг как-то странно нажала мне на шею пальцами в амарантовой перчатке.

Я рухнула как подкошенная. До того, как потерять сознание, я успела увидеть, что оба заклинания тухнут, пеплом оседая на пол. В воцарившейся тишине на мои ноги победно заполз магический веник и с энергичными «всух-всух» начал сдирать с меня Дахховы тапки.

Ибо в доме должен быть порядок.

* * *

– Небеса-хранители, я не ожидал, что ты нападешь вот так сразу! И что потеряешь контроль над чарами! – Смеющийся нервно ходил из угла в угол, и его руки все туже сплетались на

груди. Моряки, мастера хитрых узлов, позавидовали бы. – Просто Анте и есть мой свидетель по вирусу!

Я покосилась на Анте Давьера, который в позе грифа-падальщика свернулся за дальним концом кухонного стола.

Тюрьма маньяка ничуть не испортила, что отнюдь не добавляло мне сочувствия. Короткие волосы отливали грифельным цветом. Льдисто-серые глаза мигали редко, как у ящерицы, а волевой подбородок торчал непокоренным фронтиром. Даже в ночнушке из Рамблы Давьер выглядел на все сто. Хренов любимец публики. Прахов герой женских грез.

Ночнушку, кстати, на него надели, пока я была в отключке. Волшебная подводная рубаха играла роль веревок, или кандалов, или какой еще угодно «сдерживающей силы».

Что интересно, самого Дахху присутствие Анте не смущало: друг был готов пригласить его в гости просто так. Но, пораскинув мозгами, энциклопедист решил, что нам с Кадией будет спокойнее, если падший хранитель на время беседы окажется «в некоторой степени обездвижен».

Жаль, что при таких светлых идеях Дахху не додумался войти в пещеру первым.

Не пусти он маньяка вперед (сам лекарь затормозил на крыльце, ужасаясь состоянию выюна после встречи с осликом), в пещере сейчас бы не пахло паленым, шарф Дахху не полоскался бы в раковине в попытках оттереться от крови, а на голове моей не набухла шишка от удара о тумбочку.

– Ты прости, что я тебя так вырубил, – буркнула Кадия после того, как привела меня в чувство серией пощечин. – Первое правило чрезвычайника: отключи сознание колдуна, если он ведет себя непотребно. И магия тогда сама рассыплется.

– К тебе у меня претензий нет, – мрачно кивнула я.

После этого Кад, непривычно тихая, ушла в главный зал пещеры. Она свернулась калачиком на матрасе и молча смотрела на нас оттуда. Вынутый из ножен меч подруга положила перед собой. Несла дозор.

С Дахху она не разговаривала. С маньяком – тем более.

Сам Анте тоже не проронил ни слова. И правильно сделал – ведь его первая и единственная реплика чуть нас всех не убила... (Вы же помните, что я великий мастер перекидывать ответственность?)

Итак, Кадия молчала. Я молчала. Анте молчал. Дахху, запинаясь, рассказывал.

Как выяснилось, наш верный друг на постоянной основе общался с маньяком в тюрьме. С самого момента выхода из комы.

Потому что Дахху, мол, очень хотелось обсудить с кем-то истории, которые ему рассказывали бокки-с-фонарями. Это были важные, до пепла важные истории – по мнению Дахху. И хранитель Теннет, пусть даже падший, лучше всего подходил на роль собеседника...

Стража безропотно пускала Смеющегося в Гластер-Кох – по лекарскому удостоверению. Дахху часами просиживал в карцере маньяка.

– У нас были очень интересные беседы. – Друг опустил глаза и мыском ноги попробовал поковырять каменный пол.

Интересные, блин!

Постепенно философско-историческое общение этих двух вылилось в то, что Дахху втянули в масштабную операцию по освобождению маньяка из тюрьмы. Друг долго сомневался, но в итоге встал на сторону гоблинов коблинау – именно они придумывали, как законно вытащить своего «эйда», то есть, по-шолоховски, Хозяина.

Ведь магические твари Лайонассы неровно дышат к определенным хранителям. Так, крусты обожали Карла; рыбы – Авену; гоблины – Теннета...

– То есть коблинау ради маньяка решили выдать местоположение новых золотых приисков. Но это должен был быть не подарок, а сделка с Казначейством. И сделку они заключить не

могли, не будучи гражданами королевства. А ты взял и помог им на финальном этапе. Прибыль идет государству при полном давьеровом покрытии всех расходов на добычу – и тюремный срок маньяка волшебным образом превращается в условный. Так? – Я попыталась подвести итоги.

– Да, – кивнул Смеющийся. – Деньги правят миром, увы.

– Кстати, о деньгах. Зачем тебе все это, а, Дахху? Неужели только ради того, чтобы получить в свое распоряжение «Вострушку»? – Я обвиняюще потрясла дарственной на газету.

Смеющийся вспыхнул:

– Конечно, нет! Как ты могла так подумать!

– Передача «Вострушки» в руки господина Дахху не обговаривалась. Это исключительно мое решение, – вдруг встрял Анте.

Я проигнорировала преступника и, поставив локти на стол, наклонилась вперед:

– Тогда зачем?

– Но я же сказал, Анте – свидетель по вирусу...

– Мы могли бы сами к нему в Гластер-Кох наведаться, если дело только в этом.

Дахху занервничал, опустил взгляд, вцепился руками в деревянную спинку стула. Пробормотал еле слышно, так, что мне пришлось повернуться в его сторону здоровым ухом:

– Еще Анте нужен, чтобы восстановить одну старую несправедливость... Я не справлюсь без него... Это не срочно... Но это важно с точки зрения равновесия Вселенной.

– С каких пор равновесие Вселенной находится в твоей юрисдикции?! – взвыла я.

Кадия на матрасе громко, драматично захохотала. Потом застонала, закрыв лицо руками. Мы все обернулись к ней, но она больше не подавала признаков интереса к беседе.

– Сейчас в приоритете то рукопожатие, – снова влез Анте Давьер.

Я свирепо посмотрела на него. Рамбловская рубаша надежно приковала маньяка к стулу.

– Касание мастера Улиуса. Вам не привиделось.

– Что именно?

– Ничего не привиделось, – отрезал Анте. – Пустота проникает в Шолох.

Я позволила Дахху налить себе еще немного ромашкового чая.

На улице гроыхало – гроза никак не желала покидать королевство... В круглые окошки пещеры хлестал неумный, любопытный дождь. Пахло сырой листвой, озоном, глиной, чуть-чуть – сладковатым парфюмом Кад. Светильники с осомой мерцали по углам пещеры. В любой другой ситуации это была бы уютнейшая из сцен, но сегодня... Сегодня слишком много проблем просыпалось на королевство.

– Что такое Пустота? – спросила я.

Пока маньяк собирался с мыслями, Кад поднялась с матраса.

Мчащаяся рывком засунула меч в ножны, обернулась ко мне:

– Пардон, но это выше моих сил. Напиши, когда ушлепок вернется в тюрьму, а этот, – кивок в сторону Дахху, – отрастит себе немного критичности.

И Кадия вышла из пещеры.

Бархатная ночь, укрывшая город, мгновенно поглотила поникшую фигуру подруги. Я подскочила, но Дахху удержал меня, цепко схватив за запястье: «Пустота сейчас важнее», – по губам прочитала я.

Правда?

Важнее дружбы?

Да что с тобой стало, милый?

Но Кадия уже ушла, Дахху – взглядом – умолял остаться, а слово «пустота» отдавалось во мне – или в унни? – такой странной слабостью, что у меня не было никаких сил противиться...

Наверное, так и теряют человечность. Единожды коснувшись судеб мира, откидывают все – пустое, якобы не важное, то бишь бречное, короткое, поверхностное и стоящее разве что серебряной монеты поутру.

– Что такое Пустота? – Я повторила свой вопрос.

Лекарь и убийца переглянулись. Маньяк заговорил:

– Иномирное существо, межзвездный охотник, который ползет по мирам, как вирус.

Пустота захватывает тела людей так, что они постепенно теряют себя.

Я тяжело сглотнула, представив добродушное рыжебородое лицо Мастера Улиуса:

– Что именно происходит с зараженными?

Анте задумался:

– Точно не знаю. Я видел ее лишь однажды, в лабораторных условиях. Но ученый тогда прекратил эксперимент, решив не доводить его до конца. Результат не был получен. Возможно, мы скоро его увидим – на ваших согражданах... Зараза уже не первый день в Шолохе. Во вторник одна из Пустот попробовала захватить меня в тюрьме, когда охранник коснулся меня, передавая ту мешанину, которую они величают обедом.

Я тут же потребовала подробного отчета об ощущениях. Увы и ах, он полностью соответствовал моему.

– Почему люди не отдергивают руку, если понимают, что в них лезет Пустота? – спросила я.

– А люди и не отдергивают. Только мы с вами отдергиваем, Тинави. Те, кто не колдует классическим образом. Унни защищает нас.

Дахху сел напротив и под тяжелым взглядом маньяка буркнул:

– Я Анте поэтому не верил. Он меня уже несколько дней уговаривал вытащить его, чтобы начать борьбу с вирусом. Но сложно поверить в то, чего сам не видишь. Поэтому я сомневался. Твой рассказ переменял мое решение. К тому же... Знаешь, Анте не так плох. У нас было время пообщаться. О многом. У него добрые намерения. Не говоря уже об упомянутом мною равновесии...

Я покачала головой.

– Дахху, вот скажи мне, пожалуйста, как ты – физически – можешь смириться с тем, что на твоей кухне сидит человек, пытавшийся тебя убить? – поинтересовалась я.

Друг скромно кашлянул:

– Ты тоже пыталась меня убить. Полчаса назад.

– Да не тебя же! – Я ахнула, сраженная его ответом.

Маньяк хмыкнул:

– Он прав: глагол, в котором суть, один и тот же.

Дурдом.

Поразмыслив, Дахху протянул:

– Тинави, я бы хотел показать тебе тот сон, из-за которого я решился на общение с Анте. Возможно, после него ты тоже согласишься с его присутствием на кухне... И поймешь, что я имею в виду, говоря о равновесии Вселенной. Мы восстановим его. И вместе одолеем Пустоту.

– И станем лучшими друзьями, и съедемся, и будем жить долго и счастливо, – язвительно продолжила я.

Дахху на мгновение задумался. Потом сразу же обиженно надулся. Отмахнулся, закрыл глаза и что-то заунывно запел, раскачиваясь на стуле, как маятник, взад и вперед. Я невольно напряглась. От сегодняшнего дня можно ждать что угодно.

А Дахху все пел и пел... И вот в приоткрытое окошко, под очередной раскат грома, в пещеру вползли две тонкие струйки черного дыма. На кухне они на секунду растерялись, будто выбирая, как быть, но тут песнь Дахху достигла высокой диссонантной ноты – и струйки, решившись, поплыли одна ко мне, другая к Анте Давьеру.

– Снова бокки?

– Да. Я узнал все от них. Будем действовать по канону. – Дахху с энтузиазмом закивал. По его щелчку один бокки нагло, по-свойски залез мне в ноздрю.

Я передернулась от омерзения:

– Ты бы хоть разрешения спросил! Что за пытки по расписанию?

– Прости, я забыл, что это может быть неприятно, – стушевался друг. – Свяжите их сознания друг с другом, – попросил он ту прохладную сущность, что, как на волнах, покачивалась внутри меня. Такая же мерцала далеким огоньком в серых глазах смиренного маньяка.

И без того изменившаяся колористика мира окончательно уползла во флюоресцентное сумасшествие. Бокки, казалось, дергает за невидимые рычажки мозга, настраивая мое восприятие, как ему удобно.

– Покажите 1147 год, побережье Шепчущего моря, – уточнил Дахху. – Объедините свои воспоминания с памятью Анте, чтобы получилась полная картина. Пусть Тинави узнает две вещи: во-первых, историю хранителя, а во-вторых, конкретную причину, по которой драконы сожгли срединников.

Услышав последнюю фразу, я опешила.

Значит, прав был Мелисандр Кес? Имелась последняя капля?..

– Дахху, а может, по одной истории зараз все-таки? – взмолилась я.

Друг с укором обернулся:

– Ты мне доверяешь?

– Да я уже что-то не увере...

Я не договорила: внутри будто повеяло холодком.

Вселенная закружилась у меня перед глазами. Я уперлась блуждающим взглядом в твердь мраморной столешницы: каменная мебель не подводит, запомните это.

И столешница, повинувшись желанию бокки внутри, раскрылась театральным занавесом, окуная меня, как в патоку, в странную акварельку – то ли сон, то ли греза, то ли ожившее изображение имаграфа...

История Теннета

Бойтесь узнать о врагах слишком много: поняв их, вы не сможете воевать с ними.

Флотц из Дома Молчащих, глава Военного ведомства

Итак, по просьбе Дахху я отправилась в воспоминания о 1147 годе. В рассказ об уничтожении Срединного государства.

Напомню, как это случилось: давным-давно, на заре времен, боги-хранители и срединники жили вместе. Потом боги осознали, что нельзя проводить так много времени с одним народом, если Вселенная заселена бесчисленным множеством других жаждущих и страждущих. Тогда хранители ушли из Лайонассы. Это был нулевой год, от которого отсчитывают нашу эру.

Следующую тысячу лет срединники провели сами по себе... И получилось у них так себе. Они кичились тем, что они избранные и самые крутые. Они действительно были изумительными магами – со всем тем багажом знаний, что достался им от хранителей. Но в итоге срединники довыпендривались до того, что соседние государства и драконы решили их уничтожить. Ящеры в одночасье выжгли Мудру, а иноземные войска истребили Прибрежный легион, находившийся на месте нынешнего Шолоха.

Именно тут, на берегу, я и оказалась.

Ну как – оказалась.

Строго говоря, по-настоящему меня тут не было: воспоминания все-таки. Материя потоньше сновидений.

Когда свистопляска перемещения закончилась и я почувствовала под ногами твердую почву, я первым делом покосилась на свои ладони – привычка со времен уроков по Управлению Снами.

Ладони были леденцово-желтыми и какими-то стеклянными. Рядом в таком же карамелизованном состоянии пребывали остальные члены нашей экспедиции: Анте Давьер и два бокки.

Я огляделась. Ох...

Вокруг были трупы. Горы трупов до самого горизонта. Багряная кровь заливала землю, хриплое карканье воронов царапало тишину. Серое небо давило сверху, как могильная плита, и в тонком плаче ветра мне слышалась скорбь по сотням непрожитых жизней...

Посреди этого пиршества смерти замер Карл.

Впрочем, лучше сказать Карланон: горделивый рыцарь, каким обратился мой юный друг перед недавним прощанием в Мудре. Глаза хранителя были закрыты, на лице застыло непонимание, смешанное с болью. Он стоял, опершись на тяжелый двуручный меч. Невероятная усталость будто тянула его ближе к земле.

Вдруг воздух рядом с Карланоном дернулся, пошел горячей рябью.

Из ниоткуда к Карлу шагнула хранительница Авена. Ее сопровождал незнакомый мне мужчина. Высокий и стройный, он мог похвастаться ярко-зелеными волосами, круглыми очками с голубыми стеклами, белой рубашкой и узкими черными брюками, смешно задранными из-за полосатых подтяжек.

– Это Рэндом? – спросила я у бокки-с-фонарями.

Мы вчетвером вытянулись шеренгой: я, бокки, еще бокки, Анте Давьер. Видимо, лесные духи понимали, что нас с маньяком лучше не ставить рядом. Но на мой вопрос они отвечать не стали.

Зато бесплотный, конфетно-прозрачный Анте усмехнулся, наклонившись вперед:

– Вообще-то это я. Позвольте представить вам – Теннет тысячетней давности. Рэндом, даром что шут, никогда так сочно не наряжался. О! Сейчас лучше просто наблюдать. Ловите диалоги, чтобы узнать, из-за чего драконы на самом деле сожгли Мудру.

Я скорчилась, недовольная его присутствием, но умолкла, предчувствуя тайну.

Авена – шелковое платье, высокая прическа – положила руку Карланону на плечо:

– Мы сообщили остальным о случившемся. Они скорбят вместе с нами. Но сюда не придут. – Говоря, хранительница слегка прикрывала лицо зеленым рукавом платья. Не хотела чувствовать запах разложения.

Карланон открыл глаза и повернулся к сестре:

– Неужели они не прощаются со срединниками?

– Они не хотят. Они разочарованы. Говорят, те сами виноваты.

– Каким образом, интересно? – глухо спросил Карл.

Ему резко ответил Теннет:

– Потому что нечего было похищать драконье яйцо. Для опытов, прости господи! И ладно бы обычное, а то – уникальное яйцо-девочку! Как твоим людям вообще это в голову пришло, а, Карланон?!

– Это как твои ящеры додумались уничтожить целое государство, скажи мне, пожалуйста?!

– Нэт, Карл, успокойтесь...

Авена приставила руку ко лбу и посмотрела на запад, где за далекими лесами стеклом застыла свежесожженная Мудра.

Богиня вздохнула:

– Селеста, Дану и Рэндом действительно думают, что люди получили по заслугам. И боятся: старая королева умерла, наследницу убили еще до вылупления... Никто не знает, как это скажется на балансе.

– Плохо скажется, что тут гадать, – проворчал Теннет. – Для такого предсказания даже не надо быть мной. Это мы равноправны, а у драконов за главную всегда была самка. Учитывая, что новой королеве взяться неоткуда, баланс *уже* нарушен. Просто еще незаметно.

– Надо найти решение, – нахмурился Карланон. – Нельзя это так оставить.

Теннет достал из кармана ажурный платок и стал протирать свои голубые очки:

– Ну кого-то из нас шестерых можно просто убить, чтобы силы сравнялись! На месте мироздания я бы так и сделал... – договорил он совсем тихо, будто пожалел о сказанном.

Все трое с опаской покосились на низкое серое небо. Авена обняла себя, зябко поежилась – на побережье было холодно – и протянула:

– Давайте попробуем выравнять баланс своими силами. Драконы отвечают за стабильность, мы – за перемены. Принимая это во внимание, предлагаю ввести несколько правил. Во-первых, мы перестанем близко общаться со смертными – учась у нас, они слишком быстро развиваются. Во-вторых, сами будем меньше колдовать, меньше менять Вселенную. В-третьих, больше никогда не придем в Лайонассу: мы и так провели тут слишком много времени – тоже, по-своему, диспропорция.

– Предлагаю добавить четвертое правило: не встречаться друг с другом, – кивнул Карланон. – Поодиночке мы гораздо слабее. Может, это удовлетворит мироздание.

Авена и Теннет согласились с ним.

Карланон продолжил:

– Но сейчас мы должны похоронить срединников. Нельзя их так оставлять.

– У меня есть идея. – Теннет закатал хрусткие рукава рубашки. – В мире, где я сейчас обитаю, на месте битв строят огромные курганы и проводят вокруг них рвы, а саму возвышенность плотно засаживают деревьями, приглашают туда птиц и зверей. Так, чтобы мертвые были спокойны под сенью вечного Леса.

– Красивая традиция, – одобрила Авена.

Карланон оглядел уродливое поле брани, черными вывихами смерти тянущееся вперед.

– Как мы отделим срединников от их убийц?

– Никак.

– Что же, мы положим всех под один курган, без разбора?

– Да, – жестко отрезал Теннет. – Им уже все равно, Карл.

Карланон промолчал. На мертвом побережье под сиплый птичий смех боги принялись за работу.

Вскоре Авена с беспокойством обратилась к Теннету:

– Зачем ты призвал болотные огоньки?

Тот в изумлении обернулся. Он стоял на дне котлована, созданного им в качестве нижних этажей будущего кургана, и старательно вычерчивал схему подземных коридоров, снабжая стены древними стихами одной позабытой вселенной. Тут и там он вставлял в стихотворные строки сказ о гибели срединников – и тогда Теннет размашисто подписывался острой, готической бук- вой «Т».

– Почему ты решила, что это я? – Бог поправил очки. – Эй, Карланон! Зачем тебе огоньки?

Карланон, до того бродивший между трупов в отчаянной попытке все-таки как-то отделить срединников от их врагов, вернулся к богам. Вокруг котлована действительно горело и переливалось около двух сотен светящихся пятнышек. Слегка покачиваясь на ветру, они горели теплым оранжевым светом.

– Это не болотные огоньки, – протянул Карланон и подошел ближе. – И не светлячки.

Небо над побережьем неумолимо темнело... Ночь – первая в Лайонассе ночь без срединников – мягкими укусами бархатных губ захватывала края декораций. Над морем зажглись льдистые звезды – но свет этих звезд не шел ни в какое сравнение с огнем неизведанных дрожащих точек, медленно плывущих навстречу Карла- нону.

Теннет *Прыжком* выбрался из котлована.

– Как будто искорки, – удивился он.

В ответ на его предположение точки возбужденно заматались между хранителями и полуманными куклами мертвецов.

Авена издала хриплый стон и отшатнулась:

– Нет, такого не может быть! Это не могут быть искры срединников! Невозможно!

Тут уж оранжевые точки начали рябить совсем ликующе, до рези в глазах. Они вились подле Карланона, как мотыльки вокруг свечи, и будто подталкивали бога к мертвым телам.

Горечь на лице хранителя-паладина постепенно уступала место улыбке... Улыбка эта, как цветок, медленно разгоралась за пеленой торжествующих искр.

– Я думаю, – выдохнул Карланон, – нам с вами удалось замечательно воспитать срединников. До сего момента я был уверен, что ни одно живое существо не в силах сохранить искру после потери тела. Но срединники перехитрили саму смерть.

Огоньки, казалось, целуют его.

– Я знаю, – продолжил Карланон, – что это будет безумной идеей, но как насчет того, чтобы...

– НЕТ! – рявкнул Теннет. – Не произноси это вслух!

Авена побледнела и тоже отрицательно покачала головой:

– Карланон, даже не думай.

– Почему? Мы имеем право распоряжаться унни так, как считаем нужным. Мы можем предлагать ей новые формы. И она обычно соглашается. Почему нет?

– Ты ведь понимаешь, что дело не в унни? – Теннет снял очки и кивнул в сторону огоньков. – Мы не имеем права трогать *их*. Души. Искры. Они вне нашей компетенции.

– А мы и не будем их трогать. Они сами прекрасно умеют двигаться и отправятся туда, куда считают нужным. Нам надо только подготовить им место. Так ведь? – Паладин-хранитель нежно улыbnулся огонькам.

– Карланон. Не надо. У Отца всего лишь два запрета: людям – не убивать богов, богам – не оживлять людей. Не будем нарушать второй.

– Слушай, Авена, не хочешь участвовать – я не заставляю. Но если у меня есть возможность дать срединникам второй шанс – я ее не упущу.

Авена окинула безжизненное побережье долгим взглядом.

Затем она пожала плечами и отошла:

– Я надеюсь, у тебя ничего не получится. Вы уж простите, огоньки, – обратилась она к сияющим точкам, – но я бы на вашем месте не выпендривалась. Против хода жизни не пойдешь. Я не буду вмешиваться. Развлекайся.

– Я тоже понаблюдаю. Это плохая идея, брат, – сказал Теннет и отодвинулся от Карланона.

Мои призрачные спутники – сновиденческие бокки-с-фонарями и Анте Давьер, напротив, подтянулись ближе и призывно замахали мне. Мы вчетвером встали прямо перед Карланоном, руку протяни – и вот он, хранитель. Подбитый алым плащ, двуручный меч, густая клинопись морщин у глаз... Нет, быть мальчишкой ему лучше.

Карланон воззвал к унни.

Он, быстро перебирая пальцами, начал творить долгое, заунывное и какое-то умоляющее заклинание. Авена и Теннет замерли поодаль.

Небо стало стремительно набухать, раздаваться вширь, будто хлеб в раскаленной печи. Море вздыбилось, волны стали выше, громче и злее. Земля ссохлась и мелко задрожала, яркие искры в смятении прижались к богу. Северный ветер начал гудеть низко и напряженно, он сдувал с пляжа тонны и тонны песка, обнажал скалистые кости планеты...

Вдруг несколько мертвецов дернулись, как марионетки, и, издав странный сип, рывком поднялись. За ними – еще и еще. И вот целая армия мертвых тел медленно, неуверенно поднимается – и, шатаясь, тянется к Карланону.

Голос хранителя звенящим набатом заполнил пространство вокруг.

Мертвецы, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь, шли к Карланону. Было видно – унни упирается, не хочет исполнить волю Карла, нарушившего завет. Чем сильнее Карланон сосредотачивался на телах погибших срединников, убирая следы разложения, залечивая их раны и заставляя их приближаться к зависшим подле него огонькам, тем сильнее бесилась энергия. Но не могла увернуться от бога.

– Карланон, прекращай! – закричала Авена.

Первым не выдержало море: оно стало уходить.

Сильнейший отлив, рокоча, откатывал воду вдаль. Будто кто наклонил Лайонассу, как блюдо, – и вода утекает, стекает за край.

Второй возмутилась земля: побережье с треском раскололось, и черные змеи расщелин поползли стремительно прочь. Песок, беснующийся под порывами ветра, под шепот времен ускользал в дымящуюся тьму расколов.

Мертвецы, возражая стихиям, шли к Карланону.

Огоньки дрожали на низком старте. Вдруг все стихло... Карл умолк и в воцарившейся тишине коснулся пальцами лба. Искры ринулись вперед. В то мгновение, когда они наполнили светом мертвые тела, небо разорвала молния.

Она вилась и ветвилась, как тысячелетний дуб, и коршуном падала с небес – на Карланона.

Ох...

Я была бестелесным наблюдателем, а все же рефлекторно дернулась, желая укрыться. Такой же призрачный, Анте Давьер удержал меня: схватил за рукав летяги и ткнул пальцем вперед: смотри! Смотри, Тинави! Не отвлекайся!

Электрический хлыст почти дотянулся до Карла... Но тут Теннет ругнулся. *Скользнул* к брату, крепко обхватил его руками и попробовал было *Прыгнуть* дальше – куда-нибудь прочь отсюда, желательно на другую планету – и не успел.

– Эта молния была очень странной, – шепнул мне Анте Давьер, пока Теннета, странно милого в своих очках и подтяжках, било током прямо перед нами.

Шолоховский маньяк продолжил, внимательно, не мигая, глядя на корчащегося перед нами бога:

– Молния не обжигала. Зрение осталось при мне, а руки вместо того, чтобы сжаться вокруг Карланона и тем самым втянуть в наши с молнией разборки, безвольно опустились – видите, он упал? Я тогда почувствовал, как меня с ног до головы наполняет светом. Непонятное ощущение, отстраненное и какое-то стерильное. Будто помыли – изнутри.

Молния втянулась в небеса...

Вокруг бушевала стихия. Море, уже скрывшееся с авансцены, гремело вдали, внушая опасения за судьбу Шэрхенмисты. Землю все еще трясло, а лес на горизонте горел. Из глубины образовавшихся тут и там трещин начала сочиться какая-то жижа, гадко хлопавшая и пахнувшая водорослями.

– Карланон! Надо уходить! – проорала Авена, поднимая бесчувственного Теннета.

Карланон же носился между своих мертвецов и пытался их растормошить: соединившись с искрами, они почему-то не ожили, как планировалось.

– Карланон!

Но Карл не слышал. Он сжал кулаки и воззрился на небо с таким негодованием, что будь небом я – непременно бы устыдилась и смоталась куда подальше вслед за морем...

Ко мне снова полез с комментариями Анте Давьер:

– Очевидно, что молния была приветом от Отца. Я тогда просто вырубился, и мы решили, что этот жест был сравним с тыканьем щенка в лужу. Не критично, но запоминается. А что касается срединников... Опять же мы подумали, что Отец уничтожил их искры. Оказывается, мы ошиблись. Искры срединников все-таки остались жить... В некотором роде, – и маньяк с интересом покосился на две флегматичных фигуры бокки-с-фонарями.

Меж тем Авена в обнимку с Теннетом шагнула к Карланону так близко, что тот отшатнулся.

– Мы уходим. Немедленно, – прошипела она. – Спасибо за то, что разрушил мое любимое побережье. Не говоря уж обо всем остальном.

На пейзаж вокруг и впрямь было жалко смотреть. Озверевшая, сорвавшаяся с поводка унни буквально рвала бытие в куски.

– Но курган?... – пробормотал Карл.

– Будь ты проклят! – застонала богиня.

Она опустила Теннета и подняла одну руку к небу. Земля, песок и галька бывшего пляжа завихрились смерчем и полетели в сторону вырытого котлована. Другую руку Авена протянула к мертвецам – и сотни тел со всего побережья соломенными куклами двинулись в некрополь.

Карланон заклинанием вырвал из земли огромный кусок скалы и перенес в самый центр лабиринта.

– Вместо надгробия! – пояснил бог, перекивая все усиливающуюся бурю.

От скалы отсеклось все лишнее, по камню побежали имена павших срединников, будто написанные невидимой рукой.

Затем Авена и Карланон быстро, не церемонясь, возвели курган. Ров вокруг него получился кривой, вода растекалась во все стороны по образовавшимся в земле шести трещинам.

Наколдованные деревья не успели вырасти – даже божественная магия имеет некие временные ограничения, – но Карланон с Авеной насытили курган таким количеством семян, что могли не беспокоиться о будущем Леса.

Боги подхватили Теннета и исчезли.

– Давайте за ними, – попросил Анте Давьер у лесных духов.

Мы вчетвером также пропали.

* * *

И тотчас оказались в уютном домике среди заснеженных гор.

– Не смей возвращаться туда без очень веской причины! – негодовала Авена. – Отцу явно не понравился твой бенефис. Хорошо хоть, Теннет жив!

Бог в очочках и впрямь полубессознательно постанывал на диване у камина.

– Что будешь с ним делать? – Карланон кивнул на брата.

– Подлатаю и выгоню взашей. Думаю, ближайшие пару веков у него будет приподнятое настроение из-за собственного героизма. А так – мы же договорились? Четыре правила: колдуем мало. В дела смертных не вмешиваемся. В Лайонассу не возвращаемся. Друг с другом не общаемся. В общем, сохраняем шаткий баланс своими силами. Проклятье... – Она вдруг застонала. – Как же глупо, что срединники уничтожили яйцо! Столько проблем из-за этого! Да еще и додумались признаться в этом драконам...

– Перестань. Уже неважно. – Карланон оборвал ее. – Я запомнил новые правила и передам их остальным. Но договоримся: если однажды случится что-то действительно плохое – найди меня.

– Обязательно. А ты – меня.

Они кивнули друг другу и, казалось, думали обняться, но в итоге не стали этого делать. Карланон лишь похлопал на прощанье вялого Теннета по плечу. И шагнул в никуда.

Авена какое-то время возилась с раненым хранителем, поуютнее накрывая его одеялом. Потом накинула поверх своего платья дубленку и вышла из дома в белоснежное царство снега.

В комнате остались только мы и уснувший Теннет.

– Значит, драконы убили срединников из-за яйца? – уточнила я.

Информации было много, и я хотела убедиться, что понимаю ее правильно.

– Да. Столичные срединники признались ящерам, что их коллеги из легиона уничтожили яйцо ради науки. Драконы... расшвырнули.

– А соседние страны почему пошли на срединников войной? Помогали драконам?

– Нет, они действовали по собственному почину. Им не нравились кое-какие решения ваших предков.

– А как все это соотносится с Пустотой в Шолохе? – Я запуталась.

– Да никак. – Анте пожал плечами. – Но это объясняет, почему в дальнейшем я лишился магии – из-за этого пресловутого баланса, соблюдение которого мироздание все-таки взяло в свои руки. И еще увиденное объясняет, почему бокки-с-фонарями потратили кучу времени, пытаясь рассказать современным шолоховцам эту историю. И почему господин Дахху захотел выпустить меня из тюрьмы. И почему я буду помогать вам... Скажем так, искренне.

– Ну и почему? – нахмурилась я.

Давьер тонко улыбнулся:

– Потому что бокки-с-фонарями рассказали вашему другу правду, которая заключается в том, что на самом деле драконье яйцо не уничтожили. Должны были, но не успели – на Прибрежный легион напали раньше, чем они начали опыты. А жители Мудры думали, что все идет по плану и, так сказать, дезинформировали драконов. А драконы потом дезинформировали

нас. Срединников сожгли ни за что. Раз яйцо живо, оно сможет вылупиться. Драконьи яйца не тухнут со временем.

Я осмыслила услышанное.

Я обалдела.

– Значит, вы все ошибались... Яйцо цело до сих пор?

– Да. И бокки-с-фонарями сказали господину Дахху, где его найти. Он хочет вернуть яйцо драконам, но ему нужна моя помощь – простой смертный до ящеров не доберется. И, конечно, не договорится с ними. Поэтому господин Смеющийся начал заглядывать ко мне в Гластер-Кох, склонять на сторону добра и подманивать сладкими обещаниями. Потому что, если с яйцом все получится, – Анте Давьер покосился на свою копию тысячелетней давности, – у меня есть шанс вернуть свою магию. Самовосстанавливающийся баланс, все дела, – подмигнул он и вдруг стал чем-то неуловимо похож на зеленоволосого Теннета на топчане.

Я призадумалась.

М-да.

Вроде логично.

Дахху, который хочет помочь Вселенной. Маньяк, который хочет помочь себе.

– Ладно. Что у нас по плану? Возвращаемся домой? – буркнула я.

Бокки отрицательно покачали головами в капюшонах.

Анте Давьер поморщился:

– Они хотят показать мое падение. Садисты. Я ведь не сразу лишился магии.

Бокки с энтузиазмом закивали. Сновиденческий, карамельно-прозрачный домик в горах пропал.

* * *

Дальше воспоминания ускорились.

Мы сигали по пространству и времени, как полуночные болотные стрекозы. Истории и персонажи сменяли друг друга. Прошла, кажется, тысяча лет...

Хотя почему «кажется»?

Теннет, за которым мы наблюдали, сначала тоже менялся: переплывал из ипостаси в ипостась. Но постепенно его облик затвердевал, пока наконец он не стал выглядеть, как Анте Давьер.

Я сокращу долгую историю хранителя Теннета, оставив в ней лишь важное – на мой взгляд. Вряд ли у вас есть та тысяча лет – сновиденческих, реальных, любых – которую бокки подарили мне, погрузив в царство памяти.

* * *

От удара молнией Теннет очухался уже на следующий день – и, не прощаясь, воспользовавшись отсутствием Авены, слинял в иную вселенную, оставив на камине записку: «Новые правила усек. Прощай, сестренка».

Увы, постепенно выяснилось, что молния отнюдь не была безобидна. Теннет терял магию... Унни не хотела играть и договариваться. Как будто он перестал быть ей интересен.

Поначалу Теннет бодрился и чувствовал себя героем. Происходившее с ним было похоже на вызов. Типа, эй, хранитель, а попробуй пожить по-людски, почуй, каково нам!

Ему даже нравилось. Он любил сложные задачи.

Но столетия тянутся долго. Особенно когда не можешь путешествовать по мирам. Теннет застрял. Начал скучать. Потом страдать. Он перестал верить, что ниспосланное Отцом испы-

тание завершится. У любого испытания должен быть конец, а он конца не видел, несмотря на сохранившуюся за ним привилегию вечной молодости и особую Теннетову «чуйку».

Попытки связаться с Отцом не дали ровным счетом ничего. Старикан, как всегда, игнорировал детишек.

Видеть других хранителей Теннет не хотел: помочь они бы не смогли, а общаться с теми, кто лучше тебя, – пытка. Они тоже его не искали – придерживались новых правил. Бессмысленных, правда. Ведь мироздание пошло простым путем: фактически убило Теннета, сравнив драконов и хранителей. Даже смешно, что никто из сестер и братьев так и не понял, что его фраза на берегу все-таки стала пророчеством...

Унылая каторга бытия без магии тянулась и тянулась. Характер Теннета портился. Вера – во что бы то ни было – таяла.

Но однажды так случилось, что Теннет убил человека. Случайно – не будем вдаваться в детали.

Что гораздо важнее, так это то, что, наклонившись над умирающим и бормоча слова утешения – хотя какое может быть утешение от убийцы! – Теннет вдруг *почувствовал*. Чистая унни расплзлась от трупa, как облако, и готова была отдаться в полное распоряжение хранителя. Теннет так опешил, что ничего не сделал.

Но этот случай заставил его задуматься.

Убивать – запрещено. Смерть есть враг мысли, враг развития и искры, враг хранителей. Боги ничего не могут поделать со смертью. Когда приходит она, хранители уходят, потому что им больше нечего учить, нечего лелеять.

Но эта свежая, льнувшая к нему унни убитого...

Ведь Теннет мог создать что-то благодаря ей. Усложниться, пойти дальше и тем самым как бы следовать своему предназначению – заставлять все и вся во вселенной развиваться.

Эта мысль ужаснула хранителя. Убить, чтобы сделать что-то хорошее! Нарушить закон, чтобы иметь возможность оставаться верным своей миссии... В этом было нечто неправильное и одновременно манящее.

Какое-то время спустя Теннет все-таки рискнул. Он убил специально.

И снова – высвободившаяся унни была к его услугам. Теннет жадно бросился ей навстречу, зажал в невидимом кулаке своей воли и сделал то, чего ему так давно не хватало – взлетел. Летать! Летать – это было высшее счастье для Теннета. Унни мертвеца хватило на то, чтобы бог поднялся на пару метров над землей и почти сразу же снова упал.

С тех пор хранителю не было покоя.

Он боролся с собой. Пытался найти другой способ – но неживая материя все еще не хотела иметь с ним ничего общего, живая выставляла в качестве стража свою искру, и лишь в момент чужой смерти Теннет мог похитить энергию.

Он терпел изо всех сил. Потом плюнул – и убил несколько раз подряд, чтобы накопить чистую унни впрок. И с ее помощью перенесся домой – в Лайонассу.

Дома терпеть было проще. Снова – никаких смертей. Теннет путешествовал, создавал предприятия и сохранял полное инкогнито – от всех, кроме гоблинов коблинау, слишком его любивших, – и, конечно, все было плохо, очень плохо, но сносно, с эдакой сладостной ноткой самоотречения, пока...

...Пока он не почувствовал, что во Вселенной что-то непоправимо сдвинулось. Кто-то открыл Врата. И за Вратами жило такое, что даже без своей магии Теннет понимал – дело плохо.

Тогда он придумал план с телепортом – чтобы разбудить драконов, и связаться с хранителями, и предупредить их, а заодно... Заодно – *«только тише, Тинави, ведь это секрет, я бы не раскрывал, но бокки, бокки, ах, они не знают границ приватности»* – показаться, каков

он сам. Столетия спустя – а вот. Он тих и скромен, он живет со своею раной, полученной *за Карла*, и нет, не стоит благодарности...

И, конечно, все пошло прахом. Благие намерения рассыпались трухой.

Потому что Карл, *снова виноватый*, тоже оказался в Шолохе. И, маленький поганец, Теннета даже не узнал. Не попробовал узнать и не захотел помочь.

Теннет остался на тропе убийств.

* * *

Наша последняя сновиденческая остановка была в тюрьме Гластер-Кох. Там я увидела, как Пустота попробовала захватить Анте Давьера.

Анте объяснил, что уже видел однажды такую штуку. Он много чего видел – хранитель же, немудрено – и в том числе множество мерзких, противных бытию хищных тварей. Пустота была из их числа. Всех гадов во Вселенной не победишь – да он никогда и не был альтруистом, но...

Но то, что «всякие уроды» пробуют проникнуть в Лайонассу – его вотчину – возмутило Давьера. Это ему, маньяку, бывшему хранителю, можно приносить сюда боль. Дозированно. Профилактически. На правах бога.

Но больше никому нельзя. Тем более теперь, когда впереди замаячил свет надежды на новое начало.

Так что план Дахху и Давьера был прост и двухступенчат: сначала убрать из Шолоха Пустоту. Потом – вернуть драконам яйцо.

Та-да!

* * *

Бокки-с-фонарем тонкой струйкой покинул мое тело.

Я не сразу вспомнила, как управлять своими конечностями, и стукнулась лбом о мраморный кухонный стол. Потом долго кашляла, потирала онемевшие руки и ноги. Во рту пересохло, мысли путались. После «леденцовой» тысячи лет мое тело казалось неудобно плотным и большим.

Дахху и Анте Давьер, свежие, как огурчики, терпеливо ждали, пока я оклемаюсь.

Я посмотрела на маньяка. Он, облаченный в рубаху из Рамблы, криво улыбнулся. Я попыталась почувствовать к нему былую ненависть, но... После тысячи лет под ручку было сложно сделать это. Я все еще ненавидела его – но только мозгом. Душа до странности присмирела.

Анте нахмурился, глядя на меня, и сказал Дахху:

– Мне кажется, ей лучше отдохнуть. Такие видения даже маленькими порциями отнимают много сил – вспомните, как вас корежило. А тысяча лет зараз...

– Ох, точно! – встрепенулся Дахху. – Тинави, пойдем, я постелю тебе.

Я и впрямь чувствовала себя крайне разбитой и дезориентированной, но все же запротестовала:

– Ну нет! Я поеду к себе. Подальше от... этого. – Как я ни старалась, мне не удалось выплюнуть слово «этот» с должной яростью.

– Я провожу, – покорно согласился друг.

* * *

Всю дорогу до Мшистого квартала Дахху витиевато и многословно извинялся за то, что устроил такой непростой вечерок.

Еще он с воодушевлением рассказал, что это «хитрый Анте» по собственному почину прислал мне летягу – надеясь, что я, неугомонная девица, начну теребить Дахху на тему «какую королеву мы должны спасти?» и тем самым ускорю решение друга освободить маньяка из тюрьмы.

Небо голубое! Мы доросли до «хитрого Анте»! Прах бы подрал этого всепрощающего энциклопедиста...

Я почти засыпала – на сей раз нормально, по-настоящему.

– Думаю, мы быстро разберемся с Пустотой, – под конец оптимистично заявил Дахху. – Анте говорит, она действует по своей воле, то есть не по указу Зверя. Уже хорошо. Видимо, пролезла через Междумирье, пока дверь была открыта – из-за легкомыслия Карла.

– Карла... Не смей... Обвинять... – еле внятно пробормотала я.

– Ой, ты что, спишь?

Мы уже стояли на крыльце моего коттеджа.

Я вяло ткнулась носом в дверь – страшно расплющила его о теплое дерево, совершенно не в силах лезть в не пойми какой карман летяги и искать там ключи.

– Ладно, – забеспокоился Дахху. – Ладно. Все потом. Сейчас тебе надо выспаться.

Он помог мне попасть домой. Когда я безвольно рухнула на топчан в библиотеке, Дахху заботливо накрыл меня одеялом (совсем как Авена в 1147 году – Теннета) и, потушив аквариумы с осомой, на цыпочках удалился.

Моя голова кружилась от информации. Придется ее потом долго перебирать и утрамбовывать. Ох. Будто вернулась в школьные годы чудесные и готовлюсь к экзамену. Но сейчас ни одна загадка, ни одна опасность мира не интересовала меня больше, чем возможность ненадолго отключить утомленное сознание.

Мне вспомнилась старинная дэльская песня:

И там, где камень обратится в тень, Я буду спать, и сон мой Тверже неба, слаще поцелуя, Дольше, выше Всех ваших проклятых, надуманных проблем...

Я уснула среди книг, под сенью Леса.

Ручной Ходящий

*Мы все заслуживаем мира. Новых шансов. Права начинать все с чистого листа – пока не кончится упорство.
Приписывается хранительнице Селесте*

В сладком сонном небытии было так хорошо, что, когда чья-то рука взъерошила мне волосы, я даже не шевельнулась.

Наоборот, замерла, как испуганный зверек. Пусть думают, я не почувствовала. Пусть думают, сплю крепко, как моряк после полугода качки. Пусть думают, что умерла – лишь бы не трогали. Еще пять минут, пожалуйста!

– Да-а-а... – Тихий мужской голос подпустил в это короткое словечко максимум ехидства. – Я решил, случилось что-то по-настоящему плохое. Но нет – ты просто дрыхнешь без задних ног. Обидно даже.

Библиотечный топчан, на котором я спала, потревоженно скрипнул, когда сидевший на нем (оказывается!) человек поднялся. Голос стал удаляться по мере того, как его обладатель отходил к окну:

– Я понимаю, девушки часто опаздывают. Но до сих пор мне казалось, что это касается только свиданий. А у нас был строго деловой завтрак: ты проиграла мне круассан, пообещала выплату долга. И подлю не явилась. Как на это реагировать? Требовать проценты?

Я наконец продрала глаза. Это далось с трудом: веки будто свинцом налились.

У панорамного окна, в золотистой решетке из летнего света, спиной ко мне стоял Полынь.

Куратор заложил руки за спину и вроде как любовался садом: следил за парочкой умирительно белых кроликов, которые сигали от одной клумбы к другой то ли в рамках игры в прятки, то ли запоздав с брачным сезоном. Сцену кроличьих утех обрамляли пышные кусты шиповника и жасмина, парочка синеватых пиний, облачком нависших над участком, и густые заросли сирени. Густые не по задумке, а скорее вопреки оной: просто садовник был слишком ленив, чтобы вовремя их подрезать, а я – слишком стеснительна, чтобы попрекать его этим. Поэтому мой участок не очень-то отличался от изумрудной чащобы леса за забором.

– Ты что тут делаешь? – поразилась я, созерцая спину Ловчего.

Даже сзади шелковая хламида куратора была увешана крысиными черепками и лазоревыми амулетами удачи. Маленькая соломенная кукла – оберег от сглаза – болталась на бедре Полыни, и ее крест-накрест вышитые глазки смотрели на меня с легким вызовом бесстрашия перед вечностью.

– К тебе пришел! А у тебя открыто. – Полынь повернулся и швырнул в меня бумажным пакетом.

Спросонок я не успела среагировать: руки запутались в одеяле, ибо Дахху очень качественно меня накрыл – упаковал даже. Чуть ли не мумией сделал. Лучше б он приложил такое усердие к запиранию двери.

Подлый пакет прилетел мне прямо в лицо. Тяжелый, зараза! Я охнула, Полынь ахнул и начал бурно извиняться.

Я с опаской покосилась на куратора: не дай небо, еще чего вслед швырнет. Но он, пристыженный, только сиротливо забился в угол между стеллажами тилирийской поэзии и новокнасской драматургии.

– Ты ведь вроде в курсе, что покушение на убийство тоже карается законом? – подмигнула я, наклоняясь за упавшим на ковер пакетом. – Что это?

Подарок безмятежно благоухал яичными белками, сахаром и печеными грушами.

– Твой долг. Я ждал тебя в «Стрекозиной кухне» с десяти утра. – Полынь обвинительно сложил руки на груди. – Так и не понял вчера, во сколько именно мы договорились. Час сидел. Полтора сидел. Прислал несколько ташени... – Он рассеянно скользнул взглядом по блеклым отпечаткам краски, размазанном по оконному стеклу. Видать, сами птички, разбитые, валялись где-то на газоне. – Круассанов, кстати, феи не пекут: они меня чуть не побили за такое «оскорбительное» предположение. Вручили мне пирог. И я приехал сюда. Вместе с ним, чтобы не оказалось, что мои «стрекозиные» посиделки прошли зря. А ты тут сопишь в обе дырки как ни в чем не бывало. Что за дела?

Я потупила взор, удивленная его жестом, потом виновато покосилась на настенные часы. Те мирно тикали: «да, да, да, да» – будто подтверждали рассказ Ловчего. Короткая стрелка застыла на цифре «двенадцать».

Полдень...

Осознав время, я подскочила как ужаленная. Сбросила голые ступни вниз, в два скрипнувших половицами прыжка настигла замершего Ловчего и безапелляционно схватила его за правую руку.

– Санация! – хрипло взывала я в стиле припадочной пифии с Рокочущих рядов. – Что? Как? ВСЕ?! – И я начала сдирать с предплечья куратора броню из кожаных и серебряных браслетов.

Под ними все было как прежде, то есть имелось скопище дурацких татуировок – наколок обыкновенных: феи, кентавры, розы и шестеренки. А глубже – едва просвечивала багровая Глазница.

Полынь с интересом наблюдал за моим на него нападением.

– Почему она на месте? – Я взволнованно потрясла рукой Ловчего. Зазвенели колокольчики.

Полынь издевательски поднял бровь:

– А почему бы ей там не быть? Но если ты про мою руку в целом, то еще немного усилий – и оторвешь.

Я отпустила его. Порозовела. Поплелась обратно к диванчику.

Полынь открыл форточку – и в библиотеку, как перекасти-поле, вкатился теплый шар июньского пряного ветра. Мелодичные переливы птиц, разбавленные нудным стуком дятла, треск деревянных крустовых ножниц в далекой роще ошши («время сделать дереву прическу!»), легкий, волнующий аромат вербены – все это догнало меня и, дурачась, ласково стукнуло по макушке. *Привет.*

– Не понимаю, – пожаловалась я Полыни и с ногами забралась на топчан, где начала активно вить вокруг себя гнездо из одеяла. – Тебя же вызвали на санацию – очистку от магических татуировок – сегодня в полдень. Знаю, я не должна была читать ту записку, но прочитала. И что? Как получилось, что Глазница при тебе? Или они имели в виду не ее, а...

Я судорожно вздохнула и снова прыгнула на пол.

Наученный горьким опытом, Полынь резво шмыгнул за книжный стеллаж. Да еще и левую руку за спину спрятал – на всякий случай.

– Хей, полегче! – Он остудил мой пыл, задрал рукав хламиды и сквозь ряды полок показав татуировку Ловчего. Целехонькую. Все такую же волшебную, все так же мерцающую.

– Тогда что они удалили? – Я не собиралась сдаваться, хищно обходя стеллаж по кругу.

Полынь всерьез забеспокоился.

Утренняя охота, в которой он был на роли жертвы, явно не входила в его планы. Куратор отступил еще на шаг и миролюбиво предложил:

– Давай ты престанешь вынуждать меня к обнаженке, и тогда я все расскажу?

– Ну хорошо, – после некоторого раздумья согласилась я. – Но ведь все в порядке, да?..

– Все в порядке, малек.

Я перевела дух и впервые за полтора суток улыбнулась. Полынь улыбнулся в ответ. Потом Ловчий покосился на пакет с пирогом. Тот источал призывные ароматы с дивана.

– И давай его съедим. Раз уж в «Кухине» не вышло, то хотя бы у тебя. Все-таки мой выигрыш.

– Все бы так покорно себе выигрыши выплачивали! – похвалила я, подцепила пакет и пошлепала в сторону кухни. – ...Полтора часа ждал, серьезно?

– Полтора часа.

– Ужас. Обалдеть. Да вы просто Король Терпения, господин Ловчий!

– Сочту за комплимент.

* * *

Полыни пришлось еще немного подождать меня. Будем надеяться, на фоне одинокого дозора в кондитерской это десятиминутное томление оказалось вполне терпимым.

Я же галопом скакала вверх и вниз по двухэтажному коттеджу. Говорят, женский пол многозадачен – и мне предстояло доказать это на собственном примере. Прямо сейчас.

Ибо на повестке дня стояла куча срочных дел.

Срочная кормежка оголодавшего, озлобленного Мараха.

Срочный пинок все того же филина в сторону Кадии, где бы та ни была – с запиской и просьбой о встрече.

Срочное изъятие у Полыни уже его совушки – маленького мохнатого Плюмика – и отправка наспех сочиненного письма Дахху (оно было пронизано восклицательными знаками, словами «Теннет», «дракон», «Пустота», «что за беспредел» и – тоже – просьбой о встрече).

Наконец, срочное приведение себя в порядок.

Что-то мне подсказывало, что день будет долгим, суматошным и непредсказуемым. Поэтому я распахала по карманам летяги едва ли не все содержимое дома: начиная с расчески и заканчивая миниатюрным словарем троллевого языка (в Шэрхенмисте я как бы тоже не планировала оказываться, если вы помните. Так что береженого мозг бережет).

В общем, на кухню к Полыни я спустилась, как тяжело груженный караванный верблюд, чей хозяин слишком серьезно воспринимает короткие пустынные переходы. Роль двух горбов играли висящая на спине цветочная шляпа и ведомственный рюкзак. В рюкзаке весело позвякивали, ударяясь о битую для тринапа, лекарства от всех болезней. Развороченная, до безобразия пустая аптечка гневно кривилась мне вслед.

– О? – удивился Полынь, когда я, погребенная под всем этим обмундированием, тяжело плюхнулась на кухонный стул. – Ты что, решила попутешествовать?

На столешнице перед Ловчим царил грушевый пирог.

Пирог этот, родом из «Стрекозиной кухни», никак не ожидал, что его мирное рождение в модном столичном кафе обернется поездкой через весь город в цепких пальцах Полыни. А потом – швырянием в нерасторопных девиц, проспавших все и вся.

Пирог смялся, осел и заметно грустил. Изобретательный кондитер поместил на него два сиротливых грушевых черенка – эдакие запятушки, напоминающие глаза. Глаза взирали на меня с невиданной доселе скорбью.

Я содрогнулась и решила ограничиться кофе на завтрак. Поедание пирога – с таким-то взглядом! – было слишком похоже на каннибализм.

– Нет, никаких путешествий. Просто становлюсь умнее.

– Умнее? Скорее становишься перестраховщицей. – Полынь подозрительно покосился на мой дребезжащий рюкзак.

Согласившись, что в словах Ловчего есть смысл, я сбросила с плеч тяжелую ношу и приготовилась внимать.

– Итак. Что у тебя происходит? Почему не было санации? И что это за прием, ради которого ты вчера пошел по магазинам под ручку с Кадией?

Полынь сцепил руки замком, вытянул их наверх, с удовольствием хрустнув пальцами. Покрутил туда-сюда головой. Тщательно поправил красную ленточку в пряди темных волос...

Я терпеливо ждала. Плавали, знаем. Оттягивание ответов – это у Внемлющего на уровне рефлекса. Может, на факультете Ходящих была такая дисциплина? «Игра на нервах собеседника для чайников»?

Наконец куратор соизволил ответить:

– Верно мыслишь, все связано. Собственно, вчерашний прием и отменил санацию. Вечером я... – он выдержал довольную паузу – эдакую десертную, – я был на аудиенции у Ее Величества Аутурни. И мы с ней чудесно поладили. Теперь я – ее личный Ходящий. На четверть ставки.

Я подавилась кофе, который так некстати глотнула. Еще немного осевший пирог, казалось, подмигнул мне, потешаясь.

– Это как? – поразила я.

Полынь сиял, как медный грош.

– Ее Величество всегда присутствует на совещаниях короля и Совета. Была она в тронном зале и в тот день, когда мы вытащили принца Лиссая из некрополя. Ты этого не заметила, потому что загибалась от проклятия. Но я запомнил. Как и то, что Ее Величеству Аутурни очень не понравилась слишком вялая реакция Сайнора на то, что мы, brave Ловчие, так героически вернули сыночка домой. Когда, казалось, уже нет надежды на спасенье. Ее Величество расстроило, что Сайнор выпихнул нас из зала, будто шавок, а Лиссая без лишних разговоров отправил в Лазарет, где принц сидит до сих пор, один-одинешенек, отрезанный от мира, семьи и друзей. «Восстанавливается». Ее Величество, – Полыни явно доставляло удовольствие снова и снова произносить это словосочетание на некий «придворный» манер – нараспев и жуть как подхалимски, – ...Ее Величество сочла, что с нами обошлись несправедливо. Несоразмерно сотворенному добру. Поэтому, узнав о том, что меня вдобавок собираются лишиться моих предельных способностей, она потянула одеяло на себя. Решила, что, раз у муженька есть целых шесть Ходящих на побегушках, то и ей не помешает иметь одного. Эдакого тайного помощника для особых поручений. – И Полынь зажмурился, заулыбался, да так широко, что рот чуть не выполз за уши.

А потом куратор безжалостно оттяпал одну восьмую нашего грешного пирога, проглотил ее одним махом и выплюнул пугавший меня черенок в ладонь.

Ну все, пирог. Больше ты не будешь мне подмигивать.

– Поздравляю! – Я подперла подбородок кулаками. – А Сайнор не против?

– А Сайнор не в курсе... – Ловчий забрался на стул со скрещенными ногами. – Аутурни назначила мне аудиенцию в своей летней резиденции, на юге Шолоха. Короля и его свиты не было. Мы обсуждали условия контракта наедине. В конце, среди прочих, прозвучала просьба не светиться почем зря во дворце и передавать все послания, отчеты и так далее исключительно через Душицу. Так что, боюсь, Сайнор не при делах. Вероятно, Аутурни просто тихонько договорилась с мастером санатором и другими участниками несостоявшейся экзекуции, чтобы все было шито-крыто.

– погоди, ты сказал, через Душицу? Твою сестру?

– Ну да. Кто, думаешь, навел Ее Величество на светлую мысль о ручном Ходящем? Душица уже несколько лет занимает позицию старшей фрейлины. С тех самых пор, как тетушка Монета устроила этот балаган... пардон, пансионат в нашем поместье. «Одаренным» сочли, среди прочих, внучатого племянника королевы (в девичестве она была из Дома Парящих). Редкий тугодум, он внезапно – благодаря тетушке – открыл в себе шикарного мага-технаря. Парень лепит такие имаграфы – залюбуешься! Королева была очень рада, что племянник

нашел свое место в жизни, и в обмен взяла Душицу под крылышко. Ты видела мою сестрицу, – Полынь хмыкнул, – такая, получив теплое место, его уже не упустит.

Я подула на горячий кофе, тихонько отхлебнула и подивилась:

– Мне не показалось, что у вас с Душицей такие уж хорошие отношения... Чтобы она за тебя замолвила слово.

Полынь пожал плечами:

– Отношения и впрямь прохладные. Помогать мне при заключении в тюрьму она, как видишь, не стала. Но теперь, когда я «чистенький», она поведала королеве, какой у нее брат умница-разумница и как его особые навыки подходят для... М-м... Улаживания некоторых аспектов королевской жизни. Самой Душице это только на руку: чем больше у меня работы, тем меньше я околачиваюсь в поместье. Чем меньше я околачиваюсь в поместье, тем реже бешу ее напоминанием о том, что половина материальных благ в ее жизни появились оттого, что меня продали теневикам. Вот такие семейные истории! – И Полынь с энтузиазмом хлопнул ладонями по столу.

Потом куратор подскочил, азартно потер руки и стремительно стал убирать со скатерти: вырвал у меня из-под носа так и не дождавшийся пробы пирог, выдернул чашку с недопитым кофе, метнулся с полотенцем к серванту и обратно. Было видно, что Ловчего разрывает от ликования. Скакать до потолка и орать «ура-ура-ура, как все здорово!» ему не позволял Суровый Мужской Характер, но лихорадочные кухонные телодвижения говорили сами за себя.

Ведь есть такие люди, для которых нет ничего слаще, чем вывернуться из-под жернова судьбы в последний момент; найти решение, когда остальные уже завалились лапками кверху – и, победив, кайфовать, кайфовать по полной от того, что они все-таки обманули обстоятельства. Симпатичный народ: острый, лукавый, ртутно-текучий, холодновато-интеллектуальный. Притягательный, безумный, особенно сумасшедший народ...

– А ты сможешь совмещать эту должность с работой в ведомстве? – насупилась я, уже готовая расстроиться в случае отрицательного ответа.

И храбро, годами скрывать свою печаль.

– Да. Смогу. Официально только в ведомстве я и буду работать. Учти это и пока держи рот на замке, ладно?

– Может, тогда вообще не надо было мне рассказывать о королеве? – забеспокоилась я.

Не то чтобы я трепло, скорее наоборот, но вдруг меня поймают феи-щекотуньи и выбьют всю правду о назначении Полыни? Очередного витка противодействия Сайнору мы явно не выдержим! Зверь, Пустота и прочие ужасы иномирного происхождения – это еще куда ни шло. Но последовательно наживать врага в собственном короле – воистину дурацкая стратегия.

Полынь в ответ на мой вопрос заулыбался так благодушно, что стал выглядеть лет на десять старше. Такие улыбки – удел раздобревших начальников типа Улиуса, а не человека-иголки вроде куратора.

– Ну как же я мог тебе не сказать... – проворковал Полынь и начал пальцем на столе рисовать какие-то загогулины.

Амулеты его позвякивали в такт словам. Солнечные лучи-нелегалы с опаской вползали на кухню сквозь щеточку жалюзи.

– Ведь мое первое и неизменное поручение Ее Величества – это оберегать принца Лисая, в том числе ни в коем случае не допускать вашего с ним «дальнейшего сближения, ни дружеского, ни романтического – во избежание». А потенциальных врагов государства лучше держать поближе, Тинави. Это я усвоил давно.

И, довольный моим шоком и смущением, куратор горделиво задрал подбородок.

* * *

Увы и ах, этой мирной сценой завершилось все хорошее в сегодняшнем дне.

Потому что, как ни крути, меня ждала Пустота. Вернее, необходимость что-то с нею сделать. Как там сказал Анте Давьер? Вирус, который захватывает тела людей, так, что они постепенно теряют себя. Штука мерзкая, самовольная, в Шолохе уже не первый день.

И на этом информация – все.

Я помнила, каким гадким и липким было присутствие Пустоты. Но пока что заново не поднимала эту тему в разговоре с куратором – не хотелось прерывать его краткий миг ликования.

Поэтому я без комментариев согласилась на новую встречу с мастером Улиусом. (Полынь обрадовался моей безропотности – подозреваю, в глубине души он думал, что я просто сошла с ума с этими своими «чую зло!».)

Правда, дату мы выбирали в спорах и муках: Внемлющий хотел уже послезавтра, я умоляла отложить хотя бы на несколько дней. Нас прервал Плюмик, вернувшийся с ответным письмом от Дахху.

Письмо было весьма и весьма обстоятельным. А еще донельзя сухим. Дай Дахху писчее перо – и где-то внутри него машинально включается занудный ученый.

«Дорогая Тинави, во-первых, я рад, что ты проснулась в добром здравии и готовности действовать.

Еще раз приношу свои извинения за то, как неоправданно быстро пришлось погружать тебя в историю Срединного государства. Хорошо, что ты не изменила себе и сохранила ~~крупности~~ разума – завидное самообладание. Я просмотрел все газеты последних дней, включая свою... – (т. е. «Вострушку», обалдеть, как он быстро освоился), – ...и нигде нет упоминаний о чем-либо вроде Пустоты.

Я предостерегся: отправил всем нашим близким сообщения с просьбой воздержаться от прикосновения к кому-либо. Я обосновал подобные меры своим прежним положением в Лазарете: будто по городу ходит вирус, власти пока не распространяются, но я беспокоюсь. Приятно, что это даже правда. Дальше «сарафанные толки» должны сработать за меня.

Между тем мы с Анте полагаем разумным провести совещание, обсудить план действий. Как именно работает вирус? Как остановить распространение? Как вылечить зараженных?

Пожалуйста, давай встретимся сегодня в восемь на набережной Доро, дом один. Предлагаю собраться нашей «курганной» командой: мы успешно сработались и удачно дополняем друг друга.

Я буду лично благодарен тебе, если ты сможешь привести Кадию.

Боюсь, она слегка невменяема.

С любовью, Дахху».

Пока я читала эту простыню, Полынь профессионально, «по-тенивому» (только железной маски не хватало) обшаривал мой дом.

– Ищу, за что зацепиться в своей обвинительной миссии, – усмехнулся он, когда я возмутилась. – Изучаю подозреваемую.

В этот момент прилетел запыхавшийся Марах с бумажкой от Кадии. Филин недовольно сплюнул записку мне под ноги, выверился на подкатившего к нему крошку-Плюмика, негодуя проухал что-то в сторону Полыни и грузно плюхнулся на свою выдавшую виды жердочку.

– Хорошая птичка, хор-р-рошая. – Я потянулась к Мараху, ибо запоздало вспомнила, как важна при воспитании похвала. Марах совсем по-человечески закатил глаза и увернулся от ласки. «Карла на вас не хватает!» – говорил его взгляд.

Записка от Кадии оказалась весьма лаконична: «Ушлепка вернули в тюрьму? Если нет, не хочу никого видеть». Я разочарованно крикнула. Малой кровью тут не обойдется.

– Слушай, Полынь, а у тебя есть планы на вечер? – крикнула я, поднявшись до середины лестницы.

Ловчий копался на втором этаже. Судя по металлическому звону, он изучал мои тринапские награды прошлых лет. Авось проникнется уважением – хотя бы задним числом.

– Смотря что ты предлагаешь!

– Подружиться с богом, побороть космического монстра, обсудить возможную командировку к драконам.

– Пф. Ну тогда ладно, – беззаботно хмыкнул куратор. – Но учти, если программа не будет соответствовать заявленной хотя бы на десять процентов – я скажу королеве что-нибудь гадкое.

Я закатила глаза.

– Набережная Доро, дом один, восемь вечера, – снова крикнула я, рупором приложив руки ко рту. – Кстати, позови Андрис.

– А ее зачем? – Полынь внезапно, как круст из коробочки, перегнулся через перила наверху.

– Ее тоже приглашают.

Ловчий помрачнел так резко, будто его, беззаботно-летнего, вдруг обмакнули в ноябрь.

– Что-то не так? – уточнила я.

Куратор колебался:

– У нас с ней недопонимание личного характера.

– О.

– Но я разберусь. Мы придем вместе с Йоукли, – кивнул он.

– Тогда до встречи! И... Полынь, я очень рада, что ты остался Ходящим. Правда. Для меня до пепла важно, что ты – это все-таки ты. В полном комплекте своей восхитительной эксцентричности.

И, смутившись собственных слов, я поскорее выпорхнула из дома.

Хотя сказать «выпорхнула» – это, конечно, колоссальная натяжка. С таким рюкзаком да с такой летягой вернее будет «выползла». Вывалилась. Выгребла.

Но выдавать желаемое за действительное всегда было моей сильной стороной.

* * *

По дороге в Чрезвычайный департамент я свернула с набережной на душистую темную прогалину Смахового леса. Одну из тех сотен прогалин, кишмя кишящих дремучей живностью, что напоминают незадачливым туристам – это лес, ребята. Сколь угодно столица, а все же в первую очередь – Лес. Не забывайте. А то встреча вон с тем кабаном окажется вашим последним свиданием.

В поисках уединения я присела на гребень дубового корня, закрыла глаза, глубоко вздохнула и попробовала поколдовать. Правильно поколдовать.

Унни-унни-унни... Гули-гули-гули... Ты здесь?

Ни отклика внутри. Я тяжело сглотнула. Начала медленно дышать. Вдох на четыре, выдох на восемь. Пожалуйста. Дай мне знак, что я не отпугнула тебя своей яростью.

Пожалуйста – еще одну попытку... Я знаю – сорвалась, но...

Я звучала жалко. Но была готова к этим униженным просьбам. И к работе над своим идиотским характером – лишь бы унни не уходила, лишь бы и дальше текла во мне, струилась прохладной мощью бесконечности, раскрывалась пестрым клекотом довольного мироздания.

После получаса попыток, и слез, и договоров с самой собой я смогла зажечь на ладони яркую звезду.

– Спасибо, – выдохнула я. – Спасибо.

– *Все заслуживают второго шанса*, – раздался в голове мягкий голосок. Потом, уловив мое удивление, он добавил: – *И третьего... И пятого... И триста двадцать первого, Тинави.*

– Ты знаешь, что такое Пустота? – наобум спросила я энергию.

Но унни промолчала.

* * *

– Совсем ты грекнулась, шо ли, коли думаешь, что госпожу Мчащуюся можно посреди рабочего дня отвлекать?! Во облахыдрились, негодники! – бушевал гном-администратор в главном холле Чрезвычайного Департамента.

Я пригнулась еще чуть-чуть.

Не от стыда, упаси небо. Просто потолки тут были еще ниже, чем в Ведомстве Военном, а тяжелые приземистые колонны, утыкавшие гранитный пол, превращали холл в подобие лабиринта для детишек возраста «ноль плюс».

То есть это был очень слабенький и оттого раздражающий лабиринт. Шаг вправо – и ты врезался в колонну. Шаг влево – то же самое. Шаг вперед – и уже в тебя влетает случайный стражник, похожий на консервную банку, такой же, как и ты, ошарашенный гением местной архитектуры.

Какого праха они вообще нанимают людей, эти чрезвычайники, если тут все построено под гномов? Что это – очередное раскланивание с толерантностью?

Но не толерантнее было бы признать, что весь этот департамент – исключительно гномья привилегия? А не разбавлять хмурых коротышек шикарными дылдами типа Кад – и посетителями вроде меня, не знающими, о какой еще косяк им стукнуться?

– Госпожа Мчащаяся у нас тут чаровная работница, между хрыном! Блажкуй себе отсюда, дива, вечером наговоришься с подругой! Было бы вам что обсуждать, юнкам, а то сплошь сплетни да мужики вралдовы, зла не набантуешься! – Гном завелся не на шутку.

То ли по жизни такой вредный, то ли обиделся на то, что я Ловчая. Даже те гномы, кто родился в Шолохе и является полноценным гражданином Лесного королевства, относятся к нам с подозрением. Вечно чуют подвох, ожидают подставу. Подозреваю, были инциденты, но... Не зря говорят: предрассудки – предки скудоумия. И это касается всех сторон, воротящих нос.

За подобными размышлениями о судьбах социума, призванными приглушить вопли недовольного администратора, я как-то упустила появление Кадии.

Подруга подошла к приемной стойке с той стороны и благодушно похлопала гнома по плечу:

– Перестань орать на нее, Жрыди.

Потом Кад повернулась ко мне. Синяки под глазами были явственнее любых слов: опять не спала.

– Я же сказала, что не хочу никого видеть, – устало буркнула подруга.

– Во-о-от, лбыда дрыгнутая, во-о-от, а я шо говорил тебе – не беспокой госпожу Мчащуюся... – снова заладил Жрыди, грозно потрясая курчавой бородой. Кад успокоила его, приложив палец к губам: «Тсс!»

Потом поморщилась:

– Ладно, пойдем выйдем.

* * *

Надо ли говорить, что весь обеденный перерыв Мчашейся мы провели в жарких спорах и горячий, я бы сказала, раскаленной ругани.

Кад была обижена. Снова. Справедливо.

Я оправдывалась. Опять. Многословно.

– Не понимаю, – наконец, сплюнула подруга. – Что мне надо сделать, чтобы прекратилась эта ерунда? Чтобы вы с Дахху перестали крутиться, как полоумные белки, в колесах своих секретов и считать меня за смирную деревенскую бабу, которая все стерпит и все поймет?

– Мы тебя такой не считаем! – искренне заверила я.

Шипастые доспехи Кад вкупе с двуручным мечом и кукольной внешностью не оставляли ни шанса на недооценку.

– Тогда почему вы вдвоем отделились – и общаетесь с Анте? – угрюмо буркнула Мчашаяся.

– Ну, справедливости ради, ты сама вчера ушла. Я уверена, иначе Дахху позвал бы и третьего бокки, и мы все вместе там друженько поспали, насладились древностью...

– То есть ты еще и меня обвиняешь? В том, что, в отличие от тебя, я следую своим убеждениям до конца? Я знаю, что Анте – убийца, и для меня он всегда будет убийцей. А не очистится – волшебным образом – из-за пары дурацких снов. Причем, судя по твоему рассказу, ему и не за что сочувствовать! С высоты хранителя, пусть бессильного, но благородного, он упал до уровня гнусного маньяка – и это его выбор! Ни смелости, ни совести!

Подруга встала и зашагала туда-сюда по ведомственному дворику. Здесь вместо деревьев росли белесые кристаллы христопраза... Ностальгия по естественным условиям обитания горных гномов.

– Кад! – я взвыла. – Убеждения тут ни при чем. Сама знаешь – у меня с принципами с детства было туго. Всегда сомневаюсь, всегда на грани. Так и сейчас. Прах с ней, с его совестью. Но история Анте – логична. Мотивация – ясна. Вопрос с драконами – потенциально важен, но, даже если откинуть его, с Пустотой надо разбираться! А если ее чуем только я и Анте, то объединиться с ним – логично! Ясен-красен, мы не дадим ему ни спуска, ни покоя. Но давай попробуем зайти к проблеме с этой стороны. А не понравится – придумаем, как справиться самостоятельно.

– Ну да, ну да, придумаем, – фыркнула Кадия. – Ты опять все переиграешь сама и выкинешь меня за борт.

– Не выкину. – Я выдержала ее яростный взгляд.

– Выкинешь. У вас с Дахху я почему-то всегда все узнаю последней, – безжалостно подытожила Кад и тряхнула светлой челкой. Потом наклонила голову вбок: – Но знаешь что? Я все равно с вами пойду. И когда ваши расчеты пойдут полным жвылом и вся эта Пустота окажется махинацией ушлепка, я вытяну вас за шкуру из этого лыдрова дерьма. И, может, тогда вашей спеси придет каюк – и мы снова станем неразлучны, как прежде. А пока... Восемь вечера. Особняк придурка. До скорого.

Она резко развернулась, махнув золотистым хвостом, как хлыстом, и, чеканя шаг, потопала к главному входу в Чрезвычайный Департамент. Герб в виде расколотого купола, серебриющийся над дверью, неприятно проассоциировался у меня с историей наших ссор...

Люди взрослеют. Судьбы сходят с ума. Дружба становится пластичней, нерасторопней, требует уступок, поблажек, компромиссов. И, если хочешь ее сохранить, – крепкой веры. Веры и обоюдного желанья – в первую очередь.

Я верила в нас троих – всегда. Кадия верила в прежних нас. И, кажется, куда меньше – в нынешних, разнесенных по разные стороны опыта, симпатий, убеждений.

К чему это все приведет?

Я зябко поежилась, проводив взглядом мелькнувший в дверном проеме хвостик подруги.

Что-то многовато в жизни становится вещей, за которые надо ежедневно бороться, если они для тебя ценны.

Неужели однажды придется выбирать? Или мне хватит сил на все и сразу?

Лишь бы хватило!

Сезон охоты

Начиная войну, не надейся, что жертв не будет. Надеешься – не начинай.

Срединная поговорка

Я жутко опаздывала.

Часы по всему Шолоху уже переливчато отбивали не то что восемь, а девять вечера. Каждые – на свой лад: одни звонко, другие гулко, третьи низко, или нараспев, или поперхиваясь. Чинно, таинственно, с долгими паузами и до странности деревянно...

Бой колоколов летел на упругих крыльях вечернего воздуха, осторожничал в тупиках и лишь перышком цеплял низины. Зато всеохватно и всевечерно раскрывался на десятках столичных площадей.

В общем, девять часов уже точно наступили. Однозначно. Не поспоришь. А я так и не добралась до нашего клуба Борцов с Пустотой.

Главной моей ошибкой было воспользоваться речным транспортом.

Сначала-то все шло по плану. На уютном, поскрипывающем при швартовке магретто мы весело плыли по широкой Нейрис, окаймленной мозаичными берегами. Богатые речные воды блестели под нами зеркалом бесконечного леса; по набережным гуляли легкомысленные туристы; парочка художников, вываливших на бульвар, старалась поймать образ магретто в своих акварельках. Они вглядывались в нас быстро, жадно, технично, выискивали тот самый неуловимый характер, глубинное движение, которое, если ухватишь его в предмете, мгновенно превращает твои каля-маля в искусство.

Лодочные станции тоже не пустовали. Там толкались горожане, поджидая кораблики. Все, даже те, кто плавал по этому маршруту ежедневно, спешили найти себе на палубе идеальное место: чтоб и ветер в лицо, и брызги по носу, а все ж не совсем жаться у перил – а то вывалишься ненароком, ундинам на смех.

В общем, все было славно. Я стояла, опершись спиной на будочку капитана – специалиста по магическим кораллам, которые растут на поддоне магретто и дают ему необходимую для движения тягу.

Но потом мы свернули с Нейрис на Доро. И встряли намертво. Ибо на реке бастовали.

На Доро всегда бастуют. Ежедневно. Спросите меня, что есть постоянного в Лесном королевстве – и я отвечу: стачки на Доро.

Сегодня выступали тилирийские рыбаки. Их узкие, длинные гондолы, загнутые кверху налаченными мысами, беспощадно зажали наш магретто на тесном перегоне между шолоховской оперой и департаментом Огней.

Страстные тилирийцы – бороды черные, глаза горящие – снова добивались некой сомнительной справедливости. Они стояли в своих лодчонках, потрясали кулаками и орали что-то в сторону набережной. Два понурых Ловчих пытались разобраться с ситуацией.

Мой магретто, взятый в плен, не сдавался. Капитан жестами показывал тилирийцам, чтобы двигали свои дурацкие лодочки, да поживее. Рыбаки бурчали, но потихоньку уступали путь. Магретто полз по темнеющим закатным водам медленно, как страдающая одышкой гусеница. Пассажиры тосковали.

Я подумала: а не продолжить ли мне свою миссию, на которую я угрохала весь день?

– Как думаете, надолго мы тут? – Я похлопала по голому плечу стоявшего передо мной булочника в жилетке.

– Да кто ж их знает, демонов... – Он покачал головой.

Я для верности подержала руку на плече мужчины еще пару секунд. Он уже начал коситься. «Чист», – мысленно отметила я и, беззаботно улыбнувшись, двинулась дальше.

Вскоре выяснилось, что никто из пассажиров магретто – из тех, до кого дотянулись мои загребушие лапы – не пострадал от Пустоты. Впрочем, им, кажется, были нанесены нехилые психологические травмы. Мною. Народ уже начал перешептываться («Что за странная, тактильно-озабоченная пигалица делит с нами борт?»), когда я костяшками пальцев постучалась в окно капитана.

– Возьмете оплату? – Я протянула лодочнику монетку и, как бы ненароком, пощупала его за запястье.

– На выходе платят, госпожа!

– А я сейчас выхожу!

Почти насильно всучив ему медяк, я резво перепрыгнула через перила магретто.

И мгновение спустя приземлилась на лавку тилирийской гондолы, опасно закачавшейся на волнах. Ух!

– Да ты! Да я! – задохнулся возмущением ее хозяин – шкафоподобный рыбак в тельняшке с короткими рукавами.

– Извините! – Я панибратски приобняла его – чист – и, не слушая проклятий, прыгнула уже в следующую гондолу, плотно прижавшуюся к «нашей» по левому боку.

Там сценка с тилирийским негодованием и моей любвеобильностью повторилась. Чист. Следующая лодка – чист. Чист.

Чист. Чист. Чист.

Признаюсь, я привнесла немало хаоса в и без того красочную тилирийскую забастовку.

Оказавшись на берегу, я не преминула пожать руки двум Ловчим. Это были братья-близнецы из моего потока – Гамор и Викибандер, великолепный дуэт ведомственных сплетников и фантазеров.

– Удачи со стачкой, ребят!

– Когда вернешься-то, Тинави? – хором поинтересовались близнецы, до странности похожие на муравьедов.

– Да тут халява подвернулась – мир спасти. Как закончу – вернусь. – Я подмигнула им, раззадоренная своим наглым и безумным покорением реки.

Оба глубокомысленно закивали. Я поскакала прочь.

* * *

Особняк Давьера слепо таращился на меня черными провалами окон.

Только в одном из них, выходящем на балкон, горел зеленоватый свет осомы. Если память мне не изменяет, за этим окном – танцевальная зала. Именно оттуда я однажды позорно вывалилась на террасу в обнимку с Мелисандром Кесом и парочкой невинных жертв.

Ха! Знал бы Мел, что я теперь стала невольным спецом по развалу Срединного государства! Если судьба сведет – расскажу ему про драконье яйцо. Уверена, он немедленно захочет его стащить вперед Дахху, где бы оно ни было.

Меж тем я подошла к воротам особняка.

Дом Давьера, некогда блестящий, набитый гостями и слугами, теперь был пугающе пуст. Кто-то – возможно, сам хозяин – уже сорвал с парадных дверей бархатную ленту «опломбировано», но это не отменяло пыльной тишины внутри.

– Эй, вы тут? – почему-то шепотом спросила я, оказавшись в прихожей. Мрак, щупальцами тянувшийся со всех сторон, обжигал загринок.

Почти на ощупь я двинулась к парадной лестнице. Вдруг нечто светящееся, зелено-ватое-сизое, железной консистенции и низкой температуры врезалось в меня с правого бока.

– Вы бы смотрели, куда прете, дамочка! – взвизгнул призрак.

– Да это вы в меня врезались! – возмутилась я.

У привидения был широкий лоб и маленькие глаза. Тонкие губы ни секунды не пребывали в покое – все шевелились, складывались трубочкой, уточкой и растягивались в безмолвном крике. На голове – ночной колпак, тело скрыто длинной рубахой. Искорка в том месте, где у живых расположено сердце, еле мерцала – как и у всех привидений. Не искра, а так... Тень. Воспоминание.

– Вроде этот дом не настолько стар, чтобы тут водились призраки? – протянула я, разглядывая собеседника. – Что же вы тут делаете?

– Что хочу, то и делаю! Не затем я на этом свете оставался, чтобы какие-то девицы мне допросы устраивали!

– А зачем вы оставались?

– А не твое Ловчее дело! Я шолоховец, между прочим! – Призрак завихрился спиралькой и взмыл под потолок.

Тут с лестницы бусинкой скатилась Андрис Йоукли. В руке она несла деревянный фонарь. Ищейка засунула два пальца в рот и пронзительно свистнула – как собаке. Призрак, вздрогнув всей своей мерцающей сущностью, свернулся тугим винтом и послушно поплыл к девушке.

– Йоу, он со мной, – пояснила Андрис. – Привет, Тинави. Все оки-доки? Ты опоздала.

– Да тилирийцы бастуют... – Я удивленно наблюдала за тем, как привидение повисло за левым плечом Ищейки и тихо, навязчиво что-то бубнит ей в ухо, то и дело зыркая на меня.

Андрис от него отмахнулась. Будь призрак телесным, получил бы от нее по лбу. Ищейка укорила туманного старика:

– Господин Иладриль, я разрешила вам следовать за мной только при условии вашего примерного поведения!

– Ну ведь вам интересно-о-о... – заканючил Иладриль и еще жарче зашептал.

Андрис сокрушенно покачала головой, достала из кармана кожаных штанов маленькую бронзовую табакерку и, буркнув заклинание, резко ее распахнула. А потом не менее звонко защелкнула крышечку – уже после того, как Иладриля вместе с его колпаком всосало внутрь.

– С этими призраками проблем не оберешься! – посетовала Андрис и поманила меня наверх. – Пойдем. Все уже собрались.

– И как там? – с опаской поинтересовалась я.

Йоукли поймала мой взгляд и усмехнулась:

– Ты специально так опоздала, да? Не хотела при этом дурдоме присутствовать? Лично я пока воздержусь от оценки. Сиж, слушаю. – Она пожала плечами.

– А почему ты пришла с призраком?

Ищейка сокрушенно покачала головой:

– Не могу от него избавиться. Он в одном деле свидетелем проходит. Его соседа-тернасца загрызли муравьи... Черная магия, видимо. Жуткая история. Когда Иладриля попросили о содействии властям, он так обрадовался, что сам умер – от разрыва сердца. Но тяга к «консультированию органов» была в нем столь сильна, что он стал привидением. Теперь летает за мной везде – я ему как бы понравилась. Только и передыха, когда его в табакерку прячу. Но потом он начинает бушевать. Приходится выпускать.

– Вот это да, – покачала головой я, пока мы брели по второму этажу.

С обитых темным атласом стен на нас смотрели суровые портреты неких дворян. Пригладевшись, я вдруг поняла, что все они до пепла похожи на хранителей.

– А что он тебе шептал?

– О... – Андрис прикусила пухленькую нижнюю губу. – Иладриль при жизни был менталистом. Людей читал: по лицам, жестам, мимике, всему и сразу. А теперь никак не заткнется, так и норовит вывалить мне правду об окружающих.

– И что он про меня сказал?

– Мерзости преимущественно. – Андрис дружески шлепнула меня по плечу. Мое лицо вытянулось. – Он про всех пакости говорит, не волнуйся. Сегодня хотя бы шепотом это делать научился. Вчера-то вслух вещал, от всей широкой души. Чтоб «изучаемый» обязательно слышал.

Я цокнула языком:

– Неприятно.

– Очень. Особенно когда Иладриль начинал анализировать отношения между людьми. Критиковал он очень жестко, правду-матку резал. Поди теперь поживи с такими откровениями... – И обычно светлая, медово-янтарная Андрис Йоукли помрачнела.

Она была так очевидно расстроена, что я не смогла удержать поводья своего внутреннего утешителя.

– Знаешь, Андрис, – осторожно сказала я, – думаю, любая критика – это в первую очередь боль самого критика. Люди часто делают другим плохо только оттого, что им самим плохо. И такие «обезболивающие» нападки обычно имеют мало общего с реальностью. Их полезно учитывать – но не обязательно верить в них.

Андрис вдруг резко остановилась и направила свет фонаря мне в лицо:

– Тебя Полынь подговорил к этим словам, да?

– Что? О нет. Конечно, нет. – Я оторопела.

Андрис сощурилась... Потом, махнув рукой, невнятно извинилась и резким движением распахнула дверь в большую залу, подсвеченную зеленым светом осомы.

* * *

Обстановка внутри, надо сказать, была интригующей.

Кадия сидела верхом на стуле. Она не спускала застывшего взгляда с Анте Давьера. Длинные холеные пальцы Мчащейся назойливо барабанили по деревянной спинке.

Анте устроился в другом конце зала, в низком кресле, смиренный и смурной, как храмовый хорист слишком ранним воскресным утром. Думаю, большую роль в его плохом настроении сыграл тот факт, что маньяк снова был облачен в женскую рабловскую ночнушку, а вокруг него на полу полыхал огненный контур. Такие используют, чтобы сдерживать в кругу призванных духов, но и против человека помогает. Попробуешь пересечь границу изнутри – и все, привет, теперь ты головешка.

За спиной у маньяка тенью стоял Полынь. Руки куратора застыли в поддерживающем магическом жесте: ладони собраны горстями и накрывают правая левую. Значит, контур – его авторства.

При этом смотрел Полынь на Дахху. Тот, в съехавшей набекрень шапке, взволнованно писал что-то на огромной грифельной доске. Мелок в руках Смеющегося крошился и отвратительно скрипел, доска – на колесиках – то и дело уезжала вбок, и тогда Дахху крепко хватал ее за раму и рывком возвращал на место, что-то увлеченно тараторя. Строчки разбегались, оглушенные его энтузиазмом, и то взлетали высоко вверх, то обреченно заваливались вниз. Волны текста затопляли доску, неуправляемые, как Нейрис в сезон половодья.

Дахху один создавал весь тот странный, академическо-научный шумовой фон, который наполнял пространство залы. Остальные помалкивали.

– Хей-хей! – Я приветственно кашлянула. – Как ваши успехи?

Все, кроме Дахху, дружно повернулись в мою сторону. Удивительно, но самым теплым оказался взгляд маньяка. Полынь нарочито медленно открыл висящие у него на груди часы и поднес к носу близко-близко, будто бы подслеповато щурясь. По губам Кадии я прочитала: «Какого грека?!»

Зато Дахху был доволен.

– Великолепно! – Друг костяшками пальцев рьяно почесал нос. – Процесс идет. Я решил провести квадрант-анализ Пустоты. Сведений у нас немного, конечно, но...

Смеющийся начал хаотично и взбудораженно скользить мелком по доске, обводя одни слова и подчеркивая другие. Я тяжело сглотнула. Небо голубое! Только не квадрант-анализ – боль нашей юности!

Кадия глянула на прыгающего с мелком друга и покачала головой – почти с нежностью, успех:

– Буду милосердной и избавлю тебя от квадранта. Идея такова. О вашей загадочной Пустоте мы знаем шесть вещей – и все дарованы нам ушлепком, – зырк в сторону Анте.

Дахху обнял доску двумя руками и подтащил ко мне поближе, чтобы было лучше видно.

– Мы вот это знаем. – Он ткнул пальцем в скромный перечень.

Я зачитала вслух:

– «Первое. Пустота пришла извне, она агрессивна и зла. Второе. Пустота селится внутри людей, она похожа на болезнь, но при этом является живым существом. Третье. Пустота в человеке размножается, потом передается дальше. Четвертое. Заражение происходит через физическое касание. Пятое. Анте видел эксперимент по изучению Пустоты, но тот оборвался внезапно, когда исследователь потерял к нему интерес (не знаем почему – выяснить). Шестое. Согласно «чуйке» Анте, Пустота действует в Шолохе по своему почину, а не является оружием в руках другой сущности...» Ну... Негусто, но все же!

Полынь из своего угла цокнул языком:

– Зато другой столбик поражает размерами – перечень наших вопросов.

Дахху указал мне на левую часть доски. И впрямь. Я уже не стала читать вслух, просто пробежала десятки строчек глазами. В чем цель Пустоты? Что происходит с зараженными? На сколько частей она делится внутри человека? Как ее остановить? И так далее.

Нижнюю строку столбца я обиженно прочла вслух:

– «Существует ли Пустота на самом деле или наши источники лгут о ней?» Серьезно?

Полынь деликатно кашлянул и принялся объяснять. Видимо, это он был автором вопроса. Сначала Ловчий говорил, как бы извиняясь, но потом его голос окреп, а интонации снова начали напоминать о допросной комнате.

– Дело в том, что нам, – он обвел рукой себя, Андрис и Кадью, – сложно принять ваши слова на веру. Лично я не вижу никакой Пустоты. Никогда о ней не слышал. Вы сами не можете объяснить, чем именно она плоха. При этом доверия к одному источнику... – Ловчий кивнул в сторону Давьера, – у меня нет. Другой источник – ты. А ты эмоционально нестабильна...

Я предостерегающе сощурилась.

Полынь непреклонно продолжил:

– ...И склонна к преувеличениям. Еще ты неопытна в новой для тебя магии и, возможно, трактуешь что-то неверно. Как мы уже обсуждали, субъективные ощущения – штука условная. Без доказательств вопрос Пустоты получается вопросом частной веры. И с этой точки зрения меня огорчает поднятая вами суматоха: например, вы начали с того, что вытащили Анте Давьера из тюрьмы. Это вообще нормально? (Ответ: *нет*, Тинави.) Прежде чем решаться на глобальные действия, нужно проанализировать проблему. Даже те ее аспекты, которые тебе не нравятся – например, допущение о том, что ты ошибаешься, а маньяк – врет.

Я еще не придумала достойный ответ, а Кадия уже подскочила и обвинительно ткнула пальцем в Ловчего.

– Ну нет, Полынь! Это ты профессионально говоришь, но как-то не душевно! – выпалила она. – Частная вера, ишь, его не устраивает! Если все и всегда будут молчать о своих тревогах, скрывать планы, пока не станет поздно, то мир очень быстро грекнется! Вернее, они сами грекнутся, а с ними – и чей-то мир. И вообще – ты кто такой, чтобы наезжать на Тинави?

Полынь опешил.

– Да я и не наезжаю. – Он удивленно поднял проколотую бровь. – Речь о рациональном подходе к проблемам. Тинави – мой партнер. Мне важно, чтобы ее решения имели под собой что-то реальное – чтобы она не рубила сплеча...

– Но, господин Полынь, ведь это я зачинщик собрания! И свободы Анте! – в отчаянии вмешался Дахху.

– Да просто, в отличие от тебя, железнолицый, она нормальный человек! – Кадия завелась не на шутку. – А люди заботятся о других людях, даже если это не рационально! Даже если те снова и снова ведут себя как поганцы, – нормальные люди все равно не оставят их одних! Все равно их не бросят, раз любят, – пусть самим от этого и тошно!

– Что? – Полынь совсем обалдел. Я его еще таким растерянным не видела. – Кад, мне кажется, я не вполне понимаю...

– Вот именно! Вы никогда не понимаете. Это очень удобно. Ведь как оно бывает: ты уже очень устал от грабель, но без этих граблей тебе и жизнь не мила. И хрен бы с ним, с разбитым лбом. Но тебе так худо оттого, что они даже не видят, как тебе больно... Думают, ничего не происходит. Снова и снова думают, это у тебя хобби такое – по граблям ходить; не врубаются, что все – ради них!

Полынь схватился за голову:

– При чем тут Пустота вообще?!

– При всем! Та же история! Если не всматриваться – то как бы ничего и нету. Самое простое – пройти мимо, каждый день проходить мимо по своим делам, смотреть куда угодно, но не туда. Вместо того чтобы заинтересоваться и присмотреться – и найти, чего не ждал! Что-то важное найти наконец-то! А не отворачиваться всю жизнь – то ли по глупости, то ли по жестокости!

Я зачарованно смотрела на Кадия.

Полынь понятия не имел, о чем она говорила. Их диалог был обречен на провал.

Но для меня истерика Кадии звучала ясно. В ней смешался тот старый ужас от того, что Дахху чуть не умер, тайно отправившись на «Ночную пляску»; и обида на его секреты; и, конечно, на то, что он не видит, не видит, уже столько лет не видит ее отношение...

– Вот как-то так весь час и прошел, – шепнула мне Андريس. – Всяк поет о своем.

Анте Давьер в огненном круге нарочито зевал. Дахху испуганно таращился на свою доску – вся его поза сквозила неловкостью. Кадия и Полынь спорили на повышенных тонах, и траектории их мыслей разошлись уже совсем в противоположные стороны. Это надо было прекращать.

Я вспрыгнула на стул и громко крикнула:

– Социализация!

Все разом изумленно обернулись ко мне. Я повторила:

– Социализация. Вот каков был мой девиз сегодняшнего дня. И этот девиз – твои просьбы услышаны, Полынь, – работает на появление доказательств.

Недоумение в массах росло, и даже призрак Иладриль, тихо бившийся в табакерке Андрис, заинтригованно умолк.

Я принялась объяснять:

– Мне хотелось понять, сколько людей уже больны Пустотой. Поэтому сегодня я бесконечно со всеми знакомялась, всех трогала, жала всем руки, иногда даже – особо радушных – обнимала и целовала в обе щеки... – Я вздрогнула, вспомнив эту нескончаемую многочасовую

пытку. – Итог эксперимента таков. Из трех сотен людей только четверо были отмечены Пустотой. Остальные – чисты. И, конечно, не могу не проверить вас еще разок...

Я пошла по кругу, официально пожимая руки.

– Ну поздравляю, все в норме. Итак. Четверо больных: маг, танцовщица, гувернантка и гвардеец. Ох, о последнем даже не спрашивайте, – поморщилась я. – Лучше мне к дворцовому острову не приближаться. Кажется, эти ребятки с плюмажем не любят, когда их всех по очереди хватают за руки. Я едва убежала потом.

– То есть процент зараженных пока не велик, – задумчиво пробормотал Полынь.

Я пожалала плечами:

– Либо так, либо я не там знакомилась с людьми. Хотя я старалась сделать выборку репрезентативной: и в Посольском квартале побывала, и в Метелочном, и в переулке Тридцати Грехов. – Я улыбнулась. – Погуляла от души. Вот отчет. Пригодится. – Я вытащила из кармана летяги свернутый трубочкой свиток – карту Шолоха, на которой отметила свой маршрут и места встречи «больных» Пустотой.

Я подошла к доске и прикрепила туда ее, слегка прикрыв письма Дахху. Тот не возражал.

Я откашлялась и провозгласила:

– Отныне тут – штаб нашего расследования. И первый шаг – изучение захваченного Пустотой человека. Надеюсь, это даст нам доказательства и укрепит вашу веру.

Ребята выгнули брови.

– Я пригласила сюда танцовщицу из кабака – на вечеринку. Остальные зараженные не согласились, но ей идея понравилась – девушка... М-м-м... Не из робких. – Я прикусила щеку, вспомнив напомаженные волосы, кроваво-красные губы и слишком тугой корсет дамочки, по ночам работавшей в переулке Тридцати Грехов. – Только давайте хотя бы изобразим веселье.

– И во сколько она придет? – подобрался куратор.

Внизу раздался дверной звонок.

– Уже пришла! – засияла я.

Кадия рывком поднялась со стула, широким махом перекинула ногу через спинку и направилась к выходу:

– Пойду, встречу танцовщицу.

– Лучше я, – чинно привстал Анте. – Уберите контур. И дайте мою одежду.

– Ага, щас. Ты сиди, Анте, сиди. Не в тюрьме, так здесь хотя бы, – вызверилась Кадия и вышла в коридор.

Я поспешила за ней.

– Кад! – Я догнала ее на лестнице и, пристроившись сбоку, соразмеряя шаг, сказала: – Твоя речь...

– Я просто психанула, не стоит обсуждений, – перебила она. – Упомянешь сейчас Дахху – убью.

– Ну... Тогда просто спасибо, что заступилась за меня перед Полынью. Это было очень странно, но очень душевно.

Она вдруг рассмеялась:

– Да уж, обалдел твой куратор. Теперь решит, что у нас у всех троих мозги набекрень. А я-то думала, буду играть роль нормальной.

– Я тебя умоляю! Ты? Нормальная? Девушка, которая знает сто способов убить расческой? Первая леди в гномьем департаменте? Моя лучшая подруга? Это уже само по себе диагноз. – Я легонько толкнула ее в бок.

Кад почесала затылок. Потом фыркнула:

– Ну, пожалуй, да.

Мы молча спускались по лестнице. Я чувствовала, как невидимая ледяная стена между нами медленно тает.

– Слушай, Тинави... – вдруг сказала Кадия другим тоном. – А скажи, как ты думаешь, вот после всего этого – бокки, хранители, Зверь, драконы, теперь какая-то еще Пустота – когда мы все уладим, будет у нас нормальная жизнь? Как раньше – веселая и беззаботная? Или если тебя утатило в глобальную канитель, то все, пиши пропало, уже не высвободишься?

Я на секунду притормозила:

– Хм. Ты еще и об этом волнуешься, Кад? О том, не затянет ли тебя эпичность?

Она вздохнула и закивала.

Я пожала плечами:

– По мне, так только ты выбираешь, чем наполнить свою жизнь. Просто направляй внимание на то, что кажется тебе прекрасным. Хочешь беззаботности – ищи во всем легкость, смотри на нее, твори ее, призывай. Хочешь серьезности – гонись за ней. Тот же принцип работает со спокойствием. Магией. Любовью. Приключениями. И так далее. О чем бы ты ни грезила – ищи это во всем, и так притянешь к себе. Выбор всегда за тобой. Ты сама чего хочешь-то?

– А прах его знает, – сказала Кад и, запрыгнув на перила, проехала по ним пару метров вниз. – Всего и сразу, кажется. Иногда хочу чего-то глобального, чтоб слезы на глазах выступали от величия происходящего. Иногда хочу мелочей, чтоб жизнь была как сборник смешных картинок. До сих пор не определяюсь. Страшно чем-то одним ограничиваться.

Я улыбнулась.

– Вот и у меня то же самое. Получается, как в плохом анекдоте: как только все серьезно – хочется легкости. Как только все легко – не хватает серьезности. Не понимаю, в чем больше смысла... Хотя наверняка окажется, что смысла одинаково во всем.

– Значит, – подруга философски пожала плечами, – нам надо набрать нужные пропорции смысла именно для наших идеальных коктейлей. И коктейли могут быть слоистыми, никто не запрещает.

– Будем делиться друг с другом рецептами? – подмигнула я.

– А то ж. И распивать будем вместе.

– Ура! – Я рассмеялась. – Снова мир?

– Только до твоей новой лажи. – Кад строго свела брови. – И я не шучу! Друзья-засранцы в мою картину счастья точно не вписываются. Так что в следующий раз натравлю на тебя весь Чрезвычайный департамент.

– Да уж, эти бородачи тебя полюбили!

И мы, обмениваясь впечатлениями о смешных гномах, коллегах Кад, открыли дверь шолоховской танцовщице из переулка Тридцати Грехов.

* * *

Когда мы – уже вдвоем – вернулись в танцевальную залу, обстановка разительно изменилась. Ребята не поскупились на создание «вечериночной» атмосферы, призвав на помощь магию иллюзий.

Видимо, старались все сразу – и Дахху, и Андريس, и Полян. В итоге зал выглядел так, будто в нем действительно что-то празднуют тесной компанией. Букеты на полу и столах, блуждающие огоньки на окнах, тонкий запах южных парфюмов, иллюзорный фуршет и иллюзорная горка игристых вин.

– А если она захочет нормально поесть? – спросила я у Ловчего.

– Не захочет, – сказал Полян.

Это было до странности похоже на угрозу.

Анте, как я увидела, все-таки освободили от огненного контура. И приодели.

Маньяк ласково направился к нашей гостье. Гостья, конечно, впечатляла – дамочка будто из другого мира, гендерная хищница, едкой расцветки тропическая бабочка, с губами круглыми и алыми, как черешни.

Анте обольстительно пожал ей руку, и его лицо на мгновение исказилось гримасой отвращения при встрече с Пустотой. Усаживая гостью в глубокое кресло и заводя ничего не значащую светскую беседу, он кивнул мне – *вы правы, Тинави*. Остальные к гостье не прикасались. Дахху вообще обходил ее по широкой дуге. Ее это не смущало. Внимание Кары – так звали танцовщицу – полностью сосредоточилось на хозяине.

Какое-то время мы изображали веселье, подспудно пытаясь задавать девушке наводящие вопросы.

Как она себя чувствует в последние дни? Хорошо. Может, у Кары что-то болит? Нет. Как настроение? Нормальное. А память хорошая? Вполне. Сколько будет семью восемь? (Тут Кара замешкалась, но все же ответила.)

Так не могло продолжаться. Наши вопросы не приносили толку и ничего не доказывали. Полынь то и дело подходил к Каре впритык, чуть ли не обнюхивая ее, силясь почуять какие-то признаки Пустоты – увы, без толку. Зато она дала ему свой адрес.

Наконец Дахху не выдержал вопиющей бессмысленности происходящего. Он встал перед танцовщицей, сложил руки на груди и нахмурился:

– Кара, у меня есть подозрение, что вас могли заразить одним вирусом.

– С чего бы это? – испугалась она, хлопая ресницами. – Почему вы так решили?

Анте недовольно отодвинул Смеющегося, перегородившего ему вид на танцовщицу, и дал задний ход:

– Он так комплименты делает. Считает, что вы слишком прекрасны, – сквозь зубы прошипел маньяк и притворно приложил руку к сердцу.

– Нет-нет, не комплименты. – Дахху снова выдвинулся вперед. – Сейчас по городу ходит вирус, в Лазарете все ужасно волнуются. Позвольте проверить вас на его наличие. Судя по месту вашей работы, вас вполне могли заразить чем-то неприятным.

– ЧТО?! – взвизгнула Кара. – Это что за намек?! Оскорбительно! Я немедленно уйду!

– Нет, нет! Вы неправильно поняли! – Дахху схватился за голову. – Просто вы же часто входите в телесный контакт с самыми разными людьми?

– Ну ты и &#! – Кара выругалась так грязно, что Анте Давьер поморщился, Андريس подавилась, а Кадия – записала в блокнотик.

При этом никто и не подумал остановить танцовщицу, яростно зацокавшую каблучками к выходу.

Я глубоко вздохнула, нащупала на дне сознания мирный лесной ручеек и бросила в спину Каре свое коронное заклятье – золотую сеть. Танцовщицу сковало на полушаге: одна нога на полу, другая уже поднята, так, что красное платье доверху обнажает подтянутое бедро. Из разомкнутых губ гостьи донеслось невнятное, недовольное мычание.

– Давай, Дахху. – Я кивнула другу. – Просвети ее тем заклинанием, которое в Лазарете теперь на осмотрах используют. Ну на поиск болячек.

– Но ведь нельзя применять магию к вольным гражданам! – охнул друг, весь такой в растрепанных чувствах. – Она на тебя пожалуется!

– Да неважно! – рявкнула я. – В ней Пустота. Покажи ее нам. Кара и сама будет благодарна, если мы ее вылечим.

– Ладно...

Остальные молча ждали. Дахху вытянул вперед ладонь с широко расставленными пальцами, левой рукой начал поглаживать каждый из них, прищелкивая и что-то бубня.

На полу вокруг застывшей танцовщицы появилось нежно-голубое кольцо, эдакий спортивный обруч. Обруч пополз вверх. Мы все внимательно следили за цветом – переменись он, это обнаружало бы болезнь.

Обруч спокойно поднимался. Но на уровне груди гостьи он вдруг затормозил, тревожно замигал, потом окрасился в красный.

– Это еще ничего не значит, – покачал головой Дахху. – Возможно, у госпожи Кары просто больное сердце... Сейчас заклинание определит причину и начнет лечение.

Красный обруч и впрямь заволновался, пошел рябью. Вдруг тело Кары стало прозрачным: мы увидели ее белый скелет и слабые очертания здоровых внутренних органов. Ярким выделялось лишь два объекта справа от сердца: золотая искра, полыхающая, пламенеющая, и странная черная клякса сбоку. От этой кляксы куда-то вовне убегали две тонкие черные нитки. Совсем вовне, прочь от тела, как паутина от паука. Куда именно они убегали – мы не знали, потому что нитки переставали быть видимы, едва выходили за пределы лекарского обруча.

Мы подались вперед, вглядываясь.

– Вот и Пустота, – задумчиво пробормотала я.

Лекарское заклинание подготовилось к нападению на чужой, больной объект. Оно тонкими кружевами потянулось к Пустоте, готовясь к лечению... Черная клякса вздрогнула, как разбуженная, и начала страшно вибрировать, сжимаясь и разжимаясь.

Тело Кары задрожало. Мелкая дрожь почти мгновенно превратилась в страшную судорогу.

– Что такое? – вскрикнул Дахху, срываясь с места и отпуская просвечивающее заклинание. Я от неожиданности потеряла связь с золотой сетью – та бесшумно осыпалась.

Дахху не успел добежать до гостьи...

Стоявшая спиной к нам танцовщица посерела и скукожилась, будто фрукт, забытый на солнце. Потом Кара рухнула на пол.

– Кара? – Дахху упал рядом с девушкой на колени.

– Не трогай! – хором взвыли мы с Анте Давьером, но друг уже перевернул тело девушки. Безжизненное тело. Высохшее, как у мумии.

– Она что, умерла? – хрипло спросила Кадия и прижала ладонь ко рту.

Я хотела ответить, но слова почему-то не находились. Странная слабость навалилась сверху и сзади, колени начали дрожать, а шум крови в сосудах оглушал.

В полной тишине Дахху разматал свой длинный полосатый шарф и молча положил его на лицо усопшей. Все мы замерли, понутив головы.

– Кажется, Пустоте не понравилось, что ее попробовали прогнать... – наконец промямлила я. На ватных ногах подошла к Дахху и на всякий случай схватила его за руку.

Все еще чист.

– Вот теперь это – враг. Открываем сезон охоты, – кивнул Полынь и, закатав рукава хламиды, двинулся к меловой доске.

Мы остались у тела.

Ошарашенные, обескураженные, захваченные стыдом.

Каминный жанр

*Ничто так не лечит раненую душу, как теплый разговор.
Айреф из Дома Смеющихся, отец Дахху*

Город готовился ко сну.

Ворочался с боку на бок на огромной перине леса, посвистывал опускающимися жалюзи магазинов, пофыркивал уставшими лошадьми. Город прикрывал глаза-витрины, кутался в одеяло тумана, сладко посапывал на речных волнах.

Я смотрела в высокое арочное окно танцевальной залы Анте и думала о том, как хорошо жить в нашей волшебной столице. И сколько людей каждый день борется за то, чтобы Шолох оставался Шолохом. И что раньше я принимала все это – всю эту благодать – как данность.

Помню, как негодовал магистр Орлин оттого, что мы с Кадией и Дахху засыпали на семинарах по Лесному управлению. «Жаворонок» Орлин считал эту дисциплину первостепенной и потому упорно ставил ее первым уроком. А мы, чьи ночи полнились хулиганскими вылазками в чащобу, не менее упорно клевали носом...

– Однажды придет ваш час! – Старый магистр супил кустистые брови и лихо перекидывал через плечо длинную седую бороду. – Вам придется сохранять наш город! Где бы ни работали, часть заботы ляжет на ваши плечи! А вы будете не подготовлены! Ты вообще слушаешь меня, Кадия из Дома Мчащихся?!

– Хр-р-р-р... – сладко причмокивала Кад, уютившая щеку на стопке нудных учебников.

Орлин только всплескивал руками и громко жаловался на нас своему коту по имени Банджо. Но и старого кошака не пробиало. Банджо, сидевший на подоконнике, низко мяукал и продолжал флегматично вылизывать свои причиндалы.

И вот...

Наша смена подросла. Сегодня. Сейчас.

И, я боюсь, мы начали поганно – учитывая тело Кары у дверей.

Но в битве против Пустоты мы были не одни.

– Помните, от кляксы тянулись две нити? Думаю, это что-то вроде пуповины. – Полынь приколол на доску еще одну яркую бумажку.

Не прошло и часа со смерти танцовщицы, а у Ловчего вместо доски уже получилась радужная тернасская пиньята: махровое безобразие из записок, которых было так много, что они рядами напозлали одна на другую.

Куратор нарисовал огромный знак вопроса в середине доски и постучал себя пальцем по подбородку:

– Возможно, эта пуповина связывает элементы Пустоты между собой. В конце концов, само собирательное название – «Пустота» – намекает на целостность твари.

– Здравая мысль, – кивнул Анте Давьер.

Маньяк сидел, забросив ногу на ногу, почему-то за роялем, и общался с Полынью активнее, чем все мы.

– И да. Вы заметили, как именно Пустота пульсировала перед тем, как убить Кару? – продолжал Ловчий, цепляя на доску еще бумажку. – Она сжималась и разжималась, но ее левая часть оставалась неподвижной. Тот, что был ближе к искре. Что, если... – Полынь эффектно развернулся на пятках и предположил: – Что, если Пустота боится искру?

Но торжественной паузы после его слов не случилось.

Ее разбил душный шепот, ползущий по залу, как чахлый плющ:

– Я ее убил. Я ее убил. Живого человека. Убил, – бормотал Дахху.

Друг сидел на блестящем лакированном полу, обхватив руками колени, и мерно раскачивался вперед-назад. Голая шея Смеющегося темнела шрамами. Дахху, обычно щепетильный на эту тему, сейчас и не думал поднять широкий ворот бежевого свитерка.

Последние полчаса я тщетно пыталась затормозить тот скорбный маятник, в который обратился мой друг. Приобнимала его так и эдак; говорила, что он не виноват; предлагала еду и воду. Выуживала, как фокусник, монетки из карманов. Притворно удивлялась и задавала отвлекающие вопросы («Надо же, какая старая чеканка, не посмотришь, может, редкость?»).

В общем, я по списку вычеркивала всю ту тысячу глупостей, которые считаются правильным и уместным утешением. Но Дахху не устаивал меня вниманием.

Ни меня, ни Кадю, ни Андрис – хотя мы собрались вокруг него, как три добрые феечки-крестные. И копошились, копошились, взволнованно переглядывались: как же привести его в чувство? Исподволь я подумала, что «копошусь» не столько даже из-за Дахху, а чтобы самой отвлечься от мыслей о нашей ошибке...

– Йоу, лекарь, ну не горюй же! – Андрис поправила шапку Смеющегося, сползшую ему на глаза. Стало видно, что безысходный взгляд Дахху направлен на мертвую танцовщицу.

Йоукли вздохнула:

– Слушайте, надо убрать тело, а то бедняга совсем свихнется.

Полынь прицепил на доску последнюю догадку и направился в сторону трупa. Там он технично взял почившую Кару под мышки и поволок прочь из зала.

– А куда ты ее денешь? – Кадия вытаращила глаза.

Полынь на секунду замер. Потом поднял лицо, которое за шторками темных прядей казалось бледнее и острее обычного.

– Ты не хочешь знать этого, Кадия, – подмигнул куратор.

Толкнул дверь ногой и, вытаскивая труп, случайно приложил танцовщицу виском о косяк. Кад позеленела. Я сглотнула ком в горле и, поразмыслив, заняла вахту у «детективной» доски.

Придумывать гипотезы. Больше гипотез. Работать. Загрузить свой мозг так, чтобы было не до скорби. Действенный план, если тебе плохо, – возьмите на заметку.

– Насколько я понимаю, – я повертела новую бумажку, – Пустота ответила на прямое нападение. До тех пор, пока лечебное заклинание не двинулось к ней, она была спокойна. И моей золотой сети тоже не испугалась. Учтем это.

– Тоже хорошая мысль, – зевнул Анте.

Девушки оставались подле Дахху.

Раздумывая над дальнейшими теориями, я прикусила кончик карандаша, валявшегося на приступочке под доской. Потом с негодованием его выплюнула. Карандаш был явно погрызен до меня, фу, гадость какая!

Вернулся Полынь. Все взгляды обратились к нему. Куратор молча кивнул. Потом, как всегда бесшумно, пошел к доске – в глазах Полыни отчетливо горела ревность: как? Ты на мои заметки позарилась, малек? А ну уступи профессионалу!

Но на середине залы куратор вдруг остановился. Взгляд у него затуманился... Полынь тряхнул головой – колокольчики звякнули – и выжидающе посмотрел на меня:

– Тинави, когда придет твоя танцовщица?

– Что? – переспросила я, решив, что не расслышала.

– Ты сказала, что позвала к нам девушку из переулка Тридцати Грехов, – терпеливо пояснил Ловчий. – Чтобы мы убедились в существовании Пустоты. Когда она придет?

Слюнявый карандаш со стуком выпал у меня из пальцев. Я моргнула.

Полынь не казался сумасшедшим. Вернее, казался, но не более, чем обычно.

– Присоединяюсь к вопросу, – кивнула Андрис.

Потом Ищейка зевнула, потянулась, как после долгого сна, достала из сумки апельсин и начала его как ни в чем не бывало чистить.

– А где мой шарф? – Дахху вздрогнул и схватился за горло в такой панике, будто отсутствие шарфа лишило его кислорода и смысла жизни одновременно.

– Вы чего? – только и сказала я.

Анте Давьер резко выпрямился, как палку проглотил. Маньяк сморщил нос, пригладил волосы и, поколебавшись, провозгласил:

– Дамы, господа, боюсь, Тинави ошиблась. Сегодня танцовщица не придет. Она придет завтра.

Все задумчиво, слегка механически закивали.

– Думаю, наше собрание лучше перенести, – продолжил Анте Давьер, и его голос звучал, как у гипнотизера – уверенно и плавно. – Чтобы сразу работать с доказательствами.

– Логично, – согласилась Андрис.

Полынь рассеянно кивнул. В нем, кажется, шла какая-то борьба. Куратор все пытался посмотреть на нашу «детективную» доску, но взгляд Ловчего снова и снова соскальзывал с нее, как дождевые капли – со стеклянного шпилья Казначейства.

– Ладно, на сегодня закончим, – наконец с сомнением выдавил Внемлющий.

Глаза мои чуть не вывалились из орбит. Анте мило со всеми попрощался – настолько мило, насколько позволяла его репутация в нашем непростом кругу.

Андрис ушла первой, радуясь, что удалось содрать шкурку апельсина одной длинной полосой и с опаской придерживая табакерку с беснующимся внутри призраком Иладриля.

Полынь, подождав минуту после ее ухода, тоже двинулся к выходу. Еще пару раз он пытался обернуться на доску, но будто чья-то невидимая рука останавливала его.

Кадия и Дахху мялись особенно долго.

– Ерунда какая-то, да? – пробормотала Мчащаяся.

– Да, – ошарашенно согласилась я и выдохнула.

Ну хоть кто-то!

– Непонятно – есть эта Пустота, нет ее... Ладно, хорошо, что зараженных пока мало. Надеюсь, завтра все прояснится, – разочаровала меня подруга.

Дахху же уплыл, как сомнамбула, не прощаясь, двумя руками держась за горло. Я встревожилась: не придавит себя ненароком? С него станется!

Остались только Анте и я.

Танцевальный зал был слишком велик для двоих. Даже если один из них – падший хранитель, а черепушка второй раздулась от вопросов.

Я сложила руки на груди и вновь подошла к арочному окну. Подалась вперед и уткнулась носом в стекло.

Город снаружи дышал мерно, мирно, как великан – спокойный и неторопливый, твердо верящий в благорасположение судьбы, безмятежно спящий среди заливных лугов. Где-то там, в нутре великана, разрасталась опухоль, ловко укрывавшаяся от чужих взглядов. Но добряк не ждал подвоха и не помнил проблем.

– Она так защищается, да? – Я повернулась к Анте Давьеру. – Она каким-то образом стирает человека целиком, вместе со всеми воспоминаниями о нем. Поэтому и Пустота?

Маньяк уже откуда-то принес вино и теперь наполнял им высокие тонкие фужеры. Потом подошел, протянул мне бокал и тоже стал оглядывать набережную за окном. Но там, где я любовалась, его взгляд оставался жестким и цепким. Как у недовольного дворянина, пришедшего инспектировать вверенные арендаторам уголья.

– Боюсь, вы правы. К тому же это объясняет, почему упомянутый мной эксперимент по изучению Пустоты свернули. Сложно не бросить то, о чем не помнишь.

– Значит, все подопытные умерли, – резюмировала я. – Про живых зараженных ребята помнят.

Анте кивнул и глотнул вина:

– М-м, терпкое. Попробуете? Вечер был долгий.

Я молча поставила бокал на пол. Еще чего.

Анте открыл раздвижные двери и вышел на террасу. В залу незримой волной хлынул прохладный воздух, отдающий гнилыми водорослями, лилиями и далеким запахом дыма – студенты репетируют скорое солнцестояние, уже вовсю скачут через костры.

– Как мы ее остановим? – Я с внезапным отчаянием выкрикнула это в спину Давьеру и сразу смутилась собственного громкого голоса.

Вышла за ним и сказала уже гораздо тише – пусть думает, что кричала, чтобы он услышал:

– И вообще... надо ли?

– Вы о чем? – мрачно поинтересовался Анте.

– Может, прах с ней, с этой Пустотой? Из-за нее пока никто не умер. Кроме Кары. Вдруг она на самом деле безобидна? Пока не начнешь ковыряться? – Я оперлась спиной на парапет.

Поймав мой обнадеженный взгляд, Давьер расхохотался:

– Меня умиляет, как вы боитесь брать на себя ответственность. Не разбив яиц, омлет не сделаешь.

– Вы так всегда оправдываетесь? – с неприязнью бросила я.

Давьер неторопливо глотнул еще вина, пожал плечами:

– Это к делу не относится. Что касается других смертей... Возможно, в Шолохе умер еще кто-то. Но о нем никто не помнит, поэтому жалоб нет.

А он ведь прав.

Маньяк продолжил:

– Мне понравилось наблюдение Ловчего касательно искры. Если Пустота действительно боится ее, я бы хотел в этом убедиться.

– Каким образом? Если мы опять нападём на Пустоту, она просто убьет еще одного человека.

– Но нам не надо нападать на Пустоту. Мы будем воздействовать на саму искру. Это не прямое влияние, оно не несет угрозы. Искра – объект в высшей степени нейтральный. С ее помощью нельзя бороться, причинять боль. Она не враг Пустоте. Формально.

Я задумалась.

– Вы уж поверьте моей теоретической базе, – присовокупил Анте, видя, что я сомневаюсь. – Даю слово. Опосредованное влияние безопасно.

Я покосилась на него. Ну да, ну да, невысока цена его слову. Проверить без опыта не получится. А если он окажется неправ и еще кто-то умрет – что ж, у нас в «дано» сказано, что Давьеру плевать на чужие жизни.

– Просветим еще одного больного и посмотрим, как Пустота будет действовать, если искра разгорится, – продолжал настаивать Давьер. – Вдруг увеличения искры хватит для того, чтобы Пустота сама решила уйти?

– А искра что, может увеличиться? – Я удивилась.

Давьер смерил меня уничижительным взглядом:

– Конечно. Она увеличивается каждый раз, как вы чувствуете любовь, благодарность, надежду, вдохновение или любую другую сильную положительную эмоцию. И уменьшается, когда вас ничего не трогает. Поэтому страстные люди живут гораздо дольше равнодушных при прочих равных показателях. Искра накачивается, как мышца.

– И как мы заставим чужих людей испытывать все это, интересно? Мы же их не знаем.

– Так зачем вам чужие. – Анте поставил бокал на парапет. – Пустите Пустоту в себя.

Я так резко повернулась к нему, что рукавом задела фужер. Он улетел в темноту набережной, со звоном разбился, и чей-то недовольный вопль возвестил нам с Анте, что мы «совсем обнаглели, богачи пепловы».

– Да вы совсем обнаглели! – мгновенно «украла» реплику я, запустив ею в маньяка.

Тот лишь пожал плечами:

– Унни вас оберегает, Тинави. И будет оберегать. Но вы можете попросить ее отступить на какое-то время, чтобы Пустота зашла.

– Зашла на огонек, ага... – под нос буркнула я.

– Мы опробуем идею с искрой, а если не получится, вы попросите энергию бытия выдавить Пустоту обратно.

– Почему вы так уверены, что это сработает?

Он оскалился, в смысле, улыбнулся:

– Но почему бы не попробовать? Какая разница – вы или кто-то другой? Вы хотя бы будете в курсе происходящего. В отличие от бедных, несчастных, ни в чем не повинных граждан, о которых так горюет господин Дахху, – язвительно закончил он.

Обалдеть. Какая разница, говорит.

И тут я замерла.

А и впрямь. Какая разница?

Если вдуматься, у меня действительно больше шансов выжить после столкновения с Пустотой, раз на моей стороне играет унни.

Да и моя эмоциональная нестабильность в кои-то веки пригодится. Мне палец покажи – расхихикаюсь. Пустота с таким еще не встречалась. Рванет прочь из моего тела, только пятки засверкают. Или пуповины, что у нее там из органов?

Да, идея имеет право на жизнь...

– Вы что, серьезно над этим задумались? – Анте опешил.

– А не надо было? – Я подняла брови.

– Конечно, нет! Такие как вы ценны для Вселенной. – Он вдруг рассердился. – Люди, которые дружат с унни, – это кладезь. Это гарант развития, гарант движения миров вперед. Это то, что заставляет все меняться, литься, становиться лучше – или, как минимум, становиться другим. Вы думаете, Отец наклепал шестерых хранителей, и все, нас хватит до скончания веков? Да нет. Людям тоже надо стараться. Стараться каждый день. Только они об этом забывают. Давят на унни, как будто она им что-то должна; выжимают из мироздания все соки на потребу своим прихотям или, обленившись, сидят на месте, ждут, пока пройдет день, еще день, и вся жизнь. И такие, как вы, умеющие поймать ритм вселенной, – в итоге уникамы, хотя должны быть нормой! Что вы смеетесь? – рывкнул он, когда я звонко расхохоталась.

– Вы сделали мне лучший комплимент в моей жизни. – Я утерла выступившие от смеха слезы и, подпрыгнув, села на парапет.

Свесила ноги наружу и беззаботно ими заболтала.

Я восхищенно покачала головой.

– Кладезь, уникам, ритм вселенной – вот это я понимаю! Спасибо, Анте, но вы хвалите меня за то, в чем нет ни капли моей заслуги. Все вопросы к Карлу. Он не пожалел потратить время на мое, дурынды, обучение... – от души сказала я. – Вы бы тоже могли заняться чем-то подобным. Хотя о чем я говорю, небо голубое! Вы ведь совсем другой, да? – Я скривилась. – Ладно. Вашу речь я запомню. Будет греть мою искру назло Пустоте.

– Зовите меня Анте. А еще лучше Теннет. Я скучаю по этому имени, – неожиданно и как-то наивно, некстати признался маньяк.

В его лице мелькнула тень того зеленоволосого парнишки из 1147 года.

То ли Давьер не услышал презрения в моем монологе, то ли проигнорировал его. Так или иначе, он подставил мне бок без брони. Рановато.

– Боюсь, вы пока не заслужили это имя! – Я фыркнула. – Теннет, о котором я читала в сказках, потом в учебниках, потом – страшно подумать – в молитвенных сборниках (да, у наставника мы разное проходили), был не таким. Он бы никогда не убил. Никого. Один симпатичный комплимент – это доброе дело, конечно, но не маловато ли для прощения?

Маньяк умолк. Лицо его окаменело.

– Если вы думаете, что укор, полученный между делом от смертной девчонки, заставит меня раскаяться, – вы полная дура. – Он неприятно усмехнулся. – Я сам себе высший судия. И чужие слова могут меня разозлить, но повлиять на меня – никогда.

Я вдруг вспомнила, что «маньяк» – это отнюдь не милое прозвище. Быстро спрыгнула с перил обратно на террасу – вдруг столкнет меня, непочтительную? – и приготовилась, если что, колдовать.

– Однако... – Анте Давьер глубоко задумался. – Да. Я готов пустить Пустоту внутрь себя. Давайте поставим эксперимент на мне.

– Что, правда?

– Конечно. Такие предложения делают либо со всей серьезностью, либо не делают вообще. К тому же только так я смогу убедить вас, что мне можно верить в дальнейшем. Это вечное сомнение... Утомляет.

– Ну, согласитесь, вы сами виноваты.

Он пожал плечами.

Я пораскинула мозгами.

Вроде мы ничего не теряем. На уловку тоже не похоже.

– Только я предлагаю расширить наш эксперимент, Давьер, – раз вы утверждаете, что игрища с искрами безопасны.

– Ну-ка?

– Давайте включим в уравнение бокки. У них же есть искры. И бокки умеют залезать внутрь людей. Если Пустота боится искры, то при пособничестве духов мы устроим настоящие скачки в вашем организме... И, может, как-нибудь вытурим эту дрянь без помощи унни.

– Я восхищаюсь вашей фантазией, Тинави, – покачав головой, протянул Анте. – Не зря вы столько времени провели с Карланом. Он тоже всегда был тот еще... затейник.

– Только нам тогда придется сказать Дахху. Бокки слушают только его.

– О нашем чудесном эксперименте? Да, без проблем.

Неожиданно от платана, растущего впритык к дальнему концу террасы, донеслось птичье пение. Долгая трель завершилась росчерком – коротким резким звуком в конце, будто зяблик спохватился, что сказанул лишнего.

– Анте, – в свою очередь, решила сказануть лишнего я, – а если вы ошибаетесь и Пустота вас убьет? Если о вас все забудут, как о Каре, кроме меня? Каково вам будет?

– Такого не случится. – Он помотал головой и поджал губы. – А если бы и случилось... Раз на мою и вашу память Пустота не действует, то и на хранителей тоже. А мнение остальных, если честно, можно засунуть в задницу.

– А как же Кадия? Вы ее не любили? – Зяблик продолжал вдохновлять меня на душевную археологию.

– На вашем месте в первую очередь я бы задавал вопрос о том, любила ли Кадия меня, – усмехнулся Давьер. – Потому что, очевидно, нет. А что до моих эмоций... В какой-то момент им перестает придать особый смысл. Лет так через пятьсот, – съязвил он.

– Ой, ну да, конечно. Именно поэтому вас совсем не раздражает гордыня. Круглосуточно. Да такая сильная, что пустить в себя Пустоту кажется идеей удачнее, чем позволить совершить это глупой девчонке. Вдруг все удастся и лавры спасительницы достанутся ей, ужас-то какой, да?

Он рывком выпрямился и сложил руки на груди:

– Мы с вами не друзья, Тинави, чтобы вы своими маленькими пальчиками пытались залезть мне в душу. Но да. Вы правы. Я не любил Кадю. Как минимум потому, что она не любила меня. Недостойно бога бегать за той, что сохнет по какому-то хилому лекарю, как считаете?

– Вы поэтому выбрали Дахху своей жертвой?

– Его выбрал не я, а помощники Митраса Голя, поставлявшие мне магов. Для меня Дахху из Дома Смеющихся – самый симпатичный человек из всей вашей компашки, – почти с ненавистью выплюнул Анте.

Я пожевала губами:

– Ну это не помешало вам напасть на него.

– Вы меня провоцируете, Тинави?

– Да нет. Просто вы сказали, что вам, дескать, недостойно было бегать за Кад. Но на самом деле все не так... Недостойно бога жить среди смертных и кичиться своим происхождением, если ничем не отличаешься от жалкого убийцы. Недостойно резать человека на алтаре, а потом изображать с ним дружбу, пользуясь тем, что он всех всегда прощает. Недостойно, в конце концов, самому не обеспечивать того движения вперед, развития и бла-бла-бла, про которое вы так похвально высказались раньше. – Я рассерженно потопала обратно к танцевальной зале. – Но хватит, пожалуй. Завтра я приведу вам нового донора Пустоты – если вы не передумаете, конечно. А вы пока найдите, чем вас можно пробрать, чтобы ваша прахова искра все-таки выросла в размерах. Хоть на капельку.

Оконную раму я пересекла своим привычным макаром... То есть споткнулась и кубарем прокатилась следующие несколько метров.

Встала, отряхнулась и, не оглядываясь, ушла.

* * *

Ночью набережная Доро напоминала слоеный пирог.

Перечисляю снизу вверх: маслянистая гладь реки – плотная, сладкая; выше – хрусткие крекеры мозаики и шоколад кованых решеток; потом – щедрый бисквит из воздушных древесных крон, между которыми богатые особняки ласкают взор зефирными нотами.

И, в довершение, – вензеля флюгеров карамельными завитушками.

Я тихо шла вдоль воды.

Магические сферы уличных фонарей, оранжево-желтые, бросали узкие длинные тени мне под ноги, будто умоляли остаться в круге света, не идти вперед. Но снова и снова я вступала в чернильную тьму меж фонарями – бархатную, волнительную, обещающую томную неизвестность.

Нет, в такую ночь нельзя идти домой. Я там запутаюсь, я там совсем свихнусь.

Поколебавшись с минуту, я отправилась к ближайшему двору перевозчиков.

Кажется, не меня одну живопись мироздания не отпускала в кровать: на улицах бродили люди – кучками и поодиночке. Те, что в компаниях, были громкие, веселые, с хитрыми взглядами и той бесшабашностью в жестах, что неминуемо приводит к битой посуде, украденным лодкам и сорванным с чужих губ поцелуям. «Солисты», напротив, держались сдержанно, но глазами так и шарили туда-сюда в поисках приключений.

– Пятиречье, – сказала я сонному кентавру. – Лазарет.

– Подрались? – спросил он, даже не глядя на меня. – Шов наложить хотите?

– Что? Небо голубое, нет, конечно!

– А голос такой грустны-ый... Ночью Лазарет закрыт, леди.

– Знаю.

Мы поехали.

* * *

Корпус принца Лиссая располагался сбоку от главного здания Лазарета.

Все окна были темны – кроме одного, на высоком втором этаже. Я потопталась на месте, оглянулась, а потом решительно полезла на разлапистый дуб напротив корпуса, метрах в десяти от здания.

Очень удобное это дерево – дуб. Ветви чередуются, как ступеньки, поднимайся себе в удовольствие, подглядывай за принцами крови сколько влезет!

Помнится, в детстве у меня даже был целый древесный домик на дубе... Как и у ста процентов остальных шолоховских детишек: что не отменяло, а, напротив, прибавляло счастья.

Только я устроилась подле вороньего гнезда, умиротворенная, и обратила светлы очи в сторону окошка Лиссая, как кто-то громко зашипел внизу:

– А ну брысь оттуда!

– И не подумаю! – горделиво ответствовала я.

Меж тем Лиссай в своем окне – безо всяких штор – задумчиво стоял у мольберта. Травяной холст перед принцем светился зеленым цветом. Рука Его Высочества безвольно свисала, и с широкой художественной кисти капала, быстро капала на пол краска. Даже издали я чувствовала, как принц холодеет от пронзающей его неуверенности: а вдруг не смогу? Вдруг получится чушь, не дастся картина?

Человек внизу с тяжким вздохом полез на дерево, шаг в шаг повторяя мой недавний маршрут.

– Тинави! – сурово возвестил Польш, плюхаясь на ветку рядом. – Я не шутил, сказав, что слежу за Его Высочеством и вашим с ним не-общением.

– Если ты не заметил, я ни с кем не общаюсь. – Я развела руками. – Сижу себе на дубе. Загораю. Лето на дворе.

– В полночь загораешь? – Он вскинул брови. – Это прямо-таки возмутительно неудачная отмазка, малек!

Лиссай в окне вдруг повернулся в нашу сторону и чуть наклонил голову, будто прислушиваясь. Лис – он и есть лис. Хитрости, правда, недосыпали. Но рыжина, и шерстка, и взгляд – всегда начеку. Пахнуло жасмином, и сердце мое зыбко екнуло...

Мне кажется, не из-за Лиссая даже. Из-за той магии, которая в нем живет.

Польш как-то так интересно и неуловимо сменил позу, что закрыл мне собой окно.

– Я понимаю, что принц кажется тебе интересной пассией... – проворчал Ловчий. – Но я не собираюсь в первый же день предавать доверие Ее Величества Аутурни.

Я закивала:

– Догадываюсь.

– Тогда зачем ты пришла? Проверяешь, хорош ли я в своей работе?

– В этом у меня сомнений нет, как раз-таки. Именно поэтому я тут.

Непонимающая пауза.

– Польш! – Я закатила глаза. – Да я с тобой поговорить хотела! И поняла, что прийти сюда – самый интересный способ устроить нашу встречу. Ну и Лиссая я давно не видела, куда без того. Хоть в окошко полюбуюсь, раз иначе никак. – Я миролюбиво пожала плечами.

Куратор покосился на меня с какой-то новой, нечитаемой эмоцией... Хмыкнул. Пододвинулся чуть ближе.

– Предположим. И о чем же ты хочешь поговорить?

– Расскажи, что тебе ляпнул призрак Иладриль?

– А что?

– Просто интересно. Давай-давай! Скажи. А то возьму и... и Прыгну к Лиссаю в комнату. Я же умею! Объясняйся потом перед королевой.

– Малек! Что за угрозы! – пораженно выдохнул куратор.

Я показала язык.

– Просто в такие ночи, как эта, очень хочется поговорить о чем-нибудь волнующем. Но такого, знаешь, каминного жанра. Чтобы горячо и одновременно уютно, а не настоящий пожар. У нас с тобой неплохо получилось это в келье у Дахху. Думаю, «Дело о призраке» может продолжить традицию.

Полынь усмехнулся.

Задумчиво повертел серебряные кольца на пальцах, оперся спиной о шершавую ветку дуба и вздохнул:

– Призрак закричал на всю кофейню, что я не испытываю к Андрис никаких чувств. Единственно, по причине равнодушия я не жалею для нее «оскорбительных крох своего внимания» и позволяю «бедной девочке тонуть в ее сладких заблуждениях», «хладнокровно продлевая пытку». И все это якобы видно в моем лице столь же ясно, сколь то, что я «считаю себя самым умным в этом глупом городе». И что мне надо прекращать такую «благотворительность», если я не хочу нажить в лице Йоукли «смертельного врага».

Снова пауза. На сей раз грустная.

– Ах ты ж лыдровый монашек... – Я блеснула ругательством, подцепленным у гномов в Чрезвычайном департаменте.

– Вот-вот. – Полынь, видимо, в красках вспомнил неприятную сцену и беспокойно завозился на ветке.

Я облизнула губы и, решившись, спросила:

– И что, это правда?.. Сказанное Иладрилем?

– А это похоже на правду? – наклонил голову Ловчий, не говоря ни да, ни нет.

– Я не знаю. Я никогда намеренно не думала о ваших отношениях с Андрис, – призналась я.

– Вот и я не думал, – отрезал куратор. Пожалуй, чересчур резко.

От окна Лиссаю послышался радостный вскрик. Мы дружно вздрогнули и посмотрели туда. Оказалось, принц доволен тем, что подобрал под травяной холст идеально сливающийся с ним зеленый оттенок. Зеленое на зеленом... Да. Сразу видно – настоящий художник!

Широкими мазками Лис хлестал по ткани – и под его рукой ничего не значащий цвет оживал, наполнялся энергией бытия...

– А ты совсем не помнишь Кару? – спросила я у Полыни.

– Какую такую кару? Ты про кару небесную? – отозвался куратор, блуждавший где-то в своих мыслях.

– Да нет. Неважно. Что будешь делать с Андрис?

– Сложно сказать. Я не рассчитывал, что к кругу моих забот добавится еще и такая. – Его голос прозвучал слегка растерянно.

Я засмеялась:

– О, вот это чувство я понимаю! Мой конек: жить так, что разница между моими предположениями и реальностью составляет около девяноста процентов!

– Нет, у меня все далеко не так плохо, – категорично возразил Полынь.

Мы долго еще болтали.

Лиссой уже закончил свой травяной холст (интересно, это будет «Зеленая серия?»); солнце вызолотило верхушки сосен, а в гнезде запищали птенцы, когда я зевнула так отчаянно, что чуть не сверзилась с дуба.

– Пора домой, – признала я.

– Однозначно. – Полынь с хрустом потянулся.

Я сползла с дерева и, пошатываясь, побрела сквозь Пятиречье, медленно наливающееся цветом и пением птиц.

– Мне нравится наш «каминный жанр»! – крикнул мне вслед куратор, так и оставшийся сидеть на дубу, будто ворон-переросток.

Я, не оборачиваясь, подняла вверх руки с оттопыренными большими пальцами.

Мне тоже нравится, Полынь.

Эксперимент

В Чернильницу галерею этой ночью проникли два вора: блондин и в катюшоне. Следствие пока не может установить, что они украли. Возможно, что и ничего: было бы что брать в этих развалинах!

Газета старинного городка Равейло, что на берегу Шепчущего моря

К тому моменту, как я миновала рощу деревьев ошши (строго на цыпочках, не дыша, чтобы избежать столкновения с крестами), желание поспать таинственным образом испарилось.

Возможно, его забрала с собой вон та малиновка-щебетунья, что выпорхнула из-под куста. Шолоховские птицы – они такие! Все норовят умыкнуть у тебя что-нибудь нематериальное.

В итоге я решила прогуляться до дома пешком. Дорога была долгая, где-то на середине пути мне вздумалось выпить чаю (дабы успокоиться и все же уснуть) – и вот я уже исподволь забираю правее, и еще правее; и по горбтому мостику перебегаю Арген; и ныряю в прохладную арку Кремовых Излишеств; и, наконец, соскальзываю по обтесанным временем ступеням на Морскую площадь...

Я появилась там одновременно с госпожой Пионией.

Ее чайная телега, украшенная живыми цветами, выкатилась вслед за осликом Изергаалем. Смурной Изергааль еле переставлял сонные ноги, и Пиония – миловидная старушка в кружевном чепце – все подбадривала его веселым шепотом.

– Тинави, деточка! – улыбнулась старушка, заприметив мой сиротливый облик. – Ты чего тут делаешь в такую рань?

– Жуть как захотелось липового сбора!

Пиония, дивясь, налила мне стаканчик «с горочкой». Я поблагодарила. И, принимая напиток из ее рук, вдруг дернулась, как от пощечины... Чай вылился на землю.

– С тобой все хорошо, милая? – Пиония заботливо положила ладонь мне на лоб.

Я, едва сдержав визг, судорожно кивнула и сделала шаг назад. Обнаруженная в старушке Пустота сыто оскалилась: а вот с лавочницей – все нехорошо, совсем не хорошо, ибо в ней уже сию я!

– Госпожа Пиония, вы можете – пожалуйста – ни до кого не дотрагиваться сегодня? Понимаю, звучит глупо, но... – Я определенно не знала, как быть убедительной, не вселяя лишнюю панику.

– А, ты тоже ее чувствуешь? – Старушка блеснула глазами из-за круглых очков. – Какая-то грязь у меня внутри, да?

– Да, – обалдела я. – А вы откуда ее знаете?

– «Ее» я не знаю. – Пиония рассмеялась не по годам звонко и налила мне новый липовый сбор взамен разлитого. – Но я знаю себя. И в последние дни мне ужас как тоскливо, хотя раньше подобного не случалось. Совсем не хочется улыбаться. И у сердца будто ворочается какая-то пакость. Что это еще за новости в вашем королевстве, а, милая?

– Да вот... – протянула я, дуя на солнечно-янтарный чай. – Сами хотим разобраться. Поможете?

Услышав, что вся предполагаемая помощь заключается в том, чтобы пожать руку незнакомому мужчине, Пиония снова развеселилась. Ее серебристый смех действовал утешающе. Разве может быть что-то плохое в мире, где звучит такой добрый смех?

– Ах, Тинави! Ну как же ты выросла! Такая ты у меня умница, красавица! – вдруг заумилилась старушка вместо прощания.

Я зарделась.

– И ответственная!.. Раньше и о себе позаботится не могла, а теперь, смотри, – город лечишь, если не что побольше. Какой хороший выбор, милая!

Я покачала берестяным стаканчиком. Оранжевая Тинави на его дне тихо булькнула, пожала плечами. Разве ж это мой выбор? И если да, то как же я так проморгала – вместо лета, и лени, и праздности выбрала себе Пустоту?

– Думаете, хороший? – Я неуверенно подергала рваное ухо.

Но Пиония уже отвернулась, чтобы обслужить нового клиента.

Ибо было пять утра, и на улицы начали гроздьями высыпать трудоголики. А что может настроить на рабочий день лучше, чем вкусность-другая от самой чудной старушки в округе?

* * *

– Давьер, подъем, ну что вы разлеглись?

Я пальцем потыкала в одеяльный курган, возвышающийся над диванчиком. Диванчик сиротливо ютился в прихожей и, кажется, не был рассчитан на то, что на нем захочет поспать заросший щетиной хранитель.

Но хранитель был отступником, и отступником во всем. А потому захотел.

– Тинави, отстаньте... – просипели мне в ответ. Из-под одеял выпросталась рука с аккуратно постриженными ногтями. – Вы же только что ушли...

– Ага, конечно, берите больше! Куча времени прошло. Почему вы не в своей комнате?

– Там все опечатано. – Анте со стоном перевернулся. На лице остались красные вмятины от жесткой бархатной думочки. – Вы что, не спали?

– Нет. Мне невроз замещает сон.

Я прошлепала вдоль высоких окон, отдергивая тяжелые бархатные шторы. Ласковый солнечный свет залил особняк, как акварелью.

– Давьер, надевайте тапки, и погнажи. Денек такой славный, что стоит как можно скорее покончить с экспериментом. У меня уже есть донор. Убедимся, что Пустота уязвима, – и айда восхвалять бытие.

– Какая неожиданная и необоснованная жизнерадостность.

– Меня тут одна чудесная дама комплиментами завалила, вот и радуюсь. И спешу передать эстафету: вам идет эдакая взъерошенная шевелюра. Почти как тот зеленый ежик. Может, подстрижетесь, очки вернете? Чай, и нормальный характер подтянется вслед за образом?

Анте зевнул и наконец-то сел. Почесал нос, прокашлялся, пригладил волосы. Человек человеком.

– Я готов, – кивнул он, нашарив под диваном лаковые туфли.

* * *

Он-то готов. А вот Пустота оказалась не готова, как мы вскоре выяснили.

Под моим пристальным взглядом Анте долго тряс сухую ладошку Пионии. Старушка по-доброму улыбалась, ее тонкие пальчики цвета фарфора безропотно лежали в большой ладони маньяка.

– Не идет, – наконец нахмурился Анте.

– Что не идет? Пустота не идет?

– Да. Я чувствую ее присутствие в милостивой госпоже, – галантный поклон, – но она не хочет захватывать меня.

– Ну а вы защиту ослабили? – Я нетерпеливо глотнула еще сбора.

Уже третий берестяной стаканчик за утро. Ах, хорошо быть любимицей хозяйки! Жаль, у нее не кофейная лавка, конечно.

– Ослабил. Безрезультатно.

Краем глаза я зацепила отражение маньяка в одном из круглых металлических амулетов, украшавших телегу лавочницы. Картинка искажала Анте: нос получился огромный, длинный, как у волшебного бузинного народца – того, носы чьих представителей растут от лжи.

Хм. Неужели Анте струсил и просто не хочет пускать Пустоту, прикрываясь якобы ее «нежеланием»? Печально. Вчера мне показалось, что он предложил провести эксперимент на себе вполне искренне. Ну как – искренне. Он же понимает, что, пока не поможет нам, Дахху не приступит к возвращению драконьего яйца. А надежда на восстановление баланса со всеми сопутствующими ништяками – это, наверное, самое главное для Анте.

– Я не лгу! – почти выплюнул Давьер, скользнув взглядом по разочарованной усмешке на моих губах.

– Конечно. – Я пожала плечами. – Я сейчас проверю все сама, не волнуйтесь, пожалуйста, в вашем возрасте это вредно.

Пиония лукаво блеснула глазами, поправила рюши на чепчике и протянула руку уже мне:

– Ах, знал бы мой сыночек, что я тут всем руки пожимаю, свят-свят бы за мою распутную душу весь день молился! – посмеялась она.

Сын Пионии был саусберийским архиепископом. А в Саусборне хранителей чтят, как непрегрешимых богов, очень канонично, очень строго, обрядово и, я бы сказала, беспощадно. Куча догм ограничивает паству верующих. И догмы эти по большей части сводятся к тому, что усложняют людям жизнь. Например, рукопожатие с незнакомцем считается неприличным.

Впрочем, знай сын Пионии, что его матушка не какого-то чужого дядьку трогает, а самого Теннета – может, и смилостивился бы... Не знаю.

Я протянула Пионии руку.

На душе снова стало жутко из-за близости Пустоты. Я выдохнула и мысленно попросила:

– Уни, дай мне провести этот эксперимент, пожалуйста.

Энергия заурчала, как сытая кошка, и... осталась на страже.

– Уни! – насупилась я.

В ответ лишь легкий плеск ручьев вселенной.

– *Пожалуйста. Тебя ж спасаем, дурында. Разве хочешь быть съеденной какой-то там Пустотой, а?*

– Ох-ох! – сказал в голове голос Дахху.

После этого что-то внутри меня зашипело: будто водой плеснули на жаркий камень. Энергия бытия отступила.

Я смело зажмурилась, однако Пустота, завозившаяся было иголочками, так и не рискнула заползти в меня.

– Вот прах. – Я выругалась. – Не идет.

– А я вам что говорил! – Давьер почему-то обрадовался.

– Наверное, все равно остерегается, – предположила я.

– Или уже успела поделиться. Она же не амеба, чтобы делать это бесконечно. Должен быть предел.

Я хотела скорчить умную, сосредоточенную физиономию, но вместо этого зевнула, чуть не вывихнув челюсть.

– Деточка! – ахнула Пиония. – Да в твоих мешках под глазами можно детей прятать! Ну что ж ты так себя не жалеешь!

– Спасибо, госпожа Пиония, все нормально. Я не только себя, я и остальных не жалею... – вздохнула я.

Анте глубокомысленно поддакнул, видимо, все еще недовольный ранней побудкой.

– Сколько дней, говорите, вы уже чувствуете беспричинную тоску?

– Три дня, милая.

– Вы кого-нибудь касались за это время?

– Конечно, милая. Я, когда каждый стаканчик передаю, стараюсь чуть-чуть коснуться человека. Ободрить его, утешить, похвалить этим – кому что надо. Касания лечат, что бы ни говорил мой дурашка-сын.

– Можно мы к вам еще раз вернемся сегодня? Уже втроем. Не надоедим?

– Что ты, душенька! Я вам всегда рада, жизнь мою скрашиваете, молодые да веселые! – и Пиония легонько шлепнула узорчатым полотенцем задремавшего ослика.

Ибо тот уже начал слегка подрагивать на всхрапах, что нарушало равновесие шаткой башни берестяных стаканов – гордости чайной телеги.

– Очень, очень молодые. Всего лишь несколько тыщ лет! – тихонько буркнул мне Анте, отходя от телеги.

Я изобразила, что это не смешно, и смирла его самым суровым своим взглядом.

* * *

Вот кого я люблю будить – так это Дахху. Потому что, за редким исключением, его не надо будить.

Когда к нему не приди – свеж и бодр, как огурчик. Стучишь в дверь – и пятнадцати секунд не пройдет, как он откроет. Глаза ясные, добрые, голова набок – само внимание. Возможно, за эти пятнадцать секунд он и успел вскочить, испугаться и привести себя в порядок. Возможно, сердце Смеющегося все еще колотится от немыслимой гонки за зубной щеткой, расческой и что там еще составляет утренний ритуал мужчин.

Но перед тобой Дахху является безупречно работоспособным. И это достойно восхищения.

Минут двадцать, правда, мы потратили на то, чтобы ввести его в курс дела: снова рассказать о Каре и поведать о нашем плане.

Зато потом дружно двинулись на Морскую площадь, да еще с приятным дополнением в виде коричневых крендельков, выуженных Дахху со дна бельевого ящика.

– Я там кое-что из сладостей прячу, подальше от Кадии, – доверительно сообщил друг. – А то она выучила, что все вкусное хранится в угловом серванте. Но ведь иногда и гостей хочется чем-то угостить. А после ее налетов в пещере шаром покати.

Мы с Анте закивали. Что есть, то есть. Некоторыми аспектами Кад жутко напоминает саранчу.

* * *

Дахху применил «просвечивающее» лекарское заклятье прямо у чайной телеги, благоухающей свежими пионами и терпкими травяными отварами.

Пока он это делал, губы у меня тряслись. Мысль о том, что мы, возможно, заблуждаемся и Пиония сейчас погибнет, гластер-кохскими тисками сжимала сердце.

Дахху тоже был бледен. Но старушка в голубом лекарском обруче терпеливо ждала конца процедуры и лишь беззаботно обмахивалась веером из пера феникса.

Мне вспомнилось, как мы весной ходили на модную выставку в Академии Художеств: там давали пасторальные картинки, к которым смелые художники прицепили чудищ в самых неожиданных местах. Пикник двух влюбленных – а под кустом скалится ойка. Мама обнимает дочку на пороге – а из декоративного пруда щерится аванк, похожий на помесь бобра с крокодилом. Так и тут. Сказочная бабушка Пиония – и внезапно явленная внутри нее Пустота...

– Вот! – воскликнул Смеющийся.

Обруч затормозил на уровне груди, окрасился в багровый. Нашим взорам снова явились искра и черная клякса. От кляксы тянулись уже три нити.

Дахху свернул заклинание. Пиония чуть слышно перевела дыхание, но тут же расплылась в еще более широкой улыбке.

– Три пуповины – учтем. Но они все равно не объясняют, почему Пустота «не идет». – Давьер сложил руки на груди. – Это может быть как лимит распространения, так и нежелание твари общаться с нами.

– Хм... – Я отзеркалила позу маньяка. – И что же делать?

Это был безадресный вопрос.

Клянусь.

Но Дахху решил иначе.

Друг метнул на меня быстрый взгляд искоса. Затем, кроликом скакнув вперед, перевесился над телегой и двумя руками схватил Пионию – почему-то за горло. Видимо, оттого, что руки лавочницы были заняты круглобоким заварочным чайником.

– Ты что творишь! – Я подпрыгнула.

– Все интереснее и интереснее, – рассмеялась старушка, отцепляя от себя побелевшие пальцы лекаря. – Ой, мальчик, что ж ты так разволновался! Но спасибо – подарил мне чудесное чувственное приключение.

– Я же говорил, он самый нормальный из вас, – вполголоса брякнул Анте Давьер и коснулся запястья друга. – Чист.

Я поспешила и сама в том убедиться.

Действительно, чист.

– Значит, все-таки лимит, – выдохнула я.

– Хорошему дню – хорошие новости! – разудался Смеющийся.

Пальцы его дрожали от пережитого стресса.

Анте принялся рассуждать вслух:

– Вероятно, каждая клякса Пустоты может «родить» только две новых. Одна пуповина тянется от «пустоты-матери». Две других – к «пустотам-детям». Тогда если в человеке мы видим три черных нити, то он уже не заразен.

– Так и ползет их веселая семейка по Шолоху, обозревает достопримечательности из чужих тел... – пробурчала я и согласилась: – Да, теория неплоха. Идемте, нужно проверить ее на других зараженных.

Пиония долго махала нашей троице на прощанье.

* * *

Наш поисковый маршрут – весьма бестолковый – пролегал через Нижний Закатный Квартал. Когда мы поравнялись с поместьем Мчащихся, я попросила своих спутников подождать и завернула к Кадии.

– Идти на прогулку с ушлепком? – Услышав мое предложение, подруга изумленно вскинула точеные бровки. – Ты издеваешься?

Я пожала плечами:

– Я обещала, что не оставляю тебя на обочине своих планов. Вот и не оставляю.

Она крикнула и с неохотой вылезла из-под пушистого одеяла. Оказалось, что подруга снова спала в ночнушке из Рамблы. Почему-то «рубашечная» связь с Анте Кадью не смущала. Удивительно, сколь по-разному мы выставляем себе границы допустимого.

Чешуйчатая рубаха чуть подалась мне навстречу, узнавая, но потом лениво обмякла.

– Она прям как кошка, – похвасталась Кад.

Подруга села за туалетный столик, достала из ящика серебряный гребень и через зеркало покачала головой:

– На прогулку с вами я не пойду. Груби Драби завалил работой: Башня магов прислала нам наводки, говорит, что черные колдуны раздухарились. Очень много странных смертей в лесу на этой неделе. Так что я на внеочередное дежурство...

– Ого, – сказала я и быстро прикинула про себя: про смерти известно, значит, убивает не Пустота.

Ну хоть что-то.

Отражение Кадии погрозило мне расческой. Рамбловская рубаша заволновалась, будто хихикая.

– Я рада, что ты посвятила меня в свои планы, – сурово возвестила стражница, – но не рада вашему общению с Анте. Смотри, чтобы он не запудрил тебе мозги.

– Ничего он со мной не сделает. Я держу ухо востро.

– Ну-ну... А то еще дождется, пока ты отвернешься, и воткнет тебе нож в спину – в поисках халявной унни, как у него водится.

Я еще раз пообещала быть внимательной. Потом послала подруге воздушный поцелуй и покинула дом Мчащихся.

* * *

У нас ушло еще несколько часов на то, чтобы найти новую жертву.

Вернее, не жертву, а донора. Донора Пустоты.

Предприятие ознаменовалось успехом, когда мы свернули к пойме реки Вострой, и вокруг неожиданно разлилось веселье вывалившихся из Академии студентов.

Мы с Анте бросались к ним с воплями «Опрос! Поучаствуйте в опросе!» и за руки хватали всех без разбора. Дахху терпеливо стоял в стороне и поддерживал иллюзию фирменных фартуков у нас на животах: «Опросы шолоховской гильдии библиотекарей. Большое книжное спасибо за ответ!»

Ясен-красен, таинственное «спасибо» в качестве награды не слишком вдохновляло. Но библиотеки – это важно. А потому студенты сначала вежливо отвечали на рукопожатие, а потом уже убегали от нас, отнекиваясь работой, учебой, помощью фермерам и прочими – обязательно добродетельными – делами.

У троих оказалась Пустота внутри.

Этих мы сразу, не слушая возражений, под ручки утаскивали на скамейку.

– Но я опаздываю! – ныли студенты.

– Мы соврали. Мы не из библиотеки. Мы Ловчие. – Я с улыбкой поднимала рукав летяги, а Дахху незаметным заклинанием разжигал мою татуировку изумрудным светом. – На вашем курсе есть самозванец, заражающий всех и каждого жуткой иноземной болезнью. Вы в зоне риска. Надо проверить.

Ведомственная татуировка с круглым глазом ястреба действовала на легковверных студентов как наркотик. Они тотчас сдавались, представляя, как приятно будет потом хвастаться «зоной риска» и доверием, оказанным им госслужащими. Они закрывали глаза и расслаблялись, как мы и просили.

Всем мы в итоге соврали, что у них все хорошо. Но это было не так. Пустота жила в студентах.

При этом у двоих ребят мы увидели по три нити, сбегających от кляксы. И эти Пустоты уже не могли делиться.

А вот у третьей девушки – аспирантки – лекарское заклинание выявило только две пуповины. И именно эта девушка стала нашим донором. Ее Пустота нырнула в руку маньяка как родная. Он лишь тихо скрипнул зубами.

– Спасибо за уделенное время, до свидания, – прошипел Анте вслед убегающей с криками «Ну и задержали вы меня!» аспирантки.

Я замысловато подвигала бровями:

– Она в вас?

– Во мне. – Хранитель поморщился.

– Вот и чудненько! Дахху, – я повернулась к другу, – надо опять эту девушку просветить. Она разозлится, конечно, но важно понять, поменялось ли количество нитей после заражения.

Друг с готовностью кивнул и снова кинулся догонять нашего «донора» – почему-то зигзагами.

Издали я наблюдала, как Смеющийся остановил девушку, рассыпался в извинениях, раз пять поклонился по-старомодному и – вечное обаяние ботаников! – создал вокруг нее еще один лекарский обруч.

Обруч полз-полз, дополз до груди. Дальше все по накатанной: багровый цвет, клякса. И... Уже три черные нити.

– Та-да! – Я ликующе подбросила в небо свою широкополую шляпу.

Анте с любопытством следил за тем, как негодующая аспирантка после процедуры заматывается на Дахху учебной сумкой... Но потом очень мило прощается. Что-то он там, небось, опять не то сказал поначалу.

Друг антилопой поскакал к нам. На ходу он колданул еще один лекарский круг – для маньяка.

Нам явилась та же самая картинка: Пустота. А от нее – лишь одна нить. Черная нить, стремящаяся в сторону убежавшей девушки.

– Всемирная сеть Пустоты... – пробормотал Давьер, задумчиво ощупывая свою прозрачную грудину.

Я азартно потерла ладони:

– Значит, если мы с вами просветим весь город сразу – то увидим одним махом всех зараженных! Всю паутину. Враг перестанет быть невидимым.

Дахху погасил заклинание, отдышался и с грустью возразил:

– Это технически невозможно. И еще нам сначала нужно научиться удалять Пустоту.

– Вот-вот, давайте поторопимся с экспериментом, – поморщился маньяк и с силой помассировал грудь под хлопковой рубашкой. – Черт бы подрал эту гадость внутри.

* * *

Проводить ритуал решили за пещерой Дахху.

Вернее, над пещерой. Жилище друга было выбито в скале, вырастающей на опушке леса за садами Аутурни. Обратный склон этой скалы представлял собой холм – покатый, травянистый, густо заросший фейкиным борщевиком.

Двухметровые зонты борщевика надежно укрывали от посторонних глаз. Это было на руку: мало ли как пойдет эксперимент?

Я сначала заартачилась, не хотела лезть на зеленую «крышу»:

– Борщевик ведь ядовитый, вы чего?!

– Только не фейкин, – возразил Дахху и приставил к стене дома хлипкую лесенку. – Этот как раз очень полезен. Используется для лечебных декоктов. И умиряет душу.

– Что ж ты раньше не сказал! Я бы только тут и спала, когда я у тебя ночую, – вздохнула я и покарабкалась наверх, в сюррелистичное зонтичное царство.

Там, в бело-зеленых зарослях, мы сели кружочком, дружно приняв позы лотоса, привычные для чьяти. Расставили коленки по сторонам, собрали кисти рук щепотками и устаканили их поверху. Все это непредумышленно. То ли пары борщевика шалили, то ли мы подсознательно искали вселенской гармонии.

– Позовешь бокки? – попросила я Смеющегося.

– Я думал, мы сначала хотим посмотреть на то, как искра борется против Пустоты без внешнего вмешательства?

– Что-то мне подсказывает, что его искра из трусливых, – фыркнула я, и не думая понизить голос.

Средние пальцы Давьера медленно выпрямились в ответ на эту реплику. О, какой интересный модифицированный лотос!

Мы уже собрались начать эксперимент, но нашему уединению помешали. Там, внизу, кто-то заколотил в дверь пещеры.

Дахху недоуменно сморщил нос, потом подполз к краю скалы и свесился вниз. Я с беспокойством подумала, как бы его не перевесил его огромный, длинный, тяжелый шарф.

– Андрис? – удивлению Дахху не было предела. – Здравствуй!

– Йоу, лекарь, привет! – бодро ответствовала невидимая нам Ищейка. – Как дела? Ты сейчас, случайно, не свободен? А то я закрыла одно дело на Плавучем рынке, и как раз подошел обеденный перерыв. Я прямо там взяла готовую форель – вкусную, приготовленную на углях. Но она оказалась такая крупная! Точно надо с кем-то поделиться. Вот я и решила к тебе завернуть – тут же буквально за углом.

– Откуда ты знаешь мой адрес? – поразился Дахху.

– Да я однажды тут Тинави выдергивала. Ты тогда дверь открыл. Мы еще не были знакомы, но я тебя запомнила. Вот и сложила один плюс один.

Судя по голосу, Ищейка странно нервничала...

– Привет, Андрис! – Я рывком свесилась рядом со Смеющимся. – А на четверых твоей форели хватит?

Йоукли мгновенно залилась краской, от самой шеи и до челки – аккуратно подстриженной, блестящей челки, которую приминали ее железные очки. Но улыбка Ищейке не изменила.

– Наверное, хватит, – приветливо сказала она и под хлопотливое бормотание Дахху полезла к нам по приставной лесенке.

Делать нечего: пришлось напомнить Андрис про танцовщицу и Пустоту... Ибо Анте уже сходил с ума от «грязи внутри» и требовал немедленно начинать представление. Да и вообще. Мы болтаем – а заражение ширится...

Так что эксперимент начался под рыбу.

* * *

– Карл, Авена, Рэндом, Селеста, Дану, – отчеканила я имена всех богов-хранителей, пытаясь уловить хоть малейшее изменение в искре Анте.

Бывший хранитель покачал головой, мол, нет, милая, братики и сестрички у меня эмоций не вызывают.

Я с патетическими интонациями присовокупила:

– Отец Небесный!

Тишина.

Искра прежнего размера, Пустота рядом с ней – в абсолютном, пугающем комфорте.

Теперь уже дерзнул Дахху:

– Милый Теннет, вспомни: ты спасаешь брата от молнии, это прекрасный поступок, а потом теряешь магию – и вот ты страдалец, но ты осознаешь, что это было не зря...

Искра Давьера вдруг уменьшилась.

– Это еще почему? – подскочила я.

Маньяк прошипел сквозь зубы:

– Потому что я злюсь, когда вспоминаю об этом. А вы должны вызвать положительные, черт вас дери, эмоции!

– Да что поделатъ, если вы ничего хорошего в жизни не чувствовали! – Я расстроено развела руками.

– Теннет, а что насчет драконов? – вдруг улыбнулась Андريس. Две ямочки придавали ее круглым щекам игривый акцент.

Давьер задрал одну бровь вверх.

– Вам же нравятся драконы? Всегда нравились? Как же вы не уследили, что они лишились королевы... – настойчиво продолжала Андريس, – и остались совсем одни... И сожгли Мудру! Ни за что, как оказалось! Стыдно вам за своих воспитанников? А? Вам стыдно, Давьер? А за то, что лекаря чуть не угробили? А теперь он сидит, вам верит! Стыдно, я же вижу!

Искра маньяка дернулась, раздуваясь, как свеженькая магическая сфера в лампе при первом включении. А Пустота от нее отодвинулась. Почти незаметно. Как, бывает, мы отодвигаемся от нечистоплотного горожанина, вдруг плюхнувшегося рядом с нами на скамью. Вроде и невежливо уползать – а вроде и никаких сил нет на месте остаться...

– А что, стыд – это хорошее чувство? – шепотом спросила я Дахху.

Тот неопределенно пожал плечами, зачарованно наблюдая за тем, как искра хранителя реагирует на учиненный Ищейкой допрос.

– Так, все! – Я энергично хлопнула ладонями по коленкам. – Мне кажется, конкурс тани-толкай, явленный нам в господине Анте, убедительно доказывает, что искра таки имеет влияние на Пустоту. Ну и отлично. Запускаем бокки.

Дахху сложил пальцы, прошептал заклинание.

Анте меж тем усмехнулся:

– А знаете, мне даже понравилось. Когда-то, помнится, еще до прихода в Шолох, я любил, бывало, тратить деньги на психоаналитиков... Жаль, что они тогда не видели воочию реакции моей искры на их слова. Так добираться до нутра куда увлекательнее и четче. Кхм-кхм. Итак, бокки?..

– Сейчас будут, им нужно время! – заволновался Дахху.

И впрямь – несколько минут спустя почти прозрачные на дневном свете бокки-с-фонарями туманом проскользнули сквозь заросли фейкиного борщевика. Дахху что-то провыл на стародольном, и бокки, как всегда, без единого слова, скользнули Анте Давьеру в ноздрю, один за другим.

– Йохан Штраус! – Маньяк охнул от неожиданности.

И тотчас заинтересованно опустил подбородок к груди – хотел увидеть, что будет дальше.

А дальше все было так.

Бокки летучими мышами скользили по прозрачному – благодаря заклатью – телу Анте. Следуя указаниям Дахху, они осторожно подбирались к Пустоте.

Мы смотрели за ними, как за рыбками в аквариуме.

– Анте, а если она вас убьет? – вдруг жалобно спросил Дахху то же самое, что и я вчера на балконе.

Я ожидала агрессивного повтора «ну и плевать», но маньяк вместо этого тихо, натужно объяснил:

– Если так, есть шанс, что она умрет вместе со мной. «Нельзя убивать богов» – один из двух постулатов Отца. Расплата – твоя собственная смерть. Правда, не факт, что я все еще считаюсь богом... Ах, черт, больно как! – Он хрипло вскрикнул и умолк.

Три неравномерных, разноразмерных искры подобрались к Пустоте. Но она ловко расплывалась, как масло на воде, не давала зажать себя в тиски.

– Ну, ловите же ее! – Андрис азартно подалась вперед.

– Пожалуйста, не подведите... – пробормотал Дахху.

Зрачки Анте внезапно расширились. Кадык дернулся.

Пустота, продолжая уворачиваться, начала потихоньку пульсировать. Очень плохой знак!

Может, искра не была прямой угрозой для Пустоты – как и обещал хранитель. Но когда несколько искр начали давить на кляксу, клякса врубила режим тревоги. И имевшихся искр не хватало, чтоб ее прижать, – слишком скользкая, тварь, ужом выворачивается.

– Анте! – ахнул Смеющийся, увидев вибрацию.

Маньяк криво ухмыльнулся.

Удар Пустоты. Так. Новый удар, жестче.

У нас осталось несколько секунд.

Что делать?

Еще одного бокки позвать не успеем...

И, значит, сейчас Давьера высосут, как высосали вчера вечером Кару. О нем все забудут, и, казалось бы – велика потеря, какой-то маньяк, но...

«Ну уж нет!» – подумала я, срывая с ремня Андрис Йоукли бронзовую табакерку.

Говорят, адреналин в крови несказанно увеличивает скорость нашей реакции – во много, много раз. Охотно верю. Иначе как объяснить, что я за считанные мгновения успела вытряхнуть из табакерки ошарашенный призрак Иладриля в ночном колпаке, рывкнуть ему: «Нападай на кляксу!» и вдобавок придать ускорения хорошо выверенным пинком от унни?..

Судя по всему, Иладриль при жизни был понятливым малым. Потому что он не стал, как это бывает у стариков, зависать передо мной, бесконечно трясти головой и переспрашивать: «Что? Нападать? Зачем? А это законно?»

Вместо этого призрак со своей едва полыхающей – но все же наличествующей – тенью искры ввалился в прозрачное тело Давьера, как иной пьянчужка вваливается в пятый за вечер бар.

И заткнул собой ту щель между трех других искр, сквозь которую пыталась вылиться пульсирующая Пустота... И тотчас «наши» преуспели: как четыре охотничьих собаки (Иладриль на роли щенка), они сжали Пустоту, не давая ей обратить Анте в подобие древнеиджикаянской мумии.

Искры давили до тех пор, пока Пустота не лопнула.

Вместе с ней лопнула, как перетянутая струна, и нить-пуповина. А «пришлые» искры, столкнувшиеся, будто мячики для тринапа, разлетелись по сторонам; невольными птичками упорхнули куда-то за пределы лекарского круга и, соответственно, нашей видимости.

Привет тебе, не всегда понятная физика ворожбы!

Анте Давьер, все это время сидевший с лицом соляной статуи, выдохнул и как-то обмяк. Чист!

– Получилось! – первым очухался Дахху, вскакивая на ноги.

– Ура-а-а! – поддержала его я. – Мы знаем, как лечить Пустоту!

Мы с другом, как бешеные кочевники, пустились в пляс, обнимаясь и хохоча.

Андрис Йоукли усмехнулась, глядя на это вдохновляющее зрелище:

– Пойду искать наших героев антипустотной битвы. И куда их только унесло... Иладри-и-и-ль! Бо-о-ок-ки! – и девушка скрылась в зарослях борщевика.

Анте Давьер лишь, как сидел, так и завалился на спину.

– Что, нравится жить все-таки? Даже без магии? – подтрунила я.

Он не ответил.

Побелевшее лицо хранителя было устремлено по направлению к высокому, бесконечно высокому синему небу.

Нулевой пациент

Если факты противоречат моей теории, то я сочувствую фактам.

Командор Груби Драби Финн

После эксперимента мы разошлись.

Дахху с маньяком отправились к нашему «донору», чтобы опять просветить аспирантку и посмотреть, что случилось с ее Пустотой и нитями после «выздоровления» Анте.

Йоукли вернулась в Иноземное ведомство – ее обеденный перерыв подошел к концу.

– Значит, Полынь не помнит про Кару, а я помню? – уточнила Ищейка на прощанье.

– Ага, – кивнула я.

– Класс! – Андريس потрянула головой, и ее коротенький хвостик весело подпрыгнул на макушке.

«Маленькие победы обиженной девушки, – прыснула про себя я. – Чем не утешение! Помимо форели для «лекаря», конечно...»

У меня же была своя миссия. Я надиктовала Дахху кое-какую ташени, а потом пошла домой – взять Мараха. Во-первых, филин наверняка скучал в одиночестве (молчаливые кормежки от Анхелы, моей кухарки, не в счет). Во-вторых, мне нужно было быть на связи. А Карлова магия, несмотря на все свои плюсы, не избавила меня от необходимости упрашивать, уговаривать и поглаживать моего перистого почтальона, коли я хочу отправить кому-то письмо.

* * *

Я открыла витую садовую калитку и пошла по гравийной дорожке к коттеджу. Там, вдали, за душистой стеной из сирени, за лужайкой, поросшей жасмином, за пиниями-двойняшками, на моем высоком крыльце перетаптывались двое. Две темные фигуры в балахонах, столь неестественные на дневном свету.

Я замерла. Все предыдущие разы, когда на моем участке оказывались незваные гости в плащах с капюшонами – будь то бокки или Ходящие – заканчивались плохо.

Я медленно, крадучись, полезла сквозь кусты к крыльцу. Чужаки не разговаривали, зато активно жестикулировали. Так, будто колдовали. Или общались на языке глухонемых.

«Кто это и что они здесь делают, прах побери?» – пробормотала я. Будто в ответ на мои слова один из чужаков патетично воздел руки к небу. Широкие рукава скользнули вниз, обнажая локти, и я увидела, что кожа «балахона» покрыта зеленоватой рыбьей чешуей.

– Ол`эн?! – ахнула я, с треском вываливаясь из кустов прямо на парочку белых кроликов. Пока кролики сматывались, на прощанье отдубасив меня задними лапами за то, что я испортила им романтический момент, «балахон» снял капюшон и помахал мне. Это действительно был Ол`эн Шлэйла, как всегда, безмолвный.

Тотчас вторая фигура – рослая, почти двухметровая – чуть ли не кубарем скатилась с крыльца.

– Тинави, так тебя растак! Ты же весь сюрприз испортила! – вознегодовал Мелисандр Кес. Он жестом фокусника сорвал с себя плащ и остался в куда более привычных ему кожаных штанах и льняной рубахе.

– Откуда... Откуда вы взялись?! – ошарашенно спросила я, поднимаясь с газона.

– Прямо сейчас – из карнавальной лавки. Я запланировал нам эффектную встречу с театральным настроением и неожиданным снятием масок. Очень жаль, что ты, моя маленькая Ловчая, где-то бродишь вместо того, чтобы сидеть дома, – и тем самым губишь любые сценарии на

корню. Ну да ладно уж, непредсказуемые девушки по-своему очаровательны, – хмыкнул Мел и, обняв меня, костяшками пальцев с силой повозил по моей макушке. Это предполагалось милым взьерошиванием волос, но по факту напоминало снятие скальпа.

Рыбьеголовый лишь моргнул пару раз огромными, слегка затуманенными глазами. Потом приветственно приложил руку ко лбу и поскорее накинул капюшон обратно.

– Но что вы делаете в Шолохе? Ол`эн, особенно ты? – Я продолжала недоумевать, отпирая дверь и пропуская этих двоих в гостиную.

Ол`эн Шлэйла начертал на маленькой табличке, которую вытащил из широкого рукава балахона:

«Твой друг вернулся за мной. Я буду жить в Шолохе».

Я показала ему большие пальцы, искренне обрадовавшись.

И лукаво подмигнула:

– Что, Ол`эн, мир уже не падет? Раз ты рискнул покинуть Рамблу?

Уголки рта у рыбьеголового опустились... Он обреченно затряс головой и печально умылся в моем каминном кресле – таком же сером и грустном, как и сам тихий лодочник.

– Рискнул! Покинуть! – прервал нас Мелисандр, и его зубы сверкнули жемчугом на фоне загорелого лица. – Да кто его спрашивал! Я вытащил беднягу из такой же, как была у меня, клетки со скатами. Поди не покинь селедочное царство после этого!

– Когда ты же успел за ним вернуться? – поразила я. – И как?

Мел рухнул на диван и по-свойски улегся, закинув ноги на подколотник и сцепив руки замком на затылке. Глаза его неистово сверкали – господин Кес казался каким-то полубогом с этими белыми кубиками удачи, прыгающими в глубине зрачка. Если бы кто-то попросил меня назвать самого блистательного из моих знакомых, сейчас бы я назвала его... Он был как заряженный магический артефакт. Мне на секунду даже стало грустно от того, что я не пошла с Мелисандром на квест: вдруг бы сейчас тоже так пылала страстью и энергией?

Патологоанатом меж тем радостно поведал, качая мыском ноги:

– Я вернулся за Ол`эном в тот же день, как мы расстались. Очень меня расстроила наша с тобой ссора. И оказалось, что поговорки не врут: удача сопутствует смелым. Я дошел до небольшой деревушки, на краю Смахового леса, закупился там. Потом арендовал лодку, заплыл подальше и давай орать посреди моря, что морская владычица... Гм... Не очень хорошая дама. Блесны мигом повылезали, давай в меня своими трезубцами тыкать, а я и согласился на арест. Безропотно весьма с ними вниз проследовал. Но там... – он заговорщицки подмигнул, – но там я уже был наготове – у бедолаг не оставалось шанса. Я подорвал рыбацкую взрывчатку, за которой как раз и ходил в деревню, а потом быстро нашел Шлэйлу и взорвал вход в его клетку. Дальше по накатанной – хватаем эх-ушкье и айда на свежий воздух. В общем, я считаю, мы знатно повеселились. Да, Ол`эн?

Рыбьеголовый поднял табличку:

– «Да».

Я, почесывая довольно клекочущего Мараха, только головой покачала:

– С ума сойти... Да тебе и впрямь колоссально везет, Мел.

– Ага. – Он широко улыбнулся. – Это у меня интуиция такая хорошая. В последние три месяца просто на ура работает! Сам поражаюсь. Ну и вообще... Я же всегда был красавчиком, как считаешь? Что в образе историка, что – афериста.

Я подтвердила. Потом спохватилась:

– А почему вы в Шолох-то вернулись? Что, за очередным амулетом?

– Все гораздо лучше! Жизнь, как это и бывает, превосходит даже самые смелые ожидания. В моем случае – в позитивном ключе, за что ей низкий поклон... Мы уже собрали все амулеты.

Я от удивления так сильно дернула Мараха за остренькое ушко, что он заухал, будто плотоядная выпь – злобно и басом, нехило так напугав Ол`эна в кресле.

Мелисандр сиял, как свеженькая монетка прямиком из подвалов Казначейства:

– Мы со Шлэйлой чудесно сработались. Он с наскоку переводит тексты, над которыми я целыми днями сидел. Так что да. Все шесть амулетов Хинхо у нас.

– Поздравляю! – искренне восхитилась я.

– Только комплект все равно неполный. – Мелисандр поморщился. – Седьмая вещица – не амулет, но очень нужна для полноты картины.

– Для полноты какой картины?

Мел пространно обвел руками невидимый плавный контур:

– Общей картины. Потом объясню, детка. Скажи пока, как попасть в ваш дворцовый некрополь?

– Это еще зачем?!

– Недостающая деталь хранится как раз там. В самом центре. В кургане есть, как я понимаю, некое надгробие – мы это так расшифровали, да, Шлэйла? – Рыбьеголовый кивнул. – Вот к нему мне и надо.

Я подсыпала филину еще корма, пожевала губами и призналась:

– Боюсь, твоей стелы уже нет. Мы ее сожгли.

– Что-о-о? – вскричал Мелисандр, вскакивая с дивана. – Сожгли?!

– Да. Мы там все сожгли. И всех – жили там одни гады. Вот так развлекаются настоящие шолоховцы, – развеселилась я, радуясь, что тоже могу похвастаться кой-какими приключениями.

Потому что от Мелисандра исходила такая бешеная, такая свободная, пропитанная морской солью, что ли, энергетика, что рядом так и хотелось превратиться в героиню приключенческих романов.

– Пряма-таки сожгли? Разве камень горит? – подозрительно нахмурился он.

– О, если пламя магическое – все горит. Еще как горит. Почти как и от драконьего, – закивала я.

– А кто это у вас магическим пламенем промышляет? – Мел скрестил руки на груди.

Глаза его метали гром и молнии. Даже солнце, казалось, смутилось от обиды господина Кеса и поспешило убратся из моей гостиной – втянуло яркие лучики обратно на небо, и поминнай, как звали! Комната поблекла и похолодела.

– М-м-м. Проще всего сказать, что мой друг Дахху, – задумалась я.

Взгляд Кеса резко потух... Саусбериец упал обратно на диван. Уже как-то отнюдь не весело.

– Правда, что ли, седьмой элемент загадки был под курганом? – расстроилась я.

Саусбериец кивнул.

– Мне жаль, Мелисандр... А что это было?

Он поколебался. Лицо его по очереди выразило печаль, потом недоумение, потом странное облегчение. Какая-то тень пробежала по его лицу – будто птица махнула крылом, улетающая прочь... Мелисандр моргнул и вдруг удивленно пожал плечами:

– Если честно, я вдруг понял, что слишком всем этим увлекся. – Он замер, прислушиваясь к себе. Потом, подумав, кивнул: – Да. Будем считать, это знак. Пора, прах побери, взять небольшой перерыв. Пока крыша совсем не уехала от одержимости! – Он снова вскочил, с размаху шлепнул меня по плечу.

– Нет, погоди! – Я возмутилась. – Это же история моего деда Хинхо! Я хочу все знать!

Но меня вдруг прервала бело-фиолетовая ташени со знаком семиконечной звезды на крыле. Птичка весело впорхнула в приоткрытое окошко и, чирикнув, плюхнулась мне в руки,

после чего классически развалилась, даже без последнего «прощай». Марах ревниво скосил на нее глаза и недовольно надулся...

«Вас готовы принять через час. Уровень двенадцатый, третий кабинет. Не опаздывайте».

– Ой, прах, – сказала я, поднимаясь. – Мел, Ол`эн, мне надо идти.

– Вот так всегда. – Кес пятерней взъерошил свои отросшие, морем пропахшие волосы. – Ох уж эти женщины! Стараешься, совершаешь в их честь подвиги... Ну не в их, хорошо. Ну не подвиги, я понял. И все равно – какое вероломство – уйти! С кем же нам общаться? Перед кем рассыпать жемчужины авантюрных историй?

«Не знаю», – написал Ол`эн. И, честное слово, даже почерк у него был разочарованным.

Я вздохнула и черкнула на бумажке адрес Чрезвычайного департамента.

– Помните Кадью? Обычно она жаждет общения после работы. А работа у нее скоро закончится. Найдите ее, и, гарантирую, вы восхититесь тем, как она умеет слушать.

– Совсем другой разговор. – Кес выхватил у меня адрес.

– Вы не обиделись на меня? – уточнила я, вместе с ними выходя обратно в сад.

Старые добрые кролики, издали меня завидев, огромными скачками умчались прочь, оставив после себя немилосердно раскопанные розы... Мстители фиговы.

– Не обиделись, – подтвердил Мелисандр.

Но ни глаза его, ни облик в целом уже не горели тем энтузиазмом, что прежде. Он казался усталым и грустным – на переносице залегла морщина, уголки рта опустились, и я вспомнила вдруг, какая, в сущности, невеселая у него судьба...

«Прах, – в ужасе думала я, отлавливая случайного перевозчика, – прах, боюсь, я худшая хозяйка на свете – так расстроить гостя за неполные полчаса!»

Но меня ждала Пустота – и, к сожалению, я не могла пренебречь ею.

* * *

Башня Магов – самое высокое в Шолохе здание, устрашающая витая ракушка, шпилем врезающаяся небеса, – была, как всегда, строга и белоснежна.

Я прошла три досмотра до того, как меня пропустили в главный коридор – тот, что шелковой лентой опоясывает Воздушную Шахту – центральный колодец, идущий сквозь все этажи. Страшный страх для тех, кто не любит высоту.

Говорят, дважды в год отчаянные самоубийцы перепрыгивают через низкие перила коридора и летят, летят – вернее, падают вниз, надеясь на эффектный уход... Но на уровне второго этажа маги соорудили специальную «тормозную подушку» – поэтому неудачливые бедолаги зависают попой кверху над главным холлом вместо того, чтобы стать красочной лепешкой. Чародеи осторожно опускают их и отправляют прямым ходом в Лазарет, советуя в следующий раз выбирать «не такой выпендренный способ свести счеты с жизнью».

Тем не менее я отвлеклась! Главный коридор, нежно прозванный «кишкой», – это как бы лестница без ступеней. Он длинный, пологий и все время забирает вверх. Намотав по нему кругов пятьдесят, ты доберешься до верхушки Башни, где в кабинете из слоновой кости восседает Архимаг.

К счастью, мне не нужно было идти так высоко. Меня ждал «всего-то» двенадцатый уровень – отдел по контролю за Темными Искусствами. Там работала госпожа Эрика из Дома Пляшущих.

Эрика была старинной подружкой нашего наставника, магистра Орлина. Помню, она несколько раз приезжала к нам, чтобы прочитать курс лекций по практической магии и рассказать серию забавных баек о склочных чародеях, населявших Башню Магов.

Иногда анекдоты госпожи Эрики органично перетекали в откровенное зубоскальство. Тогда магистр Орлин, смущенно хмыкая, прерывал подружку, оттаскивал ее в угол и что-то

сурово ей внушал, посверкивая глазами из-за очков-полулун. Эрика жеманно пожимала плечом: «Мои коллеги и правда настоящие стрекозлы, Орли, ребятам стоит знать о таком заранее», – но магистр был непреклонен. Эрика возвращалась к классной доске, извинялась за свое непочтение и резко сбавляла градус сплетен. Мы лишь разочарованно вздыхали...

– Госпожа Эрика, здравствуйте! – Я зашла в кабинет ведьмы. Комната благоухала лавандой и лимоном.

Сама Эрика сидела за массивным серым столом и перебирала бумаги. Голову дамы перетягивал шелковый платок лимонного цвета, бантом завязанный на лбу. Тугие сиреневые кудряшки Эрики (привет, чернила!) торчали поверх этого ободка, как нежные побеги кресс-салата в садовой кадке.

Ведьма поднялась мне навстречу. Лицо ее выражало недоумение, и я, казалось, слышу, как винтики в мозгу Пляшущей пытаются отыскать информацию о том, кто я, собственно такая.

– Я Тинави, ученица Орлина, – напомнила я. – Вот, записалась к вам на прием.

Лицо Эрики просветлело. Она пригласила меня сесть в замшевое сиреневое кресло. Надо сказать, сама Эрика тоже была сиреневой. В смысле, ее наряд. Вообще, кабинет дамы содержал в себе только три цвета: желтый, серый и лавандовый. Я даже как-то смутилась своей неподходящей по колориту одежды и тревожно оглянулась: может, на крючке у двери есть плащи и тапочки для гостей? Чтоб не выпадали из гаммы?

– Чем я могу вам помочь? – Ведьма шевельнула пальцами так, будто вяжет невидимый носок – и передо мной появились блюдечко с джемом и чашечка крепкого кофе.

– Боюсь, в Шолохе появилась одна неприятная зараза магического характера... – и я рассказала ей о Пустоте.

Правда, мне пришлось изменить кое-какие факты. Так, я не упомянула о своем «шестом чувстве», вместо этого сообщив, что впервые кляксу мы обнаружили как раз при помощи лекарского круга. Места для смерти танцовщицы в моей истории тоже не нашлось. И про богов я смолчала. Но я все равно рассчитывала на какое-то понимание Эрики, легкую тревогу, что ли... Зря.

– Спасибо, что сообщили. – Госпожа Пляшущая продолжала рассеянно штамповать документы на столе. Иногда она отвлекалась на то, чтобы вспороть ножом какую-нибудь ташени – бумажные птички то и дело влетали в звездчатое окно за спиной ведьмы.

– И что теперь? – спросила я. – Надо вылечить людей? И остановить распространение, верно? Мы можем напечатать материал об этом в «Вострушке», но чтобы горожане восприняли все серьезно, нужен комментарий Башни Магов... А то скажут – очередной журналистский бред.

Эрика пожевала тонкими губами, подкрашенными кнасской помадой. Взяла в руки писчее перо и начала крутить его так и эдак, как будто это перо и было моим вопросом и она старательно обозревала его со всех сторон, прежде чем вынести вердикт.

Вдруг дверь кабинета открылась. В помещение впрыгнул молоденький эльф – ростом чуть выше меня.

– Госпожа Эрика, еще две жертвы! – отрапортовал эльф.

Мелодичный голосок чародея мог поспорить с ловцами ветра, а серое одеяние – эдакий саван – прекрасно вписывалось в обстановку кабинета.

– В Пятиречье нашли трупы одиноких путников. Изъедены целиком, до костей. Снова будто муравьи погрызли.

– Рузэнблашхен! – Госпожа Эрика задохнулась от возмущения и усердно заморгала глазами на меня. – У меня прием, ты что, не видишь?

Эльф захлопнул зубастую пасть (тридцать два зуба – почти человечесь, но чуть заостренные) и перевел на меня испуганный взгляд. Я, сидевшая вполоборота, дружелюбно ему помачала. Обожаю эльфов.

– Ой, – сказал Рузенблашхен. – Ой. Извините. Два трупа, госпожа, еще два трупа...

И он попятился из кабинета, на пороге задев каскад колокольчиков высокой прической (сплошь шпильки и мука – для «благородного» белого цвета. Ох уж эта эльфийская мода).

– Что за трупы? – заволновалась я. – Сколько же их всего, если на «еще два» вы даже не среагировали? И почему муравьи?

Эрика вздохнула и наманикюренным коготком подцепила новую стопку бумаг в углу стола.

– Спасибо за предупреждение о Пустоте, госпожа Тинави. – Мой вопрос про трупы она проигнорировала. – Мы учтем информацию. Но, как я поняла с ваших слов, это именно болезнь. Значит, обращайтесь в Лазарет.

– Да нет, это не болезнь – это существо! Я неправильно выразилась. Это отдельное существо, опасное, злое, иномир... иноземное! – поспешила разъяснить я.

– Тогда приведите мне это существо. Отдельно от жертвы. Мы изучим его и примем меры. – Эрика облокотилась о стол и снова склонилась над документами, ясно давая понять, что она погружена в чтение, а наша встреча окончена. – Спешки нет, я так понимаю.

Я поколебалась еще с минуту, не зная, как лучше действовать. Устроить истерику, что ли? Нет, боюсь, тогда меня просто выведут отсюда под белы ручки...

Ну ладно, Пустота. Мы сами с тобой разберемся.

Какая-то мысль свербела в голове. Что-то мелькнуло в словах Эрики – что-то важное – что я никак не могла ухватить.

Я вышла обратно в «кишку» Башни Магов.

Сходство с вышеупомянутым органом коридору придавало то, что вся башня внутри была выкрашена в кирпично-красные цвета, а стены мягко закруглялись в пол и потолок, избегая каких-либо углов. Двери в кабинеты были овальные. Ну и Воздушная Шахта, конечно, – тоже круглая при взгляде сверху.

По дороге вниз, в одной из зон отдыха для магов, возле узкого овального окошка «кишки» я заприметила эльфа-чародея. Из длинной узкой трубочки, воткнутой в резной мундштук, он выпускал нежно-перламутровые мыльные пузыри.

– Курим на работе, а, Рузенблашхен? – подмигнула я.

Эльф вздрогнул. Его черные глаза – один сплошной зрачок, ни радужной оболочки, ни белого яблока – округлились:

– Но я же в окно!

Я кивнула:

– И вообще, это всего лишь вода с мылом, понимаю и одобряю. Скажи мне вот что, Рузенблашхен. С учетом этих двух новых трупов у нас всего сколько – пятнадцать? Шестнадцать?

– Да нет, тринадцать пока... – вздохнул эльф и выпустил пузырь такого размера, что тот еле пролез в раму.

– Тринадцать, – удовлетворенно отметила я. – И что, всех как будто муравьи загрызли?

Рузенблашхен перестал курить и поспешно засунул мыльную трубку в накладной карман льняного балахона.

Другой рукой прижал к себе папку с рабочими документами – с нее на меня пялилась, мерцающая семью остроконечными лучами, символическая ведомственная звезда. Эльф свел брови к переносице:

– Не имею права обсуждать с незнакомками! – и он пошуровал прочь по коридору.

– Это реальные муравьи, Рузенблашхен? Или все-таки просто чары? – обреченно крикнула я вслед ему.

Чародей не ответил.

Я поежилась. Все чаще мелькавшие контекстом насекомые пугали. Ведь настолько же, насколько я не любила муравьев, их любил Зверь...

Пока я наматывала круги вниз, силясь выбраться из магической «кишки», ко мне прилетела знакомая ярко-алая ташени.

«ВОЕННОЕ ВЕДОМСТВО, АЛЛЕЯ. ПУСТОТЕ ПРИДЕТ КОНЕЦ! ЖДЕМ», – гласила записка.

Вот почему, интересно, Дахху так многословен в абсолютно неинтересных случаях и так сдержан – в моменты истины?..

* * *

Анте и Дахху сидели на каменной скамье в тенистой аллее Полуденного Ситца, которая по правому фронту огибала комплекс Военного ведомства.

На аллее расслабленно фланировала публика всех сортов – вечер был погожий, и большая часть Шолоха уже вывалила на променад – любимый вид столичного отдыха. Солнце еще не скрылось, но на город уже выползал туман. В его золотой дымке фигуры горожан казались размытыми акварельками, не до конца овеществленной фантазией творца. Тополи и платаны над ними низко склонялись друг к другу, аркой венчая аллею. Над песчаной дорожкой крутилась пыль, поднятая шагами гуляющих.

– Ну как? – нетерпеливо спросила я, подходя к Дахху и Анте.

– Изумительно! – ответил Дахху. – Мы знаем, как уничтожить Пустоту одним махом!

Друг отлепился от скамьи и взволнованно заходил туда-сюда:

– Проведя несколько опытов, мы убедились, что черные кляксы не просто связаны друг с другом посредством нитей-пуповин. По сути, Пустота оказалась единым существом. Мы сказали, что она распространяется как пирамида, помнишь? Растет из единой точки вниз и вширь. И каждый зараженный связан с тем, кто его заразил, и с тем, кого заражает он сам. По сути своей, подобный механизм неуловимо напоминает финансовые пирамиды, которыми в прошлом веке баловались аферисты Кнассии...

– Так. Хорошо! – я подбодрила Дахху.

Друг набрал в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться очередным объяснением, но маньяк Анте прервал его:

– In brevi, разрушаешь верхний уровень – и нижний распадается сам по себе. На практике это выглядит так: лечишь заразившего – выздоравливают зараженные.

Осознав эту емкую сентенцию, я подпрыгнула:

– Но ведь это все меняет! Значит, нам всего-то и надо, что найти нулевого пациента?

– Да, – кивнул Анте. – Но это не так просто.

– Вообще-то очень просто, – возразила я.

Маленькие веселые феечки, заменяющие мне мозговые извилины, тихонько шебуршились в черепной коробке. Что-то они нашептывали. Что-то они там сообразили. Надо только прислушаться...

«Иномирное существо». «Болезнь». «Видимо, пролезла через Междумирье, пока дверь была открыта». «Приведите мне это существо. Отдельно от жертвы» – но как, если ее *не бывает вне жертвы*?

«Да это же ЭЛЕМЕНТАРНО!» – хотела заорать я, но вместо этого заорал Дахху. И совсем другую фразу.

– Что с ним?! – крикнул друг, глядя куда-то вдаль. В тридцати метрах от нас некий прохожий – фетровая шляпа, бархатная мантия, тросточка в руке – вдруг затрясся и упал как подкошенный.

Гулявшие тотчас плотно обступили его, будто сигнала ждали. Мы ящерками проскользнули между их охающими рядами и оказались на пустом пространстве в центре толкучки. Труп седовласого мужчины – сухое, скукожившееся тело без кровинки – не оставлял сомнений.

Такой же труп, как у Кары.

Привет, Пустота.

– Как это случилось? – пробормотала я, а толпа так же внезапно, как появилась, начала рассасываться... Ибо стоило кому-то хоть на долю секунды отвести взгляд от мертвеца – и человек забывал о только что увиденной смерти.

– Черт, – сказал Анте Давьер. – Черт! – повторил он с чувством. – Я бы счел это признаком того, что мы спугнули Пустоту экспериментами.

– В смысле?

– Возможно, она сворачивается. Бежит из Шолоха.

– И что, по ходу дела убивает людей? – в ужасе просипел Дахху, который все это время стоял не моргая – боялся забыть о трупке.

– Да. Вытягивает всех своих «деток» обратно к мамочке, чтобы сбежать единым фронтом. Начинает с нижних рядов, то есть последних заболевших. Не факт, конечно, – но похоже на практику пирамид.

– ЧТО?! – взревела я. Сердце пугало своей колотьбой.

Где-то вдалеке мне слышались еще крики взволнованной толпы, обнаружившей – ненадолго – новый труп...

Нельзя ждать ни минуты.

Я одной рукой схватила Дахху, другой – Анте Давьера. Не успели оба удивленно поинтересоваться, что происходит, как руки мои начали наливаться опасно-оранжевым светом – как разгорающийся в ночи вулкан...

Анте изменился в лице:

– Тинави, только не говорите, что вы собираетесь Прыгнуть! Вы же новичок! Нас может расщепить!

– А может и не расщепить, – сказала я. – Унни! К Лиссаю!

– *Почему бы и нет?* – сказала унни.

– Это не подхо... – заорал Анте, но не успел завершить свою фразу.

Мир – этот полный страха, и смерти, и ужаса, и одновременно – жизни, света, побед, любви, – в общем, весь этот грешный мир – исчез.

* * *

Мы втроем – к счастью, не расщепленные – с грохотом обвалились на холодный пол Лазарета.

Больница уже перешла на режим ночного освещения. Потолочные магические сферы отключились. Горели лишь небольшие розовые шарики, каждый размером с кулак, щедро рассыпанные вдоль коридора, прямо по полу. Они всегда напоминали мне ядовитые болотные поганки: те так же тихо мерцают и переливаются в ночной мгле, даря сомнительное ощущение покоя.

Я подскочила, как неваляшка, мимоходом убедившись, что старые ссадины на коленях снова со мной. Прямо передо мной во мраке тихо белела дверь в палату. Сзади Анте и Дахху валялись на полу – кажется, без сознания, но уж точно при всех конечностях.

Да, надо будет потренироваться Прыгать так, чтобы не выводить спутников из строя.

И еще кое-что пошло не по плану, я так погляжу...

– Почему мы оказались снаружи палаты?! Я просила внутрь! – вслух возмутилась я.

Ну не то чтобы по-настоящему возмутилась, но решила, что унни стоит знать о моем недовольстве. Вряд ли у энергии мироздания есть жалобная книга, но вдруг.

Как ни странно, я сразу же получила ответ на свой вопрос. Весьма, хм, неожиданный.

– Потому что, – чьи-то цепкие пальцы ухватили меня сзади за плечо и резко развернули, – потому что я зачаровал эту несчастную палату! И поставил сигнализацию, направленную против незваных гостей. Какого пепла ты здесь делаешь, Тинави? Твоя угроза на дубе оказалась реальной?

Глаза Пылины полыхали. Звенящие колокольчики в прическе нагоняли драмы.

– Так, Пылинь, расслабься ипусти меня в палату, срочно! – Я сбросила с плеча руку куратора. – Видишь этих добрых молодцев на полу? У нас не увеселительная прогулка!

– А что тогда? – мигом заинтересовался Ловчий.

– Потом объясню, защиту убери! – взмолилась я.

Он оценил мой взъерошенный вид, кивнул и сложил руки лодочкой, готовясь к заклинанию.

Но уже мгновение спустя раздался жуткий треск – и Пылинь, как срубленный ясень, рухнул на пол.

– Дахху! Ты с ума сошел?! – Я задохнулась от неожиданности, увидев над бессознательным куратором своего друга, бледно-зеленого, отчаянно сжимающего в руках занесенную цветочную кадку.

Кадка эта только что со всей мощью глиняных изделий заехала Ловчему по голове, что и стало причиной бесславного падения Пылины.

– Охранные чары долго снимать, а у нас люди умирают... – извиняясь, пробормотал Смеющийся и, поправив шапку для смелости, решительно шагнул к белой двери в палату.

На ней как раз проявилась тонкая багряная паутина – и тотчас бесшумно осыпалась. Дахху зашел внутрь.

Сзади на полу что-то невнятно простонал Анте Давьер. Я не стала ждать, пока он оклемается. Я остороженько обогнула распростертого Пылинь и вбежала в белизну палаты, пахнущую лекарственными травами.

У нас действительно умирают люди...

Прости, куратор!

Портал

*Больнее всего там, где никто не видит.
Надпись, выцарапанная в дупле иссохшего дуба*

По сравнению с таинственными, зеленоватыми в ночи коридорами Лазарета палата принца казалась пыточной камерой – столь белой и бескомпромиссно-стерильной она была.

Лиссай сидел на длинной узкой койке, заправленной так туго, что на простынях не виделось ни единой морщинки. Будто взяли живое, веселое лицо кровати и растянули на пальцах. Так иные фанатики растягивают свежепойманных бабочек в альбомах... Подобное старание всегда до странности угнетает.

Дахху вошел в палату героически, широким шагом, с задраным подбородком. Полосатый кончик шарфа лихо подпрыгивал у него за спиной. Но стоило другу столкнуться с непонимающим взглядом принца, как он замер. Смущенно и растерянно, будто на невидимую стену наткнулся.

Я же вбежала в комнату с привычно панической рожей. Украдкой обернулась: как там Польша, не дрыгается?

Не дрыгался.

Мое появление остановило Лиса, который уже недвусмысленно тянулся к тревожному колокольчику на стене.

– Тинави! – звонко воскликнул Лис, заприметив меня. – Вас все-таки пустили к-ко мне? Я уж думал, умру в изоляции!.. – Он разулыбался и теперь скользнул по Дахху куда более милостивым взглядом. – Так это ваш друг? Точно. Я помню. Господин Дахху, а вы могли бы умерить свои эмоции? У меня в глазах рябит.

От этих слов Смеющийся очнулся и сразу же умоляюще на меня вытаращился.

– Лиссай! – Я подошла к принцу. – Можно я сделаю кое-что, а вы не будете задавать вопросов?

– К-кажется, это становится классикой наших отношений?

– Не-не-не, в этот раз все во имя короны! И дело очень серьезное. Правда. – Я понизила голос.

Принц перестал улыбаться и внимательно посмотрел на меня. И я снова будто почувствовала Карлову магию, которая бурлила в его крови – точно так же, как и в моей. Но пока неизученная. Нераскрытая. Хотя близкая, подступающая. Из-за этой магии присутствие Лиссая порождало во мне до странности волнующее настроение. Хотелось петь, плясать, устраивать беспутную духовную обнаженку и верить в лучшее. Честное слово, этот отстраненный, бледный, веснушчатый Лиссай действовал на меня, как переносное Святилище. Человек-между-мирье...

– Хорошо, – согласился Лис. – Я в вашем распоряжении.

– Тогда закройте глаза и не шевелитесь, что бы вы ни слышали.

Он так и сделал. В комнату вбежал Анте Давьер.

– Да почему Лиссай-то?! – рявкнул он, и принц нахмурился от звука чужого голоса, но глаз не открыл.

– Цыц! – сказала я маньяку и пальцем указала на лекарский круг, который уже голубым обручем поднимался вокруг Его Высочества.

Анте, недоверчиво сопевший у меня над ухом, издал удивленный возглас, когда в хрупкой груди принца проявилась Пустота.

– Хм! – сказал маньяк. – Хм, это очень странно.

– Странно, что я могу быть права? – огрызнулась я.

– Именно. – Маньяк кивнул, с недоумением вглядываясь в Пустоту.

Я смотрела туда же.

На сей раз клякса была жирная, чернее ночи, с маслянистым ободком по кругу. Ободок этой Пустоты слегка пульсировал и скворчал, как пережаренные боковины глазуньи на сковороде.

Я привычно взяла Дахху под локоток, упакованный в теплый кашемировый свитер, и шепнула другу:

– Зови побольше бокки. У нас всего одна попытка. И если Лиссай умрет... Вряд ли мы себе простим.

– Вряд ли ты себе простишь, – машинально поправил Смеющийся. И после паузы пояснил: – Я себе и тех, прежних, не прощаю, Тинави.

Его чудные руки с длинными холеными лекарскими пальцами уже вовсю творили заклинание призыва. В приоткрытое окошко палаты – скучное слюдяное стекло, никаких тебе дворцовых мозаик и сиреней – ввинчивались, один за другим, выброшенные бокки.

– Минутку... – Анте Давьер сделал шаг вперед.

Мы со Смеющимся обернулись к нему. Лиссай покорно, дисциплинированно остался без движения, неестественно прямой.

– Минутку! – повторил Давьер, и его льдисто-серые глаза расширились. – Вы видите муравья? – Шолоховский маньяк обвинительно ткнул пальцем в самый грудак старательно обмершего Лиссая.

Я сощурилась. И впрямь.

Из маслянистой корочки Пустоты вылез муравей. Вульгарный. Рыжий. С налитым брюшком и двумя злыми усиками, шарящими туда и сюда.

Я не знаю, где на самом деле был этой муравей.

Под воздействием просвечивающего заклинания мы видели его очень ясно, но в реальности... В реальности он, видимо, двигался прямо по нутру принца, игнорируя анатомию. Прямо сквозь легкие, ребра, семь слоев эпидермиса – вот это все. Муравей полз, слегка хромя на левые ножки, кособоко наглежа, пока не выполз на пижаму. Там муравей споро скатился вниз, как по детской горочке, и, оказавшись на полу, выбрался за пределы лекарского круга...

Я наступила на него каблуком.

– Еще один, – мрачно констатировал Анте Давьер.

И да... Из каемочки Пустоты в самом сердце Лиссая уже лез – боком, неловко, как в слишком узкую дыру – другой муравей.

– Что за ерунда? – ошарашенно пробормотала я.

– Дорогие друзья, люди продолжают гибнуть. Я ведь впускаю бокки, все по плану? – Дахху, нервничая, стал потирать мигом вспотевшие ладони. Вокруг друга вились спиральки невоплотившихся бокки-с-фонарями.

– Да, – сказала я.

– Нет, – сказал Анте.

– Да, – сказала я еще раз, жестче.

– Нет. – Маньяк метнул глазами две хорошеньких и сугубо фигуральных молнии.

– Тинави, господа, у вас точно все в порядке? – забеспокоился Лиссай.

Анте Давьер рывком шагнул к принцу и просунул руку прямо в лекарский контур. Оказавшись внутри тревожно багровевшего кольца, конечность бывшего хранителя стала почти прозрачной. Фаланговые кости маньяка безапелляционно ткнули в грудину принца. Туда, где сидела, будто на солнышке загорая, Пустота.

Вернее, в ее маслянистую окаемку.

– Вот это, – едва не прошипел Анте, – вот это – портал. Портал в другой мир, даже в другое измерение, мать его четырежды за ногу через все скандальные Босховые триптихи. А

вы хотите убрать Пустоту, которая затыкает портал, как жирная пробка. Такая жирная, что мимо нее пролезают лишь муравьи, и те – хромые. Убери ее – и все, шлюз распахнется, к нам легко влезет что побольше.

Закончив речь, маньяк вытащил руку из лекарского контура. Я проводила глазами очередного муравья, просочившегося в нарисованное серо-белыми красками тело Лиссая.

– Почему вы думаете, что это портал? – Я нахмурилась.

– А откуда, по-твоему, эти твари выползают? – резонно возразил маньяк. – Смотри! – и, снова потревожив контур (Дахху уже зубами скрипел, силясь стабилизировать снова и снова грубо прерываемое заклинание), он двумя руками разорвал на Лиссае пижамку.

Принц дернулся:

– Вы себе что позволяете?!

– Лис, я вас умоляю, подождите минуту, тут небесные разборки! – взвыла я.

– Шестьдесят, – сказал Лис.

– Что?

– Пятьдесят девять.

М-да, вот и кончилось монаршьё терпение... Ладно, учтем.

– Дахху, прерви лекарский круг, – попросила я друга.

– Но у нас люди умирают... – шепнул Смеющийся. И расцепил пальцы.

Лиссай снова предстал пред нами во плоти, в красках, с порванной пижамой. На уровне груди у него был черный надрез в виде полумесяца. Не нормальная царапина, нет – будто узенькая щель в открытый космос.

Я прикрыла рот ладонью и невольно отступила назад. Где-то там, за открытым лазаретным окном, вдруг запела птичка-зарянка. Ее веселый мотив никак не сочетался с похоронным биением моего сердца.

Из надреза в Лиссае бочком, убого, выполз новый муравей.

– Портал, – мрачно повторил Анте. – Это портал в царство Зверя. Говоришь, Авену и Лиссая закинуло в Хаос? Ну вот стоило поинтересоваться у сестренки, не приходилось ли им там с кем-то контактировать или драться, прежде чем выбраться.

– А почему бы вам не спросить меня? – Принц прервал обратный отсчет и снова вступил в беседу. – Да, у нас с госпожой Авеной возникли некоторые сложности.

– Сложности? – нервно сглотнула я.

– К-к-конечно. – Принц безмятежно кивнул. – Тинави, у нас не было времени поговорить об этом, но то, что я пережил... Вас бы удивило это. Никогда прежде мне не приходилось спасаться от погонь, и драться со странными существами, и видеть так-к-кие необычные миры. Я вам обязательно расскажу...

– Вас ранили, отвечайте?! – заорал Анте Давьер.

Дахху подпрыгнул от этого вопля и чуть не отпустил лекарский обруч. Я тяжело сглотнула.

Лиссай поджал губы и вздохнул:

– Да. Много раз. К-к сожалению, я не так-к хорош в битвах, к-как хотелось бы... Один раз меня даже взяли в плен. Но госпожа Авена спасла меня, и достаточно быстро.

– В плен? – Я ахнула.

– К-как раз после этого Авена решила, что лучше, если я проведу остаток нашего путешествия без сознания. Так что очнулся я уже в Мудре. Но два месяца в плену были, к-конечно, весьма мучительны.

– ДВА МЕСЯЦА?! – взвыла я.

Анте дернул плечами:

– Время везде идет по-разному, что вас удивляет?

Я смотрела на принца во все глаза. Небо голубое, а я-то думала, что Лиссай спал во время всех своих запредельных приключений. И что они длились столько же, сколько мои. А так...

Ох, пресветлый Карланон. Насколько же не везет бедному Лису.

И... Может, я зря не воспринимаю его серьезно?

Может, вообще большинство людей пережили намного больше, чем мне со стороны казалось?

Анте что-то еще поспрашивал у Ищущего про его пленение в царстве Хаоса. И про над-рез в груди, который Лис... Не видел. И не чувствовал.

Потом маньяк хмыкнул, повернулся ко мне:

– Тинави, ты, когда принца в некрополе целовала, Пустоту чуяла?

– Откуда вы знаете про поцелуй? – вспыхнула я.

Как береговой маяк-побратим, стыдливо вспыхнул и Дахху, единственное мое доверенное лицо в том рассказе.

Смеющийся! Трепло!

– Что? Вы к-кому-то расск-казали? – заволновался щепетильный Лис.

Тут уж я не стала церемониться – пульнула в принца свеженькой унни, чтоб заткнуть ему уши и рот заодно. Переборщила... Принц уснул и вдобавок застыл как истукан. Ладно. Может, оно и к лучшему, потом разбужу.

– Чувствовала или нет? – гаркнул Давьер, нависая надо мной, как злая кобра.

– Не чувствовала... И мы с вами на «ты» не переходили... – отшатнулась я.

Маньяк лишь в ладоши хлопнул:

– Потому что Пустоты и не было тогда! Не было! Был только портал. Зверинные приспешники сделали себе лазейку в заложнике. Этот дурак, – указательный палец на Лиссая, – не дал Авене осмотреть себя после пленения. Якобы негоже чужой даме его голым видеть. Отлично просто. Вот и сработал план с порталом. Вам троянского коня подогнали, поздравляю. Но эта межгалактическая опухоль, дурная, тупая, безголовая Пустота случайно вползла в заготовленный коридорчик и заняла тут почти все место. Никому, кроме муравьев, не протиснуться! Уберем Пустоту – запустим куда более крупных приспешников Зверя. Нам этого не надо. Считай, сама судьба сыграла на руку – подкинув Пустоту!

Глаза маньяка блеснули одурелой радостью. Будто он реально думал, что судьба есть. И что она нам так помогла.

– Пустота все равно уже сворачивается. – Я пожала плечами. – Сворачивается и убивает горожан. Так что, Дахху, пускай бокки! – к концу фразы мой голос набрал решительности.

– Пока она не ушла, у нас есть время подумать. Лучше немного смертей сегодня, чем много – потом, – зашипел Анте.

Я швырнула унни и в него тоже.

Не знаю, позволяет ли подобное всемирная субординация, но... Пусть помолчит, жалкий трус. Или прахов умник.

Глупо – знаю. Но... Если кого-то можно спасти сейчас – надо спасать сейчас.

Потом, как говорится, всякое бывает, и рыба-меч рождает. Потом всегда есть шанс все переиграть, наткнуться на волшебную помощь извне, нарастить – внезапно – мозгов, коих будет достаточно для решения новой проблемы.

Но никогда не стоит верить в принцип «меньшего зла». Нет меньшего зла.

Есть зло. И есть нежелание с ним бороться.

– Запускай бокки, – повторила я Дахху из Дома Смеющихся.

Друг поколебался, но кивнул. Он тоже знает – спасать надо сейчас. Действовать надо сейчас. Жить – сейчас.

Удаление Пустоты-прародительницы началось.

* * *

Пустота долго боролась с искрами бокки.

Я меряла палату шагами, то и дело давя все новых и новых хромых муравьев. За окном совсем стемнело. Черничная ночь с любопытством заглядывала в белоснежную палату принца, охала голосом совы-сипухи, всплескивала ручьями-руками и спешила убраться подальше от тех непотребств, что мы здесь творили.

Я нервно потирала виски. Как быстро сворачивается Пустота в городе?

Лишь бы Пиония выжила. Лишь бы выжил мастер Улиус.

Других зараженных я не знала лично. Их было жаль – но не до такой межклеточной паники, как упомянутых двух.

Бокки – добрый десяток – продолжали сражаться со злой, остервенелой, пришедшей Пустотой. Ожидание убивало.

Я прислонилась к дверному косяку и закрыла глаза.

Кто-то ободряюще взял меня за руку, и я понадеялась, что это – очнувшийся Полынь. Мол, поднялся в коридоре, тряхнул своей удивительной головой – мигом все понял, подошел и выбрал себе роль в постановке «бокки против Пустоты-матери».

Но нет. Это был Дахху, валяющийся с ног, вцепившийся в меня ровно с теми же надеждами, с какими цепляются за забор, таблетки или письменный стол в зависимости от диагноза.

– Ты почему такой дохлый? – шепотом испугалась я.

– Направляю духов... А ты что, думала, они сами эту Пустоту выдавливают? – пробормотал Дахху, вперив напряженный взгляд в поле боя.

Наконец, команда оранжевых искр под его командованием одержала победу над кляксой. Бокки разгромили Пустоту.

Утробно взыв – за «пустотами-дочками» такой акустической привычки не водилось! – жирная иноземная фиговина втянулась в никуда. Нити-пуповины лопнули.

Чернота во все еще прозрачной груди Лиссая исчезла... Сбежала далеко-далеко. Заражать другие миры. А может – долгие столетия восстанавливаться. Кто ее знает, чужеземную хищницу.

Под пристальным оком лекарского обруча осталась лишь маслянистая каемка звериного портала – и ее звездная середка. Стоило Пустоте сбежать, как портал-полумесяц в груди принца дорос до полноценной круглой «луны». Из глубин портала свободно посыпались насекомые. Прямо по списку иллюстрированной энциклопедии, будь она проклята за мою испорченную детскую психику!

Анте, все еще немой из-за моего заклятья, нечленораздельно взыв.

Прикорнувший в строго вертикальном положении Лиссай толчками подрагивал из-за выползающих из него тварей.

– Проверь зараженных, Дахху! Нам удалось победить Пустоту? – попросила я друга, подпрыгивая меж тем вплотную к принцу.

Наверное, Дахху мне кивнул. У него иногда случается: вместо голоса использует мимику, даром что собеседник за спиной, отвлечен или вообще орет из другой комнаты... Так или иначе, я услышала лишь удаляющийся топот дружеских шагов.

Сама я прижала руку к пульсирующему portalу в груди Лиссая.

Не очень героически. Но... Как бы вы закрыли портал? Портал в иное измерение? Не знаете?

Вот и я не знаю. Магистр Орлин не учил нас думать о других измерениях. О Зверях. О падших хранителях. О том, какой не на шулку глобальной проблемой могут обернуться банальные тараканы, сверчки, цикады, кузнечики и другие мерзкие членистоногие...

Поэтому я подошла к проблеме строго по-бытовому – заткнула дыру кулаком.

Со стороны, наверное, казалось, что я быю Лиса в некоем замедленном кадре имаграфа. Хрупкая девушка с неуправляемым шалашом волос вперила кулак в голый грудак худощавого Высочества и взирает на него снизу вверх с мрачным неудовольствием. Самая та картинка для агрессивных феминисток!

Как и следовало ожидать, мой трюк не удался. Тараканы, сверчки и прочее с ТОЙ стороны так рьяно вгрызлись в мою слабую человеческую плоть, что я мигом отдернула руку. Ну да. Они же целых людей обглаживают, как мы знаем. Что им какой-то кулачок с двумя серебряными колечками «на удачу».

Более того, я с ужасом поняла, что портал немного увеличился. Как будто после побега Пустоты у него появились удивительные способности к росту.

Теперь из дыры в принце лезли твари покрупнее. Они все меньше походили на картинки из словаря. И все больше – на кошмарный сон. Кузнечик с длинными кусачими клешнями на голове, как у краба. Сверчок с башкой пустынного льва. Муха с глазами на нитках. В общем, цирк космических уродов...

Выругавшись, я решила повторить свой трюк из-под некрополя – создать непробиваемую защитную сферу. Только модифицированную. Не вокруг себя, а вокруг портала. Чтобы сфера не выпускала тварюг наружу и тем самым замедлила проникновение звериных приспешников в Шолох.

Я наспех сплела заклятье, и вокруг дырки в груди Лисая появилась прозрачная плошка. Будто на принца нацепили горчичник. Я утерла пот со лба, тихонько выдохнув.

Сфера стала быстро наполняться приспешниками Зверя.

Когда внутри «горчичника» их стало слишком много, Анте вдруг взвыл:

– М-м-м-м! – И хранитель правой рукой ткнул в Лисая, а левой изобразил «волка» из театра теней: начал бить большим пальцем о четыре других, будто «кусал» что-то.

Я ахнула, поняв, что он имеет в виду: насекомые начнут прогрызать тело принца, раз им мешает сфера. Я разбила собственное заклинание...

– М-м! М-м-м! – снова замычал Анте Давьер и ошалело захлопал в ладоши, привлекая внимание.

Н-да, кажется, кто-то любит играть в пантомимы.

– Вы можете закрыть портал? – с надеждой спросила я.

– М-М-М! – Голос Давьера окрасился новыми полутонами.

Я отпустила «его» заклинание.

– Так можете? Самое время! – повторила я.

Анте так недвусмысленно отвел глаза, что я задохнулась обреченностью.

Между тем комната планомерно наполнялась стрекотом, шуршаньем крылышек, ворсистым перетиранием лапок. По палате летали, ползали и прыгали несколько десятков мелких тварей. Еще столько же успели сбежать.

Вылетающие из Лисая насекомые сначала дезориентированно зависали в воздухе, потом стремительно бросались к окну. Мы их не интересовали – к счастью. Видимо, главной задачей было распространиться как можно шире...

Анте подбежал к окну и захлопнул его. Потусторонние твари начали биться в стекло, как самые банальные летние мухи. Правда, уже секунд пять спустя разбились и рванули, свободные, в пряную синеву засыпающей столицы... Маньяк выругался и повернулся ко мне.

– Закрыть портал могут только настоящие хранители. – При слове «настоящие» голос Анте едва заметно дрогнул. – Но! Я знаю, как заморозить его.

– Заморозить?

– Во времени. Моя специальность. Это будет временная мера – каламбур случаен – но не такая временная, как стекло или ваши барьеры...

Смотрите-ка, он опять на «вы». Вот и правильно.

– Диктуйте. – Я кивнула.

Заморозить время! Звучит непросто. Но мы справимся.

Я справлюсь.

– Вы не справитесь, – будто в ответ на мои мысли, категорично покачал головой Анте. – Вам не хватит опыта в плетении таких заклятий. Они не из вашего мира.

– И что же вы предлагаете? – проворчала я, отчаянно выбивая чечетку ногами.

Танец мой был не слишком изящен, но до некоторой степени убийственен. Хотя бы звериную «пехоту» прополю...

Небо голубое, это, в конце-то концов, позорно даже – мировое зло обернулось тараканами! Прозаичность Зверя бесит меня куда больше, чем если бы он явился огненным ангелом с испепеляющим взглядом, вот честное слово!

Между тем Анте задумчиво кивнул:

– Но я могу забрать вашу унни – и сам заморожу портал. Это замедлит прибытие войск Зверя на несколько дней.

– Что?! – Я, замерев на одной ноге, изумленно обернулась к нему.

– Мне нужна ваша унни, – повторил он чуть громче.

Скромненько так. Будто за кофейным столиком сахар попросил.

– Ты совсем ошалел, маньяк?! – взвилась я. – Я не пойду на это!

– Во-первых, мы на «ты» не переходили! – рявкнул Анте. – Во-вторых, что, не нравится идея самопожертвования?

Я буквально потеряла дар речи.

– Вы ведь хотите закрыть портал, Тинави? – Анте сначала отмахнулся от пролетавшего мимо него кузнечика с крыльями бабочки, а потом обвинительно ткнул в него пальцем: – Или вы хотите, чтобы в ближайшее время весь ваш обожаемый город наполнили вот эти твари? Обратите внимание – это самые мелкие. Стоит portalу немного еще вырасти, и... – Маньяк явно собирался развернуть передо мной жуткую картину будущего, но я не дала ему договорить:

– Оказывается, Кадия была права на ваш счет. Но я не собираюсь умирать, Давьер, – холодно ответила я.

Глаза маньяка округлились:

– А кто говорит про умирать?

– Ну а как же? Забрать чужую энергию в момент потухания искры – ваш любимый способ словить халявной силы!

– Конечно, я не собираюсь вас убивать! – Маньяк чуть за голову не схватился. – Вы же Карланова! Просто отдайте мне немного унни!

– Как? – опешила я.

– Он что, не объяснил вам? – Давьер злобно ругнулся и скороговоркой прочеканил: – Отлавливаете унни на сильную эмоцию – максимально сильную, какая в вас преобладает, соблазняет ее каким-то мощным колдовством, когда она придет, будет уже у вас в руках – просто швыряете ее в меня. Неоформленную. Я заберу.

– Почему тогда вы сказали про самопожертвование? – уточнила я.

– Для унни вы станете неблагонадежным другом. Вполне вероятно, она не захочет больше с вами общаться. Никогда.

– «Друг-тусовщик». – Я кивнула. – Точно. Карл когда-то говорил...

– Карл совсем свихнулся со своими техномирами, – проворчал Анте Давьер. – Вы что, уже начали? – удивился он.

Я действительно начала.

Рассудив, что моя преобладающая эмоция – это гнев, я стояла, сжимая и разжимая кулаки, и пыталась припомнить все то дерьмо в своей жизни, которое могло вывести меня из себя. Парад ненависти венчал, конечно, Зверь.

Дальше я застопорилась, потому что, как выяснилось, не такой уж я злобный человек, как мне казалось...

Я не боялась потерять связь с унни. «Каждый заслуживает и сто тридцать первой попытки», – сказала она мне на днях. А кому еще верить в этом мире, если не энергии бытия?

Пока я пыжилась, Теннет подошел и щелчком сбил с меня гусеницу, уже распахнувшую зубастую пасть:

– Поторопитесь, Тинави. Я начинаю думать, что быстрее было бы убить несколько пациентов в соседней палате. Заморозка времени займет минуты три. Представляете, сколько еще тварей просочится сквозь принца? И да. Соберите максимум унни. МАКСИМУМ. Если не хватит – вам конец.

Я поджала губы. Прикрыла глаза и вновь начала вдохновенно соблазнять энергию бытия своей ненавистью к... Прах побери. Да было бы к кому!..

Вдруг мои потуги прервал скрип двери и недовольный голос Полыни:

– А сколько именно энергии она должна собрать, чтобы фокус удался?

«Не сбиваться, не сбиваться! Я всех ненавижу, У-У-У, как я всех ненавижу!» – думала я, судорожно сжимая веки.

– А-ха-ха, продолжай, это даже забавно! – отвечала поганка-унни голосом Дахху.

Меж тем Анте отмахнулся от Полыни:

– Не мешайте, Ловчий. Лучше снова прилягте... Но раз встали – так займитесь тараканами.

– Нет, сколько? Сравнимо с энергией двух человеческих жизней? – Куратор пристал, как банный лист.

Я знала эту его интонацию. Начинает говорить так – не отвяжется, пока своего не получит. Анте тоже это почувствовал, видимо:

– Двух не хватит.

– Трех? Семи? Дюжины?

– Может, семи... Вы что, решили мне кого-то на заклятие привести? Прямо сейчас? – неприязненно предположил маньяк.

– Почти, – сказал Полынь.

И оба умолкли. Хм. Я, встряхнувшись, вернулась к самокопанию.

Но тут в палате раздался страшный грохот.

Не то чтобы у нас до этого было тихо: сами понимаете, комнату наполнило уже никак не меньше полусотни иномирных насекомых, жужжащих и звенящих. Но сейчас грохот был вполне повседневный.

Шолоховский такой. Строительный. Так в Речном управлении бахают на мостовую туши выловленных из реки кракенов. А в Казначействе – обрушивают на весы стопудовые мешки со свежими монетами.

– Вы его сохранили?! – Анте выкрикнул эту фразу с неподдельным изумлением.

Я не удержалась и открыла глаза.

Полынь, по чьему виску ползла засохшая струйка крови (привет, цветочный горшок от Дахху), эдак небрежно, выпендрежно, плечом опирался об огромный камень. Камень – настоящий кусок скалы высотой не меньше полутора метров – возвышался в центре комнаты. Темно-багровый, он пестрел желтыми пульсирующими прожилками и, казалось, был живым. Где-то там. Внутри.

– Это же улика. – Полынь снисходительно посмотрел на маньяка и дернул в сторону камня острым подбородком. – Используйте! Давно ж собирались, да?

– Тинави, отпускайте унни... – ошалело пробормотал Анте и подошел к кровавику. Мне не требовалось разрешение, потому что я уже это сделала.

Кровавик я видела первый раз в жизни, но сразу догадалась, что это он. Наряду с черной краской из Мудры, этот редкий камень славился тем, что умел накапливать энергию. Именно в него шолоховский маньяк этой весной сгонял унни, украденную у своих жертв. В кровавике, или, по-научному, гематите, хранилась, поблескивая, жизненная энергия садовника Олафа Сигри, пособницы Давьера леди Айрин и других прошедших «Ночную пляску».

Честно говоря, я никак не ожидала, что Иноземное ведомство сохранит камень с заключенной внутри него халявной энергией. А Ловчий не только ожидал, но и знал, где этот камень – в два Прыжка – раздобыть.

Как же хорошо, что есть Полынь!..

Пока я размышляла над всем этим, Анте Давьер положил ладони на камень. Нежно, будто ящерицу хотел приласкать. Гематит задымился, и зрачки Давьера расширились, поглотив радужную оболочку.

Теннет начал плести заклинание.

Перебирая пальцами, он медленно разводил руки, будто открывая кому-то объятия. В пространстве между его ладонями начали появляться некие астрологические символы: тонкие золотые рисунки, обозначающие планеты и созвездия, небесные карты и календари, а также изображения рук, глаз и зеркал, помещенных в причудливые схемы... Все эти эмблемы, поблескивая и мерцая, крутились вокруг своей оси и вокруг Теннета. Они приближались и отдалялись, и Теннет вглядывался в них, выбирая какую-то конкретную, нужную ему фигуру.

Наконец, выбрал: циферблат, заточенный в многоугольники и полумесяцы. Хранитель щелкнул по схеме пальцем, и она вдруг обернулась песочными часами. Теннет схватил их двумя пальцами и повернул горизонтально. Они замерли – потом осыпались пеплом... Мне вдруг стало сложно дышать.

Свободной рукой хранитель начал делать такой жест, будто водой брызгал, и вокруг принца Лиссая стала разрастаться и крепнуть стеклянная сфера. Лиссай оказался будто заключенным в прочное стекло имаграфа.

Теннет что-то протянул нараспев и, неожиданно упав на колени, стукнул ладонями по мраморному полу Лазарета. Свет в магических сферах замигал.

Полынь с любопытством уставился на свои болтавшиеся на цепочке часы. Стрелки у них бешено, с жужжанием, закрутились. Закрутилась и вся комната, закрутилась я, закрутились сбившиеся в стайку приспешники Зверя, пушечное мясо в армии Небытия...

Я подумала, что меня сейчас стошнит от подобного насилия над вестибуляркой. Полынь жадно оглядывался, запоминая, что к чему, и смотрел на маньяка с тщательно скрываемым уважением.

Теннет проорал какое-то многосложное слово с превалирующими в нем звуками «тс» и «ш», а потом снова ударил ладонями об пол.

Кружение остановилось.

Комната вернулась в свое нормальное состояние: белое и унылое.

Лиссай, портал и кучка насекомых живописно замерли в центре палаты. Они были будто помещены в золотой янтарь. Уменьши эту композицию раз в тридцать – получится симпатичный такой кулончик на шею. Только и надо, что металлической проволокой оплести да на цепочку надеть.

Анте поднялся с пола, кивнул нам с Полынью:

– Советую вам поскорее разобраться с теми, кто уже проник в Шолох. Это неприятно. Хотя главное зло я притормозил, – и он надменно блеснул глазами.

– Обязательно. Но у вас же осталась еще энергия после колдовства, я чувствую ее поле. – Полынь приподнял бровь. – Так что присоединяйтесь к уборке, будьте добры.

Анте развел руками:

– Простите, но это для меня. За хорошую работу.

И маньяк, блаженно прикрыв глаза, чуть-чуть подлетел над полом.

Буквально сантиметров на десять. Покрутился туда-сюда, подставил лицо воображаемому солнцу... А через несколько секунд уже опустил обратно.

Энергия кончилась.

Теперь Анте Давьер был мрачен, как грозовая туча. Ничего не говоря, он вышел из палаты.

– Эй, Теннет! А сколько дней будет работать ваша заморозка? – Я обеспокоенно высунулась в коридор.

– Пять суток, – не оборачиваясь, глухо ответил он.

Но, мне показалось, горизонтальная линия его плеч чуть смягчилась при звуках родного имени.

– А потом?

– А потом портал откроется опять.

– Надо что-то придумать!

– Надо, – кивнул маньяк и свернул за угол.

Я цокнула языком и вернулась в палату. Там Полян уже активно швырял в мелких припешников Зверя крохотные огненные пульсары – мельчайшую единичку магического боевого заклинания, как раз под размер таракану.

– Бедный Лис... – пробормотала я, грустно обходя вокруг сферы с замороженным временем. Принц так и стоял с закрытыми глазами. Бледные губы чуть приоткрыты, тонкие полукружья рыжих бровей вздернуты вверх. – Опять ему досталось.

– Ничего-ничего, – подмигнул мне развеселившийся Полян и с любовью погладил холодный, застывший бок камня-крававика. – Мне кажется, характер несчастий Лиссая – поспать тут, поспать там – вполне соответствует балованной принцессой жизни.

Я только головой покачала. И присоединилась к очистке комнаты от тварей.

Да здравствуют субботники! Раз уж в Иноземном ведомстве у меня с ними не сложилось.

* * *

Этой ночью мы с Полянью всласть наигрались в войнушку.

Мы быстро очистили палату от насекомых. Оружием Ловчего были прицельные огненные пульсары, я же ограничилась колотьюбой врагов при помощи любимых сандалий, украшенных пестрыми камешками.

Распалившись в процессе боя, по итогам я всерьез хотела посчитать, кто из нас унес больше вражеских жизней. А еще приступила к сочинению романтической баллады о наших «санитарных победах»: «Как-то вечером в июне, В Лазарете, у Лиссая, Двое смельчаков безумных тараканов убивали...»

Но Полян инициативу не оценил. Превратив последнего диковинного сверчка (переросток с лошадиными ушами) в шашлык, куратор выставил меня из палаты. Он был непреклонен. Впрочем, уголки губ у Ловчего чуть-чуть дергались, старательно заминая улыбку. Полян вновь окружил комнату магическими щитами, чтобы никакой любопытный знахарь не смог зайти внутрь, и прибавил табличку на казенной плашке: «Не беспокоить!»

– Если знахарь действительно любопытный, то он просто треснет тебя по голове по примеру Дахху и войдет, – задумчиво протянула я.

Полян машинально приложил пальцы к запекшейся на виске крови.

– Кстати, об этом! – Голос у него нехорошо понизился.

Я тяжело сглотнула, коря себя за некстати поднятую тему.

– Я хочу попросить Дахху заехать к мастеру Улиусу, проверить его здоровье. Мне стоит упоминать в ташени, чтобы он не волновался из-за инцидента с горшком? Или новая версия господина Дахху и так не будет испытывать угрызений совести?

– Будет-будет. – Я старательно закивала. – Ну я надеюсь. Но их дружбе с маньяком поскорее надо положить конец. С кем поведешься, как говорится...

Это Полынь никак не прокомментировал.

Щиты были возведены. И впрямь долгий процесс оказался. После мы двумя теньями ускользнули прочь из слабо освещенных коридоров Лазарета, и миссия по уничтожению насекомых возобновилась в ночных чащобах Пятиречья.

Судя по всему, у приспешников Зверя был четкий приказ: пройдя сквозь портал, двигаться вперед и только вперед. Срочно разведывать обстановку. Рассеяться – и собираться только для семейных обедов с одинокими путниками в роли главного блюда...

Иномирные тварюги шугались нас, потенциальной закуски, как прокаженных. Одна только зубастая гусеница, которую спугнул Анте, посмела на меня позариться. Остальных интересовало лишь скоростное познание внешнего мира.

Такой пофигизм со стороны противников превратил нашу потенциально героическую миссию в несмешные догонялки.

Искать в Смаховом лесу отдельных насекомых оказалось ничуть не проще, чем пресловутую иголку в стоге сена. Мы пробовали разные тактики. Полынь запускал поисковые импульсы. Я просила помощи у унни, но унни то ли не врубалась, то ли брезговала участвовать.

Куратор сплел какое-то дикое заклятье, выжигающее всех насекомых на пятьдесят квадратов вокруг. Попытка обернулась крахом: на нас со всех окружающих деревьев осыпалось такое количество вполне невинных, но оттого не более симпатичных муравьев, тлей, жуков-короедов, личинок и червяков, что я долго не решалась сдвинуться с места по новообразовавшемуся шуршащему коврику трупиков...

Плюс так недалеко было и до дестабилизации экологической обстановки. А этого нам не простили бы ни Шептуны, ни сам лес – в силу внешних обстоятельств молчаливый, но очень суровый Смаховый лес, где мы все обитаем на роли гостей.

– Давай на этом остановимся, – наконец сказал Полынь и присел на какое-то замшелое бревно на тихой лесной полянке.

Бревно, увы, оказалось ненадежным седалищем. Прогнившее, оно обреченно ввалилось внутрь под весом куратора, зажав Внемлющего в тисках, как, бывает, детские качельки на площадке сжимают нехоти польстившегося на них взрослого.

Полынь, однако, не потерял чувство собственного достоинства.

Изобразив, что все нормально и древесная труха, поглотившая его таз, – это в порядке вещей, он ровным голосом продолжил:

– Я напишу пару записок кому надо, и, думаю, наших членистоногих друзей быстро добьют.

«Это если они вообще на кого-то покусятся, – подумала я. – А не променяют по-дезертирски службу Зверю на мир и покой Лесного королевства. Свежий воздух, пикники, все дела».

Полынь продолжил:

– Думаю, сейчас нам стоит поспать. А завтра со свежими силами займемся порталом.

Оценив поспав на куратора, застрявшего в бревне, как пробка в бутылке, я лишь зевнула и опустила прямо на зеленую поросль полянки. Подумала с мгновенье, оценивая температуру земли, и завалилась на бок, как на пляже.

Было три часа ночи, июнь. Уже занимался рассвет. В извилистых морщинах дубов разгорались угли вновь потревоженного солнечного костра. На кронах деревьев, шумящих далеко

вверху, появился розоватый отсвет неба. Потаенные уголки поляны нет-нет да поблескивали свежей росой, набухшей от собственной важности.

– Согласна, – безропотно кивнула я, вновь чуть не вывихивая челюсть зевком.

Двое суток без сна уже... Все серьезно.

Полынь продолжал рассуждать вслух:

– Утром я запрошу в Архиве информацию о порталах – там мне помогут. Архивариусы поголовно ставили на меня в споре о моем Генеральстве, так что я, считай, подарил им кучу денег... Да, точно помогут. – Полынь задумчиво покрутил браслеты на левой руке – была у него такая привычка. – Господина Дахху припряжем к более подробному допросу маньяка по теме.

– А королю, – я зевнула, – не будем говорить о случившемся?

Полынь презрительно содрогнулся:

– Ни за что! Иначе нас ждет новый цикл взаимного недопонимания. Справимся своими силами. В нашей команде есть бывший хранитель, друг бокки-с-фонарями, ученица Карланона и я – как минимум. Это хороший расклад в борьбе с преступностью, выходящей за рамки нормальной лайонассинской.

После этих слов Полынь оценил собственное незавидное положение, вздохнул и, оттолкнувшись руками от бревна, попробовал подтянуться вверх, чтобы вынырнуть из коварной гнили. Вместо этого руки тоже утопли.

– Да уж, куда там королю и всей госсистеме до нашей непобедимой компашки, – зевнула я. – Засмеют нас Зверевы приспешники...

Полынь насупился, покрутился туда-сюда и, сдавшись, Прыгнул. Мгновение спустя он материализовался подле меня.

– Пусть хохочут, лишь бы дохли, – отмахнулся он.

– Ух-ху... – ответила я в стиле Мараха.

Я честно силилась держать глаза открытыми. Получалось не очень.

– Ты что, *опять* засыпаешь? – Куратор высоко вскинул темные брови.

– Ух-ху...

– Меня начинает пугать эта тенденция при наших беседах. Не дай небо, разработаешь у меня комплекс неполноценности, – цокнул языком Ловчий и, крепко схватив меня за плечи, Прыгнул вновь.

Сквозь шелковую дымку неотвратно подступающих снов я увидела, что мы оказались у меня в Мшистом квартале. В библиотеке второго этажа, на старом добром топчанчике.

– Спи, чудовище. – Полынь снова взъерошил мои и без того лохматые волосы. – Наша служба доставки на дом желает тебе приятных слов.

– Подожди, так ты и ко мне маршрутную метку поставил, что ли?... – удивилась я, но, кажется, не договорила фразу – уснула.

А может, даже и не начала.

Гойи на вас не хватает

У правды очень много граней. И правд самих – немало. Изучите хотя бы несколько, прежде чем формировать суждение, за которое готовы биться.

Магистр Орлин

– Так-так-так! – Бодрый голос Кадии не предвещал ничего хорошего.

В нем звучала опасно-хищная нотка, знакомая мне со времен учебы.

Поняв, что сейчас будет, я успела скатиться с дивана за мгновение до того, как Кад вылила туда стакан ледяной воды.

– Ты ж моя хорошая! – умилилась стражница. – А теперь посмотрим, как обстоят дела с реакцией у него... – и Кадия азартно куда-то потопала.

Я распахнула глаза.

– У кого «у него»?

На кресле-качалке, поскрипывающем у окна, возлежал Полынь. Он устроился на боку, спиной к нам, лицом к саду, и зачем-то накрылся моей летягой, как одеялом. Нет чтоб плед с соседнего стула взять!

После слов Кадии Внемлющий пошевелился, зазвенела гора амулетов.

– Я не сплю, просто жду ответы на письма. А если б и спал, то твои шаги все равно бы меня разбудили. Зачем стражникам такие громкие набойки? Даете фору преступникам, м? – Ловчий перевернулся на другой бок, и у него в руках мы углядели крохотную чашечку с кофе.

Батальон таких чашек уже много лет пылится у меня на кухне, и я никогда не знала, что с ними делать. Пить из таких, на мой взгляд, бессмысленно – даже на один нормальный глоток не хватает. Ну если только ты не любитель черного горького варева объемом тридцать миллилитров, которое некоторые мазохисты почему-то считают единственной возможной ипостасью кофе.

– С каких пор твой куратор ведет себя тут как дома? – поразились Кадия, от чьего взора так же не укрылась симптоматичная чашка.

– Понятия не имею! – Я сладко зевнула и с наслаждением потянулась. – Возможно, следует твоему примеру? – добавила я, увидев, что голова Кадии укутана тюрбаном из банного полотенца. Моего полотенца. – Ты что, у меня голову мыла?

– Ага. – Кад наклонилась и стала сушить-выжимать волосы. – По твоей вине, кстати. Ты зачем мне вчера этих гавриков подбросила?

– Каких гавриков?

– Мела и рыбьеголового. Вот это был сюрприз, я тебе скажу! Выхожу из департамента, а тут такая делегация. Стоят у главного входа, всю права качают. Гномов вокруг уже собралось видимо-невидимо: опять мою честь принялись защищать, не разобравшись, что к чему. Какую-то не такую Мел себе позволил шутку... Что-то про то, что он заморский герцог, приехал меня спасать от злобных бородатых старикашек. Старикашки, как водится, принялись ему доказывать, что меня очень любят и что, прежде чем меня звать, хотят проверить, насколько качественно заморский герцог умеет сгибаться в загогулины: якобы для меня это важный показатель мужественности. Ну, думаю, сейчас Кеса-то и побьют: он стоит посреди толпы, сияет, и загар такой красивый, прямо завидно. И лодочник рядом – как вестник смерти в своем плаще. И обоих, кажется, уже исподтишка привязывают к переносной гномьей дыбе... А Мел так же исподтишка вытаскивает у них из голенищ припрятанные кинжалы. В общем, я еле разруглила ситуацию!

Живо представив картину, я содрогнулась. Мел и гномы! Нашла коса на камень.

– А при чем тут полотенце на голове?

– Я так поняла, что парней надо было где-то поселить, среди прочего. А куда я их дену? Повела к себе. Тайком от родителей устроила в дальней комнате. Наслушалась баек от Мела, привыкла – хотя не сразу – к физиономии лодочника... Ну и пошла к себе в летний флигель. Через час вдруг все поместье на уши встает! «Что за ерунда?» – думаю. Иду в особняк. А там служанки бегают, вопят, за головы хватаются. Оказалось, Шлэйла решил принять ванную. И сквозь трубы к нам – та-да! – приплыла со всего Шолоха рыба, приветствовать своего хозяина. Забилась по всей длине канализации! Изо всех раковин полезла – я не шучу! Шлэйла в шоке и депрессии – рыбы-то сдохли; Мел в шоке и хохочет; весь особняк просто в шоке – домашним совсем плохо, они причины водопроводного краха не понимают. В общем, мы вызвали Мастеров Бегущей Воды, но они только сегодня придут. Папочка там какой-то суровый закон против них инициировал, вот и мстят помаленьку, как могут... А я хотела перед работой голову помыть, поэтому к тебе явилась, – и Кадия улыбнулась широко-широко, обнажая и верхние, и нижние зубы – ну актриса!

Я покосилась в сторону окна: не мелькнет там газетный иллюстратор? По моему глубокому убеждению, если появляется такая улыбка, то сразу должны набегать журналисты – писать статьи о пролившейся на мир наш красоте и благодати.

Но за окном было зелено, свежо и пусто, не считая стайки шаловливых вайтов – духов воздуха, которые увивались возле стекла, изо всех сил пытаясь приблизиться к Полюни. Вернее, не к самому Полюни, а к его многочисленным колокольчикам. Все звенящее – главная вайтова слабость!

Ловчий постучал ногтями по стеклу, отгоняя духов, потом смотал мою летягу валиком, встал, потянулся, разминая косточки. Раздался хруст. Хотя я не поняла – это у него в скелете или в амулетах.

– А почему ты просто не нагрела колодезной воды? – Куратор прищурился на Кадью. – Заклинание очень простое.

Подруга сощурилась в ответ:

– А почему бы тебе не пойти и еще кофейку себе плеснуть, а, Ловчий? И прекрасным дамам заодно?

Полюнь вызывающе щелкнул пальцами. Крохотная чашечка наполнилась вновь, еще две такие же появились на ковре рядом со мной и прямо в руке Кадии.

– Готово. – Ловчий по-воробыиному склонил голову набок.

– А я не пью такой крепкий.

Еще щелчок – и в другой руке стражницы возник стакан молока.

– Всегда пожалуйста, – осклабился Полюнь.

Кад растерялась, силясь придумать другой предлог, чтобы избавиться от куратора.

– Ха! – сказал он победно и ушел вниз, предварительно кинув мне ташени от Дахху.

Записка гласила: «Пиония в порядке, ваш шеф тоже. Хотя он чуть не убил меня, когда я появился к нему в ночи... Еду к Анте обсуждать варианты».

– Так в чем настоящая причина твоего визита? – Я начала собираться – дел невпроворот, нужно срочно заняться порталом. – Ты что, не могла просто так прийти, Кад? Зачем изобретать?

– Так я и пришла просто так, поболтать до работы! – Кадия заговорщически понизила голос. – А в прихожей вижу – ботинки Внемлющего. Ну я смутилась, мало ли. Но ведь любопытно! Вот я и обеспечила себе повод прошлепать туда-сюда через твою спальню – в ванную. Убедилась, что там все в норме, и уже с полотенцем в качестве прикрытия пошла рыскать по всему дому, – засияла она.

Я угрозила ей пальцем и категорически покачала головой. Не-не-не. Отставить инсинуации!

– Слушай, Кад... Меж тем у нас тут опять драма вселенского масштаба.

– Да кто бы сомневался!

– Хочешь знать подробности?

– Честно? Нет. Хочу на море. Но раз в меню сегодня только драма, то подавай ее. – Кадия плюхнулась в кресло и залпом выпила кофе, а потом молоко.

Иллюзорность напитков – бич всех наколдованных вещей – ее не смущала. Запах есть, вкус есть, а что калорий не хватает, так это даже здорово!

Я рассказала про уничтоженную Пустоту и портал в Лиссае.

– Вот ушлепок, – констатировала Кадия, услышав про просьбы Анте пожертвовать ему магию.

– Я к этому и веду. Дахху сейчас будет расспрашивать Анте о порталах и способах их закрыть. Ты можешь их проконтролировать? Я боюсь, наш друг слишком верит маньяку, даже восхищается им... Тот скажет – «отстаньте, Дахху!», и Дахху отстанет. А нам нужен ответ.

– А почему сама не займешься?

Я вспомнила лицо Анте во время нашего эксперимента с Пустотой и с сожалением цокнула языком.

– О нет! – ужаснулась подруга, все правильно поняв. – Ты тоже размякла, что ли?

– Может быть. – Я прикусила губу. – Мозгом понимаю, что он редкостный ублюдок, но уже как-то привыкла считать за «своего». Глуп человек да разумением слаб...

– Да уж, – поморщилась Кадия. – Ладно, я прослежу за ними. И с Дахху по душам поговорю. А то чего вздумал – на людей горшками замахиваться! Мелкое хулиганство – это мой профиль в нашей компании, не отдам. – Она чмокнула меня в щеку и ускакала прочь.

Когда я спустилась, Полынь на пороге строчил кому-то все новые и новые ташени.

– Никогда до сегодняшнего дня, – гордо провозгласил куратор, – в Шолохе так не интересовались порталами, как сегодня. К ночи мы будем знать о них все, что можно.

Я одобрительно подняла скрещенные пальцы вверх.

Моя летяга ответила на этот жест острым запахом эвкалипта и мяты.

* * *

– Это исключено! – Я в ярости пнула корзину с бельем.

Она завалилась набок, и круглая крышка слетела с нее. Будто рот открылся в изумлении: ты глянь, что творит...

У меня были причины для злости.

– Это единственный выход, – пожал плечами Анте Давьер.

Кадия и Полынь промолчали. Они понуро сидели в разных концах моей комнаты. Было странно видеть их такими – будто в воду опущенными.

– Мы не станем убивать Лиссая, – прорычала я. – Никогда. Ни за что. Только через мой труп.

Анте окинул меня долгим взглядом и, кажется, призадумался.

– Госпожа Ловчая. Повторяю еще раз. У нас просто некому закрыть портал.

– Значит, как телепорт делать, так вы в первых рядах, а портал – сразу пасуете?

– Телепорт – это другое. Телепорты разделяют пространства в пределах одного мира. Порталы ведут из мира в мир. Это другой уровень. Нужен реальный хранитель, а их нет в зоне досягаемости – и не предвидится. Можно было бы отправить принца прочь из Лайонассы – но это нам тоже недоступно, ведь Карланон взорвал все двери. Соответственно, остается только уничтожить портал вместе с его носителем. Это не мои придумки. Вы сами, господин Полынь и я провели независимые исследования – и выводы у всех одинаковые. Так что постарайтесь поскорее смириться.

– Нет.

Я подошла к своему столу. Он, как корабельная ростра, выступал впереди всей комнаты – стоял впритык к полукруглому панорамному окну, мягко светился аквариумами с осомой. Там, за стеклом, по ту сторону света, переливалось вечернее море леса. Я посмотрела на балласт из сотен бумажек – записок и заметок сегодняшнего дня – и, зарывав, смела их со стола к праховой бабушке.

Маньяк поджал губы:

– Когда заморозка кончится, пришествие Зверя возобновится. Портал будет шириться, твари станут серьезнее...

– Мы можем возобновлять заморозку снова и снова.

– Нет, Тинави, не можем! – гаркнул он, теряя терпение. – Не можем! Где вы возьмете столько свободной унии? Разок отдадите свою, *о'кей*. А дальше? Будете убивать других, чтобы сохранить принцу жизнь? Да и жизнь ли это – чертов сон в янтарной ловушке?!

– Можно организовать какое-то движение... – пробормотала я. – Я научу людей Карловой магии, они будут сцезивать в кровавик, вы – использовать... – Еще не доведя мысль до конца, я поняла, что это какой-то жалкий, убогий бред зареванной первокурсницы. Той, что вытащила неудачный билет и знает заранее, что проиграла.

Кадия откашлялась.

– Ребят, – наигранно бодро спросила она, забыв, что Анте у нее всегда проходит как «ушлепок», – а может, и прах с ним? Пусть себе открывается портал. Я гномов подгоню к премьере. Отпинаем мошек по самое не горюй, передумают соваться в Лайонассу.

Анте зло хлопнул себя ладонями по бедрам.

– Передумают? Передумают?! Если ты считаешь, что царство Зверя подобно царству нашей вселенной, – ты ошибаешься! У них не так устроено сознание!

– А как? – мгновенно отозвался Полынь.

– А я почему знаю? – взревел Анте. – Спрашивайте Карланона! До того как он вытащил Зверя из ниоткуда, никто из нас не сталкивался с другими формами бытия! Врата всегда были закрыты! Это ж надо, насколько Карлу стало скучно, насколько опостылела сама жизнь, что он попробовал призвать Отца! Тупица! Было очевидно, что Отец не придет. Он никогда не приходит, *никогда*. Только чтобы наказать. И в данном случае он поступил так же: наказал Карланона Зверем. За дерзость и за излишек свободного времени. Но этот мелкий ублюдок смылся, позорно бежал, испугавшись... И Зверь вместо того, чтобы загрызть его и успокоиться на этом, начал охоту. Он узрел волшебство междумирий, красоту миров, познал восхитительный вкус унии... И теперь он не остановится. Теперь везде идет война, по всей Вселенной. Кому говорить спасибо, а?

Анте с чувством саданул кулаком по столу.

– Вот вы все вините меня. – Голос Теннета сочился, как змеиный яд. – Ах, ох, я убивал людей. Ох, ох, такой гордец, знал об опасности, но молчал. Но я хотя бы в курсе, где мое место. Я знаю, что я песчинка в мироздании, что «я ничего не знаю», что мне надо будет в конечном счете смириться. А Карланон, которого ты, – снова палец в мою сторону, – так обожаешь? А Карланон, Тинави? Он зарвался. Он просто охренел. Он начал своей мнимой любовью оправдывать все, переходы всех границ. Посмел коснуться искр срединников – это раз! Посмел призвать Отца – это два! Банальным заклатьем, как Селеста – своего пегаса, Теотокопулоса тебе в зад! Ты хоть понимаешь, насколько он горд? Насколько устрашающая, угнетающая гордыня жрет его изнутри? И это только две истории – из доброго десятка. Карланон как-то угрожал Отцу, что убьет себя, если тот не явится. Карланон спал с женщинами всех миров, надеясь наплодить себе детей с безусловной к нему любовью. Карланон ставил эксперименты всепрощения, которые сводились к тому, что он намеренно заставлял людей его ненавидеть, идти на гнев, на ненависть, на преступления, а потом – величаво прощал их, топя в унижении...

Ему вечно мало! Он уже по колено в своей чертовой любви и все никак не успокоится! И это притом, что он божество, Моцартом тебя кувырни! Однако ноет, бесконечно ноет. «Кто я?» «Откуда я?» «Где мой па-а-а-апочка? Кого мне любить? Зачем все это? Куда мы идем?» Философ хренов! Он творит беспредел, и на все у него одно оправдание – ишу любовь, любовь во всем – под таким девизом можно рушить Вселенные! Ай-на-нэ, смотрите, главное, какой я лапочка, любите меня, все любите меня обязательно!

Анте стоял, крепко сжав кулаки. Он побледнел, ноздри его раздувались. Внезапно умолкнув, устыдившись своей вспышки, он провел рукой по лицу, будто пытаюсь стереть его, и опустил голову.

Я слотнула.

В нормальной обстановке бесшумное, сейчас это действие показалось мне очень громким.

– И доверие, – поправила я.

Бывший хранитель поднял глаза.

– Что? – сипло выдохнул он.

– И доверие. Любовь и доверие. Не просто любовь, – медленно повторила я. – Раз уж вас так беспокоят чужие лозунги, Анте.

Вдруг дверь в спальню распахнулась.

В комнату влетел свежий ветер – добрался какими-то странными зигзагами, то ли сквозь окно ванной, то ли сквозь кухонное... Он шаловливо взьерошил кудрявую челку застывшей Кадии, поиграл колокольчиками в волосах Польши, дал профилактическую пощечину Анте и по носу щекотнул меня.

А еще ветер принес с собой двух человек.

И если одного из них – Дахху из Дома Смеющихся – мы давно уже ждали, то приход второго вызвал у меня легкое недоумение.

Хотя нет, вру. Никаких удивлений. Я уже привыкла к тому, что эта авантюрная рожа оказывается затычкой в каждой бочке.

Конечно, вторым человеком был Мелисандр Кес.

Несколько мгновений мы все молчали – каждый на свой мотив, – а потом Дахху растерянно протянул:

– Друзья, простите, что мы невовремя...

– Наоборот, вы очень кстати, – утешил его Польша, чьи руки последние пару минут незаметно лежали в подготовительной маг-позиции.

– А, да? Ну прекрасно. – Дахху явно не поверил, но воспитание заставило его перешагнуть порог. – Дело в том, что мы с Мелисандром придумали, как нам встретиться с Карланом, который, в свою очередь, сможет закрыть портал. У нашего плана есть пара минусов, но внутренний голос подсказывает мне, что это лучшее из возможных решений.

– Лучшее, зуб даю! – поддержал Мелисандр.

Характер тишины в комнате неувовимо изменился: с гнетущей на лоящую каждое слово.

– Гойи на вас не хватает... – вдруг едва слышно пробормотал Анте.

Он рывком открыл мое раздвижное окно и ушел в сад. Никто его не остановил.

Только Дахху порывался – но я поймала его за локоть и отрицательно покачала головой.

Друг тяжело вздохнул.

Часть IV

Открывая кромен

Королева Бурундук

*Мир все еще больше, чем нужно, но меньше, чем хотелось бы. Пора двигаться дальше. Разве не этому нас учили боги?
Хинхо из Дома Страждущих*

Итак, Анте Давьер вышел в окно и пошел лесом.

Вскоре послышался страшный треск калитки... Кажется, кое-кто не сообразил, в какую сторону она открывается, и в сердцах выломал кособокую дверцу.

Эх! А чинить мне.

Мы с ребятами переглянулись и уселись кружочком, как заговорщики в летнем лагере – те, что в ночи, да с фонарем, да со страшными сказками. Устроились прямо на полу, ибо сидячих мест категорически не хватало.

– С ним все в порядке? – тихонько спросил меня Дахху, пока все устраивались поудобнее, обкладываясь подушками и пуфами. Будто для безопасности – а то, поди, сейчас опять со всей скоростью вмажемся в какую-то чумовую новость... Надо поостеречься.

– Да. – Я вздохнула. – Если, конечно, ты уже понял, что боги ничем от нас не отличаются. Те же люди – с истериками и комплексами – но с неограниченным сроком годности. Или истекшим?.. Как посмотреть.

– Бедняги. – Друг покачал головой. – И как мне о таких энциклопедию писать? Я-то думал, их время в Срединном государстве было золотым веком. Утерянным, манящим, полным настоящих героев и настоящих побед. Но чем больше узнаю, тем лучше вижу – все одно...

– Все те же невротические лица, что и у нас. Понимаю.

Друг потуже укутался в теплый шарф. Я подула на замерзшие пальцы.

В комнате было ужасно холодно – как, впрочем, и снаружи, спасибо непредсказуемому лесному лету.

Вихри холода носились сегодня по всему Мшистому кварталу: колкий и цепкий, он единым массивом спустился с далеких Скалистых гор. По дороге его терзали ураганы и смерчи, и он дошел до нас рваными разрозненными клоками, оттого лишь более яростными. Злясь на свою сиротскую, заблудшую судьбу, холод нещадно жалил голые пятки шолоховцев, в последние дни опрометчиво торчащие из шлепанцев. Горожане ворчали и доставали из шкафов сапоги и непродуваемые плащи-летики, нагревали дома.

Я сделала для всех облепиховый чай, но он печально остыл еще до того, как кто-либо успел погреть о него руки.

– Я разожгу, – решил Полынь и, деловито хрустнув пальцами, переместился к камину.

Судя по его лицу, будь камин даже декоративным, он все равно бы его растопил.

Я обняла подушку потуже и обратилась к ребятам:

– Мел, Дахху, вы сказали, что знаете, как встретиться с Карланоном. Это правда?

– Конечно. Как медик говорю: врать на такую тему в таких обстоятельствах было бы опасно для здоровья, – хмыкнул Кес.

– Это правда, – подтвердил Дахху. – Но история долгая.

– Будто у тебя бывают другие! Что ж, я готова внимать. – Кадия легла на живот, подперла подбородок кулаками и заболтала ногами.

Помню-помню со времен учебы. В такой позе она почему-то лучше усваивает информацию. Магистр Орлин всегда относился к этому на удивление снисходительно. Сам он любил думать на ходу: читал лекции, рассекая кабинет по диагонали, и потому спокойно воспринимал причуды чужого восприятия.

Мелисандр и Дахху переглянулись.

– Я начну, – заявил Мелисандр. – Давайте вспомним: нулевой год нашей эры. Боги-хранители прощаются со срединниками и уходят из Лайонассы. Так?

– Так! – отозвались мы.

– Тысячу лет ничего интересного не происходит. А в двенадцатом веке срединникам приходит конец. Так?

– Так!

Дахху поморщился, явно не вдохновленный ораторским мастерством Мелисандра. Но промолчал: понимал, что, возьми слово он, исторический экскурс получится изящнее, но протянется до утра.

Друг оглядел комнату, будто что-то выискивая, а потом, осуждающе вздохнув в мою сторону, наколдовал иллюзию глобуса. Классическую, учебную, каких полно в нашей Академии. Да и в Пике Волн мы такую видели – как раз в университете Рэндома.

Хм. Зачем это?

Мел продолжил рассказ. В его голосе появились самодовольные нотки:

– Вы всегда считали, что Срединное государство погибло вследствие накопительного эффекта ненависти, скажем так. Но теперь вы знаете, что драконы сожгли Мудру из-за яйца. А вот что двигало соседними государствами? Зачем они устроили мясорубку на месте Прибрежного легиона? Ваши версии! Удивите меня.

Мы упрямо молчали. Формулировка вопроса и лукавая рожа Кеса подразумевали, что ответ не будет очевидным.

Мелисандр кивнул:

– Подойдем к тому же вопросу с другого конца. Зачем срединники похитили яйцо драконов?

– Для опытов! – откликнулась я.

Это я помню. Это мы проходили.

– А для каких именно?

– Не знаю.

Дахху в нашем импровизированном уроке не участвовал. Он стоял на коленях перед иллюзорным глобусом и старательно его правил, доводя до совершенства. Хотя что там оттачивать, казалось? Безбрежная морская синь, один сиротливый материк, напоминающий медузу, и несколько крупных островов вокруг.

Мелисандр закивал:

– Вот-вот! Никто не знает. Потому что эту информацию от нас тщательно скрывали. Целую тысячу лет.

– Кто скрывал? – Полынь подозрительно обернулся от камина.

Кочерга в его руке напоминала знак вопроса. Кажется, бывшему Ходящему претила мысль о том, что у других от него могут быть секреты.

– Все! – Мелисандр широко обвел рукой мою комнату. – То есть обе стороны конфликта. Потомки срединников – потому что не хотели, чтобы история с кровавой бойней повторилась. Другие государства – потому что им очень, ОЧЕНЬ не нравился опыт, задуманный срединниками в 1147 году.

– Так что за опыт-то? – не выдержала Кадия.

Холод за окном стал еще гуще. В гостиной потемнело, дыхнуло промозглостью леса.

Мелисандр вздохнул и вдруг как-то сочувственно улыбнулся, прежде чем объявить:

– Срединники планировали уничтожить магический купол, под которым мы все живем, начиная с нулевого года нашей эры. Купол, который связывает нас с другим миром. Внешним.

– Что-о-о?! – взвыла Кадия.

Брови Полыни уползли куда-то под колокольчики на волосах. Я поперхнулась некстати проглоченным кофе, а Дахху встрепенулся и поспешил обратить наше внимание на свой глобус.

«Так, стоп», – лихорадочно думала я, пытаюсь саму себя побить по спине. Стоп-стоп-стоп. Верните меня обратно. Это что такое происходит? Я ослышалась? Скажите, что я просто глуховата!

Но, судя по прибалдевшим лицам друзей – и по удивленной физиономии часов на стене – я совсем не ослышалась...

Дахху лихо раскрутил глобус:

– Сейчас вокруг Лайонассы – море, сплошное море, верно? – Смеющийся демонстрировал очевидное. – Но в прежние тысячелетия Лайонасса была лишь одним из нескольких материков. Однако хранители жили именно у нас – и очень сильно повлияли на наш путь развития. Мы колоссально отличались от остальных земель. Поэтому перед уходом боги решили отделить нас друг от друга, не желая, чтобы они нанесли вред нам, а мы – им. И тогда хранители накрыли Лайонассу огромным куполом и заодно как-то препарировали ее... Уменьшили. Вытащили. Заколдовали. Но разделить нас полностью невозможно, и магический купол стал пуповиной, которая связывает миры. С помощью телепатии Рэндомы боги заставили нас забыть друг о друге. Какие-то намеки остались в легендах обоих миров, но не больше. Однако срединники потом смогли вернуть себе память при помощи колдовства.

Я тяжело сглотнула.

Если честно, меньше всего на свете я сейчас ожидала услышать конспирологическую теорию! Всемирные заговоры хороши, но только в сюжетах суровых книжек. В жизни-то с ними что делать?

Остальные разделяли мой невоисторг. У Кадии было такое уморительно-брезгливое лицо, будто ей на блюдечко паштет положили – вместо мороженого.

Дахху, не увидев в нас должного вдохновения, поспешил дополнить иллюзию глобуса: повинаясь его воле, материк Лайонассы скукожился, став в несколько раз меньше, туманнее, и будто провалился на другой слой реальности. Над ним заблестел, переливаясь на несуществующем солнышке, почти прозрачный купол. Синее море за его пределами разрисовалось зелеными и желтыми неизвестными землями.

– Вот как-то так это выглядит, по идее, – удовлетворенно кивнул Смеющийся.

Снова гнетущая тишина. Подозрительно долгая.

– Мелисандр, Дахху, друзья мои. – Полынь потыкал кочергой в трещащие поленья, и его интонация ясно дала понять, что никакие они не друзья. – Предположим, вы правы. Вокруг Лайонассы есть некий магический купол.

– На самом деле куда правильнее называть его *кроменом*, я просто не успел это сказать, – торопливо вставил Дахху.

– Кромен, – послушно поправился Полынь.

Полынь знает, что сумасшедших лучше не перебивать.

– Итак, за кроменом есть другой мир. Очень странный.

– Да нет, сейчас мы уже во многом похожи: тезаурус, наука, традиции... – снова влез Дахху.

Ловчий сощурился на него и эдак небрежно коснулся пальцами раны на голове. Мол, ты меня уже разозлил, парень, неужели продолжишь? Дахху умолк.

– Вопрос следующий. Что дальше? Давайте ближе к делу, пока не выяснилось вдобавок, что мы все – чьи-то игрушки, и все это вообще не имеет смысла... – Голос куратора оказался

мрачнее, чем можно было ожидать. Он угрюмо склонился над огнем. Нет, ему определенно не понравился рассказ про кромен.

Мелисандр Кес пожал плечами:

– А ближе уже некуда. Ваш Карл ведь что сделал? Уничтожил наш вход в Междумирье, так?

Я судорожно кивнула.

Дахху вмешался:

– Если мы задумаемся о сущности Междумирья, то поймем, что оно представляет собой разновидность портала. То есть устойчивый волшебный путь. В случае Междумирья – путь откуда угодно и куда угодно, с тысячью условных дверей. Междумирную дверь в Лайонассу Карл взорвал. Но...

Я вдруг поняла, к чему они ведут.

Вскочила на ноги, подпрыгнула к макету глобуса и щелкнула пальцем по крохотулке-куполу. Иллюзия, не выдержав чужого прикосновения, чуть не рассыпалась.

– Но купол! Купол ведь тоже связывает миры! – выдохнула я. – Получается, это еще одна дверь, сквозь которую можно выйти наружу. И там уже докричаться до Карла, верно?

Дахху подправил мигающий глобус и кивнул:

– Да, я думаю, вне купола ты сможешь призвать Карланона. Ведь тебе удалось сделать это в Святилище во время первой встречи со звериными приспешниками.

– Ага, – припомнила я. – С помощью банального амулета из магической лавки.

Все дружно уставились на макет, обдумывая свежеполученную информацию.

– Слушайте, а мне нравится! – Кадия неожиданно приободрилась. – Связь миров, это ж с ума сойти! Я не против таких сюрпризов!

И улыбка Кадии – красивая и, что важнее, искренняя, как-то сразу подсветила тусклую безнадегу нашей кукольной комнаты в нашем кукольном мире... У меня чуть-чуть отлегло от сердца.

Полынь цокнул языком:

– Так этот купол материальный или нет? Почему наши мореплаватели его не нашли?

– В обычное время кромена как бы нет. Чтобы найти и ощутить его, нужны специальные артефакты.

– А прорывать купол вообще безопасно? – спохватилась я. – Вдруг сквозь дыру набегут приспешники Зверя?

– Сразу точно не набегут. Зверю неоткуда узнать об этом входе. Вспомни, как он впервые нашел Лайонассу? Только по запаху Карла. Вернее, по запаху Карловой магии. Если бы ты не применила ее в Святилище, Зверь бы так и не узнал о нашем существовании. Он не всеведущ.

– Ну спасибо, утешил, – буркнула я.

М-да.

Неприятно осознавать, что ты – один из главных виновников звериного пришествия.

– Зверь не всеведущ, – закивал Полынь, снизу доверху оглядывая Дахху и Мелисандра. – А уж вы вдвоем – тем более. Как же вы собираетесь открыть купол, который, если я правильно понял, специально создали для того, чтобы мы не вышли наружу?

Мел улыбнулся и вытянулся во весь рост, неуловимо напомнив мне гордую Статую Духовной Свободы. Она, огромная, торчит посреди Метелочного квартала: широкоплечий каменный дворник задрал счастливое лицо к солнцу, наслаждаясь им и «каждой секундой бытия, несмотря и вопреки сложной ежедневной работе».

Мелисандр убедился, что завладел всеобщим вниманием, и потребовал:

– Дахху, убирай глобус и демонстрируй общественности следующий экспонат!

Дахху послушно пошел за своей наплечной сумкой, брошенной у порога. Я не видела ее с момента нашей подкурганной экспедиции. Сумка была все так же грязна и объемна. Что-то распирало ее изнутри, мешало держать подтянутую форму приличного ученого аксессуара.

Под нашими пристальными взорами Дахху достал из нее тряпичный сверток размером с хороший булыжник. Благоговейно подержал его пару секунд, потом начал разматывать. Раз слой, два слоя, три... О да. Это действительно было долго.

Наконец, нашим изумленным глазам явилось яйцо.

– Это оно?! – Я не удержалась от вскрика. – Оно уже у тебя? То самое? Драконья самочка?

– Да, – улыбнулся Дахху и, шикнув, приложил палец к губам, как будто боялся, что я разбужу таинственного обитателя яйца.

Оно было раз в десять больше куриного. И в два раза больше яйца василиска. Лазурно-зеленое, будто в эмалированных чешуйках, с золотыми прожилками. Чешуйки-лепестки немного торчали по сторонам, яйцо густо покрывала копоть, и Дахху, начавший его поглаживать, мгновенно испачкался.

– Так-так... – Полынь вытащил из складок хламиды лупу и начал пристально изучать реликт.

Дахху поглядывал на Ловчего ревниво, яйцо из рук не выпускал. Мы с Кадией тоже подошли поближе.

– Короче! – Мелисандр, кажется, обиделся, что все перестали на него смотреть. Этим зычным «Короче!» он заставил нас снова обернуться к нему. – Яйцо и амулеты Дома Страждущих – вот что нам нужно, чтобы распахнуть в куполе хорошенькую дверку!

Полынь подозрительно отлепился от будущего дракончика:

– Очень интересно, а откуда вы все это знаете, Мелисандр? Вы же даже не историк, как мне помнится.

– А я много читал про ее прадеда, – саусбериец кивнул на меня. – Хинхо из Дома Страждущих. Он был главным заводилой на тему открытия купола, которую продвигали в Прибрежном легионе. И единственным, кто выжил там в 1147 году. Хинхо повезло во время сражения уйти под воду, в Рамблу, чтобы договориться с блеснами о том, что те не будут препятствовать кораблям срединников. Ведь до купола надо сначала доплыть, прежде чем его проявить и открыть.

– Хинхо был главным заводилой? – ошарашенно переспросила я.

– Ага, – кивнул Кес. – Поэтому он чуть не сошел с ума, когда вернулся и увидел, что все погибли. Бедолага жутко винил себя... Хинхо уехал в Шэрхенмисту, но не мог жить нормально. Просто не мог после увиденного. Вместо того чтобы двинуться дальше, он грыз себя снова и снова. Хинхо из Дома Рефлексирующих – так его надо было назвать, по-хорошему.

Я только головой покачала.

Тысяча лет минула, небо голубое... Но, кажется, тот старикан Хинхо был мне по-настоящему близок.

Мелисандр продолжил:

– В итоге господин Страждущий собрал котомку и отправился путешествовать. В процессе он раздаривал амулеты, которые ненавидел всей душой. Я за этими амулетами охотился. Заодно и некоторые записки Хинхо нашел – только никак не мог расшифровать их целиком, там были очень мудреные главы. Зато Ол`эн Шлэйла справился в два счета, головастый мужик он, если вы понимаете, о чем я! Так, уже собрав амулеты, я узнал про купол. И про назначение хинховых амулетов.

Продолжая неравную борьбу с яйцом за всеобщее внимание, Мелисандр Кес вытащил из-за пазухи шесть амулетов на черных кожаных нитках.

Четыре из них я уже видела, причем в добывании последнего принимала непосредственное участие. Остальные были новенькими, незнакомыми. Впрочем, все безмерно походили друг на друга. Сразу видно – комплект.

Патологоанатом ловким жестом перебрал амулеты у себя на груди, как, бывает, лавочники демонстрируют товар неискушенному, падкому на соблазны покупателю. Мол, смотрите, как красиво! А как блестит! А какие камешки в центре, да металлические оборочки по краям! Если все сразу возьмете – скидку сделаю, большу-у-у-ую, себе в убыток даже, только никому не говорите, конкуренты засмеют!

– Кстати, Тинави, детка. Помнишь, мы удивлялись, что в Срединном государстве не было никаких Страждущих?

– Помню, – с опаской подтвердила я.

– Это потому что все твои предки до Хинхо звались Умелыми. Изначально он был Хинхо из Дома Умелых.

– Здорово... – озадаченно протянула я, уже не в первый раз за день не зная, как комментировать все новую и новую поступающую информацию.

Хотя... Да не прозвучит это кощунственно, но нынешняя фамилия мне нравится больше. Так что спасибо, Хинхо. Не зря страдал.

– Хорошо, Мелисандр, амулеты вы нашли, дневники расшифровали, – нетерпеливо кивнул Полынь. – Но яйцо принесли не вы, а Дахху. Поясните.

Мелисандр почесал свой сломанный нос:

– Да-а, с яйцом вышло забавно. Без него купол не открыть. Драконье яйцо – обязательный компонент заклинания. И его Хинхо в 1147 году безмятежно продолбал, что называется.

Дахху успокаивающе погладил драконье яйцо. Мне показалось, он шепчет что-то вроде: «Ну, ну, теперь-то все хорошо...»

Сausериец перевел дух:

– Дело было так. Хинхо писал, что, когда он вылез из Рамблы и увидел гору трупов, у него буквально опустились руки. А в одной из этих рук было яйцо. Не в таком полусозревшем состоянии, как сейчас, – Мелисандр махнул на причудливый лазурный шарик, – а в оригинальной защитной корке. То есть неотличимое от камня. И вот яйцо, значит, выпадает из ослабевшей ладони Хинхо ровнехонько на кучу камешков у стоявшей особняком скалы. Хинхо погоревал на побережье, а потом двинул прочь. Амулеты остались при нем, так как на груди висели. А яйцо мужик забыл забрать, так расстроился. Очухался только несколько лет спустя. «Ежики-матрежики! – думает. – А яйцо-то драконье надо вернуть! Хоть немного зло уменьшить!» Двинул Хинхо обратно на материк – так его путешествие и началось, – а там – обана! Никакой скалы нет. И вообще на поле боя курган откуда-то взялся. Хинхо почесал репу, пострадал, да и махнул рукой... И только потом, в мемуарах, один из его спутников высказал теорию, что скала со спрятанным под ней яйцом и мемориальная скала в некрополе – туда, конечно, совались черные археологи, – это одна и та же скала, кем-то перенесенная.

Я припомнила вчерашнюю беседу с Мелом:

– Ты поэтому меня спрашивал о стеле в некрополе, да?

– Именно! Но ты сказала, что ваш Дахху там все выжег. Ну я и решил – не судьба.

– Но ведь драконьи яйца не страдают от огня... – вскинул брови Полынь. – Даже наоборот.

– А мне откуда было знать? Я же патологоанатом, а не мастер магических тварей, – пожал плечами Кес.

Полынь покивал и повернулся к Дахху:

– Но вы-то наверняка знали?

Тот согласно закивал. С пиететом переложил яйцо на одну из моих диванных подушечек. Она мгновенно перепачкалась в саже.

Смеющийся заговорил:

– Знал. И про кромен я уже давно знал – мне рассказали о нем бокки, когда попросили найти яйцо. Помните нашу битву с упырями и скелетами? Мы с бокки не случайно выбрали огонь. От резкого залпа пламени яйцо по-своему ожило, внешняя каменная корка потрескалась, и, когда вы телепортировались к королю, чтобы спасти Тинави, я с легкостью отличил его от обычных камней. И забрал с собой. Из рассказов Тинави и Кадии я знал, что Мелисандр Кес охотился за амулетами Хинхо. И, услышав, что тот приехал в Шолох, – пришел сегодня к нему с предложением открыть купол.

Я с тревогой смотрела на Дахху и яйцо. Друг, зараза такая, перекачивал будущего дракончика с подушки на подушку, и неопрятные пятна сажи непоправимо расплзались по дивану. Полные любви глаза Дахху не замечали беспорядка. Но чистюля во мне страдала. Страдала тем больше, что просыпается она нечасто...

– Может, сейчас тоже яйцо в огонь положишь? – Не выдержав, я приглашающе указала на камин.

– Нет, не стоит, – возразил лекарь, не поняв намека. – Я и так его передержал – видишь, лепестки раскрываются? Если продолжить – дракончик вылупится. Но лучше сохранить таинство ее рождения до встречи со старшими ящерами... Точнее, лучше *было бы*. – Лицо Смеющегося вдруг потемнело.

Это «было бы» прозвучало похоронным колоколом.

Польнь открыл рот, чтобы задать напрашивающийся вопрос, но тотчас захлопнул его.

А вот Кадия возмущенно спросила:

– А почему в сослагательном наклонении? Вернем дракона. Сначала купол откроем – потом вернем! – Брови ее боевито свелись в центре переносицы.

Мелисандр и Дахху дружно уставились в пол.

– Откроем купол ИЛИ вернем дракона – судя по всему, придется выбрать что-то одно. – Польнь медленно кивнул. – Как я понимаю, яйцо не переживет ритуал.

– Не переживет... – вздохнул Дахху. – Очень жаль...

Внешние уголки его глаз, и так опущенные, совсем сникли.

– Что за дела? – Я нахмурилась. – Дахху? Ты хочешь убить нерожденного дракона? Ладно Мелисандр, но ты! Тебе это как в голову пришло?

– А по-другому купол не откроешь, – почти прошептал друг.

Он был бледен, как карта Башни из старой гадальной колоды магистра Орлина.

– А открыть его надо обязательно, – категорично заявил Мел.

Я посмотрела на яйцо. Оно было очень красивым из-за этих своих лазурно-зеленых чешуек, но выглядело декоративным. От него не пахло жизнью. Вообще. Ни капельки. На замшевом диване оно выглядело... как сувенир, сбитый с каминной полки.

Ребята всматривались в него не менее сосредоточенно.

Я сложила руки на груди:

– Ну слушайте. Нехорошо как-то получается. Если даже забыть о том, что это будущий дракон, то остается вопрос вселенского баланса. Как я понимаю, возвращение яйца-самочки может улучшить обстановку в мире. Ящеры с ним станут сильнее. А значит – и хранители. Это же полезно для бытия. И для войны со Зверем, как мне кажется.

– По сути, вы предлагаете устроить потоп, чтобы потушить костер, – помог мне Польнь.

– Вот-вот! – воодушевилась я. – Ну и дракончика жалко. К тому же.

Куратор закивал мне в такт.

Потом лицо его окаменело, и он, сжав кочергу, вдруг поставил вопрос ребром:

– То есть между смертью яйца и смертью Лиссая ты выберешь все-таки смерть Лиссая?

Я так и села, выдохнув от неожиданности:

– Нет! Ты что, конечно, нет!

– Но у нас только две опции.

Я замешкалась.

– Нет, не надо убивать принца! – вдруг горячо воспротивилась Кадя. – Это же совсем не по-человечески!

– По-любому не надо, – согласился Мел.

– Да, лучше купол откроем... – тоскливо протянул Дахху и снова печально коснулся яйца. Руки у него тряслись. По виску из-под шапки текла струйка пота.

Полынь подозрительно заглянул в фисташковые глаза лекаря:

– А зачем, господин Смеющийся, вы вообще предложили эту аферу с куполом, если вам так не хочется убивать дракона?

Лекарь отвел взгляд и пробормотал:

– Я просто знаю, что надо открыть купол. Считайте это интуицией. Или пониманием, что человеческая стоит дороже, чем жизнь дракона, как бы больно мне ни было это признать...

– Тут, вообще-то, можно поспорить. У жизни нет цены, и это, хкм, очевидно, – ни к кому конкретно не обращаясь, отметил Полынь и азартно начал грызть выуженный из-за уха карандаш.

Все помолчали.

– В конце концов, можем проголосовать! – прогремыхал Мелисандр. – Только это бессмысленно. Нас все равно уже как минимум трое за то, чтобы открыть купол, верно?

Кадия и Дахху кивнули.

– Так что у нас перевес! – подытожил Мел.

«Какая скоростная у нас получилась демократия», – подумала я. Но возразить мне было нечего. Не убивать же Лиса, право слово.

Полынь перестал изображать из себя карандашную точилку:

– Ладно. Предположим, решение принято. И как же нам открыть этот купол?

Мел с воодушевлением потер руки:

– Нужно будет отправиться в маленькое путешествие! – заговорщицки улыбнулся он. – Придется проплыть до того места, где купол опускается в море. До острова Шэрхенмисты и еще километров пять за него.

– А мы успеем до того, как Лиссай разморозится? – заволновалась Кадия. – Ушлепок говорил, осталось четыре дня.

– Успеем. – Полынь что-то быстренько посчитал. – Если возьмем скоростную шукку. У меня есть одна на примете. Сейчас договарюсь.

И он быстро вышел в коридор.

– Главное, принца не забыть взять, – вслух отметила Кадия.

Потом с треском почесала макушку, развалилась прямо на полу звездой и, кажется, начала сосредоточенно думать над тем, как ей отпроситься у Груби Драби Финна на несколько суток.

Я встала и отошла к фортепиано в углу комнаты. Грустно потыкала ноту «ля» раз семь подряд. Мелисандр выяснил, где в моем доме «удобства», и тоже учапал.

Дахху возложил яйцо на очередную – прах его побери! – подушечку, водрузил ее перед камином («Любуйся, малыш...») и подошел ко мне. Волосы, торчащие из-под шапки, как-то грустно облепляли лицо Смеющегося. Будто пес виновато поджимает хвост.

Друг тихо сказал:

– Тинави, я вижу, что тебе это кажется не самым оптимальным решением, но купол обязательно надо открыть.

– Без проблем. Но почему ТЫ так за это ратуешь? – Я подняла взгляд. В глубине зрачков Дахху скакали какие-то странные белые отблески, будто скелетики пляшут.

– Просто знаю, что надо. – Смеющийся отвел глаза.

– Нет, не надо! – вдруг раздался яростный крик от окна.

Не успел кто-либо из нас сообразить, что происходит, как в гостиную впрыгнул Анте Давьер – прямо с улицы, через им же самим открытое прежде окно.

Маньяк метнулся к драконьему яйцу.

Кадия зарычала и, мгновенно подобравшись, бросилась ему наперерез. Из лежачей позы далеко не ускачешь, но стражница была верткой, как кошка. И много лет играла в тринап. А потому успешно пролетела разделяющее их с Давьером расстояние. Кад схватила Давьера за колени, будто помолиться решила, и они оба, как подрезанные, рухнули на пол.

Анте бесцеремонно пнул бывшую возлюбленную, пытаясь стряхнуть с себя. Руки его, с растопыренными пальцами, потянулись к яйцу, мирно покоящемуся на подушечке.

– Не трожь! – взвыла я и бросилась туда же.

Смеющийся, охнув, обеими руками оперся о фортепиано, породив жуткую какофонию разорванных септаккордов.

Одновременно со всем этим дверь в гостиную распахнулась. На пороге появился удивленный Полян с недописанной ташени («И на минуту без присмотра нельзя оставить!» – читалось в его глазах).

Мы с Ловчим, скакнувшие к маньяку с разных сторон, неловко столкнулись в воздухе. Кадия где-то внизу ругалась так страшно, что Груби Драби непременно снял бы шляпу, буде у него такая имелась. Дахху напряженно застыл у продолжавшего стонать фортепиано.

В общем, сценка была живенькая. И уже проигранная.

Потому что Анте Давьер успел сорвать яйцо с подушки – и одним метким броском забросил его в камин...

Яйцо со стеклянным звоном приземлилось в самом сердце веселого оранжевого пламени. И тотчас засияло, чешуйки начали шевелиться...

Все вдруг замерли в своих дурацких позах, зачарованные зрелищем.

Яйцо тряслось, вибрировало. Вскоре один лепесток оторвался, сквозь появившуюся дырку пролезла трехпалая лапка.

– Какой кошмар! Без яйца мы не сможем открыть купол! – возопил у меня за спиной Дахху. И прах его знает по этому ненатуральному воплю, горевал он или ликовал.

Остальные созерцали молча.

В тишине, нарушаемой странным треском и клетотом распадающегося яйца, дверь в гостиную снова открылась.

Посвистывающий Мелисандр вразвалочку переступил порог и тотчас, ошарашенный, поперхнулся и закашлялся.

Из камина, смешно перешагивая витую решетку, выполз дракончик. Сморщенный, какой-то сопливый, с недоразвитыми кожистыми крылышками и круглыми черными глазами. Размером с цыпленка, если честно. Хороший перекус на одного.

Под взглядом шести пар глаз ящеренок деловито потопал-попрыгал в сторону Дахху, обнимающего мое фортепиано со страстью сдвинутого музыканта.

По дороге дракончику пришлось преодолеть холм в виде расprostертой на полу Кадии. Он – вернее, она, будущая драконья королева, – справилась с блеском.

Дракошка коготками цеплялась за льняную, расшитую цветами рубаху Кад. Где было посложнее и покруче, помогла себе резкими взмахами крыльев. Иногда пыталась плевать огнем – не получалось, к счастью.

Стражница наблюдала за восхождением, не дыша.

Как и все мы.

Когда дракончик миновал Кадия и все так же упорно, целеустремленно продолжил свой путь к испуганному Дахху, подруга села. Она недружелюбно отпихнула от себя Давьерову ногу в лаковой туфле и заявила:

– Так! Я была первой жертвой этого страшного, ужасного дракона. Поэтому я возьму на себя честь дать ему имя.

Я тяжело сглотнула, поняв, что сейчас будет – у Кад всегда были проблемы с именами собственными...

– И да будут звать тебя, сегодня и во веки веков... – Кадия патетически простерла руку вслед ковыляющей прочь ящерке, – королева Бурундук. Драконья королева Бурундук. – Подружка гордо закивала.

Королева Бурундук обернулась и бросила на Кадю странный, на удивление разумный взгляд безбровых черных глаз.

– И что же нам теперь делать? – пробормотала я, когда королева Бурундук начала хозяйски жевать штанину Дахху, а Дахху, чуть не поскуливая от ужаса, вжимался все глубже и глубже в фортепиано.

– Судя по всему, идея с открытием купола отменяется. – Полынь поднялся с пола и пощупал свеженькую шишку – вторая за сутки, ох.

– Ну какого праха, а?! – раздосадованно взвыл Мелисандр и навис над Анте: – Господин Давьер! Ну вы же приличный человек! Что вы наделали?!

Анте приподнялся с ковра и начал старательно отряхиваться, оскорбляя мои чувства хозяйшски, и без того сегодня погранные.

– Я спас вас от чудовищной глупости, – высокомерно заявил маньяк. – Открыть кроме – это хорошая идея, – поспешил заверить он нас, устранившись брошенных на него злобных взглядов. – Но для открытия подойдет любое драконье яйцо. Не обязательно самочка.

– И где ж мы возьмем его, умник? – Мел продолжал негодовать.

– У драконов, где еще, – пожал плечами Анте. – Они с удовольствием выменяют обычное яйцо на нее... – Он кивнул в сторону дракончика, интенсивно топчущегося по расслабившемуся наконец-то Дахху.

– У «нее» есть имя, – напомнила Кадия и, не поднимаясь, еще раз профилактически пнула маньяка по ноге. – Ее зовут королева Бурундук. Прошу называть так, и никак иначе.

– Как тебе будет угодно... – Анте прикрыл глаза.

Я задумчиво уставилась на настенные часы.

Старые добрые ходики неумолимо тикали, и секундная стрелка безжалостно, безапелляционно плыла вперед. Не перескакивала с деления на деления, а именно плыла, будто ускоряя этой плавностью и без того страшный ход времени...

Ненавижу эти часы. Никогда не соберусь их снять. Но, знаете, это моя маленькая смелость.

Мой крохотный подвиг – смотреть на неумолимо бегущее время, а не прятаться от него.

Я вздохнула:

– То есть теперь мы не только должны доплыть до купола, торчащего где-то в море, но и предварительно смотаться к драконам на далекий-далекий север? Просто хочу уточнить. Или... Или к вам теперь вернется магия, Анте? – ахнула я.

Хранитель покачал головой: *вряд ли это работает так быстро, Тинави.*

– Пусть вас утешит, что от драконов до купола очень близко, – сказал Анте Давьер и спиной оперся на каминную полку с моими тринапскими наградами.

– Драконы. Кхм. Тут одной быстроходной шуккой не обойдешься, – цокнул языком Полынь.

Мы все с ним согласились.

Даже юный дракон, как раз сумевший выпустить свой первый огонь – ровно такой, что хватило прожечь дырку в шарфе Дахху.

Клуб приключенцев

Всегда готов!

Девиз шолоховского Клуба Приключенцев

И снова забрезжил рассвет...

Я встретила его, сидя верхом на зубчатой стене Чрезвычайного департамента.

Подо мной простирался Шолох. Пока еще темные улицы слепо вглядывались в меня – незнакомку. Их поглощал мрак, мерно бьющийся о синий свет магических сфер, и оранжевый – деревьев ошши. Черные зрачки широких луж, заливающих мостовые, косились на меня, то ли заигрывая, то ли утрашая.

Я сидела на гребне стены, как летучая мышь. Как черная кошка. Как убийца из Ночного Клана. Выбирай любое звание: пока ты жив – ты свободен в титулах, друг!

Звенящий купол мироздания гремел надо мной цирковым шатром. Меркнущие на западе звезды подмигивали, как подвыпившие танцовщицы кабаре, а солнце лениво, неохотно выкапывалось с востока. И, кажется, оно отчаянно торговалось с кем-то незримым: «Погоди, ну зачем сейчас? Ну дай отоспаться! Лето же – время отпусков, ну погоди!»

Попросите меня: Тинави, а расскажи нам о своей жизни?

И я скажу: рассветы и закаты, друзья мои, сплошные рассветы и закаты. Из тьмы во свет, из света в тьму, на огромных качелях вселенной. Долетаешь до наивысшей точки, и дух замирает в тиши: половина неба рассыпана, будто лукошко черники; по другой, виляя хвостами, плывут золотые рыбы Отца. И ты – в центре, в сиянии вечных бликов, искра твоя полыхает, душа обнимает мир. И, кажется, ты вечен, но... Качели срываются обратно. Из света в тьму, из тьмы во свет.

И главное при развороте – не терять надежды.

Рассветы и закаты – все самое важное умещается в них, из года в год, как ни пытаюсь я устаканить режим сна... И каждый из этих рассветов-закатов – уникален. Не только небесными красками, но и характером *хардкора* в моей жизни, как говорит Карл.

– П-с-с, Стражди! Ты заснула, что ли? – Громкий шепот выдернул меня из мечтаний.

Я встрепелась. Внизу, с внутренней стороны двора, мне махал Мелисандр Кес. Подле него стояла Кадия с факелом в руках.

Я кивнула и тихо спрыгнула со стены на растянутую ребятами страховочную сеть.

– У вас все получилось? – встревоженно уточнила я.

– Ага. – Кадия и Мелисандр кивнули.

Мы находились в квадратном дворике Чрезвычайного департамента. Он был весь утыкан фиолетовыми кристаллами и мотивационными табличками на столбах. Среди последних я обратила внимание на загадочное: «Тому, что движется, отдай честь. Что не движется – покрась».

После того как спутники помогли мне выбраться из сети, в которой я запуталась, как свежепойманная севрюжка, мы спрятались в клумбе кристаллов, чтобы обменяться новостями.

Кадия взволнованно вещала:

– Я сказала на воротах, что мне надо срочно проверить один документ в кабинете командора Груби Драби – и охранник не стал возражать. Я выманила его под свет уличного фонаря, якобы для того, чтобы он рассмотрел мой пропуск – и тогда Мел прошмыгнул мимо.

От пережитого риска Кадия так очаровательно разругалась, что я невольно залюбовалась подругой.

Мелисандру тоже захотелось вставить словечко:

– Оба предохранителя мы выключили. И в кабинете, и в коридоре. А ты как?

– Увы, не без неприятностей! – Я вздохнула. – Сначала-то все было хорошо. Я залезла на дуб, который указала Кадия. Зацепила стеной зубец при помощи лассо и, пусть со скрипом, но переползла наверх. А там... Оказалось, был дозорный гном. Который уснул под стеной вместо того, чтобы делать обход. Я в темноте наступила прямо на него. Он очнулся и, скажем так, очень удивился моему появлению, но я успела его... э-э, успокоить до того, как он поднял панику.

Мелисандр сделал страшные глаза. Страшно-восхищенные:

– Ты его уколошила?

– Что?! Нет, конечно, помилуй, Мел! Просто вырубил...

– Значит, скоро очнется, – резонно отметил этот кровожадный тип.

– Да. – Я вздохнула. – Но южный предохранитель я выключила. Теперь ждем только Польшу.

Ребята кивнули. Так деловито, будто мы вместе уже тыщу лет занимаемся грабежом госдепартаментов.

На самом деле, план мы придумали весьма спонтанно. Вам интересно, как это было?

Если помните, Анте Давьер огорошил нас новостью о том, что нам нужно новое драконье яйцо, раз мы хотим открыть кромен. Мы, ясное дело, на какое-то время приуныли. Расселись по разным углам моей гостиной и думали свои думы поодиночке.

Но потом Кадия, вольготно раскинувшись на двух пуфах, встрепенулась.

– Хей, народ! – Подруга округлила глаза. – А я правильно помню, что ушлепок хотел построить к драконам телепорт?

– Правильно, – ответил смурной Анте Давьер и поджал губы.

– А правильно помню ли я, – с инверсиями старичка-шамана загнула Кад, – что для телепорта предназначался гематит с накопленной энергией?

Она так и продолжала игнорировать присутствие Анте, говоря о нем лишь в третьем лице, имени нарицательном. Маньяка это очевидно бесило, но он изображал, будто вовсе нет.

– Все верно, – кивнул Польша. – Но мы уже использовали тот кровавик.

– Так у меня другой найдется! – обольстительно улыбнулась подружка.

И, как оказалось, не слукавила. И даже не ошиблась, не перепутала – что было бы вероятно в случае простодушной, легкокрылой Кад.

– У чрезвычайников есть Музей Непоправимого, – объяснила Кадия. – Местечко, где сотрудники могут всласть налюбоваться вещами, сопутствовавшими и предварявшими различные катастрофы. Ну у вашего ведомства наверняка есть что-то подобное? – Мчащаяся пристально посмотрела на меня.

Я переадресовала взгляд Польшы.

Тот покачал головой – нет, у нас такого нет.

– А у нас е-е-есть... – гордо протянула Кад. И я прям увидела, как к ее горячей любви к гномам приписывается плюс одно очко.

Подружка продолжила:

– На прошлой неделе я ходила в этот музей.

– Ты ходила в музей? – неверяще переспросил Дахху.

Он к тому моменту уже уютно устроился на моем диване (все в саже, увы!) и поил королеву Бурундука молоком. В качестве соски приспособили садовую перчатку с проколотым пальцем (еще один повод гневаться для Анхелы).

– Ну-у-у, не то чтобы ходила... – Кадия прикусила губу.

– Драить его заставили, да? – догадалась я. – В качестве очередного наказания?

– Ага, – кисло признала подружка.

– Не та леди, кто не мыла полы, но та, кто мыла и не запачкалась, – патетически произнес Мелисандр.

Не слишком глубоко, но очень галантно.

Кад обрадовалась и бойко продолжила:

– В общем, я видела в этом музее кровавик. Здоровенная глыба. Свежий экспонат, неделю назад привезли из гномьего поселения на западе Смахового леса. Бывшего поселения – все взорвалось из-за ошибки рудокопов... Но не будем о грустном. У камня прям табличка была: «КРОВАВИК» – большими буквами, как для слепых. Ведь у многих гномов плохое зрение – они же по полжизни в штольнях проводят.

– Почему ты думаешь, что в нем есть энергия? – строго, не спеша радоваться, спросил Польш.

– Не думаю, а надеюсь! – Кадия развела руками и пояснила: – Потому что на табличке с информацией было еще кое-что написано: «ХРАНИТЕЛЬ ДУШ ТРЕХ ДЮЖИН ГРОМОБОЙЦЕВ».

– Что за громобойцы такие? – Я напряглась.

Дахху погладил драконью королеву возле кожистого носика – ящерка низко, по-кошачьи, замурчала, – и побормотал:

– Насколько я помню из курса этнографии, это одно из гномьих племен. Они известны своими архаичными ритуалами, не имеющими, впрочем, никакого отношения к настоящей магии, как это иногда случается с народными рецептами... В том числе у громобойцев есть обряд сохранения душ умерших. Что, конечно, очень сомнительно – мы не первый раз говорим о сложностях посмертного существования искры...

Польш задумчиво повертел в руках одну из своих украшенных нитками прядок:

– Зато энергию умерших можно сохранить, и как раз в кровавике. Есть шанс, что в данном случае «народный рецепт» работает. Не так, как планировалось громобойцами, но как раз так, как требуется нам с вами. Скажи-ка мне, Кадия... – и Ловчий задал стражнице ряд технических вопросов на тему внешнего вида кровавика (Светятся ли прожилки? Смягчены ли углы камня? И т. д.).

Судя по тому, что физиономия Польш становилась довольнее с каждым новым ответом, нам действительно повезло наткнуться на заполненный энергией кровавик.

Я повернулась к Анте, отстраненно сидевшему у окна. Хранитель устроился прямо на полу. Он прижался затылком к стеклу (горячую голову остужал?) и все это время не отрывал внимательного взгляда от королевы Бурндук.

– Анте, хей! – Я с надеждой обратилась к нему. – Энергии трех дюжин гномов хватит на постройку телепорта?

– Зависит от того, насколько сильными магами были эти гномы, – холодно ответил он.

– Вообще-то, обычно гномы не колдуют, – заметил Польш.

– Да все равно хватит, в общем-то, – намеренно небрежно зевнул Анте.

Мы с Польшью переглянулись.

Думаю, нас обоих уколола одна и та же мысль: если бы Анте Давьер знал об обрядах громобойцев весной, ему не пришлось бы самому наполнять кровавик энергией. И, соответственно, убивать шолоховцев. А значит, не было бы всей этой истории с маньяком и его ловлей.

Он бы тихо упер камешек у гномов – скакнул к драконам – рассказал им про Зверя и безмятежного детку Карла.

И насколько же иначе все было бы сейчас в наших жизнях... В том числе Теннетовой. Возможно, поэтому он так небрежно зевает. От банальной растерянности и этого вечного, настырного вопроса «А если бы?», который регулярно забирается в головы даже самых уверенных из нас.

Но что толку жалеть?

Тем более мне! Ну где бы я была сейчас? Сидела бы все в этой же гостиной, рыдала из-за отсутствия магии и работы и знать не знала половину присутствующих?

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Лучше уж Зверя одолеем. Зато все вместе.

Внезапно развеселившись, я даже кинула Анте Давьеру подушечку – под голову, а то затылок мерзнет. Он удивился, но «подарок» принял.

Между тем Полынь хлопнул в ладоши:

– Что ж, прекрасно! Итак, нам нужен кровавик из Музея Непоправимого.

– А ты сможешь Прыгнуть туда и обратно? – понадеялась я.

– Увы. – Куратор покачал головой. – Днем такой маневр не прокатит, а в ночное время чрезвычайники включают у себя весьма жесткую защиту против использования магии. А я все еще не собираюсь умирать, извините.

– Вам повезло, друзья мои! – Мелисандр сочно прохрустел всеми десятью пальцами. – У меня большой стаж всевозможных краж. Тинави подтвердит.

– О да, – без энтузиазма протянула я. – Целых пять, да, Мел? – Я прикинула по числу амулетов Хинхо, учитывая, что первый достался саусберийцу по наследству.

– Целых пять! Ты отличный арифметик, Стражди! – Патологоанатом весело подмигнул.

– Пять – счастливая цифра, – философски отметил Дахху, двумя пальцами почесывающий серенькое брюшко Бурундука.

– Итак, разрабатываем план! У тебя есть пробковая доска? – кивнул мне Полынь и достал из складок хламида толстую стопочку разноцветных «детективных» наклеек...

* * *

И вот возвращаемся в настоящий момент.

– Ну и где носит твоего куратора? – Мелисандр все мрачнел, в противовес постепенно светлеющему небу. Даже уличные фонари уже отключили: дежурный Мастер Иллюминации в Ратуше счел, что день вступил в свои права.

Прошло несколько минут. Мы втроем тихонько перекочевали в арку, разделявшую два корпуса департамента, и теперь переминались возле кряжистой двери с табличкой «Музей Непоправимого».

В ответ на вопрос Мела я только рассеянно пожала плечами, натужно всматриваясь в профиль внутреннего двора. На зубчатую стену медленно выползла фигурка дозорного.

Я тяжело сглотнула. В какой-то момент этот гном увидит своего бессознательного коллегу во-о-о-он там, где я того положила... Надо успеть украсть кровавик! Хорошо хоть, дозорный, как и большинство его сослуживцев, к утру уже совсем обалдел от патрулирования и плелся еле-еле.

– Северный рубильник спрятан в дальней части департамента. – Кадия пробовала успокоить то ли нас, то ли себя. – Наверное, пешком далеко получается. Полынь же не может Прыгнуть – магия вернется только через двадцать минут после отключения защиты.

– Все равно слишком долго. – Мел нервно грыз рукоятку вытащенного не пойми откуда скальпеля.

– Если бы Полынь поймали, весь департамент бы уже на уши встал, – рассудила я.

– Стражди, а твой куратор не мог струхнуть и свинтить?

Я от неожиданности рассмеялась:

– Полынь – струхнуть? Даже не знаю, что тебе на это ответить!

– Тихо! Там кто-то есть! – Кадия вдруг раскинула руки и с силой вжала нас в стену, возле которой мы все отирались.

Самое удивительное, что снаружи, во дворе, послышался точно такой же предостерегающий окрик. Только громкий – его обладатель и не думал скрываться.

– Та-а кто там быть может, Би-и-инджи? – с характерным гномьим «аканьем» отмахнулись от паникера.

– Вор-р-ры! – со страшным завыванием ответил неведомый Бинджи. Что-то удивило меня в его голосе...

Мы хором сглотнули.

– Ой ты, что ж ты несешь вечно, глупый гном! – Третий говоривший буквально плескался ядом.

– Я не глупый гном! – обиженно завопил Бинджи. – Я лучший приключенец года!

И по этой реплике я поняла, что меня смутило. Голоса чужаков были детскими. Откровенно детскими.

Мы с Кадией переглянулись.

Юные гномы продолжали ругаться где-то там, вне зоны нашей видимости. Но потом двинулись вперед – судя по треску гравия, – и вот пришел их черед пройти мимо арки. Я протерла глаза...

Гномов оказалось не трое, а как минимум тридцать. И не только гномов – детишек всех рас.

И была это, прах бы их побрал, ночная разведывательная экскурсия Клуба Приключенцев. Три десятка эдаких юных холмиков, плотно упакованных в желтые дождевики.

Они прочапали мимо нас по лужам, стараясь быть бесшумными и незаметными. При этом они резко, припадочно даже, размахивали световыми аквариумами с осомой. Из серии: «Ха! Повернись-ка я налево, кто там прячется во тьме куста? А теперь – их-ха! Направо! Берегитесь все!»

Обычно никто не берегся. Но сегодня эту интересную роль играли мы с Кад и Мелисандром.

Я вжалась в мшистую стену еще плотнее.

Клуб Приключенцев – это популярное в Шолохе юношеское движение. Гордый девиз клуба звучит как «Всегда готов!». К чему готов? К приключениям, конечно! И к связанным с ними трудностями физического, интеллектуального и практического характера.

В детстве я мечтала стать приключенкой. Но они, заразы, девочек не берут.

Кадия тоже хотела попасть в их ряды. Очень-очень. Даже пару раз приходила в приемную комиссию клуба, упаковав свои кудри под охотничью шапку и говоря басом, достойным папочки Балатона. Но приключенцы всегда просекали обман и совершенно по-мальчишески пакостили дерзкой девчонке. Стреляли ей, уходящей, в спину из камышовых трубочек, выливали со второго этажа ведра с водой и так далее. Кад в таких случаях возвращалась, с боевым улюлюканьем сдирала с головы шапку и монотонно, последовательно уничтожала врагов, несмотря на свой «слабый пол». Могуче колотила их до тех пор, пока приключенцы, поскуливая, не звали на помощь старших.

Как-то раз, воодушевленная подвигами подруги, я пробралась в святая святых приключенцев и дополнила их девиз: «ВСЕГДА ГОТОВ... получать по башке от Кадии».

Это оказалось последней каплей в нашем противостоянии. Официальным декретом Кадии и мне бессрочно запретили приближаться к приключенцам ближе чем на пять метров, и как-либо «оскорблять их словом или делом». В противном случае нас ждала порка (я заметила, что это тоже «оскорбление делом», но взрослые в ответ на «такую дерзость» лишь поставили меня в угол).

Короче, история наших отношений с клубом была непростая. И сейчас в опасно заблестевших глазах подружки я увидела ее шанс... Шанс на месть.

Ночные разведывательные экскурсии – это ежемесячное мероприятие клуба. Приключенцев выпускают в какую-нибудь серьезную, обычно недоступную детям зону и выдают им карту с зашифрованной целью. Приключенцы должны эту цель – обычно актера – найти и захватить в плен. При поиске нужно пройти целый ряд препятствий и решить кучу задач. Иногда организаторы подсказывают приключенцам, если ребята совсем уж отчаянно тормозят.

– Даже не вздумай, – прошипела я Кадии на ухо.

– Я хочу запутать их! Хочу дать им неверную подсказку, чтоб эти мелкие не нашли свою дурацкую цель и вообще в идеале описались от ужаса! – с горящим взглядом призналась она.

– Кад, не сейчас! – застонала я.

Приключенцы меж тем прошли мимо, жестоко гнобя незнакомого Бинджи и попутно решая какую-то головоломку.

Я провожала их встревоженным взглядом, прыгающим, как мячик, от желтых плащиков к воодушевленной Кадии и обратно. Стражница в достаточной степени безумна для того, чтобы поставить всю нашу миссию под вопрос с одной лишь целью напасть!

Вдруг мятный холодок чьего-то шепота скользнул мне по щеке:

– Может, все-таки зайдем в музей?

Я чуть ли не на метр подпрыгнула. Этот прыжок волной передался Кадии и Кесу.

Полынь, зашедший с другого конца арки, сокрушенно покачал головой.

– Ты где был, патлатый? – возмутился Мел.

Куратор уже сосредоточенно ковырялся в замке костяной шпилькой с крысиным черепком, изъятый из прически:

– Сюда пробирался. От северного предохранителя только один путь – по узкому, длинному, пеплом его задери, коридору. И дети шли ровно по тому же пути. Без магии их было не обогнуть.

– Ну рубильник-то переключил? – допытывался Мел, уже перешагивая порог взломанного музея.

– Да. – Полынь пропустил нас с Кадией, глянул на часы. – Через двенадцать минут можно колдовать.

Музей оказался на удивление большим. Здесь не было нормальных окон: только несколько узких световых щелей под потолком. Между ними висели старые крючья для факелов. Экспонаты в стеклянных кубах были расставлены плотно, как в торговой лавке.

Да.

Много у нас, видеть, Непоправимого случается.

А Кадия не соврала: подписи на табличках – огромные! Огромные! Будто великаний шрифт в развалинах города-призрака Асулена. Сублимируют так гномы, что ли...

– Вот он. – Кад ткнула пальцем куда-то влево. Мы покорно пошли за ней.

Дальше встал чисто технический вопрос: как четверем взрослым людям без магии быстро и тихо распилить стеклянный короб вокруг гематита? К счастью, сигнализации на экспонатах не было, и мы справились.

Точней, Мелисандр справился. Он сдвинул нас вбок и снисходительно проворчал:

– Уступите место профессионалу! – а потом отстегнул от портупеи кожаный наборчик с лезвиями всех мастей.

– Это еще что такое? – заинтересовалась Кадия.

– Рабочий реквизит Свидетелей смерти. Я решил не терять навыков и прикупил себе в Шолохе.

– И что, тут есть лезвия, которые режут стекло?

– А то! – усмехнулся Мел. – В порту Саусборна часто сворачивают шеи пустынным ангелам. А у них кости тверже алмаза, и то я режу их, как хлебешек.

После этих слов я натурально позеленела. Иногда как-то забываю, с какими жуткими людьми меня упорно сводит судьба.

Очень скоро кровавик с тремя дюжинами громобойцев был готов отправляться в Мишистый квартал.

– Четыре минуты до возможности колдовать, – засек Полынь.

– Ну я пошла, – кивнула Кадия.

По плану, она не *Прыгала* прочь вместе с нами. Ведь она зашла в ведомство официально, чтобы иметь возможность вырубить предохранитель в кабинете командора Финна. Значит, и выйти надо через главный вход.

Но не успела Кадия шагнуть к двери, как по всему Чрезвычайному департаменту зазвела тревога.

Видимо, стражник нашел бессознательного коллегу...

– Скажу, что видела чужаков у кабинета Груби! Уведу всех! – крикнула Кад и галопом рванула к выходу, уже не боясь шуметь.

Где-то на улице гномья ругань развернулась мощной звуковой волной. Ее прерывали тоненькие, очень радостные завывания желтых дождевиков, столпившихся прямо под стеной музея, – я прекрасно слышала их ликование через прорези под потолком.

О да! Тревога! У приключенцев будет приключение!

– Три с половиной минуты, – цокнул языком Полынь. Подбежал к двери, закрывшейся за Кадией, и на всякий случай опустил засов изнутри. Потом поманил Мелисандра – и они подтащили ко входу пару шкафов.

Департамент меж тем окончательно пробудился. Снаружи вопили, ругались, топали тяжелыми сапогами и отдавали приказы. Ох... Лишь бы никто не обнаружил, что мы трогали магические рубильники!

В дверь музея начали отчаянно ломиться. То ли гномы не поверили наводке Кадии, то ли там уже бегало несколько отрядов стражи, проверяющих различные точки.

С замиранием сердца я различила среди голосов страшный, сотрясающий поджилки бас Груби Драби. Вот прах. И командор тоже здесь оказался?!

Честное слово, Шолох – столица не Лесного королевства, а сверхурочной работы! Нигде народ не ночует в департаментах так много и безнадежно, как у нас!

– **ЛАДРЫТЬ ВАС ВСЕХ В ГРЕКОВУ ВПАДИНУ!** – вопил Груби Драби Финн. – **КТО ЗАБАРРИКАДИРОВАЛСЯ В МОЕМ МУЗЕЕ?! ОТПИНАЕМ ДЖБУНЬКА СЕГО, БРАТЦЫ!!!**

Кажется, гномы жутко толкались и потому банально мешали друг дружке качественно и последовательно выбивать дверь. Так бывает в моменты коллективной паники, увы. Даже если паника эта разворачивается в специализированных и обычно мудрых заведениях.

– Две минуты, – мрачно отметил Полынь, взглядом обшаривая помещение на предмет новых идей.

Одной рукой он уже крепко прижал к себе кровавик, другой – ухватил Мелисандра за ворот рубашки.

– Стражи, присоединяйся! Встретим их, обнимаясь! – улыбнулся неунывающий саус-бериц.

– Шикарное предложение! Но сначала устроим гномам праздник!

Под удивленными взглядами парней я подбежала к стене со слуховыми окошками. Там я привычным жестом сорвала с пояса лассо, раскрутила его и зацепила за факельный крюк. Упираясь в стену ногами, я взобралась по веревке. Высунула взлохмаченную голову в окошко – больше ничего туда просто не пролезало – и лихо заорала толпе приключенцев, топчущихся подо мной.

– Хей, братишки! Готовы к приключению?!

– **ВСЕГДА ГОТОВЫ!** – возликовали дети, задирая головы.

– Тут тревога, так что переходим к финальному испытанию! – весело и нагло соврала я. – Ваша цель на сегодня – командор Груби. Приметы: черная борода с амулетами-топориками, повязка на правом глазу и знак треснувшего колокола на груди. Сейчас он бьется в дверь во-о-о-он в той арке. Доберитесь до него скорее и свяжите его всеми узлами, каким вы научились в этом семестре! Готовы?!

– ВСЕГДА ГОТОВЫ! – Дождевики загомонили и рванули к арке, где исступленно поставывала всеми петлями наша злосчастная дверь.

Мой план удался.

Дверь сразу же оставили в покое.

Потому что, зуб даю, гномы-чрезвычайники ожидали этой ночью чего угодно, но не бросающихся на них с диким улюлюканьем и воплями тридцати приключенцев в желтых дождевиках.

– Десять секунд. Все-таки надо обняться! – хмыкнул Полынь, с интересом прислушиваясь к крикам из серии «ДЕТИ?! ГРЕК... ПРОСТИТЕ... ДЕТИ!! ЧТО, ЖВЫН ВАС, ВЫ ДЕЛАЕТЕ?!.. ЛЫДРЫТЬ, ПРОСТИТЕ, ПРЕКРАТИТЕ, ЕЖНЫК, ПРОСТИТЕ, ДЕТИ-И-И!!!».

Я, оскальзываясь от хихиканья, побежала к ребятам. Я только-только успела широким хватом обнять куратора, как магия восстановилась – и мы сразу же *Прыгнули* прочь. В ту же секунду дверь в музей все-таки распахнулась, впуская внутрь черно-желтую массу гномов и детей... Но нас они уже не увидели.

Эх, приключенцы! Честное слово – могла бы, от души поставила б вам зачет.

* * *

Мгновение спустя мы оказались в моей гостиной.

Дахху сидел на диване с королевой Бурундуком. Друга окружали огромные рюкзаки, туго набитые припасами.

– Какие вы молодцы! – восхитился Смеющийся, увидев свежедобытый кровавик, воцарившийся посреди комнаты вместе с нами тремя.

Я отцепилась от куратора и бодренько спросила:

– А где Анте? Ему пора готовить телепорт!

– Он на кухне, сейчас позову. Чаю вам сделать? – предложил Дахху. Поднялся и пошел к выходу из гостиной, баюкая на руках сопящую дракошку.

Я проводила их скептическим взглядом. Не уверена, что Бурундуку приятна такая качка – вдруг у нее морская болезнь, а возразить она пока не может?

– Ну что, ждем Кадию и двигаем к ящерам? – зевнул Мелисандр. – Сна, я так понимаю, опять не предвидится?

– Ты просто господин Прозорливость!

Я стала инспектировать содержимое рюкзаков. Их собирали Дахху и Анте, пока мы втроем готовили план и бегали по Чрезвычайному департаменту. Главным пунктом в списке вещей были призывающие амулеты, чтобы я могла достучаться до Карла, когда выйду во Внешний Мир.

Рюкзаков почему-то оказалось восемь, хотя нас было всего лишь семь. Неужели они настолько гуманны? Или это у меня уже от недосыпа в глазах рябит?

Ответ последовал незамедлительно.

Дверь в гостиную снова открылась, и явились трое: Анте с горой свечей и мелков, Дахху с подносом и Андрис Йоукли с заварочным чайником.

– Аха-ха, лекарь! – заливалась смехом она. – Йоу, давай договоримся, с сегодняшнего дня все такие покупки на себя беру я. Поверь, цену можно сбить раз в десять. Если знаешь нужных людей.

Я вытаращилась на Ищейку. Полынь подле меня замер.

– Вы что, помирились? – шепнула ему я. – Это ты пригласил Андрис?

– Нет, не я, – пробормотал куратор. И нехорошо сощурился: – Кажется, у меня стало еще больше претензий к твоему другу.

Я с беспокойством посмотрела на Дахху.

Он беспрестанно кивал в такт журчанию Андрис, ловко разливал чай, не выпуская дракошку из рук, и смущенно улыбался правым уголком рта. Глаза у него смеялись.

– Дахху, можно тебя на минутку? – пропела я.

Приветливо помахала Андрис, отобрала у друга дракониху, почти насильно вручила ее (маленькую и теплую, совсем не склизкую, как я боялась) Анте (тот аж вздрогнул) и, подхватив Дахху под локоток, вытащила его в коридор.

Дверь за собой я плотно закрыла.

– Что-то случилось? – удивился Смеющийся.

– Ты мне скажи.

Я села на тумбу для обуви. С десяток плащей, висевших за мной, были мне поддержкой, столь необходимой для разговора.

Потому что, прах побери, я привыкла, что мы с Дахху перетираем мои псевдолюбовные заварушки, а вот поднять сию волнительную тему на его счет... Как-то странно.

Все годы нашей дружбы этот вопрос в принципе не возникал. «Дахху равно чурбан и одиночка» – это был один из основных постулатов нашего уютного мирка на троих, наравне с «Тинави – истеричка» и «У Кадии после двух ночи возникают только плохие идеи. ТОЛЬКО ПЛОХИЕ. Даже если сначала кажутся гениальными».

Я ссутулилась под вешалкой. Непонимающий Дахху замер подле меня на корточках.

На противоположной стене коридора висело зеркало. Отражения в нем мне не нравились. Нет, не подумайте, никаких червяков проклятий, дырок-порталов или клякс пустоты – упаси небо.

Но сосредоточенная, строгая, взрослая, любящая по привычке прикинуться дурашливой девчонкой – и стремительно вырастающая из этой роли – Тинави из зеркала пугала меня.

Рядом сгорбилась такая же подросшая тень Смеющегося.

Почему так? Зачем?

Не хочу этот разумный взгляд, эй! Не хочу двигаться вперед, не хочу ни Большого Мира, ни драконов, ни кромена. Перемен не хочу, не хочу развития, не хочу карьеры, не хочу любви! Пусть звездный купол мироздания продолжает манить, но не разрождается чудесами. Пусть боги остаются непознанными, таинственными героями книжных страниц, пусть магия кажется неясной и загадочной, пусть госслужащие видятся всемогущими всезнайками, а короли и принцы – неуязвимыми победителями.

И, главное, пусть я остаюсь «подающей надежды молодой девушкой». Предчувствие счастья лучше, чем само счастье.

Я не хочу, чтобы мы менялись. Я не хочу быть сбывшейся. Я не хочу на гребень волны: не хочу пика, не хочу кульминации, не хочу окидывать снисходительным взором весь мир... Просто потому, что после этого будет закат, пусть красивый и золотистый, но все же недолгий, а затем – темнота.

Оставьте меня такой, какая я есть. Все еще нераскрывшимся бутонем. Пока еще не достигшей зенита звездой.

...Наверное, поэтому многие так и не воплощают в жизни то, что хотели бы. Наш страх конца саботирует перемены, даже перемены к лучшему. Мы слишком умны, и мы знаем, что у каждой вершины есть спуск.

Да, я боюсь перемен. И их свидетельств в моих друзьях.

Я боюсь.

Теннет, вы не могли бы заморозить сегодня?

– Может, ты все-таки что-то скажешь? – Дахху, чьи ноги наверняка затекли от сидения на корточках, аккуратно постучал меня по коленке.

Я дернулась, осознав, что провалилась слишком глубоко в свои мысли.

– Дахху, – вздохнула я. – Прости, если я лезу не в свое дело, но... Если так получается, что теперь тебе кто-то нравится – я имею в виду, не по-дружески, а... сам понимаешь, – я очень тебя прошу, подумай тысячу раз, прежде чем приводить этого человека в нашу компанию. Я не хочу как-то ограничивать тебя и твой выбор – не дай небо! – но... Некоторые вещи – они как бы не по канону, и лучше не демонстрировать их публике с нахрапа. Дай всем пообвыкнуться. Да и сам укрепись в своей вере. А то вдруг наваждение уйдет – и ты передумаешь. А будет поздно! Все уже все увидели! В общем, не торопись.

– Тинави, ты вообще о чем? – Дахху заморгал.

Я зажмурилась и ляпнула напрямик:

– Учитывая, как к тебе относится Кадия, не спеши крутить шашни с Андрис Йоукли. Зря ты ее позвал с нами.

– Но я ее не звал! Это Анте. Без госпожи Йоукли мы не смогли бы все купить – нужны были Рокочущие ряды. Ну а потом стало невежливо отправлять ее домой.

Я непонимающе нахмурилась:

– Анте?

– Конечно. Зачем мне звать Андрис?..

Из гостиной послышался громкий клетот дракошки и, хором с ним, хищное уханье Мараха. Дахху сказал: «Ой!», поднялся и быстро пошел туда.

От двери друг обернулся и, помявшись, попросил:

– Ты мне потом расскажи, как ко мне относится Кадия, хорошо? Кажется, я что-то упустил... И про Андрис поясни, пожалуйста. Тут я тоже не вполне уверен, что понял тебя правильно.

И, разведя руками, неловко улыбнувшись, Дахху перешагнул порог.

Правда, он споткнулся о собственный шарф, сползший до пола – тотчас ахнул, схватился для равновесия почему-то за свою шапку, а не за дверной косяк, и в итоге ввалился в гостиную с интеллигентным «ай`вс!», что значит «батюшки!» на шэрхенлинге.

Я секунду остолбенело сидела под вешалкой. Потом рассмеялась, зарывшись в гору плащей. Мое отражение в зеркале уже не казалось таким уж пагубно-взрослым.

Зря, наверное, я паникую.

Кое-что не меняется!

Морозная фаза

Скалистые горы – огромный заснеженный массив на самом севере Лайонассы. Также известен под названиями Ротхорнский Рай и Горный Цирк Бесконечности. На территории Скалистых гор расположены два в высшей степени интересных объекта: заброшенный город-призрак Асулен и драконий лагерь, спрятанный под непроницаемым магическим куполом.

Энциклопедия «Дорогах»

...И вот в центре моей кухни воссияла огромная пентаграмма.

Расчерчена, зараза, прямо по полу. Прощай, паркет!

Сердце мое нещадно обливалось кровью, пока Анте ползал туда и сюда со скальпелем наперевес. Скальпель он позаимствовал у Мелисандра, и тот пристально следил за «нецелевым использованием реквизита».

Я сидела на стуле у окна, наблюдала за Давьером со всей доступной мне мрачностью, а у меня за спиной, за белым тюлем занавесок, уже рос и ширился новый день.

По всему Мшистому кварталу хлопали ставни; господин Мэлви Гандериш, мой сосед, вывел погулять свою ручную саламандру; лисы в лесу тьякали и катались рыжими клубочками; мальчик-булочник издали метал к порогам свежие багеты (и, знаете, у него неплохо получалось). Деревья шелестели, кусты шебуршали, кружевные смаховые тени заливали улицу безбрежной синью благополучия.

Телега сегодняшнего дня выехала и скоро покатится по столице своим ходом – чинно, степенно, временами разухабисто – но уже без нас. Мы будем на далеком севере – если все удастся.

– Займите свои места, – попросил Анте, поднимаясь с пола и тщательно отряхивая ладони.

Пентаграмма была красивая. Восковые свечи по периметру, меловые рисунки внутри. Для каждого из нас – свое строго отведенное место, маленький кружочек, за который ни в коем случае нельзя выходить.

– Если, конечно, не хотите стать горсткой пепла, – в сотый раз повторил Анте Давьер.

– Какой-то он больно заботливый стал, или мне кажется? – Кадия обвела нас удивленным взглядом и с неохотой натянула шубу (мы интенсивно утеплялись перед путешествием).

– Телепорт – шаткая конструкция, ее элементы строго выверены. Лишимся кого-то одного – погибнут все, – сквозь зубы процедил Анте.

– А, ну раз он о себе волнуется, то все нормально! – Кад притворно замахала руками.

Мы столпились вокруг бывшего хранителя кучкой. Очень тесной, потому что Анте расставил нас совершенно по-дурацки. Придерживаясь принципов магической устойчивости, он напрочь забыл об устойчивости физической.

Так, мне в правую почку уткнулся острый локоть Мелисандра, который из всех сил решал навязанную ему математическую задачу: безуспешно пытался разместить две ноги сорок пятого размера внутри кружочка в двадцать пять сантиметров. После пары минут дискуссий мне пришлось согласиться на роль подпорки для замершего на мысках саусберийца. Из-за этого я сама еле сохраняла равновесие, хотя как раз у меня был большой круг. А все же одно неловкое движение – и обрушу «янтарь» с Лиссаем и кровавик в центре пентаграммы.

Передо мной торчала макушка Андрис с железными очками, и пушистые волосы Ищейки беспрестанно щекотали мне нос. Ей тоже выделили совсем мало места для жизни.

Кадия, Полян, Дахху и дракоша замерли где-то по другую от нас сторону кровавика и принца. Судя по сдавленным охам и ругани, им тоже было тесновато.

Сам Анте балансировал на переднем краю пентаграммы в комфортабельной изоляции.

– Начинаем, – кивнул Давьер, и помпон на его зимней шапке (добыча Андريس) беззаботно качнулся васильковым цветом.

Послушавшись, мы прижались друг к дружке еще плотнее, прямо как стадо грызунов, готовых сорваться с Птичьих утесов в каком-то безумном, бессмысленном акте дружного самоубийства.

– Телепорт по ощущениям отличается от Прыжка? – поинтересовался Полынь, утопающий в безразмерном балахонистом пальто. Поверх пальто, конечно, уже блестели и подрагивали амулеты.

– Да, отличается. – Маньяк снизошел до ответа. – Мы сейчас покроем огромное расстояние – это займет какое-то время. Плюс драконы тоже укрыты защитным куполом, его надо преодолеть при помощи дополнительных магических настроек. Обычный Прыжок такого не позволит.

– Что за настройки? – продолжал допытываться Полынь.

– Я вам потом объясню, – пообещал Анте.

И я с удивлением поняла, что он не врет. И действительно объяснит, когда найдет время. Хм, что это? Попытка возобновить отброшенную миссию по распространению знаний? Любопытно.

– Поехали, – вздохнул Анте Давьер.

Он повернулся лицом к центру пентаграммы. Одну руку положил на кровавик, другой рисовал диковинные пассы. В воздухе начали возникать ряды огненных букв – тот же шрифт, что был в некрополе. Буквы облачками расплывались по пентаграмме и зависали тут и там, подрагивая. Одно пылающее слово – *voluntas* – замерло прямо у меня перед носом.

Подул ветер. Кухня начала расти, мы – стремительно уменьшаться. Ветер крепчал, и я поняла, что с трудом могу удержаться на месте – шатает! Мир вовне стал блекло-бежевым, как выцветшая газетная бумага, – а потом осыпался хлопьями пепла. Саму пентаграмму, казалось, вырвало вместе с толстым слоем дощатого пола – получилась эдакая монетка, вертящаяся вокруг своей оси, запущенная неизвестным богом скакать по воде. Мы, ускоряясь, взмыли куда-то ввысь и закружились в странном пространстве, темном, глубоком, наполненном, как я поняла секунду спустя, моими старыми друзьями – теньвыми бликами.

Внешние границы пентаграммы вспыхнули стеной огня. Нас раскрутило еще сильнее. Я пожалела, что не догадалась принять противотошнотную настойку. Кто же знал?! Голова потяжелела, колени стали неприятно желейнными. Ох, прах...

Я вдруг услышала серебристый смех. Это смеялись блики, скачущие за огненной каймой пентаграммы. Они очевидно тянулись к нам двоим – к нам с Анте.

Блики требовали внимания...

Не надо вам к драконам, – говорили блики. – Оставайтесь с нами. Тут так хорошо и свободно, в нашей вечности.

Выходи, Карл, – кричали они почему-то мне. – Поиграем! Послушай, что мы скажем. Послушай – подожди.

Мы знаем мир, ведь были мы когда-то, как и ты, твореньями из плоти и крови. Мы были теми, кто смеется в темноте, со смелостью достойной новый день встречая. Камнями были мы в овраге и лежали в глубине, все подмечая в травянистой той прохладе. Мечами были мы в сраженье, были светом, лившимся с небес. Мы были тихим в луже отраженьем, мы были шепотами, полнившими лес. Страницами мы были книги, прочтенной во поле во ржи. Мы были первым словом правды и были точкой после лжи. Плющом мы были на воротах, хранящих тишину дворца. Замком в двери и чудным блеском на дне жемчужного ларца. Мы были всем – и нами будешь однажды ты, скорей же к нам!

*Пусть путешествие начнется – отбрось свой человеческий хлам. Приди, взойди по небу-
своду, шагни к нам вечности в угоду, скорее,
вот, повыше ногу – скорей,
скорей,
к нам,
на свободу...*

– Стражди, ты чего творишь?! – рявкнули мне на ухо.

Я отодвинула локоть Мелисандра, а потом самого Мелисандра, вцепившегося мне в плечо. Наша пентаграмма все так же неслась сквозь облачный водоворот небытия, посверкивающий молниями, но теперь я знала – все это пустое.

Ведь меня ждут блики. Как глупа я была, что испугалась их при нашей первой встрече! Здесь, в их царстве, мне стало ясно, что лучшей судьбы и нельзя желать. Не могу ждать! Хочу к ним прямо сейчас!

Я с трудом оторвала тяжелую ногу, будто приклеенную, от пентаграммы – и занесла ее над границей круга.

– Остановите ее немедленно, нас заносит, – краем сознания я уловила сосредоточенный голос Анте.

– Что? Кого остановить?! Что у вас там происходит? – донеслись взволнованные голоса по ту сторону замороженного Лисса.

– *Карл, Карл, Карл!* – шепоты теневых бликов отражались от пентаграммы.

– Почему Карл? Где Карл? – встрепенулся невидимый мне Дахху.

– Йоу, Тинави! Ау! – Кто-то вцепился в пояс моего пальто. Я уже ничего не видела, кроме алого огня и прыгающих за ним бликов.

...Мы были ветрами, летящими с юга, и югом мы были – горячим, широким, мы были котами, цветами и вьюгой, мы были вкусом ревнивых пощечин.

Мы были, мы будем, сейчас и навечно, свободные, легкие, но не беспечные...

Я попыталась шагнуть к полыхающему краю пентаграммы. Что-то мешало. Что-то удерживало меня. Не оборачиваясь, я оттолкнула того, кто учинил мне препятствие, и сзади зашатались, заахали. Но не отпустили.

...И сны, и мечтанья – пустое, бывшее, отбросить метанья поможем, не стоит волнений и страхов твоя жизнь, на волю...

– Йоу, милая, а ну прекращай! – бойко крикнули сзади.

Я потянулась к бликам всем своим естеством, я почувствовала, как огонь, разделяющий нас, обжигает лицо.

Две руки, державшие меня за талию, отпустили. Наконец-то!

Я выдохнула и начала падать вперед, на огненную стену. Но не успели торжествующие блики поглотить меня, как другой огонь – холодный, электрический – вжарил мне между лопаток, и я мешком осела на месте.

Внутри круга.

* * *

– Что ж, моя догадка подтвердилась, – холодно сказал Анте Давьер.

Или... погодите. Это не он холодно сказал. Это мне было холодно.

Всему моему грешному телу, от которого я так и не смогла избавиться посредством досрочного вхождения в царство теневых бликов.

Блики!

Прах!

Я резво открыла глаза.

Надо мной висело пронзительно-синее небо. Высокое, льдисто-хрупкое, упакованное в причудливую рамку из шести склонившихся лиц. Часть этих лиц были испуганными, но уже на той мягкой стадии, когда страх перерастает в облегчение. Одно лицо снисходительно усмехалось – давьерово. Другое глядело виновато – лицо Андريس, в чьей правой руке я увидела электрический жезл.

Перехватив мой взгляд, Ишейка быстро убрала его за спину.

– Йоу, прости! – повинулась она. – Но тебя по-другому было не остановить! Вырывалась, как волчица.

– Спасибо большое. – Я выдохнула, припомнив, какая странная жажда тащила меня к дурацким бликам и как действительно я до последнего хотела сражаться за сомнительную возможность пойти к ним.

Я села. И обнаружила себя в сугробе – никакой «летучей пентаграммы», нашего колдовского транспорта, не осталось. Мы были в горах, посреди безграничного снега. Ребята переминаясь на склоне. И, когда я сопоставила их шерстяные фигурки с панорамой вокруг, у меня захватило дух от того, какое тут все большое – и широкое – и пустое – и, конечно, белое...

Обожаю горы! А Скалистые горы еще и гораздо дальше, интереснее и выше Лилаковых, куда мы, шолоховцы, любим ездить зимой.

Глотнув немного искристого зелья, помогающего быстро адаптироваться к высоте, я покосилась на Анте Давьера:

– А что за догадка?

Остальные синхронно повернулись к хранителю. Глаза у всех были как щелочки: нестерпимо белый снег жалил сетчатку, навсегда отпечатывал в ней лики гор. Величавые, блестящие на взошедшем солнце барханы спускались под нами вниз, к далекой котловине межгорья – и, хочешь не хочешь, взгляд сам соскальзывал по ним дальше и дальше, радуясь простору, не в силах оторваться от *такой* свободы.

Один только Анте, на своем веку повидавший многое, равнодушно смотрел на карусель Ротхорнского Рая.

– Теория про «экологичность» запредельной магии притянута за уши, – наконец сказал маньяк.

И, пока я не успела возразить, он продолжил:

– То, что вы и Лиссай не колдуете классически, не подарило вам доступ к Карловой магии. Это важно, да. Но только этого недостаточно для успеха.

– Не поняла, – нахмурилась я, осторожно ощупывая лицо.

После встречи с пограничным огнем оно откровенно горело... Но, судя по отсутствию воплей и комментариев от друзей, выглядело более или менее нормально.

– Отбор магов, подходящих для «запредельного», не такой, как вы думали. В нем два условия. Экологичность – «младшее» из них. Куда важнее – кровь хранителей в ваших венах. Или ее давний отголосок. – Анте пожал плечами. – Во время нашего перемещения унни решила, что вы – Карланон. Мы все слышали, как она звала вас, но отнюдь не вашим именем.

– Вероятно, она обозналась? – предположила я, подрагивая от холода, и поспешила застегнуть на все пуговицы свое беззаботно распахнутое лоскутное пальто.

Анте кивнул:

– Именно так. Обозналась. Унни чувствует Карла внутри вас. И если в вашем нормальном, материальном состоянии она понимает, что вы другое существо, то в такие пограничные моменты напрочь не видит разницы. И во всеуслышание зовет вас Карлом. Я думаю, вы догадаетесь почему, если немного подумаете.

– Потому что унни путает желаемое и действительное? – буркнула я.

Анте сложил руки на груди и глянул на меня исподлобья:

– Едва ли. Вот что я вам скажу, милая Тинави. До нашего ухода из Мудры Карланон завел себе возлюбленную, срединную девушку – помню ее, как сейчас. А потом ваш прекрасный Карл оказался столь рассеян, что даже не поинтересовался ее судьбой – настоящий герой, не правда ли?

– Эй, у нас не время сплетен! – вспыхнула Кадия.

– Нет, у нас как раз-таки оно! – огрызнулся Анте. – Потому что, раз уж мы так близки к кромену, вам надо кое-что учесть. В 1147 году Хинхо из Дома Страждущих не только был создателем амулетов. Он был одним из немногих, кто вообще мог открыть купол. Потому что в нем текла кровь Карланона. Крохотная капелька, крохотулочка. И вам, черт бы вас побрал сейчас за ваши выражения лиц, это стоит принять во внимание! Потому как из вашей компании купол сможет открыть только Тинави. Или я. – Анте Давьер медленно оглядел наши вытянувшиеся физиономии. – Считайте, я вас этим предостерег.

– От чего? – удивилась я.

– Кому надо – тот понял, – бросил маньяк, почему-то посмотрев на Мелисандра и Дахху.

Полынь, который впервые не казался мне бледным – на фоне снега-то, – вскинул брови:

– Анте, но если вы утверждаете, что запредельная магия доступна только потомкам хранителей, то как вы объясните феномен Ходящих?

Анте в ответ захохотал, весело забросив голову назад. Все встретили этот бенефис напряженным молчанием.

– Обожаю, когда смертные пытаются найти аргумент против теории – и только подтверждают ее, – отсмеявшись, покачал головой Давьер.

Прищур Полыни из хитрого стал каким-то недобрым. Но и любознательным. Больше любознательным, да, – драка отменялась.

– Я сказал, что запредельная магия доступна только тем, в ком течет кровь хранителей, – высокомерно заявил Анте.

– В чем разница? – подал голос Дахху. Из-за ворота его меховой куртки торчала башка дракоши на длинной розовой шее.

– Вот господин Полынь как раз и есть прекрасный образчик этой самой разницы, – фыркнул маньяк.

Анте снова повернулся к куратору:

– Откуда, по-вашему, у Ходящих запредельные способности?

– Ключ к ним заключен в нашей татуировке. – Полынь оттарабанил привычную, с детских лет заученную формулу и, казалось, задумчиво прислушался к эху собственного голоса, ища в нем новый смысл.

Анте потуже затянул петли рюкзака и кивнул:

– Вот-вот. Только ключ этот – не рисунок, как вам, вероятно, говорили в Пике Волн. Ключ этот в материале. Покажите руку, господин Полынь.

Полынь с трудом задрал толстый рукав пальто. Потом еще полминуты отстегивал браслеты.

– Ну да, – оценивающе пожевал губами Анте, когда нашим взорам явилась Глазница. – Татуировку набивают кровью Рэндома, рисунок лишь усиливает ее чары. Также во время учебы эту кровь вам наверняка тут и там подмешивают по капельке. А она дает ряд удивительных способностей – но до определенной степени. Как только унни – каждый раз – понимает, что ее подло обманули и призвал ее не бог, а всего лишь человечешка с запахом божественной крови, – она уходит на какое-то время. Потом обманывается вновь. Поэтому вы можете применять Умения только в ограниченном количестве. И поэтому становитесь прозрачными, если переусердствуете, – унни по-своему мстит.

Тут уж Полынь сам начал с интересом и, я бы сказала, энтузиазмом разглядывать свою татуировку. Будто в первый раз ее увидел.

– А откуда у них кровь Рэндома? – спросила я.

– Наверное, тоже сюда наведывался. Как и все мы, – Анте пожал плечами. – Оставлял смертным подарки. Не такие *живенькие*, конечно, как Карланон и Дану...

Я нахмурилась.

– А как жалко, не правда ли? – вдруг протяжно вздохнул Дахху. – Я так надеялся однажды взять у Тинави или у тебя, Анте, пару уроков Карловой магии! Когда все успокоится.

– Если ко мне вернется волшебство благодаря этой малышке, – Анте кивнул на драконью королеву, уже выпущенную на волю и блаженно шутившуюся на снег, – я волю галлон своей крови тебе в вену и научу всему, что знаю. Обещаю.

Дахху просиял.

– Новости у вас горяченькие, конечно! – Мелисандр зябко поежился. – Но я предлагаю все-таки отправиться в путь. Прах знает, что тут с температурой. Где дрыхнут ящеры, кто в курсе?

– Вон там. – Анте указал на сдвоенную вершину соседней горы. – Действительно, пойдемте. Из-за Тинави мне пришлось отпустить телепорт раньше намеченного. Придется прогуляться.

И он потопал вниз по склону, шаг за шагом по колено увязая в снегу.

– А Лиссая кто тащить будет, ушлепок?! – завопила Кадия вслед уходящему хранителю. – Вот зараза, – добавила она, когда тот не обернулся. – Какой-то он особо дерзкий сегодня, хотя с чего бы? Чуйка дурит? Ну ладно, сами справимся.

– Оставь, – покачал головой Полынь. – Идите за ним. Я догоню вас в два Прыжка. Все легче, чем волоочь эту глыбу по снегу.

Все ушли.

Мы с Полынью и замороженным Лисом остались.

– Что грустишь-то? – поднял брови куратор, бесстрастно созерцая меня в сугробе.

– Да я не грущу. – Я передернула плечами.

– Н-да? – Левая, проколота бровь уползла под огромную, не по размеру, фиолетовую шапку, найденную у меня в чулане. И откуда там что берется? Может, там тоже портал? В провинциальную барахолку?

Я щелкнула языком:

– Если честно, я так гордилась своими новоприобретенными умениями! А это, оказывается, всего лишь кровь.

– Забей, Тинави, – отмахнулся Внемлющий и начал примериваться к янтарю с Лиссаем. – Никто из нас не выбирает, что нам дадут при рождении. Если тебе повезло – это точно не повод для грусти.

– Ну... Просто я уже привыкла воспринимать Карлову магию как доказательство того, что нет худа без добра. Она оправдывала мою потерю магии. И подтверждала, что я стою чего-то сама по себе, понимаешь? Что меня есть за что полюбить. И это утешало. А так, получается, энергия просто ищет во мне отражение Карла.

– Понимаю. Но ты и так чего-то стоишь. – Полынь пожал плечами.

Я, прикусив губу, следила за друзьями, которые уже сосредоточенно пилили сосну. Мародеры, м-да. Цель была простой: создать из дерева так называемые «сколозки», то есть деревянные скользкие доски, которые удобно пристегиваются к ногам и служат для быстрого передвижения в горах. Наравне с лыжами они очень популярны в Лилаковых горах на зимних курортах Норшвайша, куда периодически любим ездить мы с Кадией и Дахху (и другие шолоховцы). Правда, Дахху там все больше отмокает в термальных бассейнах, ну да ничего...

Создать сколозки из воздуха было невозможно – только магией обработать материал, так что сосна полегла смертью храбрых.

Один только Теннет упрямо топал через снег пешкодралом.

– Не уверена, что я чего-то стою, Полынь... Потеряла магию по глупости. Обрела новую из-за прихоти генов. Получила работу из-за случайного столкновения с принцем в библиотеке. Подружилась с богом из-за того, что Дахху кинулся его спасать... Я сама ничего не сделала. Я всегда лишь второстепенный участник. Кто-то другой, рассказывая всю эту историю, может вообще забыть упомянуть меня – и будет прав, понимаешь? – Я расстроено ковыряла снег мыском ботинка.

– Во-первых, хватит ныть! – осадил меня Полынь. – Я вон вообще кровавый реципиент какой-то, и ничего. А во-вторых – да, ты права. Мы все не так велики, как хотелось бы. И что? Разве это нас принижает? Просто делай, что можешь, и делай, во что веришь. И не забудь менять догматы в соответствии с полученным опытом. А главное – прихвати в свое путешествие по жизни пыл и упоение. Это позволит веселиться по максимуму с розданными тебе картами.

– Ого, – опешила я. – Пыл и упоение?

– Ага.

– Полынь, ты меня удивляешь! – Я покачала головой. – Ты что, тоже склонен к философствованиям на досуге?

– Ну нет! – резко воспротивился куратор и расфыркался, как охотничий пес, по ошибке засунувший нос в муку. – Просто пытаюсь говорить с тобой на понятном тебе языке. Сама знаешь: проще подстроиться под человека, чем упорно тащить его в царство собственной логики.

– Вот теперь у тебя даже метафоры в моем стиле! – восхитилась я.

– А у тебя снова до ужаса довольная рожа, малек. Метод подстройки действует, прекрасно. Сама почаще его используй, не забывай. Все, пора идти.

Он одной рукой обхватил янтарь с Лиссаем, другой зацепил меня за воротник пальто и, высмотрев где-то внизу фигурки ребят (одна из них – Мелисандрова – уже кубарем катилась с горы, поднимая тучи снега), прыгнул.

Путешествие к кромону продолжилось в морозной фазе...

Драконий лагерь

*Оставь в горах и свет, и тьму, Оставь в горах кровь и судьбу,
Оставь в горах свой страх и боль, – Возьми в горах покой.
Песня церковных колоколов В городе-призраке Асулене*

Прежде чем взобраться на указанный Давьером пик, нам предстояло пересечь котловину межгорья.

Эта часть пути прошла весело – благодаря сколозкам. Бодрое настроение задавали разудало гикающий и то и дело срывающийся вниз Мелисандр; деловитая Йоукли, которая на удивление профессионально держалась на доске; и Кадия, прыгавшая на каждой подворачивающейся кочке.

А вот Дахху так и не приспособился к пухлому внетрассовому снегу. Друг дважды сверзился с доски, чуть не сломав шею и себе, и королеве Бурундук. После этого он потерял интерес к покорению новых гор и предпочел держаться возле Полыни, который одолел весь склон за три Прыжка.

– А хорошо-то как в Скалистых горах! Я бы хотела остаться тут подольше, – замечталась я, пока мы втроем, устроившись на бревне, ждали остальных в извилине горной речушки.

Ледяная вода, пенясь на поворотах, журчала по серым булыжникам долины, хрусталем разбивала пуховую тишину межгорья. Пестрый дятел долбил кору в сосняке, растущем вдоль реки рядами, как расческа. Стукача окружала ни дать ни взять королевская свита: стайка синиц, снегирей и гренадеров перещебетывалась на соседних ветках, воспевая процесс.

– Бойся своих желаний, малек, – буркнуло справа от меня разноцветное пальто, в котором обретался уже невидимый Полынь. – Я больше не могу Прыгать. Силы кончились.

– А почему так быстро? – разочарованно протянул Дахху.

Обычно Полыни хватало на большее количество Умений. Куратор пожал плечами:

– С тремя-то пассажирами и драконом? После недели бессониц, телепорта и кражи гематита? Я бы не назвал это «быстро». – Внемлющий вздохнул. – Мне нужно пару часов, чтобы прийти в себя.

И, сложив заплаточные рукава на груди, шерстяное пальто уточнило:

– Пару лежачих часов, – после чего решительным взмахом прогнал нас с Дахху с бревна.

Меж тем со стороны склона раздался дикий вопль. Секунду спустя в серебристую сосну перед нами с громким хрупом вмазался Мелисандр Кес. Сколозка под ним не то что треснула – рассыпалась в щепу.

– Ты жив? – сочувственно взвыл Дахху, глядя, как Мел выкапывается из сугроба.

– А что, ты уже надеешься мой медицинский набор прибрать? Не бывает такому! – прокряхтел саусбериец, ковыляя по направлению к нам. – Зато я первый приехал. Так ведь?

– Первый, первый, – подтвердила я. И на всякий случай попросила унни «ощупать» авантюриста: не сломал себе чего-нибудь?

Энергия бытия откликнулась мгновенно. Сегодня она была какой-то подозрительно покладистой: так и рвалась помочь. То ли у нас наметился резкий прогресс в отношениях, то ли унни извиняется за «накладочку» с телепортом.

Так или иначе, из-за симпатии энергии я чувствовала себя великолепно. Одновременно легко, и лукаво, и ликующе – казалось, весь мир для меня одной... Как же хорошо, когда «ловишь ритм Вселенной»! А может, во всем виноват горный воздух, прах его разберет.

Через несколько минут к нам присоединились остальные.

– Никаких двух часов отдыха! – зашипел Анте Давьер, пиная бревно с Полынью. – Еще чего вздумали!

– Ну и волоките принца сами, – огрызнулось пальто, не шевелясь. От пальто жутко воняло мокрой землей и червяками.

Я цокнула языком, покопалась в рюкзаке и протянула Полены целую когорту пузатых пузырьков с его любимым средством от кашля. Пока Ловчий-невидимка булькал ими, мы все подавленно косились на замороженного Лисая. Волоочь его не хотелось... Еще разобьем, не дай небо!

Маньяк повернулся ко мне.

– Тинави, тогда ваш выход, – сказал Анте очень мрачно. И однозначно ткнул пальцем в сторону искомой горы.

Я моргнула: поле зрения на мгновение перекрыли заиндеветшие ресницы.

– Вы хотите, чтобы я Прыгнула?

– Да.

– Помнится, у вас были плохие мысли на этот счет?.. Расщепление и все такое? – протянула я.

Лицо Анте Давьера оставалось непроницаемым.

– Я сам хозяин моим мыслям. Сегодня новый день, и я решил сменить их. Я быстро адаптируюсь, – неприязненно заявил он.

Я замешкалась, пытаюсь взять в толк, с чего это мы опять на штыках. Вроде только-только нашли общий язык?

– Ну... Прыгаем так Прыгаем. – Я пожала плечами. – Ребята, подъем!

– Эй, дитя богов, может, тебе как-то размяться для начала? – обеспокоился Мелисандр, отнюдь не вдохновившись словом «расщепление». – Поскачи сама туда-сюда, взбодрись – а там уже и нас прихватишь?

– Все будет хорошо, Мел, – твердо сказала я, потерла друг о друга ладони, согреваясь, и обняла замороженного принца.

Ребята забурчали, решая, как бы им всем за меня уцепиться, чтоб каждому досталось по кусочку, да побольше, понадежнее. Чувствуя себя дегустационной стойкой в популярном шолоховском магазине «Чудо сыровара», я зевнула:

– Ну а если что, порем все вместе и за благое дело! И портал заодно уничтожим, мир от Зверя спасем.

У всей моей бравой команды будто разом зубы свело – так их перекосило.

– Да, это ты утешила, конечно! – вздохнула Кад, но пальцы не разжала. – Ну, дерзай!

Я улыбнулась и Прыгнула.

* * *

Результат превзошел ожидания.

– Йоу, ничего себе ты расстояние покрыла! – Андريس удивленно поправила свои очки на макушке. Остальные одобрительно загудели. Только Полень промолчал. Кажется, слегка приревновал, ибо мы сразу оказались на вершине нужной горы. На эдаком утесе, выпирающем полукругом. Он напоминал скорее искусственную столичную смотровую площадку, нежели природное образование. С одной стороны утес был окружен острыми пиками скал, как забором, с другой обрывался сногшибательными видами.

Дахху подошел к краю и вытащил из-за пазухи Бурундука. Посадив дракошу на ладонь, он кивком привлек ее внимание к простирающейся внизу горной долине:

– Смотри, Бурундук! Это все – твое.

– Кря, – отнюдь не по-царски сказала Бурундук.

Горы лежали под нами, угловатые, объемные, воздушные, будто бумажные фигурки, сложенные рукой мастера. Белые хлопья облаков, разметанные непокорным северным ветром,

цеплялись за острые вершины и легонько подрагивали на них, как огромные сахарные бабочки. Солнце играло по всей долине, заставляя снег нестерпимо блестеть. Прищурившись, я увидела, что лучи преломляются в вышине: пробиваясь сквозь некую призрачную преграду, ломаются, меняя угол наклона.

– Это вот это купол над драконами? – Я указала Анте на едва уловимый эффект.

– Да, – кивнул тот. – Как видите, мы уже под ним.

– А его-то мы как разбивать будем, чтобы до моря добраться? – любопытствовал Мелисандр.

– Его разбивать не придется. Выйти через него может кто угодно. Он запрещает только вход.

– А ты откуда-с-с знаешь-с-с-с? – спросил очень подозрительный, сильно шепелявый голос из-за наших спин.

Мы все дружно подпрыгнули, вызвав тем самым небольшую лавину. Но нам было все равно, ибо мы обернулись и увидели говорившего.

– Грек твою налево... – Кадия едва слышно рискнула выразить общую эмоцию.

Я ограничилась тем, что тяжело сглотнула и вытаращила глаза. Дахху успел спрятать королеву Бурундук под куртку и теперь прижимал руки к сердцу так отчаянно, что я испугалась, что у него инфаркт. Полынь и Андрис синхронно – обвинительно, в стиле Иноземного ведомства, – сложили руки на груди, а Мелисандр со вкусом присвистнул.

– Я много чего знаю, Петр, – высокомерно ответил Анте Давьер.

В отличие от нас, он обернулся только сейчас. До этого маньяк с небывалым интересом следил за ходом лавины, которая быстро переросла в большую, очень даже большую, с грохотом заволакивающую межгорье слоями сходящего снега. Мне казалось, я со своего места чувствую, как быстро и взволнованно бьется Теннетово сердце.

– Тебе извес-с-сно мое имя-я-я? – озадаченно протянул Петр.

И высунулся чуть дальше из-за чостокола скал, окружавших наше плато.

– Равно как и тебе – мое, – развеселился Анте, и, кажется, я впервые засекла на его лице чистосердечную улыбку.

– Как та-а-ак-с-с-с? – Петр наклонил удлиненную башку и чуть не сбил стоящую на краю обрыва фигуру Лисая.

Охнув, я метнулась туда и на всякий случай больше не отходила от своего несчастного принца.

Дракон – а Петр был именно драконом – проводил меня задумчивым взглядом. Он моргнул, и я с легким оцепенением увидела, как прозрачная вуаль – третье веко – затягивает и снова обнажает сплошной зрачок ящера, слева направо, вслед за веками обычными. Глаз дракона был размером с мою голову. А голова дракона – с письменный стол. Сам дракон – неизвестно, ибо туловище его, чешуйчатое, переливающееся всеми цветами лилового, скрывалось за ближайшей скалой. К нам же – на разведку – была выпущена лишь голова на длинной гибкой шее, усыпанной костяными иголками.

– Петр-Петр... – наигранно сокрушался Анте Давьер.

Мы все удивленно косились на него. Даже с большой натяжкой его нельзя было назвать «легким» человеком (и это если забыть о его преступлениях): обычно рядом с Анте неприятно находиться, он будто высасывает из тебя силы и настроение.

Но сейчас – сейчас он казался вполне очаровательным.

– А говорят, у драконов хорошая память!

– Не понимаю-с-с-с! – раздраженно прищурился Петр.

Где-то там, за скалой, мы услышали удар. В воздух взметнулась белая крошка – кажется, ящер хвостом стукнул о снежный наст, как недовольный кот.

В долину межгорья побежала еще лавина...

Анте проследил за ней взглядом, вздохнул и перешел на какой-то незнакомый нам язык. Глаза дракона расширились.

– О?! – сказал он, и теплое его дыхание на этом звуке разом согрело всю нашу маленькую экспедицию.

– Да, – с жаром сказал Анте и снова пустился в объяснения.

– О... – Дракон сокрушенно покачал головой из стороны в сторону, и я еще крепче обхватила Лиссая.

– Ты дальше послушай! – пылко возразил Анте и начал, судя по интонациям, рассказывать анекдот.

Это он, конечно, маханул.

Смех дракона мы пережили еле-еле. Только сбившись крепкой кучкой и склонившись до самой земли, как прибитый ветром озерный камыш, мы удержались на ногах, а не бесславно улетели на дно ущелья...

Тут Анте понял, что надо сворачиваться.

– Петр, проводи нас в лагерь. У нас подарок, который придется драконам по вкусу, – сказал он.

– Хорошо-с-с-с... – Дракон затрепетал смешными ушами и втянул голову куда-то за скалу. – Пойдемтес-с-с...

Подталкиваемые взглядом Анте Давьера, мы дружно засеменили по огромной борозде, оставленной в снегу драконьей шеей.

– Петр – мой старый друг, – объяснил Анте. – Но он еще не видел меня с этим лицом. Поэтому не узнал сразу.

– А что вы ему сказали? – поинтересовалась я. – Ему как вообще – нормально, что тут чужаки расхаживают по долине?

– Петр – весьма добрый дракон. А еще, будучи Привратником, он единственный, кто не спит. Бодрствует уже тысячу лет – с тех пор, как погибла прежняя самка. Оберегает остальных. Поэтому он рад компании, даже, скажем так, несанкционированной.

– А остальные драконы столь же милы? – подозрительно уточнила я.

Анте сделал вид, что не услышал вопроса.

Какой-то плохой знак.

* * *

Когда мы пришли в драконий лагерь, оказалось, что Петр был очень маленьким драконом. Крохотулечкой прям, коротышкой. Остальные его сородичи выглядели настолько монументально, что даже обычно сдержанная Андрис Йоукли разинула рот.

Петр, стуча о лед хвостом, поднимал тучи снежной пыли и выводил странные, рычащие-молящие рулады.

От его зова ледяные холмы вокруг начали мелко подрагивать. Потом – с лязгом и скрежетом шевелиться. Морозные панцири на них стали трескаться, и вот уже пейзаж претерпел значительные изменения...

Драконы, все как один спавшие в позах сдобных улиток с изюмом, неохотно разворачивались, ворча, зевая, хрипя, сталкиваясь чешуйчатыми боками и создавая такой шум и гам, что, проори я даже во весь голос что-нибудь жутко секретное, тайну мою никто не услышал бы.

Ящеры очнулись и сразу же взмыли в воздух. Мы с удивлением поняли, что стоим на неожиданно плоской, раскатывающейся вдаль, будто блинчик, вершине горы. Снег уже не блестел, правда, драконы перекрыли нам солнце. Мы стояли в глубокой тени.

Петр задрал шипастую башку к двум десяткам своих подопечных и неспешно заговорил:

– Значит-с-с-с, так-с-с-с... Это – люди-с-с-с...

– Люди-с? Люди-с? Кто-с? Зачем-с? Как-с? Почему-с? Откуда-с? – заволновались драконы и еще энергичнее забили крыльями.

Один из них – мелкий, желтенький, слабенько дыхнул огнем:

– Убить-с!

И, не успевшая побледнеть от такого предложения, как привратник Петр снова негодуя забил хвостом о землю:

– Никаких убить-с-с-с! Поганцы-с-с-с молодые-с-с-с!

– *Juventus est crudelissimum...* – вздохнул Анте Давьер.

– *Sic et simpliciter!* – согласился Петр, скосив глаза к стоявшему подле него дружку-хранителю.

А потом пустился в объяснения для сородичей, ревя и хрипя так громко, что, боюсь, если бы не купол вокруг долины, нас бы слышали в каждом из северных государств:

– Значит, так-с! Это друзья! С ними Теннет-с! Вот этот-с, – и Петр когтистой лапой указал на маньяка.

Маньяк вежливо помахал.

– Теннет-с? – заволновались драконы. – А почему так плохо выглядит-с? А где подтяжки-с?

– А ну молчать-с-с! – возмутился Петр и снова перемолвился с Давьером парой слов на таинственном языке.

Они тихонько посмеялись. Ну то есть Анте тихонько, а дракон – вполне так громогласно.

– Что-с? Что-с? – захлопали крыльями другие ящеры.

Теннет повторил им сказанное, после чего, казалось, расхохоталось само небо.

Кадия, прижавшаяся ко мне по правому флангу, со стоном закатила глаза:

– Ну что это за цирк, а!

– А тебе не страшно? – шепотом спросил ее Дахху, стоявший слева.

– Как можно бояться тех, кто бесконечно ржет и шепелявит? – здраво возразила подружка.

– О, сразу видно, ты ни разу не имела дел с племенем Гогочущих Гиен! – встряла Андريس.

– Я бы скорее призрака-хохотуна вспомнил, – фыркнул невидимый Полюнь.

– А я – мою бабу Габю. И ржала, и шепелявила, а как скалку из ящика вытаскивала – так весь клан Кесов под кроватями прятался. – Мелисандр тоже вставил свой медяк в беседу.

– А что, семьи в Саусборне объединяются в кланы? – заинтересовался Дахху.

– Планируешь новую главу «Доронаха»? – усмехнулась я.

Как-то так вот незаметно мы с ребятами сгруппировались еще ближе друг к другу и начали, слово за слово, болтать о своем. А где-то в высоте парили, ржали, шипели драконы, бурно реагирующие на каждую реплику весельчака Теннета...

* * *

Наконец, в наш уютный междусобойчик змеей ввинтился Анте Давьер.

– Дахху, идемте за мной! – не переставая улыбаться, обратился он к другу.

– Зачем? – жалобно спросил Смеющийся, которого, судя по всему, ящеры не слишком-то прельщали.

Но Анте уже безапелляционно вытаскивал его по направлению к привратнику Петру.

– Итак! – провозгласил хранитель.

Драконы тяжело поплюхались на снег. Каждый раз гору потряхивало, и все мы явственно улучшили навык сохранять равновесие.

– Всегда приятно встретить старых друзей, – слегка поклонился Анте. – Но мы к вам по делу. У нас есть подарок, бесценный подарок.

– Ты других и не даришьс-с-с, – льстиво влез Петр.

– Но за этот подарок нам придется попросить у вас услугу. Неприятную – буду честен. Но в сравнении – ерунда.

– Что за подарок-с-с-с-? – Драконы заморгали часто-часто, и я с легкой долей удивления поняла, что они так жеманятся и вроде кокетничают.

– Дахху, пожалуйста, – кивнул маньяк.

Дахху явно не пребывал в восторге от того, что двадцать пар ящериных глаз пристально уставились на него. Но все же дрожащими руками расстегнул куртку и, поколебавшись, вытащил из-за пазухи розовенькую, все еще слеповатенькую, умилительную королеву Бурундук.

– Подними ее, – громким шепотом попросил Теннет.

– Что? – не понял Дахху.

– Подними. На вытянутых руках.

Дахху так и сделал.

Что, впрочем, было необязательно: со всех сторон и так уже доносились сдавленные рыки восторга, замешанные на неверии. Драконы узнали свою повелительницу. Даже в том младенческо-цыпленковом состоянии, что, казалось, легче принять ее за ужин, нежели за могущественное древнее существо...

* * *

Я опушу детали того, как странно и дико плачут драконы.

Как учиться летать крошка Бурундук, как Дахху, сначала чуть было не лишившийся чувств, в итоге залезает на спину Петра и даже с честью (то есть без визга) выдерживает краткий круг почета над поляной. Как наша горстка случайных гостей ютятся в центре плато, отчаянно пытаясь изобразить из себя сугробы. Что удастся все успешнее – ибо с неба валит снег, и каждая снежинка крупнее и махровее предыдущей.

Но, конечно, кто-то должен был испортить час всеобщего ликования. И, пораскинув мозгами, эту роль на себя взяла я.

– Дорогие драконы! – закричала я, приставив руки рупором ко рту.

Когда ящеры с неохотой, но обратили на меня внимание, я демонстративно постучала кулаком по замороженному принцу Лиссаю:

– Как сказал маньяк... то есть ваш друг Теннет, нам придется попросить у вас кое-что взамен.

– Дерзко-с-с! Нагло-с! Нехорошо-с!

– Я предупреждал об этом, друзья. – Анте поднял вверх руки с раскрытыми ладонями.

Драконы нахмурились еще сильнее. Дахху, так и сидевший между двумя шипами на шее привратника Петра, в волнении посмотрел на нас.

– Кря! – сказала Бурундук у него на руках.

Драконы массово умилились.

– Что хотите-с-с? – смягчившись, пророкотали они.

Мы с Анте переглянулись. Он вежливо наклонил голову, уступая мне честь объявления цены.

Вот зараза. Не хочет быть буревестником.

– Нам нужно драконье яйцо. Для того, чтобы мы открыли дверь в кромене, встретились с Карланоном и с его помощью спасли мир от Зверя! – на одном дыхании отбарабанила я, подспудно ожидая, что в любой момент меня могут превратить в раскаленную головешку.

Как и следовало ожидать, драконы не слишком вдохновились идеей. Но, во всяком случае, мне не пришлось дальше с ними общаться. Возмущенные просьбой до глубины души, они

с негодованием обратились к Анте. Бывший хранитель вступил с ящерами в долгие переговоры, то и дело накалявшиеся до безобразия.

И лишь только «кря» Бурундука, раз от раза становившееся все увереннее, иногда сбавляло градус спора.

* * *

– Увы, они категорически против отдать яйцо, – вздохнул Анте полчаса спустя.

– Но мы же вернули Бурундука! – возмутилась Кад.

– Вы же сказали, что они согласятся на сделку! – подхватила я.

– Йоу, девочки, ну дайте ему договорить-то. – Андريس первая заметила в глазах маньяка лукавый блеск.

Мы послушно заткнулись.

– Зато драконы могут сами закрыть портал внутри Лиссая, – закончил Анте. – Как ни странно, это входит в перечень их способностей. Открывать порталы они не могут – это только в нашем ведении. А вот закрывать – да. Фактически закрытие портала связано не столько с работой над унни, сколько с работой над материей бромой... А она, как известно, в компетенции драконов.

– То есть, – я расширила глаза, – нам не придется открывать купол? Выходить во внешний мир? Встречаться с Карлом?

– Не придется, – подтвердил маньяк. – Простождемся, пока принц оттаит после моего заклинания – и все.

Я облегченно выдохнула.

– Не согласен! – вдруг воспротивился Мелисандр Кес. – Я считаю, надо действовать по плану! Надо открыть кромен, раз собрались!

Мы все удивленно на него воззрились.

– Зачем? – Полынь вздернул одну бровь.

Он уже восстановился до той стадии, что снова был виден. Мелисандр замешкался на мгновение.

– Потому что кромен надо открыть, – как-то глупо, но очень уверенно аргументировал он.

– Да нет, уже не надо, – бесстрастно возразил куратор и ловко поймал взгляд Мелисандра.

– А я считаю, и господин Дахху со мной согласится, что... – начал было Кес, но, убедившись, что идея не находит одобрения, а Дахху рядом нет, осекся.

Нахмурился и упрямо замкнулся в себе.

– Мел, ты чего? – спросила я.

Он отмахнулся и не ответил.

Со стороны драконов неожиданно послышался возмущенный крик Смеющегося:

– Петр, небо голубое, да ведь вы ей так шею свернете! Ну как можно так грубо обращаться с новорожденными! Ах... Ой... Простите, простите, я не хотел вас обидеть...

– Так, пора его оттуда вытаскивать! – Я решительно встала.

Ребята согласились.

* * *

Когда на горный хребет опустилась ночь – чернично-бархатная, хрустальная, – драконы организовали для нас вполне уютную стоянку.

Ящеры слетали куда-то и там, кажется, разворошили гнездо льдистого альбатроса... Во всяком случае, к наступлению темноты на поляне связками валялось огромное количество веток и, страшно сказать, целых стволов деревьев.

Дахху и Полюнь при помощи магии соорудили из этого несколько очень уютных шалашей, а потом накрыли их припасенными пледами с кисточками по каемке. Андрис расставила по периметру лагеря чашки с горячей жидкостью, а привратник Петр был столь мил, что запалил их негаснувшим драконьим пламенем.

Нам оставалось только ждать. Ждать, пока Лиссай «растет».

Уставшие ребята довольно скоро разбрелись по шалашам, зевая и поражаясь тому, как удачно все сложилось.

Только Кадия и я остались среди черных силуэтов гор. Мы сидели по двум сторонам от костра, и он, как горячее сердце, пылал между нами. Мы жались к огню, и наш тесный кружок на двоих дышал бесконечностью перемен. Мы не говорили ни о чем особенном, но на душе было легко и тепло.

Я подняла глаза от костра и увидела, что огоньки стоянки дорожкой убегают вперед, огибая последний шалаш и неожиданно обрываются во Вселенную. Млечный Путь во всей своей бриллиантовой, вечной красоте вырастал прямо за спиной Кадии. Руку протяни – и поймаешь звезду за хвост.

Здесь, на высоте трех с лишним миль над морем, мы стали выше мира... Мы переросли планету.

Пахло морозом и жасмином. Жасмином – от меня.

– Как тебе Анте и драконы? – спросила я Кадия, которая, позевывая, тыкала палочкой в огонь, перекидывая один уголек то туда, то сюда. – Мне кажется, здорово, что у него есть друзья.

– Я рада за него, – вздохнула стражница. Потом, наклонившись еще чуть ниже – щеки ее запылали, – повторила: – Нет, я правда рада. Каждому из нас нужен кто-то, кого мы любим, о ком хоть немного заботимся. Именно так. Не в обратную сторону. Я уж решила, он полный олух...

– Ушлепок.

– В смысле, да, ушлепок. Но с драконами он кажется вполне нормальным. Это здорово.

– Он тебе все еще нравится? – Я тоже не удержалась и начала тыкать злосчастный уголек палочкой.

Бедняга косил на нас алым глазом, но терпеливо сносил щекотку. Да куда бы он делся.

– Мне нравился Анте Давьер. Человек, которого на самом деле не существовало. – Кадия развела руками. – К падшему хранителю я не имею никакого отношения. Я даже досчитать, блин, не смогу до той цифры, сколько лет он на свете живет, – усну нафиг.

– Да, именинный тортик может стать проблемой... – фыркнула я.

– Вызов принят! Надо спросить у ушлеп... У Теннета, когда у него день рождения. И... Как они вообще появились на свет, эти хранители, а? – удивленно проговорила Кадия и, загасив уголек сапогом, побрела в свой шалаш, задумчиво глядя в небо.

Я посидела еще немного, щурясь на Осевую Звезду – самую яркую в небосводе.

Потом, сладко вздохнув, тоже ушла. Завернулась в тонну одеял, щедро выданных нам Андрис Йоукли (ее рюкзак был так заморожен, что места внутри было больше, чем снаружи), свернулась калачиком и уснула...

* * *

Я не знаю, что меня разбудило.

Возможно, та самая пресловутая интуиция, существование которой я отрицала с самых малых лет. Возможно, какой-то звук.

Так или иначе, я подпрыгнула аж на метр. Села, прислушиваясь. Тишина... Я быстро нацепила шапку, варежки и отбросила полог шалаша. Лагерь безмолвствовал. Драконы тоже. Они на ночь улеглись спать на дальний от нас конец плато, туда, где у них как раз находились яичные кладки (на закате нам провели экскурсию). Со стороны ящеров доносился низкий рокот, но я догадывалась, что это просто драконий храп.

Поколебавшись, я решила, что сердце без причины истерить не будет. Никогда раньше у меня в груди так встревоженно не колотило... Будто кто-то выталкивает вперед.

Нет. Что-то определенно не так.

Я пошла по шалашам.

Первым был шалаш Андрис. Ищейка спокойно спала внутри. Я цокнула языком, обнаружив, что она раздала всем по несколько одеял, а себе оставила лишь одно. Эх, Андрис! Как бы мне так суметь не портить свое к тебе отношение? Такая ты хорошая. А я то Полынь, то Дахху, то еще кого к тебе ревную. Глупо, даже самой себе признаться стыдно.

Второй шалаш был отведен куратору. Он тоже оказался на месте. Спал как труп, сложив руки крестом на груди, высоко задрав подбородок. М-да, красавчик.

Дальше Кадия – все чисто. Как всегда, в позе звезды. Вот кому никаких одеял не надо, зря только материал переводим.

Но следующие три шалаша меня разочаровали и испугали. Потому что ни Мелисандра, ни Дахху, ни Анте Давьера внутри не обнаружилось. Я честно перекопала шалаши сверху донизу, но, даже если бы все трое любили спать в позе эмбриона, им бы не удалось скрыться от моего всевидящего ока.

– Ну приплыли... – озадаченно протянула я.

Ночь вокруг была безмятежно тиха и темна. С неба сыпался сонный снег.

Чужак

Кто гарантирует, что твои мысли – это лишь твои мысли, а не шепот забытого бога? Как понять, не нашлось ли тебе подсказчика? Где заканчиваюсь я – и начинается небо? И в чем его план?

Дневник Йевелина Грэ, монаха-отшельника

Я присела на корточки у шалаша Дахху, надеясь, что смогу разглядеть следы пропавшего друга. Увы! Снежный наст был таким прочным, что никаких отпечатков не оставалось.

Я растерянно побродила по лагерю. Драконье плато хорошо просматривалось – вплоть до зубчатых скал, венчающих его по кругу, как кремниевая корона. Ни намек на движение. Темные силуэты спящих вдалеке драконов мирно раздувались и опадали в такт дыханию, совсем как меха в знаменитой кузнице Дома Таящихся. От глубокого рва с драконьими яйцами поднимался пар, клубившийся над снегом. «Круглый год поддерживаю парниковую температуру», – объяснил Петр.

Возможно, ребята замерзли: спрятались в кладке или же прикорнули под горячим боком одного из ящеров. Впрочем, это было бы донельзя глупо, ибо вечером мы поняли, что драконы, за исключением Петра, – отнюдь не благодущные создания. («Запомните правила безопасности в драконьем лагере, – предупредил Привратник. – Не мешайте драконам-с. Не врете драконам-с. Не перечьте драконам-с. Сжечь нахалов нам проще, чем вести дис-с-с-спуты о поведении-с».)

Скорее всего, наша троица свинтила уже далеко-далеко. Но куда? И зачем?

Прикинув варианты, я со вздохом повернулась к шалашу, из верхушки которого задорно торчал пучок разноцветных перьев. Я откинула полог и заползла внутрь. В шалаше было тепло, даже душно, немного дымно. От миски с трещащим драконьим пламенем разбежался кругами оранжевый свет. Текучие тени плясали на скошенных стенах. Пахло травами.

– Полынь, проснись! – Я наклонилась, чтобы потрясти куратора за плечо. Но он очнулся быстрее: не открывая глаз, перехватил мое запястье и вывернул вбок.

– Ай! – шепотом возопила я.

Полынь открыл глаза.

– Прости, привычка, – дежурно извинился он. – Что случилось? – и тотчас сел, согнувшись четко на девяносто градусов.

Так резко, как, согласно сборникам страшилок, мертвецы садятся в гробу, коли их воскресил некромант.

– Дахху, Мел и Анте пропали. Ты можешь заглянуть в прошлое, чтобы понять, куда они делись? Такое Умение у Ходящих ведь тоже есть?

– Да, – кивнул Полынь, выкарабкиваясь из-под вороха одеял и споро натягивая сапоги. – Но при условии, что прошло не больше часа.

Мы вышли в ледяное царство ночи.

Куратор задумчиво потоптался в центре нашей стоянки (это напомнило мне кошек в поисках «хорошего места») и со вздохом сел прямо на снег, скрестив ноги в полулотосе. Затем Полынь задрал толстый рукав пальто и по очереди снял с правой руки все свои браслеты. Я с привычным интересом уставилась на его черные татуировки: подмигивающие ундины, накачанные гномы, дурацкие цитаты и какие-то шестеренки, под которыми проглядывала, слегка мерцающая, накладка-Глазница. Полынь надавил пальцем на изображение одного из пяти кинжалов, летящих в нее.

– Редко пользуюсь этим Умением, – пояснил он. – Приходится соблюдать ритуал.

Багровая татуировка потухла, и куратор с шумом вдохнул стылый воздух. Его зрачки, пульсируя, разрослись, черной пленкой затягивая глаза. Польша вытащил из-за ворота старинные часы на цепочке и медленно стал уводить минутную стрелку назад, то и дело замирая. При этом куратор крутил головой, выворачивая ее, как сова, высматривая нечто, недоступное моему взору.

– Ну что там видно? – Я заволновалась.

– Вот сейчас ты роешься в шалашах и тем самым грубо нарушаешь личное пространство команды. – Куратор цокнул языком и подвинул стрелку еще дальше.

– А теперь? – не сдавалась я.

– Пусто. Никого. Хотя погоди... О! – В голосе Польшы проскользнуло удивление.

– Что там?

– Неважно, – быстро ответил куратор.

Глаза его, обратившиеся двумя черными лужицами, смотрелись жутковато.

– Это связано с нашими беглецами?

– Нет.

Я села на снег рядом с Ловчим. Он паялся на свой шалаш, придерживая стрелку возле отметки полчасовой давности. Мне надоело ждать. Я по-свойски потянулась к его часам:

– Давай поторопимся, ладно?

– Какого пепла? – возмутился Польша.

– Ого! – Я ахнула, потому что, стоило мне коснуться Ловчего, как мир вокруг претерпел значительные метаморфозы.

Во-первых, мне, кажется, что-то попало в глаза – что-то вроде линзы, какие студенты Академии любят надевать на Хэллоуин. Я догадалась, что так ощущается «черная пленка».

Во-вторых, действительность потускнела, а на ее месте проявился наш лагерь, каким он был полчаса назад. Прошлые были «нарисованы» яркими и слегка искаженными красками, вокруг предметов пульсировали цветные ауры, похожие на дым.

– Вот и я могу *Посмотреть!* – восхищенно выдохнула я, глядя на то, как Андрис Йоукли нервно меряет шагами подступ к шалашу Польшы – и призраки ее двоится при каждом движении.

Судя по всему, Ищейка к чему-то готовилась – она сжимала и разжимала кулаки, тихонько бубнила себе под нос, репетируя. Волнение, пронизывающее каждый ее жест, читалось на ура. Призрачная Андрис поправила волосы, пощипала щеки, чтоб разругались. Выдохнула, выпрямилась, откинула полог шалаша – и сразу же со стоном задернула его обратно. Йоукли надавала себе пощечин – эй, приди в себя! – и снова пошла по кругу, нервно прикусывая губы. Очевидно, вела в голове какой-то диалог, то и дело оглядываясь на перышки над шалашом.

– Ой... – сказала я. – Получается, она к тебе заглядывала?

– Она так и не заглянула. – Польша покачал головой.

Андрис достала из кармана куртки перо и бумагу, что-то быстро написала. Просунула в щель между прутиками шалаша. Ушла к себе. Потом явственно сказала: «Чтоб тебя!», вернулась, вырвала записку и снова ушла... Уже окончательно.

– А мы не можем, э-э, повторить *Видение* рядом с Андрис, чтобы узнать, что она там написала? – спросила я.

Куратор смерил меня суровым взглядом.

– Частная жизнь, малек, – устало вздохнул он.

– Частная жизнь, я понимаю.

Даже когда сценка с Йоукли закончилась, я не спешила отпускать циферблат. Ведь дальнейшие события – вернее, предшествующие – были солью нашего спонтанного Запредельного Консилиума.

– Дальше *Смотреть* не могу, лимит, – предупредил куратор.

Шестьдесят минут назад все было по-прежнему: пологи шалашей Дахху, Мела и Анте пребывали точно в таком же состоянии, как сейчас. То есть, судя по всему, ребята ушли еще раньше.

– Вот засада. – Я расстроилась. – Что, будем бегать кругами и звать их в голос? «Вы чего творите, придурки?!»

– Нет. Только проблем с проснувшимися драконами нам не хватало, – пробормотал куратор.

И тотчас замер, вглядываясь вдаль. Затормозил часовую стрелку так, чтобы она не двигалась: и я увидела, как застывает в небе хвост падающей звезды – невероятного амарантового цвета...

Но куратора заинтересовало не это.

Он указал в сторону драконьей кладки, исходившей синими парами. В ней уже больше тысячи лет хранились яйца, оберегаемые ящерами («Мы стареем-с-с очень медленно, – объяснил Петр, проводивший нам экскурсию, – но все же стареем-с. Когда умирает кто-то из старых драконов-с, то приходит время согреть-с новое яйцо, воспитать-с нового друга-с». И, с любовью опуская шипастый нос в овраг, Привратник возмущенно добавил: «Ваша идея разбить яйцо-с была отвратительна-с-с-с! Если б мы не могли закрыть портал-с, все равно не отдали бы вам никого из наших малышей-с-с-с! Никогда-с-с-с!»).

Куратор вскинулся:

– Вон они! Видишь?

И впрямь. Две фигурки замерли у оврага. Одна – покрупнее, Мелисандрова, – протягивала руку Дахху, враскорячку выбирающемуся из кладки.

– Неужели они все-таки украли яйцо? – ахнула я.

– Однозначно, – кивнул Польша и медленно повел стрелки вперед.

Мы увидели, как Дахху выбрался наружу, после чего они с Мелисандром радостно утопали в сторону спящих драконов и пропали, скрывшись вдалеке.

Польша отпустил *Видение*. Стрелки часов с жужжанием прокрутились. Мир торопливо вернулся на круги своя. Перед нами снова возникла неуверенная в себе Андрис, потом моя подпрыгивающая, встрепанная фигурка – и, наконец, люминесценция погасла. Я почувствовала резкий запах мокрой земли. Польша привычным жестом опрокинул в себя бутылочку мятного сиропа и поднялся.

– Что расселась? – укорил меня Ловчий. – Идем туда. Будем *Смотреть*, что они делали после.

– И куда дели Анте... Зачем им вообще потребовалось открывать кромен? – недоумевала я, вприпрыжку припускаясь за Польшу.

Внемлющий лишь ускорил шаг. Потом вздохнул и вкрадчиво начал:

– Я не хотел говорить, сочтя это паранойей, но я думаю, что сознание Дахху и Мелисандра подверглось влиянию извне.

– В смысле? – я опешила.

– В смысле, меняхватило больше, чем на четыре Умения за сутки, – фыркнул куратор. – Просто я еще несколько раз *Читал* твоих друзей. Во избежание... В случае господина Дахху мои тревоги начались, когда он, вопреки своему характеру, проголосовал за убийство нерожденной драконихи. Возникшая перед нами дилемма была непростой. Но Мелисандр и Дахху не колебались ни минуты в решении открыть кромен.

– Да, помню! – Я закивала. – Мне тоже показалось это странным. Дахху над этим яйцом аж трясся, а тут вдруг...

Польша подтвердил:

– Вот-вот. Я тогда *Прочитал* его мысли. И мне показалось, что кто-то сразу же поспешил спрятаться от меня. Кто-то чужой, кто сбежал, едва меня увидев.

– А почему ты не сказал об этом?

– Я не был уверен в своих ощущениях – это раз, – начал подсчет куратор. – Учитывая, как я ругал тебя за суматоху с Пустотой, было нелогично самому пороть горячку – это два. И в-третьих, на тот момент идея открытия кромена была одобрена всеми нами. Я еще не раз *Считывал* Дахху, но также ничего конкретного не чувствовал.

– А вчера ты вдобавок *Прочитал* Мелисандра, да? – догадалась я. – Когда он вдруг начал талдычить про кромен?

– Именно, – кивнул Полынь. – Хотя так же неполноценно: я только и успел, что почуять чужака, как господин Кес увернулся от моего взгляда. А *Читать* людей без зрительного контакта я не могу.

– В отличие от студентов Ходящих. – Я вспомнила свое путешествие в Шэрхенмисту.

– Я им тоже был, вообще-то, – сказал Полынь. – Сразу после нанесения татуировки у нас гораздо легче идет запредельная магия. Видимо, – он что-то прикинул, – это из-за регулярных подпиток хранительской кровью... Припоминаю, что на последнем курсе нам часто ставили капельницы, в рамках оздоровительных процедур. Но мешки и трубочки были черными, не прозрачными. – Ловчий передернулся.

Между тем мы дошли до драконов. И снова *Посмотрели* в прошлое. В этот раз я уже с самого начала по-хозяйски вцепилась в часы Полыни. Судя по всему, любое из Умений теневи-ков легко делилось на окружающих при телесном контакте. Во всяком случае, четыре из пяти делились – я, магическая халявица, уже успела проверить это на себе. Не уверена, можно ли *Читать* хором чужие мысли... Но тоже как-нибудь попробуем.

Прошлое явило, что наши друзья отправились четко на север, ловко лавируя между спящих драконов. Мы потопали вслед.

Драконов Полынь и я обходили ну очень старательно... Не хотелось бы разбудить эдаких махин.

В один момент, однако, миссия была близка к провалу.

Я огибала огромную тушу красно-золотого дракона, спавшего, задрав лапки кверху. Но дракон, несмотря на расслабленную позу, оказался начеку. Когда я тенью кралась мимо, он отчаянно засопел, задергал веками и выпустил когти. Потом начал ворочаться, что-то глубинно ворчать, принимаясь все активнее и водя хвостом по снегу.

Я замерла, ожидая неминуемого пробуждения зверюги. Но Полынь счел такое поведение глупой тактикой: схватил меня за рукав и целенаправленно потащил прочь. Желто-красный так и ерзал у нас за спинами, никак не желая успокаиваться.

– Чуткий, зараза, – пожаловалась я куратору.

За пределами лагеря мы вновь *Посмотрели* прошлое. Увиденное заставило нас занервничать.

Потому что Дахху куда-то утаскивал свежееукраденное яйцо, а Мелисандр... волок по снегу бессознательного Теннета.

– Получается, маньяк не участвует в заговоре? – вывела я.

– Видимо, нет. Наверное, его взяли как донора: он же говорил, что для открытия купола нужна либо твоя, либо его кровь.

– По логике, еще Лиссаева, – напонила я. – И, может, даже твоя.

– Лиссай вне доступа. А я все-таки самозванец.

На самом краю плато ледяная корка развалилась классическими снежными сугробами. Мы с Полынью смогли идти по следам, как обыкновенные охотники.

А потом и вовсе побежали, петляя между зубьев скал. Бежать по снегу было тяжело, но я утешала себя мыслью, что это не продлится долго: вчера мы узнали, что кроме куда ближе к драконьему лагерю, чем думалось.

Это выяснилось, пока мы чудесно ужинали вокруг костра. Драконы к тому часу уже удалились, забрав с собой Бурундука (ее трогательное расставание с Дахху могло из кого угодно вышибить слезу, но мы держались молодцами). Один лишь Петр, не в силах разойтись со своим дружкой Теннетом, свернулся масштабным кренделем вокруг костра и весь вечер травил драконы байки.

Среди прочего, привратник сказал, что здесь, в Скалистых горах, кроме не торчит в море, как везде, но начинается прямо на границе материка. То есть от драконьего лагеря до купола можно дойти пешком за час-полтора. Мы с ребятами тогда еще дружно обсудили, что если бы нам пришлось все-таки распахивать кроме, то это оказалось бы весьма удобно...

Но для нас это были хохмы. А вот Дахху и Мелисандр, кажется, увидели свой шанс. Или его увидел чужак, который влиял на их сознания, если Польша прав.

– Прогнать не будем, чтобы сократить расстояние? – Я уже откровенно задыхалась от бесконечного бега по пересеченной местности.

– Я не буду. – Польша помотал головой. – Пепел знает, что ждет впереди. А я и так уже без ног после сегодняшних колдовских излишеств.

Я догадалась, что в случае куратора «без ног» не метафора. И не стала настаивать. Заодно решила сама поберечь магию, хотя уныла плескалась во мне на удивление бойко.

Немного спорта никогда не повредит.

* * *

Мы с Польшой, ворча и обдирая руки, преодолевали естественный горный туннель: длинную такую дырень полметра высотой, удачно пробившую внешний слой «короны» из скал. Внутри, естественно, пришлось ползти. В нормальной ситуации я бы ни за что не полезла в такое ненадежное и темное место, но следы на снегу намекали: вам сюда, герои.

Меньше всего мне нравилось то, что перед туннелем грустная борозда, оставленная Теннетом, расцвела каплями крови.

– Они что, стали расчленять его уже по пути? – испугалась я, упираясь локтями в стенки и потолок туннеля.

– Это было бы слишком злодейски, – признал Польша, сопя где-то передо мной. – А ни один из твоих друзей злодеем не является. И то сознание – если мне не примерещилось – тоже вполне нейтральное.

– Значит, просто шандарахнули его обо что-то с непривычки... Таскать обморочных хранителей – не самое простое дело, – проворчала я.

Польша хмыкнул, вспомнив:

– Ну да, ты-то эксперт!

Мы вылезли из туннеля – и уже издали увидели беглецов.

Перед нами лежал длинный, пологий склон, поросший редкими голубоватыми елками. Снежный наст меж ними мягко серебрился под светом щербатой луны. Внизу склона ледяная корка снега начинала рыхлиться, как соль, потом взбухла белой пеной и вдруг... перетекала в черную, злую толщу моря.

Но у воды, остро пахнувшей жутью и холодом, не было и трех метров, чтобы разгуляться волнами. Ее сразу же отсекала едва заметная, будто стеклянная стена, уходившая в небеса. Море за этой стеной казалось мутным, расфокусированным. На нем невозможно было сосредоточиться.

Я проследовала взглядом в вышину... Там и без того прозрачная стена растворялась, уступая место сизым ночным облакам, подмигивающим звездам, глубокой спирали космоса.

Ну здравствуй, край света.

– Вот наши беглецы. – Полынь кивнул на силуэты у стены.

Один из них, в шапочке, замер на берегу. Второй стоял у самого кромена, по колено в воде, отчаянно презирая понятие холода и, видимо, уповая на непромокаемые сапоги. Третий – горизонтальный – плавно покачивался на морской глади возле Мелисандра. Ох! Изверги! Даром что Теннет хранитель, но они ж по-любому его так заморозят!

– Бежим! – решила я.

– Нет, Тинави. Катимся, – уточнил куратор.

И покатился.

Прямо по склону, ловко уворачиваясь от торчащих тут и там елок. Я только и могла, что подобрать невольно упавшую челюсть. Внезапное решение куратора порвало шаблон не хуже «злодея Дахху». Впрочем... Когда еще выпадет шанс насладиться своим безумием? Легкость не всем по плечу, не всегда – так попробуй побыть сумасшедшим хотя бы тогда, когда этому благоволят обстоятельства.

Я повторила подвиг Полыни.

Группа внизу не обращала на нас никакого внимания, хотя я исторгала страшные хрипы, жалобы и раскаяния – кто бы мне раньше сказал, что скатываться с горы так болезненно!

Дахху и Мелиандр были полностью погружены в ритуал.

Господин Кес, по колено в воде, уже прицепил на купол шесть амулетов, из-за которых кромен и проявился. Теперь Мелиандр старательно рисовал вокруг артефактов дверь: толстая рама, витая ручка под старину, колотушка в виде орлиной головы... Закончив с крупными деталями, Мел стал добавлять нюансы: тут срезанный сучок на деревянном массиве, тут заноза. Саусбериец, ни разу не художник, то и дело сверялся с блокнотом и от старания высунул язык.

Дахху на берегу разворачивал в воздухе масштабную гексаграмму будущего заклинания. Под ногами у него лежало драконье яйцо, уютно обернутое сугробом.

Прямо к этому яйцу и подкатился изрядно помятый Полынь.

– Что вы делаете? – не вставая, но очень гордо спросил куратор, скорее напоминающий гусеницу-альбиноса, нежели человеческое существо.

– Какого такого прахова колодца?! – Я добавила эмоций, подкатившись следом.

Мелиандр даже не обернулся. Дахху направил на меня затуманенный взгляд, но колдовство не прервал.

– Кромен. Должен. Быть. Открыт. – Губы друга двигались медленно, как на волшебных картинках в «Вестнике чародея» – ну тех, что неохотно шевелятся, дабы показать неприличный жест, если ты им не люб. Если люб – улыбаются застывшей улыбкой, и все, ничего интересного. Единственный плюс бытия буквой в Шолохе.

– Почему? – спросила я, подавляя желание залепить другу подзатыльник.

– Мировой. Баланс, – так же сомнительно ответил Смеющийся.

– Мировой баланс – что?

– Просит, – равнодушно завершил Дахху, не отрываясь от заклинания.

Полынь как-то странно присел перед Смеющимся, будто древний кнассский старик, внезапно решивший выдать гопака. Видимо, в глаза заглядывал – мысли читал.

– Открыть! Купол! – совсем уж лаконично рявкнул Мелиандр в трех метрах от нас. Он тоже не счел нужным отвлечься от своей дверной картинки.

Усыпленный Теннет безмятежно покачивался на воде возле саусберийца. Периодически господин Кес ногой отпихивал хранителя, которого раз за разом прибывало и к куполу, и к нарисованной на нем двери.

– Нет, вы извините, конечно, но меня такие ответы не устроят, – вспыхнула я, донельзя заинтригованная происходящим. – Либо вы объясняете все по порядку, либо я прерываю вашу пеплову ворожбу, как умею. То есть в некоторой степени насильственно!

Дахху и Мелисандр переглянулись.

Потом кивнули друг другу, и...

Дахху, одной рукой поддерживая гексограмму, другой вдруг воткнул в лежащее перед ним яйцо нож, спрятанный в рукаве куртки. А Мелисандр полоснул предусмотрительно оголенное запястье прикорнувшего Теннета.

Я подавилась своими угрозами.

Нарисованная саусберийцем дверь вспыхнула киноварью, проявляя, материализуя каждый стык между деревяшками, каждый сучок. Треснувшее яйцо истекало странной коричневой жижей и слизью. Теннет слабо застонал, пошел ко дну, булькая, но не очнулся – вероятно, Дахху накормил его анестезирующим корешком Барагги.

Полынь что-то с чувством произнес. Что-то ругательное.

Я тоже хотела блеснуть познаниями в гномьем, но не успела.

Ибо в этот момент страшный драконий рев разнесся далеко над Скалистыми горами. У меня обреченно замерло сердце.

– Итак, красно-золотой проснулся, – пробормотал Полынь.

– И узнал о краже яйца, – добавила я, боясь шевельнуться.

Но Полынь так побледнел, глядя мне за спину, что я все-таки обернулась...

Несколько драконов – огромных, тяжелых – поднялись над горным венцом. Вытянувшись клином, они полетели в нашу сторону. Крылья, изрезанные, будто кленовые листья, махали по щедрой амплитуде. Выпущенные когти иглами протыкали небосклон.

– Людишки-с-с... Лжецы-с-с... Воры-с-с-с... – раздалось дружное шипение стремительно приближавшихся ящеров.

Петра среди наступавших не было. Бурундука – тоже, иначе, возможно, ее весомое «кря» могло бы как-то изменить ситуацию.

Я застыла, замороженная страшным зрелищем.

А вот Дахху и Мелисандр не обратили ни малейшего внимания на опасность. Дахху продолжал колдовать. Капли крови, собираясь смерчем, тянулись к нему от Теннета. Капли жижи – от треснувшего яйца.

Мелисандр держал руку наизготове у нарисованной двери – ждал чего-то волшебного, наверное. Другой рукой саусбериец поддерживал грустно булькающего Теннета, не давая тому приобрести статус утопленника.

Между тем драконы дружно распахнули пасти. Внутри klokотало пламя.

Полынь схватил меня за руку.

– Надо Прыгать! – рявкнул он.

Правой рукой куратор вцепился в Дахху, продолжавшего безмятежно колдовать, и, отвернувшись от хищников, целенаправленно потащил нас в море, за Мелисандром и Анте. Я не могла отвести взгляд от ящеров и лишь странно, колченого пятилась, разбрызгивая воду.

Драконы поняли, что «воры» сейчас сбегут. И решили уничтожить нас издали, не подлетая.

Сдавленный хрип вырвался из моей груди, когда вихрь огня, выжигающий сетчатку, страшной лавиной покатился на нас с небес.

Время будто замедлилось в тысячу раз. Огромный гриб пламени медленно раскрывался в нашу сторону красной смертью. Кажется, в одно мгновение на всем склоне не осталось снега – теперь скалы сиротливо темнели уродливыми серыми валунами... Растаяло все.

Полынь обернулся посмотреть, что меня так испугало. Глаза его расширились.

– Простите, – беззвучно сказал он Мелисандру и Анте, до которых мы никак, никак не успевали добраться раньше, чем пламя добралось бы до нас.

Но тем двоим было плевать. Мелисандр ждал от двери чуда. Анте спал.

С отстраненным любопытством я смотрела на то, как руки Внемлющего разгораются алым – так всегда происходит, когда он применяет Умения, однако обычно я слишком медленная, слишком рассеянная, чтобы думать об этом световом эффекте.

Но сейчас...

Сейчас, пока два красных цвета медленно сжимали меня в тисках – убийственное драконье пламя слева и спасительная магия справа, – я успела сделать две вещи.

Во-первых, я со всей ответственностью решила, что не дам Теннету и Мелисандру погибнуть. Ни за что.

Во-вторых, я выдернула руку из своей шерстяной варежки, судорожно сжатой Внемлющим.

Дахху и Полынь исчезли в Прыжке.

Первый как раз завершил свою гексаграмму и с блаженной улыбкой осел. Второй, поняв, что я *остаюсь*, так изменился в лице, что, честное слово, это было страшнее драконов.

Но телепортацию на полпути не отменишь.

– Унни... – выдохнула я, выставляя ладони навстречу огню.

Волшебный щит, мерцающий жемчугом и кораллами, встретился с драконьим пламенем. Оно, немилосердное, все сжигающее, обтекло сотворенную мною сферу пульсирующими взрывами багрянца – но не могло пробиться.

Мелисандр, Теннет и я – были под защитой. Под моей защитой.

Я вскинула голову, шагнула назад и шире развела руки, чувствуя, как растет внутри энергия.

Здравствуй, сила! Настоящая. Единственно приходящая, когда ты борешься с тем, что тебе совсем не по плечу. Когда выходишь навстречу превосходящему противнику, когда обречен на проигрыш, но внутри... Внутри полыхает упрямство. И – яростное нежелание мириться со злом. С логикой: «Нельзя обойтись без потерь».

Потому что, конечно же, можно. Просто не кланяйся слабости. Не лебези перед вечностью, не соглашайся на меньшее.

Никогда.

Я знала, что я на верном пути. Я держала щиты, а щиты держали пламя.

Я знала, что дыхание драконов иссякнет куда быстрее, чем я. Они хотели убить. Я хотела спасти. При таком раскладе у них – ни единого шанса.

Нас пытаются запугать. Нас пытаются заставить сдаться еще до боя. Нам говорят – беги и прячься. Заройся и молчи. Не дыши. Но это ложь.

Если знаешь, что правда с тобой, – иди до конца. И Вселенная подыграет.

Шипела сфера, сдерживая пламя. Шипело пламя, стынувшее в сфере. Казалось, это будет длиться вечно. Ничто не могло остановить меня.

Кроме этого звонкого, незнакомого голоса, вдруг раздавшегося за спиной:

– Господи, ну зачем же так драматизировать! Чертовы максималисты! Ладно, пошли со мной, Мисс Самоуверенность...

Не успела я вынырнуть из своего колдовского транса, как чужак брезгливо сжал мое плечо. Краем глаза я увидела остро заточенные ногти, выкрашенные под масти игральных карт.

И все пропало, как всегда пропадает во время Прыжка.

История вертопраха

*Немного смуты в жизни – не помеха! Тем веселее, залатав прореху,
Вернуть все на круги своя – И млет под теплым брюхом бытия.
Песня бармена в «Ласке вертопраха»*

И вот я лежу лицом вниз.

Не худшая поза, в принципе: я частенько так сплю. Правда, уткнувшись в подушку, а не в мерзлую землю нагорья.

Все тот же пронзительный голос вел надо мной подсчеты:

– Этого спасли, эту спасли, этого спасли! Хотя, ей-богу, последнего – зря!

Я со стоном перевернулась на спину и... Ох, небеса всемогущие.

Это еще кто такой?

Чужак с карточными ногтями был неприлично юн – смазливый красавчик лет эдак семнадцати. При этом волосы у него были настолько белые, что казались даже седыми. Косая челка закрывала правый глаз незнакомца, а левый лукаво прятался в тени широкополой дамской шляпы.

Чужак стоял, задорно уперев руки в бока. Его нога в кожаной туфле давила на лопатки бессознательного Теннета – теперь почему-то связанного и с кляпом во рту. Рядом валялся Мелисандр Кес, тоже в обмороке.

Над затылком юноши нимбом сияла луна.

Я постаралась собрать мысли в кучу и огляделась. Мы Прыгнули не так уж далеко: просто вверх по склону. Теперь драконы бесновались под нами – они не заметили, что воры исчезли из-под прицела огней. Ящеры выпускали пламя один за другим, строго по очереди. Театральная слаженность их действий вызвала у меня странное чувство: будто я сижу на балконе шолоховской оперы в Ночь Огней, на сцене дают спектакль о падении Мудры, и...

И все это, конечно, не взаправду.

Не могла ведь я *действительно* противостоять драконьему пламени?

– Какая же ты эгоцентричная! – Чужак визгливо расхохотался.

Я снова посмотрела на него. Голова моя была будто ватой набита. Юноша игриво помахал мне.

– Откуда ты взялся? – хрипло выдохнула я.

– Твои идеи, лапушка? – Он поправил шляпу и подмигнул.

Чужак был невысок – метр семьдесят, не больше. Шерстяные темные бриджи, крахмальная рубашка и жилет, перчатки без пальцев и высокие гетры в ромбик – в сочетании все с той же беззаботно-южной шляпой – порождали странный диссонанс. То ли ученик частной школы, то ли манерный хлыщ из Чрева Шолоха.

Глаза у незнакомца были лиловые, густо подведенные черным. Да еще и вниз от них сбегали вертикальные линии, нарисованные тушью, – будто две дорожки от слез. Нос – шаловливо вздернутый. Кожа бледная, но не как от болезни, а «по-знатному».

– Ты из Внешнего мира? – спросила я.

– С таким-то маникюром?! – воскликнул чужак и демонстративно расставил пальцы. Да уж, длина ногтей и впрямь была устрашающей...

Чужак хохотнул, сипло ахнул – я испугалась – и начал остервенело грызть ногти, совершенно позабыв обо всем остальном.

– Откуда я знаю, какой у вас там маникюр принят? – бросила я растерянно.

Он мгновенно оторвался от ногтей, обиженно топнул ногой:

– Да я не из Внешнего мира! Я был в самом кромене, внутри кромена! Не тупи!

– Как можно быть внутри кромена? Это ж стена?

– Вот именно! Очень хреново мне там было! Я там застрял! А твои друзья меня спасли. Ну эти двое. Ме-э-э-эл, – незнакомец вдруг высоко заблеял на манер овечки.

Я отшатнулась.

– И Дахху – ху-ху! – Чужак жеманно прищурился.

Потом он со вздохом поднял ногу с Теннета и просто-напросто сел на него. Юноша меланхолично подпер щеку рукой и, зевнув, залюбовался драконами внизу.

Его эксцентричность воистину поражала. Но меня волновало другое. Где Полынь и Дахху? Что с Андрис и Кадией?

Прикидывая план действий, я продолжила диалог.

– Хорошо, значит, Чтение моих друзей – твоих рук дело. Вернее, хорошего мало, но... Предположим. Отложим твою историю на потом. Раз ты такой сильный – пожалуйста, помоги мне найти друзей. Хотя нет. Лучше подожди здесь – я скоро вернусь...

Но чужак закатил глаза, подскочил и схватил меня за руку, мешая уйти или Прыгнуть.

– Я разочарован! В Пике Волн ты вздыхала, что я твой любимый герой, участник подростковых фантазий. А теперь – такая унылая встреча! Ах, женщины! Коварство ваше неисповедимо! Или, погоди-погоди, как там Уилл говорил? О, женщины, вам имя – вероломство... Точно! Тебя зовут Мисс Вероломство, а не Мисс Самоуверенность, да? Я ошибся. Прошу прощения!

– Меня зовут Тинави, – машинально поправила я.

– А то я не знаю! – Незнакомец хихикнул, потом вдруг зарычал, наклонился и укусил меня за рваную мочку уха.

Я отпрянула. Прах.

Да он законченный...

– Псих? Нет, я просто без комплексов! Скажи, скажи мое имя! Я так давно его не слышал! – законючил юноша. Из грудного кармана его жилета высунулся нож – сам по себе, как любопытная собачонка.

Я отступила назад, осторожно подняла ладони: универсальный знак примирения. Чувствуя себя полной идиоткой, я неуверенно сказала:

– Рэндом?

– Да! О-БО-ЖА-Ю! – Чужак заплодировал. Нож спрятался.

После каждого хлопка из его ладоней вылетали иллюзорные кролики с крылышками. Они взмывали ввысь и тихонько таяли, удивленно таращась кругом.

А посмотреть было на что.

На западе всполохи пламени раскрасили кромен в цвета заката. Языки огня плясали у подножия купола, и этот алеющий танец отражался дважды: и в нашем море – и в *дальнем* море. Зеркало двух миров во тьме колдовской ночи.

Но между тем на востоке уже занимался рассвет. Легче легкого, желтовато-пушистые перья выпростались из-за каменного хребта и неловко, пока сиротливо протягивали тонкие пальцы по направлению к нам. Через несколько минут они окрепнут, перевалят через хребет – и встреча двух пожаров воссияет над горами.

Верно оценив свои шансы, луна за спиной у Рэндома медленно, уступчиво поблела...

Зато воздух рядом с юношей стремительно загустел.

Из пустоты появился Полынь. За него держались Дахху, Кадия и Андрис. Обе девушки были с ног до головы покрыты тонким слоем пепла. Кад вдобавок сжимала в объятиях принца Лиссая, подтаявшего, будто мороженое.

– Вы живы! – ахнул Дахху и в молитвенном жесте коснулся лба – очень редкий с ним случай. Кад выдохнула и улыбнулась. Андрис серьезно кивнула.

А вот Полынь что-то не спешил радоваться.

С непроницаемым лицом он швырнул в меня мою же варежку. Это напоминало скорее вызов на дуэль, нежели теплое ликование.

– О, смотрите, кворум мы собрали! – Назвавшийся Рэндомом весело потер руки. – Вот только на демократию мне с высокой колокольни, хи-хи.

Все посмотрели на него с глобальным непониманием.

Вдруг очнулся Теннет.

– Расфяфите меня! – невнятно попросил маньяк. Кляп во рту мешал его дикции.

– Еще чего! – Рэндом вскочил, перевернул брата и наклонился над ним с широченной улыбкой. – Не-не, дамочка, ты не трогай! – зарычал он на Кадю, которая уверенно опустилась рядом с Анте и начала развязывать бечеву.

Кадия фыркнула:

– Приказов от малолеток не слушаю.

– Жаль! – Рэндом прищелкнул пальцами, и... Без каких-либо предисловий подруга вдруг стала ледяной статуей.

Я даже не успела это осознать в полной мере, а Полынь уже занес руку для пощечины чужаку – и сам мгновенно обернулся скульптурой.

– Прах, – неверяще пробормотала Андрис Йоукли.

– Н-н-но... – проямлил Дахху, но Ишейка схватила его за руку и сжала: «Молчи!»

Рэндом в ярости поджал губы и обвел нас троих колючим лиловым взглядом. Мы замерли, не дыша, как перед бешеной гадюкой.

Я мучительно соображала: мне хватит унни для того, чтобы вступить в бой с настоящим хранителем, хранителем в полной силе? Ой, вряд ли. Особенно после антидраконьего щита.

– Не раздражайте еффо! – Серия «просьбы от Теннета» получила свое логическое продолжение.

– Это обратимое заклинание, – холодно сказал Рэндом.

Мы не шевелились... Мелисандр так и лежал без сознания.

Вдруг ненормальный хранитель снова расхохотался – тепло так, улыбочиво. Он дружески хлопнул Дахху по плечу, приобнял Андрис и весело защебетал:

– Чтоб вы понимали – так, на всякий случай, – блондин вскинул брови, – я вижу мысли всех вас. Прямо сейчас. Не думайте меня обмануть. Вот ты, – он ткнул пальцем в грудь Дахху, – очень хочешь смыться куда подальше, преимущественно от стыда из-за участия в моих планах. Но для начала надеешься разморозить красоточку; если потребуется, поцелуем любви, а-ха-ха, ну и сказочки у вас тут детям рассказывают, логики ноль. Хотя... Может, я эту историю и придумал? Не помню. Ах, старость!

Рэндом перевел указательный палец на Андрис:

– А ты вот думаешь: по какому же принципу Отец создавал хранителей, ха, раз мы такие... плохие на деле – я позволил себе цензуру, сама понимаешь. Благодарю меня, в ноги кланяйся, а то все узнают твой помоечный вокабуляр как он есть, фу-фу-фу, советую мыть рот с мылом! Рекомендую лимонное. Тем более тебе надо отмыться от сажи! Это очень забавно, милашка, что драконы сначала попытались сжечь вас с подружкой, обнаружив кражу яйца-то. И очень удачно, что вы сиганули в горную расщелину. Странно, что ноги не переломали. Может, это я вам удачи подкинул? А? А?! И вот этого не разбили даже! – Джокер щелкнул пальцами по застывшему Лису.

– Ты, – Рэндом стремительно повернулся к лежащему Кесу, – давно уж в сознании. И думаешь меня пристукнуть за то, что я всю весну развлекался с твоим мозгом незаметно для тебя. Не советую, впрочем. Я все в-и-и-жу.

На этих словах Мелисандр открыл глаза.

Блондин безмятежно продолжил свой бенефис, улыбаясь Теннету:

– Ну а ты, братец, предстанешь перед судом. Ох, поверь, я найду способ сделать так, чтобы тебе досталось по заслугам.

Рэндом мигнул, как мигает испорченная маг-сфера, и очутился на коленях подле связанного Анте. Он с точностью отразил позу Кадии, скульптурно замершей по другую сторону. Эдакий праздник симметричности.

– Брати-и-и-ишка... – ласково прошептал Рэндом, перебирая темные волосы молчащего Теннета.

Нож для резки бумаг снова выпрыгнул из кармашка в жилете юноши. Чужак схватил его. Облизал губы и занес лезвие над Анте.

Дахху дернулся вперед, но Андريس удержала друга. Я стояла спокойно.

«...Мы вшестером вообще не можем противодействовать друг другу с помощью магии. Или оружия», – вспомнились мне слова Карла. Так что уж кому-кому, а брату Рэндом не угроза.

Меж тем джокер проговорил с улыбочкой:

– Будь моя воля, Нэт, я бы тебя прирезал. – Юноша потряс ножом. – Убивать людей! Маленьких, бедных, незащищенных людишек! Ублюдок! Но все будет честно. И только после того, как мы разберемся со Зверем.

Нож растворился в воздухе, обратившись лилией... Рэндом сунул ее меж зубами, наклонился над братом и звонко чмокнул его в лоб.

В этот момент под горой стало тихо-тихо.

Драконы наконец-то поняли, что давно уже выжигают пустоту. Я посмотрела вниз. Дверца в кромене, нарисованная господином Кесом, была приоткрыта. Ящеры озадаченно пялились на нее.

– Они нас сейчас заметят, – предупредила я.

– Да! – Рэндом кивнул. – Нужно другое место для беседы. Выбирайте, лапочки: пока эта дверца открыта – вся вселенная к нашим услугам. Прыжок на порог, а дальше – куда угодно. Где хотите услышать мою историю? Коннахт? Каледония? Хобарт? Хотя в это время года там жарковато, думаю...

Меня осенила безумная надежда:

– А можно дома?

Хранитель аж задохнулся от возмущения.

– Это же скучно! – взвыл он и поморщился. – Ну тогда выбор за мной.

Он поднялся с колен и сделал шаг влево.

И одновременно – вправо. И вперед. И назад.

Уже четыре одинаковых Рэндома в шляпах стояли перед нами. Они еще раз отразились сами от себя... Итого восемь джокеров. Некоторые нежно прихватили нас с ребятами под руки. Другие, недовольно сопя и ругаясь на неизвестном языке, приподняли скульптуры Кадии, Пылини и Лиссая.

– Полетели! – весело заявил тот Рэндом, что остался пустопорожним.

Бытие послушалось без промедления.

* * *

Эта телепортация была не только чрезвычайно массовой, но и двухфазной.

На мгновение все мы оказались возле двери в кромене. Но, едва я успела сфокусироваться на драконах (их глаза разгорелись яростью – *воры вернулись!*), как мы Прыгнули дальше.

И тотчас всей честной толпой рухнули на деревянный настил посреди пруда, заросшего тиной. Упали мы так, как если бы некий пьянчужка небрежно швырнул игральные кости на стол, то есть в полном беспорядке.

Странно, что настил и вовсе не провалился. Не пошел на дно водоема, который, кстати, был пугающе симпатичным: розовые кувшинки перемежались сердитыми лягушками, плакучая ива рыдала над ярким зеленым мостом, а нежно-сиреневая глициния росла вдоль берегов.

– Добро пожаловать к Клоду, друзья! – хором сказали все Рэндомы, синхронно поднимаясь и отряхивая бриджи. – Ой, многовато нас, – добавили джокеры и шустро слились в одно. Вернее, в одного. – Чаечку? Под хороший рассказ-то, а?

– Пра-а-ах... – вместо ответа простонала я, соскребая себя с занозчатых деревяшек.

– Чаечку можно, – неуверенно проговорил Дахху, распластавшийся где-то рядом.

Рэндом радостно возопил:

– Вот наш человек!

Он прищелкнул пальцами и всех мигом рассадил по круглым мягким подушкам. В руках у нас появились тонкие чашечки. Скульптуры ребят остались стоять без движения.

– Они нас слышат, так что не вздумайте сплетничать! – расчихикался Рэндом. – А что касается рыжего... – Бог покрутился вокруг Лиссая, пожевал губами. Потом вытащил из кармана писчее перо и, высунув от усердия язык, написал у принца на лбу: «Привет, красавчик!»

– Ему вы потом все расскажете, а с меня – вот, автограф в подарок. Я так понимаю, парниша не из вашей компании. Андердог, да? Аутсайдер? Што, не шпрехаете? Ну ничего, бывает. Все бывает. Итак! – Хранитель поднял чашечку на манер бокала. – Будем!

Андрис, Дахху, Теннет и я нехотя поддержали жест.

Обрадованный джокер плюхнулся на бархатную подушку в центре плота. Его голые коленки вызывающе торчали из-под таких, казалось бы, респектабельных бриджей.

Дахху осторожно отхлебнул чай и тотчас закашлялся, вытаращив глаза.

– Это какая-то брага, – шепотом пожаловался мне друг.

Рэндом перебил его:

– Цыц! Понеслась! Обожаю сказки! Особенно свои!

История, рассказанная Рэндомом – СА-МО-ЛИЧ-НО!

Многовариантовая Вселенная, лапочки мои, имеет только одно по-настоящему плохое качество: окружающий мир ограничен твоей фантазией.

Будет только то, что ты можешь вообразить. Остальное пройдет мимо. А ты, дурак, даже и не узнаешь, что потерял.

Так что мечтайте, мечтайте чаще.

Люди, которым щедро отсыпали воображения, живут вполне счастливо. У других случаются кризисы: однажды их мысли застревают, как белка в колесе, и они начинают бегать по кругу. Взгляд замыливается. Жизнь не может их удивить, потому что они не дают сырья.

Что же до меня, то, как вы понимаете, проблем с фантазией у меня нет.

Вернее, не было. Первые пять тысяч лет. Но однажды каждый генератор случайных чисел начинает повторяться. Все комбинации уже проиграны, и калейдоскоп судьбы становится до отращения понятным.

Это очень гадкая, непродуктивная ситуация, когда ты – хранитель.

Продолжать бегать по мирам и помогать человекам – с кислой-то миной – мне не хотелось. А когда мне чего-то не хочется – ой, не заставляйте! Я вам так помогу, так помогу, что вы еще не раз пожалеете о том, что рискнули обратиться ко мне с молитвой.

И да, памятка: с кем бы вы ни говорили, формулируйте желания правильно... Мне всегда нравилось наказывать дурачков за всяческую размытость. Логично, что потом я сам стал ее жертвой.

Я перескакиваю, Теннет? По-твоему, я перескакиваю?! Да иди ты в пень! Как хочу, так и рассказываю – моя сказка. Замолк-ни!

Ну вот.

Когда со мной случился кризис недостатка воображения – лет пятьсот назад это было – я решил взять паузу. Намеренно затащить себя на дно. На самое днище. А потом всплыть, значит, и снова чем-нибудь наслаждаться.

Где взять днище?

Вот вы бы где взяли, господин Дахху? Не знаете? Очень жаль. Но я тоже не знал. Поэтому вспомнил свою любимую триаду и решил довести ее до апогея. Я имею в виду: карты, алкоголь, девицы.

Да-а-а!

С таким набором несложно забыться и потеряться.

Но мне нужно было безопасное место. А что может быть безопаснее, чем старый добрый Пик Волн?

Это ты, Теннет, вечно сох по своим драконам. И Карл по срединникам. Извращенцы. А мне нравились шэрхен. Крутые ребята! И умеют держать язык за зубами.

Мы с ними договорились: я у них, значит, тусуюсь, как моей душеньке угодно. Играю в карты круглыми сутками в ущерб казино. Устраиваю штормы и другие катаклизмы, если настроение побушевать. Знакомлюсь с подающими надежды гражданами – улучшаю генофонд. Пару винокурен открыл также. Одно было правило – не палиться для широких масс. Но я и сам люблю, чтоб шито-крыто. Так интереснее.

Да и невыгодно проявлять себя было: Авена с Карланоном настаивали, чтобы никто из нас в Лайонассу не совался, даже по большим праздникам. А злить Авену – себе дороже. Она мне как-то наподдала своим огненным хлыстом, так я потом в соседней галактике очнулся. И это, позвольте, было наказанием всего-то за глупый комплимент! Ах, женщины... Вероломство... Впрочем, я повторяюсь.

Шэрхен от меня натерпелись, конечно. Но и взамен кой-чего получали: по паре литров крови раз в квартал. А, каково?! Налепили на продажу этих Ходящих, значит. Что-то сохранили впрок. Плюс я таскал им всякие диковинки из других миров. По настроению. Преимущественно лингвистического характера.

Короче, был у нас симбиоз. Я бы еще долго мог так развлекаться.

Но весной все сдуло в чертовы тартарары.

Я сидел в своем любимом баре «Ласка вертопраха». Камин чадил, на стойке раздевались, в углах лилось вино, на потолочных балках вешался какой-то неудачник. Ну а в центре залы – игра, конечно же. Я – во главе стола.

Под правой рукой у меня виски – пятый бокал. Под левой – упругое бедро портовой красавицы. Рукава набиты картами, и все – козырные. Жизнь удалась!

И тут...

«На помощь!» – раздалось у меня в голове. Знакомый голос, ну!

Единожды «на помощь!» – и тишина.

Я вздрогнул. Карты посыпались из рукава, прямо на пол, твари, всем на обозрение. Девушка уже визжит. Партнер по игре заносит кулачище – собрался мне нос разбить, жирный гад.

А я сижу и никак сообразить не могу – это у меня глюки? Я упился, как черт? Или реально звали? Я же, если помните, главный по телепатии. Хочешь не хочешь, чужие мысли так и сыплются мне прямо в башку. Особенно панические. Но только вот на время жития-бытия в Пике Волн я себе барьер поставил – так что непонятно-о-о...

Короче, сижу я дальше. Думаю. Меня там уже вовсю бьют. Кровища вокруг. В баре замес начался. Пара трупов образовалась; тот неудачник аж вешаться передумал – свинтил, только пятки сверкали.

А я все гадаю: если звали – то кто? И почему так коротко? И голос – голос-то родненький...

И тут я врубаюсь: Карланон!

Это же Карланон!

Ну я сразу телепортнулся на улицу, чтобы, значит, тот громила мне больше кулаком зубы-то не пересчитывал. Пьян я был до безобразия: вертикальное положение удавалось с трудом.

Но чтобы Карланон звал на помощь? Ой, беда!

Я начал шарить сознанием по Вселенной, искать брата. И почти сразу нашел. И перепугался не на шутку. Потому что за Карлом гналось НЕЧТО.

Нечто огромное. Невыразимое. Настолько отрицающее саму реальность, что я просто не понял, как его вообще идентифицировать.

Вот это была гонка, я вам скажу!

Карланон – раненый, весь в крови – скакал из мира в мир, как обалделый кенгуру, слепо боксируя заклинаниями. НЕЧТО давило его сзади, как цунами, подминая волнами мрака и небытия.

А у Карла – фиг с ним, с телом – в голове что-то было не так. Я это видел – я ж по мыслям-то и прыгал. НЕЧТО ранило его, и паладинчик наш потихоньку терял память.

– Гробушки-воробушки! – пьяно и грустно подумал я. – И как с ЭТИМ бороться?

Я решил мотнуться к Карланону. Я бы разделил себя на кучу Рэнди – обожаю это заклинание – и намертво запутал бы это НЕЧТО – вы, кстати, зовете его Зверем. Он бы у меня от бессилия и негодования на части разорвался, пытаюсь угнаться за всеми моими версиями сразу.

Да! Это был отличный план.

И для начала надо было телепортнуться к Карлу.

И тогда я допустил ужасную ошибку.

Виски – зло, друзья мои. Не будь мой разум погребен под таким количеством спирта, я бы никогда не ошибся в расчетах при Прыжке...

Теннет, заткнись, а лучше отвернись! Я ненавижу твой холодный взгляд! Я не-на-ви-жу!

...Кхм. Итак, Любое перемещение из Лайонассы требует одной дополнительной нейронной связи, если это вам о чем-то говорит. Если ты хочешь Прыгнуть отсюда в другой мир – нужно отдельно «прописать» это в намерении преодоления кромена.

А я забыл.

Я просто забыл.

И кромен с распростертыми объятьями, с веселым чмоканьем всосал меня в себя.

Зараза! Конечно, никакому Карланону я не помог. Я застрял в этом вшивом куполе. И если раньше я смеялся над людьми с клаустрофобией, то тогда почувствовал на себе все ее прелести. Я вообще не мог шевелиться. Я не мог дышать. Я ничего не видел. Наверняка всех вас в школах пугали возможным расщеплением при телепортации, да?

А, вы не проходите телепортацию? Бедняжки!

Ну я своих учеников в других мирах пугал.

Вот меня и расщепило. Точнее, расщепило бы. Не будь я как бы почти бессмертен.

Чтобы я смог выбраться, надо было нарушить целостность кромена. Разорвать его замкнутую систему. Например, открыть в нем дверь, к чему мы в итоге и пришли.

Колдовать в кромене я не мог. Кромен – это ведь огромный щит. И он отсекал меня от энергии бытия – я не мог позвать малютку унни. Единственным источником колдовства мог быть я сам. А из себя многое не выжмешь, если хочешь жить – тем более в условиях отсутствия еды и воды.

Так что мне пришлось ограничиться слабым колдовством по своей специализации. То есть залезать в чужие мысли.

Мой разум начал путешествие по Лайонассе. Мне нужно было найти кого-то, кто сможет открыть купол. Братья и сестры-хранители не в счет: к ним в головы я насильно влезть не могу. Тем более сидение внутри кромена очень меня ослабило.

Вскоре я нашел в Саусборне чудесного мальчика, Балтимора Кеса. Сей голубоглазый юноша прилежно изучал в университете историю Срединного государства. Я начал энергично подталкивать его к более тщательной учебе... Но мой план нарушился, когда Балтимор неожиданно погиб. Я тогда жутко струхнул. Решил, что это моя вина. И перестал «пасти» своих избранников так активно. Лишь направлял их в иные моменты.

Так, эстафета перешла от Балтимора к Мелисандру Кесу. Вместе с Мелисандром мы отправились в Шолох. И знатно напутешествовались в следующие два месяца.

Эй, Мел, не надо так грозно сверкать на меня очами! Я был паинькой. На самом деле я даже почти не подглядывал. Только изредка заходил к тебе во сне, напоминая о миссии. И помогал тебе, где надо, иногда подталкивал вперед, если ты вдруг думал дать заднего ходу. Один раз чуть-чуть соблазнил Тинави...

Ну на квест! Конечно, на квест.

Помню, когда ты пришел в Шолох, такой чистый, такой непорочный – о, видишь, какой я милый и ностальгический?! – я просто офигел, узрев там Карла.

Карл выжил, сбежал от Зверя! Ах ты ж гробушки! Да еще и якшается с трио выпускников. Дальше больше: так и Теннет тут под боком, злодейский ты мой брательник!

Одно время я подумывал взять под постоянный контроль Тинави... Но она стала учиться Карловой магии. И преуспела в ней, чертовка! Доступ закрылся. Чихает себе, и никакого профита.

Кровь тут, кстати, ни при чем. То есть как. Без хранительской крови у тебя ничего не получится, конечно. Но и кровь – не панацея. Вы ведь понимаете, ягодки, СКОЛЬКО в Лайонассе – и во всех мирах – жителей, чьи предки однажды спутались с хранителями, да? Это отнюдь не диковинка, если что. Но мало кто развивает свои способности.

Любое волшебство – это девяносто девять процентов труда и один процент предрасположенности. Так что...

А, я отвлекся?

Еще чаечку, господин Смеющийся? Такая у вас улыбка – просто ах! Поехали со мной куда-нибудь, когда все закончится?

В общем, мы с Мелисандром раздобыли амулеты и вернулись в Шолох за яйцом. Но Тинави сказала, что некрополь был выжжен лапушкой Дахху. Что ж! Делать нечего! Я попрощался с Кесом и переехал жить в черепушку Смеющегося, вложив и ему страстное намерение открыть кромен.

Дальше проматываем – все было отлично, вас всех захватила эта идея... Я ловко дирижировал сразу обеими моими марионе... морячками то есть.

Потом появился ублюдочный Теннет – яйцо вылупилось.

«Ну ладно, – подумал я, – подождем. Пусть хоть к драконам прилетят».

Вы прилетели.

Ну и тут мне пришлось напрячь все силы, чтобы заставить Мелисандра и Дахху продолжать хотеть открыть купол. Вопреки их собственным желаниям. Простите, парни. Пришлось сделать вас немного зомби. Зато теперь как все здорово, да? Стоило вам открыть дверцу – и вуаля!

Я снова с вами! И даже цел.

И, как всегда, ошеломительно прекрасен.

И одарил вас своей историей перед тем, как упорхнуть на фронт войны со Зверем...

* * *

Рэндом глотнул своего псевдочая и выжидательно умолк.

Под плотом квакали лягушки, плескались краснобокие карпы. В высокой и острой осоке на берегу тихонько фырчали ежи.

– Ну? – говорил взгляд хранителя.

– Спасибо за историю, – осторожно сказала я, памятуя, каким психованным оказался этот божок. – А ты... можешь закрыть портал в Лиссае, пожалуйста? И разморозить остальных? А потом – да. Думаю, тебе нужно на фронт.

Джокер вскочил на ноги. Плот зашатался.

– И это все?! – взревел Рэндом. – Вся твоя реакция?! Все твое спасибо?! Я мечтал о комментариях, а ты?!

Упс.

Я успокаивающе подняла руки:

– Спасибо тебе большое. Правда, спасибо.

– Ага. Ты сейчас думаешь: «И за что я его благодарю?»

Снова упс...

Андрис, которая за время рассказа успела раскурить трубку, пыхнула вишневым дымом:

– Господин Рэндом, ваша история великолепна. Мы поражены тем, как изящно вы обращаетесь со словами, и...

– Лгунья! – взвизгнул Рэндом и трижды хлопнул в ладоши.

Трубка упала, захлебнувшись виточком дыма. Андрис скатилась за борт: уже не девушка, а краснобокий карп.

Теннет – все еще в кляпе – тихонечко застонал.

– Да как вы смеее, в конце концов! – побелел Дахху, поднимаясь на ноги.

Мгновение спустя белый испуганный зайчик скакал по плоту, шарахаясь от нас. Кое-как я поймала его и крепко сжала под мышкой. Из дееспособных остались только мы с Мелисандром Кесом.

Рэндом присел передо мной на корточки.

Он весело заглянул мне в глаза и, почесав свой хорошенький нос, захихикал:

– Эй, хотите, расскажу вам ваши мысли? По ролям. Тинави такая: «О нет, как же с ним бороться?» Мелисандр: «Грек, грек, грек». Тинави: «Как бороться с тем, кто читает мысли?» Мелисандр: «Грекнутый греком грек». Тинави: «Он слишком хорош. Он слишком прекрасен. Я не знаю никого, кто был бы так хорош. Разве что тот охранник в Арсенале Пика Волн – тот тоже был очень красив и тоже очень умен...» Понятно. Романтика круглыми сутками. Снова Мелисандр: «Гре-е-ек». Тинави: «Да, тот охранник был хорош. И Рэндом хорош, как тот охранник».

Джокер оборвал себя. Не поднимаясь, он склонил голову вбок.

– Это какая-то игра? – спросил, азартно кусая губы.

«Ты прекрасен, лапуля!» – я мысленно послала ему поцелуй.

Отбросила кролика и тотчас ударила Рэндома по коленям, а потом дернула на себя, роняя. Умничка Мелисандр Кес напрыгнул с другой стороны. Точно так же мы в свое время разобрались с арсенальным охранником: просто и эффективно.

– Руки, держи его руки! – вопила я. Плот ходил ходуном.

Мел боролся с хранителем, а я лихорадочно вытаскивала из-за ворота кулон-жемчужинку. Один из тех, которых мы набрали с собой в безумных количествах.

– Так еффо! – Анте подбадривал Мелисандра.

И тому вроде как удалось обездвигить Рэндома.

– Ты, джокер! – выдохнула я, сжимая жемчужинку и думая о другом. – Ты крут, и мы все это знаем. Ты молодец, что хотел помочь Карлу. И молодец, что нашел способ спастись. Но ты просто задрал уже своими шуточками! Сказал, что поможешь – так помоги! Убери этот прахов портал, верни нас домой – и двигай дальше по своим делам! Вся энергия бытия тебе в помощь. Потому что, если уж ты утверждаешь, что ты хороший – лучше Теннета как минимум – то будь добр вести себя соответствующе!

Рэндом раздраженно закатил глаза, и это меня лишь подстегнуло.

Зря он выбрал себе такой смазливый облик. Не внушает ни опаски (вариант импозантного Теннета), ни умиления (круглоглазый Карл), ни уважения (воительница Авена).

Так... Популярный мальчик. Хочется поставить на место.

– Так ты поможешь нам или нет? – мрачно закончила я.

Рэндом, лежавший с заломленными руками, беззвучно расхохотался и плотоядененько облизнулся. Я понимала, что у нас нет никаких козырей. Еще несколько секунд – и у джокера лопнет терпение.

Но...

Жемчуг в моих руках сработал.

На плоту появился еще один персонаж.

– Рэндом, так ты *здесь*?! – ахнул прибывший. – Нэт, и ты... А почему вы вообще... – он ошарашенно огляделся, – в Живерни?

Конечно же, это был Карланон.

На сердце неспокойно

Вся наша жизнь – это всего лишь переход энергии от одного к другому. Это так всеохватывающе, что даже скучно.
Гойло из Дома Спящих, основатель Башни Магов

Первым делом Карланон сменил облик.

Алый плащ уступил место выцветшему комбинезону. Доспехи сменились рубашкой, исчез драгоценный венец со лба. Двуручный меч, поколебавшись, с явным неудовольствием обернулся ученическим клинком.

И, конечно, лицо: излишне-героическое поначалу, оно помелькало немного – и превратилось в знакомую физиономию мальчишки. Юный Карл опустил клинок в ножны (они материализовались с опозданием) и привычно насупился. Россыпь родинок на лице сбилась в созвездие.

Карл вздохнул:

– Отпустите моего брата, пожалуйста, господин...

– Кес. Мелисандр Кес к вашим услугам! – Мел осклабился. Потом слез с Рэндома и весело продолжил: – Это вы, что ли, Карланон? А судьба щедрится на связи! Нет чтобы мне такие знакомства – да в годы работы в Саусборне. Я, знаете ли, патологоанатом. По первому образованию. И всегда мечтал устроиться куда-нибудь на работу по благу – чисто интереса ради. И прах меня побери, если личная дружба уже с тремя богами – это не лучший на свете блат...

– Кес! Умолкни! – зашипела я на авантюриста.

Он в ответ снисходительно улыбнулся: «Мол, я что, не вижу, что ли? Я все вижу, потому и болтаю, детка».

Дело в том, что в божественной семейке явно назревал конфликт. Не вполне очевидный для нас, так как все трое – осторожный Карл, шептун Рэнди и сумрачный Теннет – говорили на незнакомом языке.

Но жесты зачастую обнажают больше, чем слова.

К тому же язык хранителей то ли был чем-то похож на наш, то ли крайне примитивен – но с каждой новой репликой я все лучше понимала, что боги имеют в виду. Как будто училась по ходу дела.

Итак.

Сначала Карл развязывал Теннета, а Рэндом вещал о своих приключениях (обе руки джокер сложил за спиной, что выглядело «по-ученому» с ракурса Карланона, но предстало двумя кукишами для нас с Мелисандром).

Но вот Карл вытащил кляп, и Теннет тотчас влез с царственной репликой: «*Чем болтать, займитесь принцем – это твоя вина, Карл, это дважды твоя вина... А ты, ничтожество, бросай уже пить*».

Рэндом выхватил нож. Карл успокоил его и начал что-то вкрадчиво говорить в лицо сидящему Теннету. («Отложим... вопрос вины. Если поднимать эту тему, не разойдемся никогда... Нет времени... Война... Уж не тебе заикаться о вине, знаешь ли, брат мой – убийца людей...»)

Маньяк фыркал, намеренно придиричиво отряхивал рукава пальто и, в общем-то, взгляда не поднимал. Когда Карл закончил свой монолог (Рэнди все стоял, поигрывая лезвием), Теннет небрежно бросил, как бы в сторону: «*Я убийца? Это тоже твоя вина, кстати. Или ты не в курсе своего долга? Ах, точно, тебе же всегда плевать*».

Затхлый, гнилостный ветер пронесся над прудом. Карл окаменел.

«Мне не плевать, – резко бросил он. – Значит... Ты действительно потерял все тогда?»
Теннет закинул голову назад и рассмеялся.

«Что значит «все», Карланон? Я неизмеримо больше, чем мое чертово колдовство. Я был больше всегда, и я буду. Очень жаль, если с тобой не так».

Карл помолчал.

«Понимаю. Прости».

«Что мне твое прощение? – Теннет фыркнул, любуясь своими руками. – Что мне твое прощение, брат... Если ты даже не вспомнил обо мне за все эти годы. Я же не Лилла из Дома Умелых, чтобы слушать твою лапшу. Впрочем, ее ты наверняка тоже не помнишь, о чем это я...»

Карл вспыхнул: *«Ты – бессердечный, самовлюбленный гордец. Даже если б та молния попала в меня – я бы никогда не скатился до того, кем стал ты».*

«Ну да, что-то мне подсказывает, ты бы просто пошел искать папочку на тысячу лет раньше. Все с той же целью, что и теперь, – поплакаться, что мир несправедлив... И дальше по накатанной: врата Хаоса, Зверь, война, смертные утирают тебе сопельки... Нет, знаешь, Карл, хорошо, что ты такой слабак: мы прожили немного дольше».

Карл поджал губы.

Мальчишка в комбинезоне склонился над миллионером, уперся руками ему в плечи и внятно, раздельно сказал:

«Нэт, ты жесток. К тебе никогда не вернется магия. К такому, как ты, – никогда».

«А то я не знаю, – горько бросил маньяк. – Мою чуйку Отец отбирать не стал...»

Но потом Теннет вдруг схватил Карла за лямки и зашипел: *«Но я хотя бы не паразитирую на любви смертных. Не морочу им головы, что мир хорош, а судьба добра. Не провожу с ними время в угоду своей извращенной психике, раз за разом становясь самым лучшим, что с ними случалось, а потом, наигравшись, бросая их в страшной юдоли смертности. Это ты вечен. Они – нет. Твой взмах руки для них – цунами, здесь и не пахнет милосердием. Ты все подходишь к ним, ближе и ближе, и сжигаешь к чертовой матери все их жизни, оставляя в них лишь серость – на твоём-то фоне, после тебя-то. И так спокойно ты шагаешь по мирам под лозунгом «я за любовь».*

А игрушки твои –дохнут год от года, вскормленные лживой надеждой. Это я жесток, Карланон? Это ты – лишь утраты и боль под личиной мальчишки...»

Карл слушал этот монолог, постепенно бледнел. Когда маньяк умолк, победно улыбаясь, мальчик замер на мгновение, а потом, размахнувшись, залепил Теннету пощечину. Такую сильную, что до крови рассек маньяку губу.

Рэнди взвизгнул и заплодировал.

«Не суди о том, чего не знаешь. Если для тебя вся жизнь человеческая – серость, нам с тобой и нечего делить. Если ты презираешь их, ненавидишь настолько, чтобы говорить так свысока – ты стал еще хуже, чем я думал. Живи же сам в замке своей одинокой гордыни», – глухо пророкотал Карл.

Теннет утер кровь. Встал, возвысившись над Карлом на две головы, и, кажется, опять хотел что-то сказать, но...

– Э-э-э, простите, может, вы все-таки вернете им нормальный вид? – жалобно попросила я.

И рукой обвела нашу неказистую компанию из кролика Дахху, карпа Андريس, замороженной тройцы ребят.

Карл моргнул, как бы вспоминая, где он и что вообще происходит. Подсказывая ему, горячо зашептались плакучие ивы на берегу, зашелестел камыш. Желтая пичужка, пролетая у плеча Карланона, щебетнула что-то; потом она пролетала мимо Рэндома – Рэндом вдруг гавк-

нул на нее по-собачьи; птица испугалась, рванула по диагонали вверх мимо Теннета – раскрасила белым его плечо...

Маньяк молча прикрыл глаза.

Карл подошел ко мне, улыбнулся:

– Нормальный вид. Конечно. Прости, мы тут кое-что важное обсуждали просто.

– Да уж я слышала... – протянула я.

– Слышала? – удивился Карл, но уточнять не стал.

Мальчишка махнул рукой – и наши друзья вернулись к своим изначальным обликам.

Дахху, правда, еще минут пять по инерции прыгал. Андريس с ностальгией смотрела на пруд. Полынь и Кадия двигались слегка одеревенело.

Потом пришла очередь Лиса. Карл молча посмотрел на зыбкое шевеление, которое уже постепенно разрождалось в груди принца.

– Так. – Он почесал нос костяшками пальцев. – Сейчас мы вернемся в Лайонассу. Сначала я, принц... И ты, Нэт. – Он холодно покосился на маньяка. – Тебе нужно успокоить драконов. Рэнди, потом ты с остальными. Там ждем, пока принц не отгадает. Я закрою портал – уйду через кромен – закрою купол – и на войну. Рэндом, ты пойдешь со мной. Дел по горло... – Карл вздохнул. – План понятен?

– Да, – внезапно Кадия безэмоционально, но громко ответила за нас всех. Подруга с опаской пощупала челюсть и, убедившись, что и на ощупь все в порядке, улыбнулась уже не в пример веселее:

– Карл, привет! Я так рада тебя видеть!

– И я рад тебе, Кадия, – улыбнулся мальчик, когда стражница бросилась обнимать его и целовать в щеки.

От ледяного взгляда Теннета в их сторону на плоту отчетливо запахло декабрем.

«Эм, – подумала я. – Кадия что, издевается? Или Рэндом солгал – и в форме скульптур ребята ничего не слышали?»

Я бы после такой ссоры точно не стала бы приближаться к богу, обвиненному в «паразитической любви». Не то чтобы на всякий случай, нет, – но из неловкости перед самым скандалом.

Вечно так: ругается кто-то, а стыдно мне.

* * *

День и вечер в горах оказались мирными.

Теннет как-то смог успокоить драконов, и они уже не мечтали увидеть в нас барбекю.

Рэндом перенес нас на стоянку, когда все уже было позади: ящеры молча уползли к своим кладкам, Анте сидел на камне, сплетя пальцы рук, и угрюмо паялся в снег, Карл занял пост у принца Лисса – как можно дальше от брата.

Так что мы просто ждали, неприкаянно болтаясь между этими тремя взрывоопасными координатами. Занимались кто чем хочет. Шатались по всему плато.

Ждать – невелика наука. Что сложного? Ничего сложного.

...Ну я пыталась себя в этом убедить.

– Тинави, что происходит? – наконец не выдержал Полынь.

Мы с куратором сидели на утесе, на котором нас нашел вчера Привратник Петр. Я свернулась калачиком, сиротливо поджав колени. Полынь свесил ноги в пугающую пустоту обрыва, что вызывало у меня нервный тик, в котором я боялась признаться.

День клонился к закату. Всю огромную, острую, сияющую котловину межгорья затопило золотом. Оно пришло с запада, из-за наших спин, и теперь разливалось по Ротхорнскому Раю сладостной патокой безмятежности.

– Мне страшно, Полян.

– Почему?

– Я не верю, что все будет хорошо.

– Почему?

– Не знаю. На сердце беспокойно. Чувствую – беда.

– Поче...

– Еще раз спросишь «почему» – столкну тебя с обрыва к чертовой матери!

– И тем самым сама осуществишь беду. Отличное решение, превентивное. Кто такая чертова мать, кстати? И зачем ты повторяешь за богами? – Куратор обернулся, приподнял бровь с серебряным колечком.

– Не знаю, – ответила я одновременно растеряннo и раздраженно. Потом вздохнула: – Насчет обрыва – прости. Глупость какая-то вырвалось. Я бы тебя никогда не столкнула. Ни за что.

– Я бы никогда и не дал себя столкнуть, вот еще. – Куратор фыркнул и завалился на спину. – Спроси у Андрис: может, у нее не только мои настойки от кашля найдутся, но и пустырник какой-нибудь?

– Вы помирились?

– Я бы сказал, да. Хотя я не уверен, что Андрис полностью одобряет выбранную нами стратегию, – пробормотал Ловчий и сладко смежил веки.

И, сколько я ни буравила его любопытным взглядом, он так и не открыл глаза.

Значит, разговор окончен.

Я вздохнула и пошла на стоянку.

* * *

Ребята сидели вокруг высокого лагерного костра, разведенного Рэндомом. Все они тихо млели: как от тепла оранжевого пламени, так и от безумных, вернее, безумно-обаятельных историй джокера.

Рэнди на удивление быстро пробил дорожку в людские сердца. Еще утром он казался мне больным на всю катушку. словно лесные кукушки выдолбили гнездо у него в черепе и играют там то в дятлов, то в прятки – по настроению. Приправьте все это колоссальной магической мощью хранителя, и... Да. Лучше держаться подальше!

Тем более на пруду с кувшинками, когда Карл и Теннет исчезли, бог-шутник резко перестал быть веселым. Неприятно ухмыляясь и поминутно облизывая губы, он в красках расписал нам с Мелисандром, как именно накажет нас за нашу «свинскую дерзость» по отношению к нему. Но, пока мы поочередно белели и краснели, представляя весь спектр оглашенных пыток, сам Рэнди неожиданно успокоился... И под конец пространного монолога уже считал нас лучшими друзьями. И всех остальных – тоже.

Так что костер был его подарком. По задумке джокера, из трещащего огня то и дело выкатывались монетки: бронзовые, бугристые, с достоверной патиной по каемке и непременным изображением самого Рэндома – в шляпе и в профиль.

Когда ребята поднимали медяки, те истошно выкрикивали предсказания и советы голосом базарных пифий.

Друзья трактовали прогнозы кто во что горазд, соревнуясь в остроумии перед прельстительным богом.

– Ты догадываешься, почему это работает? – спросил меня Полян еще до того, как мы с ним ушли к утесу.

– Нет. – Я покачала головой.

– Рэндом – телепат. Он признал, что беспрерывно читает чужие мысли. Поэтому, хоть предсказания монет и звучат дурашливо, на деле хранитель точно знает, кому и что должно достаться. – Амулеты и обереги куратора вдохновенно зазвенели. – Интересно, не правда ли?

– Очень интересно, – покорно согласилась я, уже тогда во власти своей тихой паники.

В тот же момент Рэндом обернулся от костра, приподнял поля шляпы и плутовски подмигнул Полены. Затем джокер послал нам воздушный поцелуй: из пламени с треском выпрыгнула новая монетка.

– Успей сказать, что хочешь, пока не поздно! – провизжала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

На этих словах характерно вздрогнули все игроки нашей бравой команды. Включая Теннета вдаль. И даже не последовало ни одной ехидной реплики.

О да. Великая тема недосказанного.

Полынь фыркнул и утопал на утес. Я, собственно, за ним.

И теперь, где-то час спустя, ребята все еще сидели; монетки все еще катались; Рэндом все еще делился страшными тайнами и фривольными анекдотами – вперемешку, неизменно сопровождая рассказ бурной жестикуляцией. Руки джокера плясали, как отдельные живые существа, в босаяцких перчатках с обрезанными пальцами.

По небу обрывками летели облака, похожие на привидения, и мерцали звезды, похожие на слабые искры привидений. Мне чудилось также стекло кромена – но лишь чудилось, я себя знаю. Однако при мысли о гигантской линзе Внешнего мира, под которой мы все как фигурки из снежного шара, свет костра и смех ребят стали для меня еще ценнее.

Я издала посмотрела на этот тихий, тесный, теплый кружок. Лица были такими довольными, что казалось, все уже позади. И сидим мы не в сердце Скалистых гор, а в холмах к западу от Смахового леса – устроили выезд на пикничок.

Ладно. Не хочется смущать их своей мрачной рожей. Черт с ним, с пустырником, переживу.

...Прах! Откуда снова вылез этот «черт»?

Нервно потоптавшись меж шалашей, я в итоге пошла к Карланону. Весь путь – это чувствовалось – мою спину буравил колючий взгляд Теннета.

Маньяк так и не слез со своего валуна. Он сидел там, как стервятник, обхватив колени, очерившись лопатками – и я подумала, что эта поза до пепла напоминает мне Карла. Они все-таки братья. Интересно, там, на самой глубине – что в них живет? Вернее, в нем, в Теннете?

Неужели все-таки ненависть? Или просто отчаянье человека, запертого в веках?

Над моей головой пролетела падающая звезда. Я ничего не успела загадать, но острый хвостик небесного тела синим росчерком скользнул по замороженной фигуре принца впереди.

Я приближалась, а Лиссай медленно оттаивал.

Он был как заколдованная скульптура во внутреннем дворике Башни Магов. Из тех, что оживают в темные ночи и сонно бродят по Шолоху, а затем так же неспешно застывают, где придется. Вернее, где их застанет рассвет. И потом юные послушники бегают по столице, волоком возвращают мраморный реквизит...

Янтарный сироп времени медленно стекал с удивленной фигуры принца. Будто реставратор счищает лак с картины – слой за слоем, очень аккуратно, никуда не спеша. Мне казалось, что Лиссай уже тихонько дышит под карамельной корочкой заклатья. Уже неверяще приподнимается на мысках: «Тинави, где это мы? К-какие к-красивые горы!» – и крутится, как одуванчик, на ветру, раскидывая руки, и дивится, что мир хорош, широк и свеж здесь, за пределами дворца и лазарета.

Я вспомнила, что для нас с принцем больше нет Междумирья. Вернее, его нет для всех, но для нас двоих – особенно. Зато есть и горы, и пятнадцать государств Лайонассы, десятки

кочевых племен; есть Шолох – со всеми его укромными, волшебными, секретными уголками, есть царство снов и царство унни – все это есть.

Когда мы вернемся, надо будет придумать объяснение отсутствию принца на протяжении нескольких суток (желательно не загремев опять в тюрьму). А потом – прах с ним, с приказом королевы Аутурни, – я найду способ общаться с Лиссаем и открыть ему магию нашего мира, раз уж Святилища – его лучшего друга и главной радости – больше нет.

– У тебя точно получится закрыть портал? – спросила я, подходя к Карланону, который зачем-то наматывал дозорные круги вокруг младшего принца. При чем наматывал так давно, что уже вытоптал тропинку в рыхлом блестящем снегу.

Мальчик остановился (с видимым трудом; инерция требовала продолжения) и пожал плечами:

– В закрытии портала нет ничего сложного.

– Даже если это портал, созданный Зверем? – Я нервно укусила себя за костяшки пальцев. Хранитель пожевал губами, потом улыбнулся:

– Не вижу принципиальной разницы.

– А то, что Теннет создал портал, а не ты? Это не важно?

Карл нахмурился. Сложил руки на груди и глянул на меня исподлобья, обиженно так:

– Почему ты больше не доверяешь мне?

Я фыркнула:

– Ну не потому, что Анте Давьер провел жесткую антиКарлову пропаганду, если ты об этом... Просто волнуюсь. Чую – что-то грянет.

Карл почесал вихрастую макушку. Он так и стоял в комбинезоне – безо всяких там курток – холод ему был нипочем.

– А ты правда сама поставила щит против драконов? – неуверенно и не совсем в тему спросил он.

Облачко теплого пара, вырвавшееся вместе с дыханием Карла, обернулось туманным знаком вопроса.

– Ага. – Я улыбнулась. – Неплохо твоя ученица справляется, да?

– Неплохо – это слабо сказано. – Хранитель вернул мне улыбку, вот только какую-то скособоченную. – А еще ты поняла наш разговор с Рэнди и Нэтом, да?

– Не сразу, но поняла. – Я кивнула и кокетливо подергала себя за мочку уха.

О да! Быть лучшей ученицей в классе, опережать надежды мастера – это прямо моя стихия!

– Черт, – сказал между тем Карл. Как-то совсем нерадостно.

– Я на твоей стороне, – поспешила я успокоить подростка. – Я бы угостила тебя миндалем с сахаром, чтобы ты не расстраивался из-за дерзких выпадов твоего старшего братишки, но еще не умею наколдовывать орешки, увы. Даже иллюзорные. Кстати, может, научишь? Все равно ждем.

Но Карл меня не слушал.

Он стоял, внимательно всматриваясь в сгорбленную фигуру Теннета вдалеке. Маньяк, увидев это, развернулся на камне вокруг своей оси, недвусмысленно явив нам спину.

Лицо у Карла совсем потемнело. Он прикусил губу и свел брови так отчаянно, что они слились в одну грустную галочку на переносице.

– М-м-м, а расскажи про войну со Зверем? Как там дела идут? – спросила я, потому что во мне мгновенно сыграл инстинкт.

Инстинкт гласил: Карл не должен печалиться, Карла нужно занимать чем-нибудь интересным. Мальчики любят войну – что ж, поговорим о войне. Невероятно глупая цепочка размышлений, учитывая, кто он и кто я, но... Подсознательно я все равно видела в Карле ребенка,

который однажды заблудился в лесу и является лишь гостем в нашем мире. А гостей следует веселить.

– Война?.. – рассеянно переспросил хранитель. – Да так, потихоньку. Наверное, теперь станет лучше. Раз Рэндом с нами. Проблема в том, что Зверь растет. С каждым днем. Он уже стал такой тварюгой, ты себе даже представить не можешь. – Мальчик покачал головой. – Его нужно брать измором, но я пока не знаю, как.

– Ну... – Я пожевала губами. – Учитывая ваши вольные отношения с вечностью, вам, наверное, имеет смысл дожидаться, когда магия вернется к Теннету? И потом всем вшестером его завалить?

– Боюсь, к Теннету магия не вернется. – Карл покачал головой.

– С чего бы это? Дракониха ведь дома!

– Подозреваю, у Отца свой план на этот счет, – мягко проговорил мальчик. – Поживем – увидим. Думаю, в конце концов мы выстоим в этой войне. Хотя, учитывая утренние слова нашего чувствительного Нэта про то, что «мы бы прожили чуть дольше»... И твою панику... Блин, это все-таки напрягает. – Мальчик вновь нахмурился.

Он решительно сделал шаг прочь от замороженного принца и, кажется, собрался отправиться на переговоры с маньяком.

Но тут Лиссай дернул мизинцем правой руки... И все планы улетели за предел вселенной.

Я вскрикнула, будто ярая болельщица на матче по тринапу, уловившая малейшее отклонение мяча.

– Карл! Позовем ребят? – Я повернулась к своему учителю.

– Магия не любит лишних глаз. – Он отрицательно покачал головой.

Карл бросил еще один взгляд на сумрачный силуэт Теннета – на горы уже спустилась тягучая, театральная темнота северной ночи – и подошел обратно к принцу.

Он встал лицом к лицу с Лиссаем. Сложил руки «арбалетом» (указательные пальцы и мизинцы согнуты и спрятаны между ладонями, остальные, прямые, смотрят вперед) и навел его на черную дырку в груди принца.

Тонкая медовая корочка, покрывавшая Лису, была похожа на леденец. Этот леденец тихо хрустнул... Будто ногой наступили на ноябрьскую лужу, затянутую кружевом льда. Принц внутри резко вздохнул, зашевелился. Крохотные янтарные кусочки времени осыпались беззвучным дождем.

Лис открыл глаза – пронзительно-зеленые и безмятежные, как Лес.

– Тинави! – улыбнулся он, признав во мне знакомого персонажа.

Веснушки на щеках, носу и лбу принца набирали краску, будто деревья ошши разгорались после долгой зимы. Обветренные губы дрогнули в улыбке.

Но лицо Его Высочества тотчас вытянулось:

– А почему вок-к-круг зима?

– Ой, Лис... – Я сокрушенно покачала головой, не спеша отвечать на поставленный вопрос.

Сердце колотилось как бешеное. Только вот почему-то не от радости.

Что-то тяжелое камнем тащило меня на дно отчаяния.

Где-то позади нас с принцем и Карлом я слышала тихую невнятную ругань и быстрые скрипящие шаги по снегу.

Но я не обернулась: все мое внимание было приковано к черной дырке в груди принца, видимой в разрезе пиджама (вернее, разрыве – это Анте Давьер, если помните, на днях спонтанно поиграл в королевского портного). Дырка была несколько сантиметров диаметром. Из нее уже всюду ползли насекомые – реальные, гибридные и привиденческие.

Карл, тихий и сосредоточенный, ткнул в дыру пальцами. Хранитель погрузил их внутрь портала на две фаланги, – и только тогда Лиссай опустил голову и с легким изумлением увидел

перед собой лохматого мальчишку. До этого Карланон не попадал в поле зрения задиравшего подбородок, каланчеобразного Высочества.

– О? Здравствуйте, а мы знакомы? – вежливо спросил Лиссай, озадаченный такой непотребщиной.

Я нервно хихикнула, задыхаясь от отчаяния, поглотившего меня уже целиком.

Шаги сзади превратились в бег.

– Стоп! СТОЙТЕ! КАРЛ! ТЫ ЗАБЫЛ ПРО ВРЕМЯ! НЕ НАДО! – Панический голос, принадлежавший Теннету, захлебывался истерикой не меньше, чем я.

Плохо.

Чертовски плохо.

Во рту у меня мгновенно пересохло.

– Карл? Про какое время ты забыл? – промямлила я, глядя на то, как хранитель удивленно созерцает собственные пальцы в груди принца, кишмя кишевшей насекомыми.

Это было очень нехорошее удивление.

– К-к-карл? – с некоей дворцовой интонацией повторил за мной Лис, явно пребывающий в замешательстве.

Мальчик открыл рот, чтобы ответить нам – губы у него тряслись отнюдь не по-божественному, – но слов его мы так и не услышали.

Потому что Теннет вновь заорал, а портал в груди принца – взорвался.

Исполин

Мы немного знаем о нашем Отце. Само его существование – под сомнением, ведь его никто не видел. Но есть два высших правила, которые нельзя нарушать. Во-первых, людям нельзя убивать богов. Во-вторых, богам нельзя оживлять людей. Расплата приходит мгновенно.

Из дневника хранительницы Авены

Как будто в комиксе, нарисованном постранично, я наблюдала за взрывом портала.

Вот черная дыра плеснула жидкой грязью в Карлово лицо – и Карл упал навзничь. Вот лопнули края портала, раскинулись вокруг рыбацкой сетью. Вот темнота, и мрак, и жуть сожрали пастью ребра принца, шею принца, улыбку принца... Всю тоненькую принцеву фигуру – из центра вовне, как раскрывается цветок.

Врата в сосущую каверну Хаоса распахнулись перед нами – там, где еще мгновение назад стоял Лиссай. Из врат на снег посыпались Звериные приспешники – как черный и хитинный водопад.

Вторжение началось.

– Карл! – Подбежавший Теннет упал на колени перед братом. – Лечись! Ты слышишь меня?! Лечись, идиот!

Руки и лицо мальчика заволокло ворочающейся мглой. Она тихо урчала, будто поедая бога. Карл не шевелился, и Теннет бил его кулаками в грудь, тряс за плечи, продолжал неистово орать.

Я стояла, оцепенев.

Не столько в ужасе перед явлением невыносимого провала в Небытие (он вихрился тьмой и сыпал приспешниками), не столько даже перед ранами Карла, полученными из-за взрыва, сколько перед тихим фактом: Лиса больше нет.

Больше. Нет.

Как быстро все случилось...

Мысль об этом пронзила меня насквозь, от макушки до пяток. Ввернулась раскаленным кинжалом в самое нутро. Отменила прошлое, настоящее, будущее. Не может быть. Такого не может быть. Это нечестно. Этому не место в моей истории.

Мимо меня нескончаемым полотном бежали жуки, вываливающиеся из портала. Из-за них уже не видно было снега под ногами.

– Молодец, Карл, молодец! Продолжай! – подбадривал Теннет, ставший еще одним островком в черноте бегущей темноты.

Тело Карла подернулось блистающим алым туманом энергии: это унни лечила хранителя. Теннет подхватил брата под мышки и поволок подальше от Врат Хаоса.

Возле меня материализовался Рэндом.

– А-а-а-ай-ай-ай! – заголосил джокер, увидев портал.

Он сорвал шляпу, кинул ее во Врата. Шляпа, многократно выросшая в размерах, ненадолго закрыла собою дыру в царство Зверя: так штора вдруг затыкает окно, надуваясь в нем парусом в ветреный день.

Рэндом начинал плести боевые заклятья.

Я все еще была не в силах шевельнуться...

Вдруг что-то обожгло мою ладонь. Я опустила взгляд. Сквозь пелену слез я увидела маленькую искорку, которая тыкалась в мои пальцы, как слепой щенок.

– Лиссай?.. – выдавила я, поднимая руку к лицу.

Искра запрыгала и замерцала, будто бы ластясь. Она отнюдь не спешила гаснуть, ошарашенная внезапным исчезновением своего тела. Искра не соглашалась с правилами игры.

– Держись подле меня, – сбиваясь на рыдания, попросила я искорку, трепетавшую под пальцами, как бабочка. – Держись, Лис. Не уходи. Ты... Ты понимаешь?

Огонек в ладони возбужденно зарыбил. И вдруг, просочившись сквозь мой неплотно сжатый кулак, скользнул мне в ложбинку на шее, меж ключицами.

Смерть смертью, а принцу хочется уюта.

Вокруг меж тем уже развернулся полнейший и масштабнейший дурдом.

Разрастающийся портал сожрал шляпу Рэндома – и путь для Хаоса снова оказался открыт. С той стороны полезли твари, бывшие куда больше тараканов... Рэндом отбивался от них в одиночку, одной рукой швыряя заточенные карты на манер ножей, другой – вычерчивая стрелы заклинаний.

Этот бог не интересовал тварей – та же история, что и в Лазарете, – они стремились вперед, только вперед, к «похвальному» освоению нового мира...

Небо над плато затянуло снежной крошкой – это повзлетали драконы, рычащие и воющие во тьме, плюющие пламенем в крупных Звериных приспешников. Вдалеке от нас, все еще у костра, группой сбились ребята – ощерившиеся магией и тем небольшим запасом оружия, что был у них с собой.

Портал рос. Он сиял лоснящейся чернотой, как врата Ада (какого Ада?...).

Почему?!

Почему портал вышел из-под контроля?

Карл же обещал, что справится?

«Карланон не учел время, лапушка!» – непростительно ответил на мои мысли Рэндом, протанцевавший мимо. – *Нэт заморозил принца, но не смог заморозить портал – и тот рос себе потихоньку. А теперь бац! Распаковался, как архив. Карл никогда не думает о времени. А Нэт – не делится опасениями, пока не становится поздно. Козлищи!»*

«И что теперь?» – глухо подумала я, а руки мои уже плели что-то... Что-то неясное – но убийственное для приспешников Зверя, стрекочущих и шипящих. Надеюсь.

«Теперь капец!» – бодро отозвался джокер, очередной картой разрубая пополам скорпиона, который был размером с лося.

Я сжала зубы и скосила еще нескольких тварей при помощи унни. Искорка Лиса ободряюще покалывала мне шею.

«Ты можешь закрыть портал?» – подумала я в сторону джокера.

Он не ответил. Рэндома обвила здоровенная белесая змея, и хранитель, ругаясь на чем свет стоит, пытался вырваться из ее смертельных объятий.

– Портал больше не проблема, – вдруг сказал мальчишечий голос рядом со мной.

Это был Карл – живой. Его лицо и руки все еще светились – шла регенерация. Хранитель быстро перебирал пальцами, напевал что-то под нос – и портал зарастал концентрическими кругами перламутровых щитов. Пришествие замедлялось, захлебывалось жемчугом ограды.

Рэндом уничтожил змею... Как петарда, хранитель с визгом пролетел в одну сторону плато, скашивая приспешников уже не картами, но серпом, вдруг возникшим в его руках, а потом, не менее громко и стремительно, – в обратную сторону.

«Портал теперь не проблема, да!» – прыснул джокер. – *Проблема – сохранить кромен, который трещит по швам. Старшие приспешники уже сказали Зверю, где собака зарыта – и он вовсю рвется сюда... Ах ты ж, хрен кошачий!!!»* – Рэнди Прыгнул, когда на него с разверзнутой пастью накинuloсь нечто бесформенное, напоминающее гигантского слизняка.

Машинально забрасывая заклинаниями врагов (и откуда я так умею?), я перевела взгляд на небо.

Челюсть у меня отвисла. Неба не было.

Было огромное красное стекло, бугрящееся от жара. Простирающееся от горизонта до горизонта. Будто кто-то опрокинул над материком раскаленную посудину, и теперь она идет страшными трещинами, похожими на расколы земли в безводной пустыне. Трещины дымилась, ширились, коричневыми шрамами разрывали кромен. Купол трясся и стонал, как живой. Карл отправлял к небу золотые сети, пытался залепить провалы, но... Не успевал.

Сквозь щели лезли щупальца липких тварей. Очень много щупалец.

«О, а вот и Звериные командоры подросли, – мысленно крикнул Рэндом. – Экие бестии! Монстры! Жадины!»

Я оторвалась от пугающего созерцания кромена, когда три дамы появились на поле боя.

Это были три хранительницы. Златокудрая Авена, выше любой земной женщины, с мечом и огненным хлыстом наперевес, нежная красавица Селеста, чьи тонкие пальцы еще во время Прыжка начали ткать кружевное полотно заклинания, и рыжая хохотушка Дану в платье с зелеными рукавами – у ее ног таяли семеро призрачных волков. По лицу Дану висела цепочка шрамов.

«Подарочек из плена Зверя! Еле вытащили сестричек!» – не преминул пояснить Рэндом, которому Карл успел подробно рассказать о каждом их шаге.

Новоприбывшие богини начали бурно общаться с братьями. Мне казалось, что говорят они на чужом языке. Однако – снова – я понимала их речь. И прекрасно слышала, пусть нас и разделяла какофония битвы, а вся горная карусель ходила ходуном.

– Кромен сейчас раскроется, но Селеста продолжит держать формулу уменьшения и отдаления! – громовым голосом, не теряя самообладания, объяснила Авена. – На Селесту в бою не рассчитывать! Если Земля взорвется из-за внезапного возвращения Лайонассы – всему конец!

– Но если мы останемся уменьшенными, то приспешники, ныряя сюда, будут в десяток раз больше, чем должны быть! Ох! Уже!.. Да ты посмотри на них, Ави! Мы с ними и в нормальном размере не справляемся! – возразила Дану, звонко и взволнованно.

Волки ее завывали, набрасываясь на стрекочущее племя саранчи.

– Селесту. Не. Трогать, – отчеканила Авена. – Рэндом, попробуй увести Зверя как можно дальше. Попробуй обмануть. Пусть думает, драконов тут нет.

– Дохлый номер! Вон же драконы, там же приспешники, все всех уже за-сек-ли! – Рэнди указал на очевидное. Потом джокер вогнал свой серп в призрачное сердце двухметровой сколопендры. – Но я попробую. Интересно, что станет с нами после исчезновения Вселенной... Чмоки! – И блондин исчез.

Получившая приказ Дану тоже мигнула. Мгновение спустя я увидела ее сидящей на спине Петра. Волки богини остались на плато, острыми зубами разрывая всех нападавших, до каких дотягивались.

Привратник Петр рассекал багровое небо, хлопая крыльями и воя. Одно крыло у него было подбито. Десяток бесформенных серых тварей облепили брюхо старого ящера, но Дану боролась не с ними, а с приспешниками, похожими на китов, которые парили под самым куполом. Это уже не командоры... Это покруче.

Кромен теперь напоминал кракелюрную краску, нанесенную на мыльный пузырь. Трещины были больше, чем осыпающиеся щиты между ними. Карланон, цедя заклятья меж зубов, пытался восстановить купол.

Мир визжал, хрипел, выл и пульсировал болью.

Я не могла разобрать ни праха.

Я ничего не видела. Почти ничего не слышала. Мозг отключился. Остались одни инстинкты: пали во все, что серое, черное и бестелесное. И как люди понимают, где враг, в обычных войнах?

Все смешалось...

– Слушай меня, Тинави. Ты слышишь меня? – Ко мне подбежал Теннет, которому Авена перекинула свой меч. Мы с ним встали спина к спине.

– Слышу!

– Ты должна помочь Карлу удержать кромен. Ускорь процесс восстановления. Все остальное – затормози.

– Что?

– Тебе надо сделать два вихревых потока. Один квантовый, другой корпускулярный (и не говори, что невозможно). Как было в тридцать третьем веке на Лайдо`ре. В пятом я провернул то же самое в мире Трех Солнц. Давай вспоминай, живо!

– Как я могу вспомнить то, чего никогда не знала?!

– Тебе передалась моя магия, идиотка! Все мои силы, знания, память – твои. Ты не врубилась, дура? Думаешь, сама драконам противостояла, пигалица недоделанная?! – орал маньяк.

– Как это? – охнула я.

– А вот так это! Непознанный юморок папочки! – Теннет зарычал.

Я аж присела. И тотчас хищная стрекоза чуть не протаранила меня на манер старинных автоматов Ключ-Королевства, что раскинулось на древесной планете в любимом Теннетовом мире... И точно.

Я же помню. И знаю.

До пепла много всего, чего не должна помнить и знать – и дело не ограничивается «чертом».

И дневная паника моя – не паника, а пресловутая чувствительность хозяина времени...

Теннет развернулся и мечом отрубил стрекозе башку. Голова насекомого грузом упала к моим ногам.

– Приди в себя, Тинави! – заорал маньяк. – Шутки кончились! Ты замедлишь это чертово время?

– Хорошо... А ты подскажешь, если что?

– Нет! У меня другое дело! – гаркнул маньяк и рубанул очередного мясистого мотылька. – И еще: не лезь на рожон! Ты все еще смертна – просто с доступом к моим файлам, как сказал бы Карл!

И Теннет убежал от меня, перебежками, к лагерному костру, к ребятам, на ходу убивая направо и налево.

Там, среди шалашей, Кадия всеми силами пыталась не подпустить тварюг, расстреливая их из лука. Полынь бок о бок с ней плескался магией – Старинная Кара Табахати, его любимое заклятье, гремело и тряслось над лагерем. Мелисандр хлопал ртом под защитой маленькой и злой драконьей королевы; Андريس зашвыривала приспешников горячими смесями Иноземного ведомства; Дахху что-то усердно, но, кажется, не вполне по-военному колдовал...

Я с трудом оторвала взгляд от ребят и отыскивала Карла на поле брани.

Он стоял неподалеку. Все новые и новые приспешники пытались напасть на него, но хранителя оберегал дозор из нескольких драконов, метко плюющих пламенем. Карл не смотрел на врагов. Он смотрел на небо и бесконечно дорисовывал, как кистью, полотно кромена там, где оно лопнуло трещинами.

Я Прыгнула к учителю, ласково прижав искорку-Лиса к себе. Она грела и щекотала, светлая и доверчивая, как и сам Лиссай.

– Ты тут? Умница. Ускоряй меня, – кивнул Карл, когда я очутилась подле него.

Я исполнила этот приказ. Руки сами знали, что и как плести.

– Почему я – вместо Теннета? – спросила я, не прерывая колдовства.

Из-под моих пальцев вырывались миражные галактики, мириады громко тикающих часов, смерчи из песка времени – все они вспыхивали и гасли, растворяясь в заклинаниях Карла. Нас с хранителем тишиной отрезало от остального мира.

– Кто-то должен был – баланс восстановился. Нэт не мог – дискредитирован, – обрывочно объяснял Карл. – Странно, что так быстро. Но почему бы и нет, в конце концов.

– Но отчего именно я? Из-за крови?

– Кровь – глупость. Крохотная фора. Первый из шагов. Ты – из-за твоей практики. Из-за того, что ты в курсе. Из-за того, что ты сейчас здесь – где и нужна сила Теннета. Из-за того, что веришь во все это. Тысяча причин. Всегда есть тысяча причин.

– И что теперь?

– Боремся до конца.

– А потом?

Карл скосил на меня грустные глаза. Поджал губы:

– И поэтому тоже ты. Из-за надежды... Потом будет потом. Ускоряй, Тинави.

Я повиновалась.

Прошла, наверное, тысяча лет. Или всего лишь несколько секунд. *Черт* его знает. В смысле, прах. Прах его знает – как бесят эти новые слова в моей голове! *Чертово*... прахово наследие Теннета!

Мы с Карлом были сосредоточены на западном секторе кромена, когда в восточном что-то пошло не так.

– Вот и пробили нашу прошивку... – буркнул мальчик, всем корпусом развернувшись туда.

Я невольно прижала руку ко рту.

Одна из трещин кромена разорвалась, брызнув во все стороны осколками, будто ее снесло тараном. За образовавшимся окном на мгновение мелькнуло синее небо. Потом в окно полезла сама смерть.

Огромная. Подрагивающая. Хлюпающая. Причмокивающая. Заполненная роем мух – миллиардами, триллиардами мух и мотыльков. Гадина.

Мухи жужжали, скучивались, даря несчастному зрителю очертания узко посаженных глаз, толстого носа, кривого рта Зверя. Короткие, жирные руки, массивные ноги – каждая размером с башню. Отсутствующая шея.

Да, он действительно подрос со времен Святилища... Плюс эффект уменьшенной Лайонассы.

Красный огонь горел в груди Зверя, где-то там, за непробиваемым слоем мошек и мотыльков. Целая мушиная страна нависла над нами в облике Зверя. Целая прорва ненависти и безнадёги. В мозгу мелькнуло очередное приобретенное воспоминание – *Гойя, «Великан» и «Сатурн»*.

– Дану, Селеста, уводим драконов в другой мир, – скомандовала Авена. Пусть богиня и сражалась далеко от меня, ее было превосходно слышно. Тонкие настройки божественного эквалайзера.

– Карл, Тинави, дождитесь конца.

– Есть, – хором ответили мы.

Богини-хранительницы исчезли вместе с частью драконов. Оставшиеся ящеры трогательно столпились в западной части плато, прикрывая друг друга кожистыми крыльями.

– Карл, давай накроем их щитом? – предложила я.

Зверь сделал исполинский шаг, одним махом перешагнув далекий гребень Перепончатых гор. Я поперхнулась, осознав, как быстро он преодолеет расстояние в сотню километров... Голова монстра упиралась в купол. Ноги монстра вращались в бедные земли Лайонассы. Красный маяк в корпусной черноте змеился раскаленным оком.

– А лучше переведем их в другой мир, вслед за драконами... – передумала я. – Мы можем эвакуировать всю Лайонассу? Есть такая опция? Карл? Карл?

Карл застыл, глядя на Зверя, под чьими исполинскими ступнями крошились тысячелетние горы моего мира. Старшие приспешники рванули к своему хозяину лебезящей, шуршащей и стрекочащей свитой, оставив нас в покое. Временно.

Я посмотрела на Карла. Глаза хранителя поблекли от тоски. Россыпь родинок-созвездий на носу горела, как августовский Млечный Путь.

– Опять я виноват, Тинави, – грустно сказал он. – Уже отнюдь «не дважды моя вина»...

– Вот уж точно не время для скорби! – Я задохнулась от возмущения.

Зверь сделал еще один шаг.

Надеюсь, это не старинный Асулен превратился в труху под его левой ступней... Я все пыталась как-то замедлить Зверя, что ли. Безуспешно. Он продолжал стирать из бытия дальние горы и приближался, неумолимо приближался. Его разраставшаяся тень черным покрывалом укрыла весь север Лайонассы.

Карл повернул ко мне свое юное лицо:

– Тинави. Убей меня.

Я сбилась с заклинаний и моргнула:

– Что?!

– Убей меня. – Хранитель вложил мне в руку ученический меч, болтавшийся до того на поясе комбинезона.

Я вяло попыталась вернуть оружие.

– Убей – и сразу Прыгай в Зверя. Прямо в него. В ту красную точку. Это квинтэссенция его бытия. Небытия... Блин. Неважно. Туда прыгай. И держись за нее. Она материальна, в отличие от всего остального.

– Но п-почему бы нам просто не зарядить т-туда заклятьем? – От волнения я стала заикаться.

– Мы с Авеной уже пробовали, когда спасали сестер. Его не уложить заклятьем. Он сильнее каждого из нас. Он как Отец. Соответственно, нужен Отец, молния Отца. Она появится... Если кто-то убьет меня. Или другого из его детей, – торопливо объяснял Карл.

– А почему, – возмутилась я, – а почему вы не провернули этот хитрый план в каком-то другом мире?! Почему у нас?!

– Потому что это очень грустный план, разве нет? – тихо сказал Карл. – Конечно, мы не хотели осуществлять его.

– Значит, я погибну? – Глаза у меня расширились.

– Да, – подтвердил Карл. – Тинави, я бы не стал тебя просить, но я не вижу других вариантов. – Он обвел взглядом пустоту вокруг нас с ним.

– Прощай, Карл. – Не дослушав, я кивнула.

И широко, но криво замахнулась дурацким, глупым, ученическим клинком.

К праху разговоры.

У нас уже было одно красивое прощанье.

Но в высшей точке размаха меч вдруг вырвали из моей руки.

Я обернулась. Мой изумленный вскрик слился с Карловым судорожным выдохом.

Это Полынь выхватил клинок. Полынь, который Прыгнул к нам от костра драконов вместе с Теннетом. Секунду спустя куратор твердой рукой воткнул меч в самое сердце маньяка. Тот мешком осел на землю.

– Про...верим, – через захлеб сказал Анте Давьер, – считаюсь ли я достой...ным мести Отца.

Глаза Теннета закатились.

Убивший его Полынь исчез.

Я оцепенело перевела взгляд на Зверя, уже почти нависшего над нами, скрывшего и землю, и небо. Что-то живое мелькнуло там, где у Зверя горел красный уголек, за толстой стеной из мух и мотыльков.

Полынь из Дома Внемлющих нырнул во тьму повелителя Небытия и крепко сжал искру исполина.

И тотчас небеса разверзлись...

Сквозь жалкие опметки кромена, сквозь ноющую вату облаков, мимо тварей и звезд, мимо гор и драконов, с самого неба в куратора полетела молния. Ветвясь, шипя и раздирая реальность, она синей смертью вонзилась в багряную цель.

Вся злая, невозможная фигура Зверя задержалась, заколотилась в приступе агонии.

Душа Лиссая затрепыхалась у меня на шее, как птенец.

– Нет... – простонала я и закрыла глаза.

– Все хорошо, – сказал Карл и положил мне руку на плечо.

От этого касания земля стала уходить из-под ног еще стремительнее – хотя куда уж там?..

И, если честно, я была уже совсем не против потерять сознание. Чтобы не было этого дня, не было этих смертей, чтобы не было – ну ее к праху – вообще всей этой истории, потому что так нельзя. «Зап-ре-ще-но!» – как по слогам, повторяет Рэнди.

– Смотри! – Карл толкнул меня в бок. – Открой глаза, Тинави!

Я, стуча зубами, повиновалась. С неба летела еще одна ветвистая молния. Тысячи звериных приспешников, замершие на земле и в воздухе, следили за ней, подрагивая крылышками. Мы не отличались от них своим ожиданием...

– Полынь успел отпрыгнуть! Обалдеть! Вот это скорость! А теперь – смотри – он опять вернулся к красной точке! – воодушевленно продолжил Карл. Его пальцы сжались, ощутимые даже сквозь пальто.

И снова – Зверя затрясло, зашпало. Мухи начали разлетаться прочь, недовольные такими жилищными условиями.

Зрелище с молниями повторилось несколько раз. Полынь снова и снова успевал увернуться от разящего небесного электричества. Мы этого не видели, но логика не оставляла других версий происходившего. Интересно... А ведь я никогда раньше не спрашивала: значит, теневики могут одновременно применять *Прыжок* и *Скольжение*?..

– Это все меняет! Вот он – измор для Зверя! – удовлетворенно выкрикнул Карл.

Слишком удовлетворенно, на мой взгляд, учитывая, что возле нас лежал мертвый Теннет, а силы куратора отнюдь не бесконечны... Но я решила, что сейчас не время для проповедей, и лишь продолжила следить за пляской в небе: Прыжок Полыни – молния Отца – хрип Зверя – Прыжок Полыни – молния Отца – хрип Зверя...

– Э... А Отец когда-нибудь успокоится? – спросила я минуту спустя.

– Не знаю... – признал Карл. – Виновники моих смертей еще ни разу не пытались избежать кары.

Я замерла, осмысляя информацию.

– В смысле – *виновники твоих смертей*?!

– Находились психи, которые убивали меня. – Мальчик пожал плечами. – Так мы и вывели правило Отца про убийство богов – по прецеденту.

– То есть Теннет оживет? – Я скосила взгляд на пепельную кожу маньяка и меч, торчащий у него из груди.

Карл замешкался. Потом кивнул:

– Раз Отец мстит за него – то должен ожить, наверное. Если бы его совсем исключили из игры – вся их затея с твоим куратором оказалась бы просто театрализованным самоубийством моего брата...

Я нервно хихикнула:

– И нам пришлось бы вытаскивать грязный, кровавый меч и втыкать уже в тебя...

– И там, – подхватил подросток, кивая на изрядно покореженного Зверя, – сейчас Прыгала бы ты...

– Я бы так не Прыгала. Я бы легла и приняла эту чертову... прахову, пеплову смерть!

– Лентяйка!

Как два полных идиота на поле боя, мы начали истерически смеяться.

Сумасшествие на двоих с богом. Пир во время чумы.

Так бывает – мозг просто не выдерживает боли – и до свидания, крыша...

Очаровательно.

И как раз в этот момент огромная, страшная фигура Зверя вдруг начала медленно, очень медленно заваливаться вбок и вперед.

Ко мне мигом вернулась серьезность.

Исполин упал на колени. Потом со стоном, разрывающим барабанные перепонки, рухнул на промерзлую землю всем корпусом, растекаясь по горам горячей жижей смерти, армией из мотыльков. Багровая искра мигала все слабее и слабее...

– Зверь... Умирает! – неверяще выдохнул Карл. И тотчас зажал себе рот, то ли пришедший в ужас от своей отнюдь не благодной радости, то ли боясь ликовать слишком рано.

Но Зверь действительно умирал.

Царь Хаоса издал еще один потусторонний стон.

Последняя молния – двойная, широкая, особенно яростная – ядовитой змеей скользнула в нутро поверженного чудовища.

У меня подкосились колени. Сердце выпрыгнуло куда-то в глотку и застряло там, на подступах к глазам: сердце хотело и не хотело видеть, что будет.

Молния еще не достигла, не сотрясла собой псевдоискру монстра, когда возле меня материализовалось разноцветное ватное пальто, фиолетовая шапка и грудка амулетов на невидимом теле. Буквально на одну двадцатую секунды, прежде чем Прыгнуть дальше – дабы не приводить новую молнию к нам.

Прозрачная рука Пылини нежно щелкнула меня по носу.

На прощанье.

И куратор исчез вновь.

И появился на пустыре в центре драконьего плато.

Еще недавно там толпилась целая армия звериных приспешников, но... Стоило исполину пасть, как его войска начали трусливо, торопливо исчезать. Они бесславно растворялись – прямо в воздухе, как хлопья снега на воде. И сам Зверь тоже медленно испарялся, осыпался шуршащими мушинными крылышками, будто страшный сон...

– Ну уж нетушки, раз победили, то победили – кодекс игрока! – раздался над всей Лайонассой пронзительный голос Рэндома.

Хранитель-джокер проявился рядом с неестественно прямым, гордым Пылиню, и... не успел Отец навсегда уничтожить искру и жизнь куратора новой молнией, как на поле стояло уже два десятка одинаковых Ловчих.

Точнее, одинаковых пальто, шапок и прочих аксессуаров Внемлющего.

Любимое заклинание джокера.

Рэндому даже не пришлось особо стараться, создавая двойников невидимого Пылини: тоже мне сложность, наваять одежды! Копии побежали во все стороны, а Рэндом, визгливо хохоча, запрыгал на одном месте и стал посылать небу воздушные поцелуи.

Молния, растерянная, замерла на полпути к земле, озадаченно ветвясь и освещая все странным синим светом...

Тут Карл соизволил выпустить мое плечо и преобразиться.

Мальчишка вернулся к своему каноническому образу рыцаря. И так, уверенно, шагом за шагом, Карланон пошел вверх – от земли на небо, ступая прямо по воздуху, как по ступеням.

– Отец! – громко крикнул учитель, оказавшийся бессмертным, где-то на уровне соседней скалы. – Отец! Спасибо! Что ты с нами. Что явил себя. Что помог нам со Зверем. И спасибо за то, что ты пожалеешь этого юношу. И что вернешь нам Теннета.

– И Лиссая... – пробормотала я, надеясь, что Карл слышит меня.

Но Карл проигнорировал суфлерство.

Молния гневно заветвилась, еще сильнее расползаясь по сторонам. Кажется, она прикидывала, сможет ли все-таки убить сразу всех Полыней, бегающих по плато кругами, как бешеные птички-трясогузки.

Карл с напором продолжил:

– Ты всегда был справедлив. Справедлив, но не милостив. Так научись же милости теперь! Пожалуйста! Отпусти его!

Молния замерла.

– Кем бы ты ни был на деле, Отец, – я всегда любил тебя. И гордился тобой. Я всегда буду. Но если ты дашь для этого еще одну причину... – Карл не договорил.

Возможно, дальше он обращался к Отцу мысленно.

Я не знаю.

Еще немного напряженной тишины, и... молния, пытаясь, втянулась в небо, исчезла в кромешке, освободив от себя весь сущий мир.

Карл выдохнул.

Рэндом захлопал в ладоши.

Ненастоящие кураторы полопались, настоящий – ничком упал на землю.

Бездыханный Теннет подле моих ног дернулся и засопел носом, как человек, видящий добрые сны. Ученический меч Карланона поднимался и опускался в его груди в такт дыханию... Сраженная этой нелепицей, я рывком выдернула клинок из сердца Теннета. Рана быстро затянулась, будто ее вылечил невидимый лекарь.

А вокруг уже медленно, но уверенно разворачивалось народное ликование.

Дану, Селеста и Авена снова телепортировались на плато – и шустро начали возвращать драконов обратно: будто пастухи по весне перегоняют овечью отару на дальнее пастбище. Хранительницы о чем-то переговаривались, бурно дискутировали друг с другом, с Карлом и Рэнди, но я не слушала. Теннет очнулся и открыл глаза, но пока не спешил общаться с семейкой.

Разобравшись с ящерами, боги начали срочно приводить в действие план «уборки». Как я поняла, надо не только восстановить кромешника и жить с ним, но еще и хорошенько подтереть память миллионам и миллиардам жителей Лайонассы и Внешнего мира.

Мои друзья, моя прекрасная команда, убедились, что в битве у них нет потерь. Сломанная нога Дахху не в счет (он пнул тварюгу, напавшую со спины на Кад, да так сильно, что переломил голень). Теперь ребята торжествующе выли и плясали где-то сбоку, качая на руках невидимого и, кажется, находящегося в глубоком обмороке Полынь. Хотя, может, куратор просто молчал, не желая усугублять свое и без того излишне активное участие в сегодняшнем досуге.

Я не спешила приближаться к друзьям.

Я отошла ото всех и сидела на снегу, баюкая в ладошке теплую, пушистую искорку Лиссая.

Непрошенные слезы, заразы, все катились и катились.

Все хорошо – да вот не все.

– Как же так... – всхлипнула я.

– Я могу его вернуть. Вернее, ты можешь, – вдруг сказал приковылявший ко мне Теннет. Новенький, как с иголочки, он тем не менее старательно изображал муки духовные и физические.

Я шмыгнула носом еще разочек и рукавом утерла лицо:
– Я тебя слушаю, маньяк.

Работа ждет

Все будет хорошо, милые!
Госпожа Пиония де Винтервилль

Мы с Теннетом топали прочь от драконьего плато.

– Не упадите, Тинави. Голова вам сейчас потребуется, – буркнул маньяк, когда я споткнулась и действительно чуть не растянулась на снегу.

– Мы опять на «вы»? – удивилась я, с осторожностью пролезая меж двух скал-близнецов.

Мы старались уйти подальше, пока никто не заметил нашего исчезновения – и потому не пошли по плато, как приличные люди, а полезли сквозь кремниевые пальцы гор. Причем максимально неудобным маршрутом.

– Да, на «вы». Потому что я предпочитаю соблюдать дистанцию со смертными, в отличие от...

– ...От Карланона. Небо голубое, ну это уже какая-то *заезженная пластинка*. – Я беззлобно хмыкнула. – Может, вам пора отцепиться от мальчишки? Мне кажется, вы сегодня похлеще меня струхнули, когда его ранил портал. Долой вражду, а? Добрым вы как-то поприятнее.

Маньяк ничего не ответил. Он протиснулся сквозь последний ряд острых зубьев хребта – я вслед – и мы оказались на утесе. Утес выступал за пределы горы, как чугунный утюг, перевернутый и нечаянно забытый на самом краю стола.

Под нами расстилалась горная долина. Столь безмолвная и недвижимая в ночи, будто и не было никакой битвы со Зверем. Шелковистая темнота мерно колыхалась между гор, набирая и отпуская холод. Ротхорнский Рай дышал, как больной в Лазарете, и столь драгоценным был этот немудреный ритм, что глаза наполнялись слезами.

– Нам подойдет это место, – кивнул Теннет, оглядевшись.

Он прикинул, где центр площадки. Потом воткнул в снег ученический меч Карланона, который принес с собой (лезвие никто не чистил, оно было коричневым от запекшейся Теннетовой крови). Маньяк пошел по кругу, вычерчивая клинком восходящую спираль. Он то и дело прерывался, чтобы пальцем нарисовать вдоль линии текст заклинания.

Я могла бы прочесть, что он пишет – и даже понять это, ведь черепушка моя была забита памятью Теннета. Вернее... Знания маньяка лежали в углу моего ветреного чердака, неплотно упакованные в деревянные короба для переезда. Если что-то нужно – подойди и возьми. А не нужно – так не приближайся, а то весь этот старый хлам набросится на тебя голодным пыльным волком, и ты не выберешься с чердака до следующей весны. Просто не в силах будешь прерваться, пока все не разберешь.

Так что я не провоцировала память... Лишь изредка щеголяла пришедшими на ум – чужими, однозначно – метафорами. Поэтому Теннет чертил, а я – любовалась небом над горами.

Искорка-Лиссай подрагивал у меня на ладони. Он был свежий и пушистый, как цветок, и пах – легонько – апельсином, розой и ванилью.

– Красиво, да? – спросила я искру. Искра согласно замигала.

От неба было глаз не оторвать.

Потому что Карл восстанавливал кромен. Не теми отчаянными мазками, что во время сражения, а со всем тщанием и любовью.

Переливы северного сияния наполнили мир Лайонассы. Вертикальные потоки разноцветного света – лазурь, фиалковый, зеленый, трилистник, желтый и пурпур – щедро проливались с неба. Они мерцали, будто волны Шепчущего моря, полные планктона. Будто самый

первый, тонкий и ажурный сон. Волшебное сияние – мирное, спокойное, – сказочной дремой укутывало Лайонассу.

Звезды сверкали за этим блистающим занавесом как сумасшедшие. Рассыпались бриллиантами по всему небу, недовольные, что сегодня их задвинули на дальний план. Они горели сквозь дымку зарождающегося кромена, обещали и манили.

Я их вижу, эти небесные, далекие огни. А они видят меня?

Они в курсе, что где-то здесь, внизу, в спрятанном для всех мире Лайонассы, живет некая Тинави из Дома Страждущих, трусиха и мечтательница? Звездам можно передать привет? Можно попросить их об услуге? И, если звезды не знают меня, знают ли они Карла? Авену? Нэта? Наверняка хранители жутко намозолили им глаз за эти бесконечные тысячи, тысячи лет. Наверняка звезды любят их и ненавидят – одновременно, ведь только маятник способен сделать кач, рассчитанный на вечность...

– Тинави, вы не передумали? – Голос маньяка вырвал меня из забытья.

Я молча подошла к спирали на снегу.

– Мне кажется, вы бы неплохо справились с выданной вам ролью, – неохотно выдавил Теннет и поджал губы. – Не факт, что стоит торопиться покидать подмости. Это большой театр. Большая игра. Другого шанса не представится – поверьте...

– Я люблю другие игры. – Я покачала головой. – В них, конечно, ставки поменьше, зато в них хочется жить, а не только бороться. И, в конце концов, сегодня дело не во мне.

«Не в ней!» – мигнула искорка в моей руке.

* * *

Обряд был долгим и красивым.

Суть его свелась к тому, что я, под руководством Теннета, шарила в прошлом, как в ночном июньском пруду, до тех пор, пока не нашла там образ Лиссая. Такой образ, который можно было бы вытащить из Потока Времени без большого влияния на оный. Что-то там про *эффект бабочки*.

Нам подходили только те Лиссаи из прошлого, которые были в абсолютном одиночестве, не за работой (то есть не за холстом), не после и не перед волнующими событиями. И еще это должны были быть недавние версии. Желательно не старше года – чтобы образ мыслей соответствовал искре, снова прикорнувшей меж моими ключицами.

– А жаль, неплохой был бы способ омоложения для дам... – буркнула я.

После краткой дискуссии на троих – я вспоминала, Теннет критиковал, а искорка мигала – мы выловили свежую версию Лиссая из Лазарета.

Я на ощупь вытащила ее из прорубленной во Времени воронки и поставила перед собой, как коллекционную фигурку из *магазина комиксов*. Теннет назвал этого Лиссая «големом», хотя я знала, что *пражский голем* был совсем не таким.

– А эти чужие, непонятные слова и понятия исчезнут из моей головы *после*? – поинтересовалась я.

– Да. Они ведь тоже мои.

– *Слава богу!*

Следующий этап колдовства был завораживающе прекрасным.

Под руководством Теннета я создала огромные туманные часы. Я поместила их безупречно круглый циферблат на спираль, вычерченную на снегу. Часы лежали плоско, как колесо фортуны, на заснеженном балконе безымянной горы. Непривычные в Лайонассе цифры – *римские* – дымными очертаниями стояли в назначенных местах. Они чуть кружились вокруг своей оси. Как *информационные табло* в одном из посещенных Теннетом высокотехнологичных миров. Стрелок не было.

Я за руку повела неподатливого голема-Лиссая по созданной декорации – так называемому Полотну Времени.

Мы шли от цифры к цифре. Мы проходили прямо сквозь фигуры, как сквозь табачные облачка Андрис Йоукли, и цифры беззвучно таяли от наших прикосновений. Серебристый туман увивался вокруг наших с големом ног; стелился, юркий, как кошка.

Я завершила круг, и мы медленно двинулись к центру часов по спирали, нарисованной Теннетом. Туман становился все гуще, осязаемее и настырнее. Он поднимался выше – сначала до уровня колен, потом до бедер, до груди. Туман был прохладным и спокойным, как вода. И постепенно становился очень, очень плотным. Уперто-решительным – не пущу!

– Идите, не останавливайтесь. Преодолевайте сопротивление, – поучал Теннет снаружи.

Хранитель стоял за пределами круга, сложив руки на груди, и мне было не разобрать выражение его лица.

– Легко сказать... – пробормотала я.

Каждый новый шаг давался с трудом, а тут еще изволь тащить за собой одеревенелого голема! И беречь искорку Лиссая.

Но *дорогу осилит идущий*.

Наступил момент, когда мы добрались до центра Полотна.

«Тир-тирли-тирли; тирли-тирли-там!» – над горами неожиданно разнеслась песнь невидимых колоколов. Будто призраки мертвого Асулена забили *благовест*.

Мы с големом застыли. Тотчас на циферблате Полотна появились три стрелки, отходящие от нас. Они бешено завертелись, начав сумасшедшую мясорубку. Да... Теперь из этого циферблата фиг выберешься.

Пришел третий этап обряда. Простой. И ключевой.

Мне нужно было всего-навсего положить искру Лиссая «выловленному» голему под язык. А дальше она «сама найдет дорогу».

– Мы точно сделали все правильно? Попытка ведь только одна? – забеспокоилась я.

– Все правильно, – кивнул Теннет.

– Карл тоже казался уверенным в себе, прежде чем начался этот апокалипсис с порталом.

– В данном случае в уравнении нет Хаоса. И, кхм, Карла. Все получится.

– Ладно... – проворчала я. – А Лиссай не станет призраком, как бокки-с-фонарем?

– Нет. Там были неподходящие тела и куча народа. Мы же проводим филигранную работу, – гордо отвечивал Теннет.

Я шепнула крошке-искре:

– Ты справишься, Лис.

И разжав голему рот жестом Сайнора – надавив на челюсть – засунула ее ему под язык.

В голову сразу же пришла дурацкая мысль: я руки не помыла! Ох! Сплошная антисанитария!

– Ну и где? – Я обеспокоенно повернулась к Теннету.

В тот же миг глаза голема-Лиссая открылись.

И это были настоящие, осознанные, нормальные человеческие глаза. Опять зеленющие. Цвет опасности, прах его побери, – мой новый рефлекс.

– Ну к-как же нам с вами не везет, Тинави. – Принц покачал головой и прикусил губу.

– Зато жизнь интересная! – бодро ответила я.

И тотчас с неба прилетела уже знакомая – *брендированная*, ага, – молния.

* * *

Да...

Теннет в своих воспоминаниях о 1147 году не лукавил.

Действительно очищающий эффект. Такой... Вымывающий. Не хлорка, а скорее ультрафиолет. Эффект гарантирован и экологичен. Зубы только дробятся, судя по ощущениям. И зрение куда-то делось – но это мы тоже уже однажды проходили.

Ничего.

Прорвемся.

Унни прощалась со мной. Теневые блики прыгали на изнанке век, как в последний раз. Вернее, действительно в последний раз.

– Пока, милая, пока, – шепнула я (ну попыталась шепнуть). – Все хорошо. Я люблю тебя. Пока-пока. Обнимаю.

– *Тинави...* – бормотали теневые блики голосом Дахху. Интонации у них были наигрустнейшие. – *Ты была с нами, с нами всегда, ветром и вихрем, солнцем и морем, светом, надеждой, запахом нежным, что вечером заполняет сад, ты была радостью, дремой и горем...*

– Горем не была, не-не-не, – мысленно засмеялась я, растворяясь в пучине боли и абсолютной, тотальной санации. Молния-поставщик.

– *Мы тебя любим, мы не забудем, жить будем в людях, что близки тебе...* – скомканно закончили блики, растерявшие сегодня всю свою поэзию.

И исчезли.

И наступила тишина.

* * *

– Жаль, что я тебя не убил, подонка! – Рэндом, первый материализовавшийся возле нашей троицы, зло сплюнул под ноги Теннету.

– Неужели ты думал, что это вернет тебе магию? – взревела вслед ему Авена, смыкая руки на шее маньяка.

– Ави, отпусти его, – попросил Карл.

Дану и Селеста молчали.

– Это я попросила его показать... – пробормотала я, приподнимаясь со снега на трясущемся локте. Пахло озоном и гарью. Во рту ощущался сильный привкус металла.

Созданный мной циферблат исчез. Зато Лиссай – живой, абсолютно живой Лиссай – был тут как тут. (Бонус: обновленному принцу досталась неразорванная пижамка.) Его Высочество помог мне сесть.

– Конфетка, все вы так думаете! – фыркнул Рэндом и поправил шляпу. – Но без подсказки наверняка не обошлось, да?

– Я благодарна ему за то, что он знал, как все проверить, – уперлась я. – Да и какой ему резон меня обманывать?

Боги только отмахнулись, вперив подозрительные взгляды в своего брата-маньяка. Карл при этом не переставал лечить кромен. Мерцающее северное сияние стало как будто ниже и ближе, погружая нас всех в некое сновиденческое освещение – не живые существа, а будто герои, сошедшие со старинных портретов на набережной Доро, дом один.

Вдруг Авена охнула.

Дерганные из-за непростого денька, мы все подпрыгнули и заозирались, уже готовые к какой-нибудь новой войне. Но хранительница лишь достала из-за шивороты кольчужной рубашки флакончик на шнурке. Во флакончике перламутрово-изумрудным туманом вихрилась густая жидкость.

– Хм. – Богиня нахмурилась и почесала щеку. – Это только что появилось. Интересно.

– Неужели это сила Теннета? – ойкнула Дану, которая даже со своими шрамами была ничуть не менее симпатичной, чем в сборниках сказок.

Все подтянулись поближе, включая нас с Лиссаем.

– По-любому! – кивнул Рэнди и отпихнул Теннета куда подальше от бутылочки. – Папаня смирился, что мы полные идиоты, и отпустил нас восвояси двигать по тропе нашего безумия каким хотим макарон!

– Это называется – доверие, – высказал свою версию Карл. – Он разрешает нам самим выбрать нового хранителя.

Все замолчали.

Теннет осторожно кашлянул и приподнял руку, как в школьном классе.

– Может, не будем торопиться? – мягко сказала Селеста, игнорируя бывшего повелителя времени.

Я впервые слышала ее голос. Он оказался – будто весенняя радуга над фейкиным холмом... Вот-вот утянет в страну танцев.

– Согласна.

– Поддерживаю.

– Не будем.

– Я что, недостаточно хорошо проявил себя сегодня?! – завопил Теннет.

– Верните ему магию, вы! – Я тоже вступилась за маньяка.

Пятеро других переглянулись. Принц Лиссай, понятия не имеющий, что происходит, следил за нами с любопытством зрителя в оперетте.

– Нет, рано. – Авена категорически покачала головой. – Теннет еще не прощен. Иначе не было бы бутылочки как минимум. Магия бы сама вернулась – и все. А так зачем нам зря раздражать Отца?

Рэндом погладил меня по щеке рукой в шерстяной перчатке:

– Да и ты ж сама говорила, лапушка! «Это доброе дело, конечно, но не маловато ли для прощения?» Прости, что шарюсь по твоим мозгам. Они у тебя такие смешные просто, ше-бут-ны-е! – Джокер захихикал.

Потом (его смена настроения была, как всегда, резка) Рэндом развернулся к маньяку и зашипел:

– Протянешь к амулету руки – прибью тебя к доске для дартса! И черт с ними, с запретами. Убивать человек, Нэт!!! Аа-ай-ай! Ты еще долго будешь отмываться! – Джокер цокнул языком и улыбнулся. – Ну все, вы мне надоели. Меня ждут дела: память людишек сама себя не сотрет.

И он исчез.

Три хранительницы попрощались вслед за ним.

– Дел невпроворот, – подтвердил Карл, оставшийся последним.

Лиссай вежливо улыбнулся в ответ. Мы с Теннетом молчали, глядя на бога исподлобья. Карл заткнул большие пальцы за лямки красного комбинезона и повозил мыском ботинка по снегу.

– Мне надо заново отстроить вам вход в Междумирье, среди всего прочего, – неуверенно протянул мальчишка. Потом добавил, обращаясь ко мне: – Я пошлю тебе ястреба, когда будет готово, встретимся там.

– Но... Я же теперь калека... – озадаченно протянула я.

Лицо Карла исказилось:

– А ведь точно. Боже, Тинави! Ну зачем же ты это сделала?

Лиссай захлебнулся молчаливым возмущением. Я невольно рассмеялась.

– Хочешь, тебе отдадим ту склянку? – предложил Карл, игнорируя призывные взгляды Теннета.

– Не-не-не! – Я замахала руками. – К этому же еще всякие обязанности добавляются... И вокабуляр... Не стоит.

– Передумаешь – скажи, – подмигнул мне мальчик. Кажется, нарочно для Теннета.

Потом, правда, Карл вздохнул и все-таки обратился к брату.

– Я бы не сказал, что тебе еще рано возвращать магию, – признался подросток, глядя на маньяка снизу вверх. – Наоборот, я бы вернул. Если хочешь, я обсужу это с другими.

– Не надо. – Теннет покачал головой и ту же сплел руки на груди. – Пусть они сами дойдут до этой светлой мысли.

Карл кивнул. Потом перемялся с ноги на ногу, почесал макушку и вдруг обнял Теннета – так, как обычно обнимал меня: с подозрительно-искренней детской наивностью, которая, возможно, шла в комплекте с комбинезоном...

– Спасибо тебе за ту, старую молнию, – буркнул Карл, отстраняясь.

Потом мальчик сделал шаг назад и серьезно кивнул:

– Пригляди за тем, чтобы здесь все было хорошо, пока я занят Междумирьем.

– Хорошо, – хором ответили мы с Теннетом.

И пока мы возмущенно оборачивались друг к другу: «Да это он мне сказал, ты что о себе воображаешь!» – Карл успел исчезнуть.

Лишь в воздухе повеяло жасмином – таким улыбчивым среди зимы.

– А вот если бы он подкинул нас до драконьего плато или, лучше, до Шолоха – я бы не отказалась... – проворчала я. – Ну что, пешком?

– К-как будто у нас есть варианты. – Лиссай галантно предложил мне руку.

Теннет молча потопал сзади, поминутно оглядываясь на последние всполохи северного сияния.

* * *

Наша веселая команда ждала нас на драконьем плато в связанном состоянии... Кружком. Вокруг костра. Ребята были спеленуты разноцветными лентами, как младенцы. На макушках кособочились праздничные колпачки.

– Ой! – сказала я, увидев это безобразие. – Это что за дела?

– Ву-ву-ву-у! Ву-у-у! – недовольно промывчала Кадия сквозь пушистый кляп, похожий на кроличий хвостик. Остальные молча зыркали.

Я выдернула шарик у подруги изо рта. Она тотчас завопила:

– Этот долбанутый Рэнди нас связал, когда загрохотало! Что за грек?! Что за молния?

– Ах, вот вы почему туда не пришли, – протянула я, освобождая остальных от кляпов. – А я-то думаю – во дела! Меня в очередной раз за неделю пытаются убить, а вы не хотите насладиться этим зрелищем!

– Слушай, Стражди! Может, ты магией воспользуешься? Всяко быстрее, – здраво предложил Мел, заметив, какие глубочайшие проблемы вызывают божественные веревки у нас с Лиссаем.

Мы никак не могли понять, где конец у этих пут, напоминающих рулоны декоративной новогодней ленты. (Теннет не помогал: учапал к драконам. Соскучился по ним уже, видать.)

– Я бы с радостью, но у меня больше нет магии. – Я улыбнулась патологоанатому.

Нестройный хор вскриков и возмущений был мне ответом.

Когда мы с принцем все-таки справились с веревками, для меня пришло время снова вспомнить высокую роль рассказчицы... Ибо, как оказалось, друзья в пылу битвы просто не заметили смерть Лиссая.

Звучит абсурдно? Да жизнь вообще абсурдна.

Эта компашка не врубилась, что Его Высочество откинулся – и что это стало причиной взрыва портала, раскрытия кромена и так далее и тому подобное. Поэтому и сейчас они – поначалу – не вполне оценили явление рыжего Лиса.

Чем неприятно оцарапали эго Его Высочества.

Но он, конечно, не подал виду. Высокое дворцовое воспитание.

– Стражди, а как ты теперь в Шолохе без магии? – озадаченно протянул Мел, с наслаждением поскребывая освободившимися руками – двумя сразу – отросшую трехдневную щетину. – Это же кошмар. Ты и с ней-то не блистала оптимизмом, а как вспомню наши первые встречи – так это же ужас. Не девушка, а ходячая депрессия – это я как медик говорю.

– Сия информация устарела, Мел. – Я фыркнула в ответ. – Даже странно, что ты как медик не заметил полного выздоровления пациента.

Саусбериец заржал:

– Это нормально. Просто я не тот медик, чьи пациенты выздоравливают!

(После этой ремарки Дахху посмотрел на Мелисандра с ужасом...)

– Но как же работа в ведомстве? – осторожно спросила Андрис Йоукли.

Я прикусила губу. Ну да. Ведомство могло стать проблемой.

В разговор неожиданно вмешался Полынь.

– Там, – веско сказал он, расправляя браслеты на запястьях, – моей магии хватит на двоих, как я и обещал когда-то. А новый контракт для Тинави мы уже оформили. Даже Селия расписалась.

* * *

В Шолох мы долетели на драконах. Точнее, на одном драконе. На Петре.

Карланон успел залечить его драное крыло, прежде чем покинуть Лайонассу. И теперь привратник с большим удовольствием, впервые за тысячу лет, покинул Скалистые горы ради долгой экскурсии на юго-восток.

Перелет занял шесть ночей с учетом привалов. Мы держались на спине Петра, как иджи-кайские вельможи – на спинах слонов. То есть восседали на сложной конструкции из деревяшек и подушек, наспех сооруженной Дахху («Я в одной книжке видел подробные иллюстрации, не волнуйтесь», – торопливо объяснил Смеющийся, поймав наши опасливые взгляды.)

...И вот дракон плавно зашел на посадку и острыми когтями затормозил о мостовую прямо напротив Ратуши.

Сказать, что шолоховцы обалдели от такого зрелища – ничего не сказать. В их головах, совместными усилиями Рэндома и Авены, не осталось никаких воспоминаний о вторжении Зверя. Поэтому вид огромного дракона, на бреющем полете спустившегося в самый центр столицы, по-настоящему шокировал бедных горожан.

Мы друг за дружкой скатились с покатога бока Петра.

Коленки подгибались. В уши надуло. Романтика романтикой, а неудобно!

Шустрые перья столичных журналистов встретили нас дружным скрипом. Не успела я выразить свое сомнение на тему того, что такое помпезное прибытие было хорошей идеей, как Дахху успокоительно шепнул:

– Это все мои, вострушкины. Я что-нибудь придумаю.

– «Его», видишь ли... – со вздохом прокомментировал Теннет, но спорить не стал: подарок есть подарок.

Маньяк тоже решил вернуться в Лесное королевство, хотя Петр и остальные драконы искренне предлагали ему погостить у них.

– Ну и что, что ты падший-с-с-с, друг-с, – шипели они, содрогая свежевостановленные небеса. – Мы все равно тебя любим-с-с-с.

– Кря! – веско подтверждала Бурундук.

Точнее:

– Кря-с! – (ах, как легко мы учимся плохому!)

Теннет покачал головой:

– Нет, спасибо. История Анте Давьера еще не закончилась. Я бы хотел слегка переиграть ту роль. Покорить Шолох с чистого листа.

Все мы на него скептически уставились. Глаза Кадии особенно впечатляли неверием.

– Или просто заберу остаток денег, – вздохнул Теннет, прикидывая варианты, – и поеду в Иджикаян. Что-то, а темное прошлое богачей там никого не интересует.

– Оставайся с нами, Анте! – умоляюще попросил Дахху. На руках у него сидела Бурундук, нежно мурлыча на прощанье. – Мне о стольком надо вас расспросить для «Доронаха»! – продолжил убеждать Смеющийся.

– Я тоже не откажусь пообщаться теснее, – кивнула Андрис Йоукли. – Раз уже вы столько повидали, буду рада кое-какой информации об иномирной технике.

– Ушлепок, а когда у тебя день рождения?.. – вдруг задумчиво протянула Кадия. – Ты, м-м-м, любишь торты?

– Очень, – удивленно сказал маньяк.

И Кадия подмигнула мне у него за спиной: «Вызов принят!»

* * *

В итоге Смеющемуся не пришлось изгаляться в общении с журналистами, дабы смягчить шок от появления живого дракона посреди Ратушной площади.

Основной удар на себя принял принц Лиссай.

– Дамы! Господа! – Он, едва успев сползти с привратника, поднял руки в поистине королевском жесте. – Добрый день. Меня зовут Лиссай из Дома Ищущих. Да, я принц. Приятно познакомиться. Знаю, в нарушение традиции о конфиденциальности к-королевской семьи вы уже видели мое лицо и имя в газетах и объявлениях последнего месяца. Что ж, в так-ком случае, откладываю свою анонимность ок-кончательно. И прошу вас поприветствовать моих друзей и верных соратников! В прошлом месяце я стал жертвой темных сил, поккоящихся под курганом. Эти силы нашли меня и в Лазарете, где я отдыхал после пережитых травм. Не приди эти бравые государственные служащие и... м-м-м... – его взгляд смятенно скользнул по Анте Давьеру, отбывающему условный срок, – ...и другие достойные люди мне на помощь, я уже был бы мертв. А так-к – я не только жив, но у нас теперь заключен договор с драконами!

Журналисты заохали, заахали. Еще более эмоциональная и живая публика зевая похваталась за сердца.

– Договор-с? Правда-с? – Петр озадаченно почесал себя хвостом за ухом.

– Врет как дышит! – восхитился Мел. – А так и не скажешь – паинька, заика... Королевская кровь!

– Подробности! Расскажите подробности, Ваше Высочество! О вас! О драконах! Обо всем! – стонали журналисты.

– А за этим обращайтесь к советнику Его Величества, – резко свернул активность принц Лиссай.

Что означает, что о подробностях можно забыть. Советник отнюдь не потому занимает свою должность, что любит поболтать.

И все с этим мгновенно смирились.

Но рисовали иллюстрации к статьям как бешеные.

И, вспоминая свою зверскую рожу на объявлении «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», я даже не стала заглядывать через плечо художникам – зачем лишний раз расстраиваться?

А Лиссай пару мгновений спустя исчез в плотном каре из дворцовых гвардейцев. Эти шкафоподобные консервные банки с плюмажами выскочили на площадь, не успели мы как следует приземлиться. И теперь утаскивали принца прочь.

– Первый-первый, я второй, – бурчал один из стражей в магический кристалл, будто мешки с камнями на языке ворочал. – Объект снова в нашем ведении; повторяю; объект изъят у агента королевы...

– О нет, опять? – простонал принц где-то за кордоном. – Лучше верните меня господину Внемлющему!

А потом, поняв, что его не выпустят – во всяком случае, сейчас, – Лис страдальчески охнул:

– Тинави! Заходите на чай! Я расскажу вам про плен! А вы – почему меня убивали!

На этих словах стражники сбились в кучу еще плотнее.

Елки-моталки. Надеюсь, меня теперь вообще пропустят во дворец.

* * *

Той же ночью я проснулась от странного звона.

Будто в оконное стекло кто-то стукнул. Например, деревянным фонарем.

Ясное дело, я сразу вспомнила о бокки. Тем более что обстановка была подходящая: на двух соседних матрасах у подножия моей кровати дрыхли Кадия и Дахху – мы просто не могли не отметить свое возвращение маленькой уютной вечеринкой на троих. Как в старые добрые.

Кад спала в позе звезды. Дахху – в позе эмбриона. Правда, одна рука этого эмбриона непривычно покинула теплую гавань одеяла и нерешительно тянулась к Мчащейся. Дотягивалась аж до щеки. И там застывала, тыльной стороной касаясь острой скулы красотки.

– О, это надо запечатлеть! – оценила я и в свете заходящей шербоатой луны нашарила свой ведомственный рюкзак.

А в нем – имаграф. Я подняла стеклянный шар над головой, другой рукой показала большой палец и натянула самую лукавую из своих ухмылок. Из шара донесся глухой хлопок. Фиолетовый туман затянул поверхность имаграфа.

Я дождалась, пока появится картинка, и аккуратно убрала шар обратно в рюкзак. Будет у меня теперь компромат на Дахху – для веселых дней; и утешение Кадии – для грустных.

Но шутки шутками, а звуки за окном манили... Я глянула сквозь стекло. Никаких бокки не было, что и логично.

Однако, прищурившись, я разглядела посреди розовой клумбы банку с темной жидкостью.

– Что за дела? – Я нахмурилась.

И, позевывая, как городской сумасшедший, я почапала в сад. Босиком прошлепала по коридору, а потом по крыльцу скатилась в предрассветную шероховатость Леса.

Банка в кустах выглядела не слишком привлекательно.

В такой можно закатать на зиму варенье. Можно, кхм, сдать анализы знахарям.

Но эта банка была весьма эксцентричной – до самого верха наполненной кровью. Не успела я присвистнуть от таких подарков, как обнаружила на крышке туго свернутую свитком записочку:

«Да осветится твоя жизнь магией, лапушка! Мне не жалко! Твой друг Рэнди».

– А что, так можно было? – Я только и смогла, что озадаченно почесать в затылке.

Потом, успокоения ради, посмотрела на небо. Там уже занимался рассвет. Что ж! Раз проснулась – не пропадать же утру?

Я прихватила из дома летягу, а потом поймала случайного перевозчика – по выходным они дежурят на улицах круглосуточно – и отправилась на самый север столицы, к камню Мановений.

Мое любимое место, где быть и небыть, явь и навь сливаются воедино.

Когда я добралась до заветной полянки с огромной неожиданной скалой по центру, солнце уже торжествующе прорывалось красными всполохами сквозь гущу деревьев.

От каждой травинки исходило предвестие дня, пробуждающееся дыхание воздуха.

Бескрайняя благодать жизни. Тихо-тихо, пока еще скромно, начинали перестукиваться дятлы в кронах дубов. Где-то среди деревьев дриада напевала гимн травам, слегка приотворив кору. Под ногами у меня прошуршала веселая пятнистая ящерка.

Я подошла к камню, овальному, как драконье яйцо, и обошла его, надеясь устроиться на своем любимом месте, лицом к тенистому оврагу. И там уже дожидаться открытия Иноземного ведомства – сегодня надо было, ха, вернуться на службу. Предвкушаю лицо Селии!

Но место у камня было занято.

Шорох черепков на нитках, перезвон амулетов, скольжение шелка не давали усомниться – Полынь.

– А ты что тут делаешь? – Я, не спрашивая разрешения, села рядом с ним и профилактически ткнула Ловчего острым локтем в бок. – Это, вообще-то, мое место! Я его тебе показала!

– А может, я поэтому и пришел? – Полынь изогнул проколотую бровь и протянул мне заготовленный заранее стаканчик кофе. Голос у куратора был ниже, чем обычно.

Я почему-то смутилась.

– Как мне стоит толковать эту реплику? – Я взяла напиток.

– Никак. – Полынь глотнул кофе. – Просто прими ее к сведению, Тинави.

Я открыла рот, чтобы еще что-то сказать, но...

Поняла, что не стоит.

Мы молчали. Медленно разгоралось утро.

Ночной туман уползал с поляны, раскрывая ее, как кулисы – сцену. Перед нами выпрыгнул из чащобы круст – но вместо того чтобы выругаться и бросить в нас палочкой, лешак уселся прочь, беззаботно насвистывая.

Вдруг бой часов поплыл над нежной зеленью Смахового леса... Тут и там, в центре и на периферии, шолоховские куранты спешили оповестить нас о новом положении дел на Полотне Времени. Каждая колокольня, каждый департамент, тяжелые ходики в особняке Давьера, блестящий гонг в Иноземном ведомстве, гулкие часики на груди Полыни, – все они не давали усомниться в том, что новый день вступил в права.

От камня, к которому я прижималась спиной, веяло холодком. Сердце, напротив, грело теплом летнего зенита, а сидящий справа Полынь был и вовсе как печка в ледяную ночь.

Прислушавшись к бронзовому гулу, вибрирующему в прозрачном воздухе, я насчитала шесть. Шесть ударов на пульсе времени – и, кажется, не меньше сотни на моем...

Мы переступили порог ночи. Прощай, Зверь.

И здравствуй, новая жизнь. Здравствуй, залитая солнечным светом лесная поляна. Все хорошо. Все удалось.

Не нужно магии.

Волшебство и так во всем.

Медленно, очень медленно, Полынь поворачивал ко мне лицо, не моргая. Я и сама невольно поворачивалась, а небо набирало обороты синевы, раздавалось вверх и вширь. Мы смотрели друг на друга, и кофе стыл, покрываясь мурашками ветра. Моя рука со стаканчиком вдруг дрогнула, и Ловчий перехватил мое запястье – *«прости, привычка»*.

Мы замерли, не дыша.

Привет.

Наконец ситуация стала излишне томной.

Я кашлянула, фыркнула и рассмеялась. Куратор ответил тем же.

Ну, ну, не стоит поддаваться соблазнам рассвета!

– Итак, – Полынь отцепился от моей грешной руки. Он потрянул головой, и вплетенные в волосы колокольчики неровно звякнули, – нас ждет работа.

– Работа ждет! – весело отозвалась я и первой вскочила с земли.

Ибо что может быть более романтичным и более здоровым, чем смена в сысковом госучреждении? Что может быть более многообещающим, прах побери, если ваш главный роман – как у меня – с самой жизнью?

Мы с Полынью бок о бок топали сквозь лес и улыбались. Амулеты звенели, летяга шуршала. Пахло мятой, кофе и жасмином.

И мир сиял, сиял золотыми красками летнего утра.

И Шолох знал – все будет.

...Тем временем в Чернолесье

...Их было две дюжины – стражников, которые провожали ее до границы Леса.

Она мысленно хохотала над тем, как смешно они дергались и отпрянывали, стоило ей сделать хоть какое-то резкое движение.

Годы идут, авторитет остается. Еще бы.

Когда один из них чихнул – простудился, малец? – остальные уставились на нее со священным ужасом.

– Пха, – сказала она и задрала рукав мантии. Кожа на том месте, где раньше сияла татуировка, была совершенно чистой. – Вы суеверные идиоты, вы в курсе?

Стражники отвели глаза и ничего не сказали.

Они вывели ее в огромное пшеничное поле, начинавшееся за Чернолесьем, сняли с нее цепи и наручники, нацелили на нее арбалеты.

– Уходи. И никогда не возвращайся, – сказал старший.

Интонации у него были, как в старых книжках. Она снова развеселилась.

– Долго репетировал эту фразу, парень? Еще и на «ты»! С ума сойти, какой дерзкий. Что ж...

Не договорив, она развернулась и пошла прочь.

Дел впереди невпроворот.

Энциклопедия «ДОРОНАХ»

Некоторые черновые заметки господина Дахху из Дома Смеющихся

Госпожа Фэй Незабрин, садовница в поместье Дома Мчащихся, очень любит дни, когда молодая хозяйка приводит своих друзей.

Их у хозяйки двое: рыженькая и смешная Тинави с задумчивым взглядом и внимательный, интеллигентный Дахху, который всегда обязательно спрашивает садовницу: «Как дела?»

Три недели они не приходили в поместье: было что-то плохое, тяжелое, Фэй не вникала, только видела, что молодая хозяйка часто плачет и много грустит. Еще Фэй как-то встретила портрет Тинави на доске «Разыскивается», но не стала даже вчитываться в эдакую ересь – просто сорвала объявление, и дело с концом.

А в конце июня все снова наладилось!

Не сразу, но постепенно.

Так, в первый раз после паузы гости пришли ощутимо потрепанными жизнью. Особенно господин Дахху, бедненький: на костылях, с целой сумкой лекарств и с бинтом на шее. Он как упал на гамак в яблоневом саду, так весь день на нем и лежал, погребенный под своими записками. Он ведь всегда что-то пишет, этот господин Дахху. Говорит-говорит, беседу ведет, а потом – раз! – и нырнул в работу.

В тот день ветер был сильный: так и норовил сдуть бумаги. Хозяйка с подругой их отлавливали, хохоча, возвращали. Но несколько все же поймать не успели.

Эти страницы в саду будто спрятались: одна влетела в кормушку для белок, вторая и третья нырнули в засохший колодец, а четвертая затаилась в пышных кустах шиповника.

Фэй нашла страницы только через несколько дней. И перед тем как отдать хозяйке, не удержалась, оставила их ненадолго у себя и прочитала...

Устройство мира и вселенной

Отец Небесный – высшая непостижимая сущность, которая предположительно создала нашу вселенную. Или как минимум иногда приглядывает за происходящим в ней. Два главных правила Отца: людям – не убивать богов, богам – не оживлять людей.

Приписки: печально, что это единственное, что его доказательно волнует.

Боги-хранители – шестеро бессмертных чародеев, предположительно детей Отца Небесного, которые исполняют во вселенной функцию «двигателя перемен». Задача богов – следить за тем, чтобы все на свете менялось и развивалось, чтобы энергия унни текла свободно и вольно, обеспечивая круговорот жизни, смерти и всего сущего. Боги-хранители – учителя и наставники для смертных, путешественники по мирам. Много веков они жили на материке Лайонассы бок о бок со срединным народом, лишь изредка отправляясь в другие миры, а затем все-таки покинули свою любимую землю окончательно, ибо поняли, что сами нарушают свой завет – меняться, открывать новое.

Драконы – еще одни наместники Отца Небесного. Живут на севере Лайонассы. В отличие от хранителей, драконам, наоборот, нужно заговаривать и успокаивать унни, не позволяя энергии слишком быстро менять формы и тем самым повергать мир в хаос. Для удобства принято говорить, что драконы ведают *бромой* – то есть материей. Тогда как боги по большей части бодрствуют и делают свою работу наяву, подбадривая и подстегивая унни, драконы преимущественно спят и во сне поглаживают, почесывают, баюкают вечно встревоженную энергию бытия.

Боги и драконы не соперники друг другу. Скорее товарищи, связанные единой целью – найти и сохранить тот идеальный баланс, при котором вселенная будет непреклонно идти вперед, но идти умеренным, безопасным шагом.

Драконье общество – создано так, что у них есть множество особей-самцов и всего одна особь-самка – драконья королева. Драконы стареют очень медленно, но все же стареют. Яйца драконов хранятся в специальных кладках, они могут лежать там тысячелетиями. И точно так же на много яиц-мальчиков есть лишь одно яйцо-девочка. Новое яйцо бросают в огонь – чтобы оно вылупилось – только после смерти кого-то из ныне живущих драконов. Это касается и королевы: только после того, как умрет старая королева, драконы идут за яйцом, в котором ждет новая королева. Если с яйцом что-то случится, а королева не сможет отложить новое, это приведет к дисбалансу во вселенной: драконье общество и материя ослабеют. Богам-хранителям также придется умерить свои силы, не то мироздание пошатнется.

Энергия унни – всепронизывающая энергия бытия, из которой создано все сущее. По сути, жизнь вселенной – это движение унни.

Материя брома – те условнопостоянные формы, которые может принимать унни. Все физическое и телесное, что мы можем потрогать и пощупать. По сути, брома – это стабильное состояние энергии унни. Если вся энергия унни вдруг «встревожится», материальный мир исчезнет. А встревожится она, если ее не будут баюкать драконы. Значит, гибель драконов повлечет гибель материального мира.

Искры – это души живых существ. Никто не знает, откуда приходят искры, что или кто создало их, что происходит с ними, когда они угасают. Переходят ли они в иную реальность? Находят ли себе новое тело? Исчезают навсегда? Мы не знаем. Каждое живое существо – это уникальный симбиоз энергии унни (которая после смерти обретет иную форму) и загадочной искры, чей путь нам неясен.

Существует два подтипа искры:

– **Призрачная искра**, которая живет внутри некоторых духов. Она слабая, наполовину погасшая, с трудом удерживает вокруг себя унни.

– **Мертвая искра**, которая живет внутри нежити. Мертвые искры отличаются неприятным гнилушечным цветом. С ними что-то не так. Но что? Неизвестно.

Магия – один из способов влиять на энергию унни. Сейчас мы выделяем два подхода к магии: классический (где колдун вступает с энергией в схватку и поработает ее) и дружеский, или Карлов (где колдун договаривается с унни, и она идет ему навстречу).

Приписка: надо будет расспросить обо всем этом Теннета. Очень много вопросов. Что не так с мертвой искрой? Или откуда именно взялись боги? И когда? Наши священные книги оперируют общими словами, но он-то должен знать, при каких условиях появился на свет?

Р. S. Перед разговором вручить ему какой-то подарок, мне кажется, ему одиноко, и будет приятно внимание. Можно что-то связанное с живописью или музыкой.

География и история Лайонассы

Лайонасса – мир-материк. Изначально был одним из нескольких материков планеты. Лайонасса считается первым бытием, созданным Отцом Небесным. Такой вывод делают из-за того, что именно здесь появились и жили боги-хранители и драконы. Боги сильно повлияли на развитие Лайонассы вообще и срединного народа в частности. Поэтому, когда боги-хранители ушли, они решили отделить Лайонассу от остальной планеты, сделать ее самостоятельным миром.

Исход богов – случился в нулевом году нашей эры. Мнения расходятся. Некоторые хроники повествуют, что боги сами осознали: пора уйти. Другие легенды гласят, что это драконы намекнули богам, что им пора бы двигаться дальше: веками сидя в Лайонассе, они не слишком преуспевают в своей миссии вечного развития и изменения всех миров. Хранителям с горечью пришлось признать, что это правда – и они пообещали покинуть свой дом. Пообещали они также не возвращаться сюда без крайней нужды: вселенная росла беспрестанно, и богам нужно было уделять внимание другим, дальним и пока еще не развитым мирам.

Внешний мир – вся остальная планета, на которой некогда располагался материк Лайонассы. Название «Внешний мир» придумали срединники. Его жители называют себя иначе. Они не помнят о существовании Лайонассы, так как боги-хранители старательно стерли память и им, и лайонассинцам. Однако у жителей Внешнего мира все же остались кое-какие легенды о Лайонассе – зачастую противоречащие друг другу и хронологии. А лайонассинцы смогли вернуть себе память с помощью колдовства. Время в обоих мирах течет одинаково. Многие культурные и научные понятия, слова и привычки проникают из мира в мир и приживаются там, хотя, если задуматься, местные жители не вспомнят, откуда взялись эти вещи. Так, в мир Лайонассы попали понятия *Хэллоуин*, *оригами*, *хардкор*, *гусар*, *виски* и прочее.

Кромен – огромный магический купол, который одновременно разделяет и связывает Лайонассу и Внешний мир. Боги провели множество работ по перестройке двух миров: они создали для них дополнительные слои реальности так, что и Лайонасса, и Внешний мир кажутся полноценными планетами – никакая стена не остановит тебя, если ты вздумаешь оплыть вокруг света или подняться к звездам. Иногда лишь может сбоить техника или колдовство при пересечении кромена. Но все-таки купол есть. Можно разработать чары, которые позволят ему проявиться, и другие чары, которые могут его разрушить. Именно этим занялся в X–XII веках срединный народ.

Драконий купол – лагерь драконов в Скалистых горах также накрыт магическим куполом. В отличие от кромена, этот купол вполне ощутим и даже виден невооруженным взглядом. Драконы создали его после 1147 года, чтобы смертные больше не смели проникать на их территорию. Драконы не доверяют смертным с тех пор, как те выкрали яйцо-самку для своих опытов и тем самым лишили драконов будущей королевы и заодно нарушили мировой баланс.

География Срединного государства

Срединное государство – древняя магическая страна, величайшая земля Лайонассы, где люди когда-то жили бок о бок с шестью богами-хранителями. Именно боги помогли срединникам достигнуть того уровня развития, который сделал их самыми знаменитыми и, возможно, самыми ненавистными и чванливыми обитателями нашего мира.

Мудра – блестящая столица Срединного государства. Располагалась на западе Лайонассы. Была построена во втором тысячелетии до нашей эры. Красивейший город во всей вселенной. Здесь в Запретном квартале находились поместья шести хранителей. В 1147 году нашей эры Мудра сожжена драконами. Не выжил никто. Драконье пламя своеобразно действует на материю: Мудра превратилась в мертвый стеклянный город. Постепенно ее захватили пески. Сейчас Мудра считается проклятым местом, вокруг нее выросла Пустыня Тысячи Бед.

Прибрежный легион – исследовательский полевой лагерь срединников, организованный на востоке материка. Там в XI–XII веках нашей эры срединники разрабатывали способ обнаружить и открыть кромен. Почему именно на востоке? Исследования показали, что с этой стороны материка кромен тоньше и уже, его будет легче «вскрыть».

Срединное государство и открытие кромена

Через несколько столетий после ухода богов срединники смогли вернуть себе стертую память о Внешнем мире и кромене.

После этого они решили, что готовы последовать за своими учителями – открыть Лайонассу, выйти за пределы своих уютных, но уже слишком маленьких, не по размеру, земель. Решение было принято окончательно.

Долгие годы ушли на исследования этого вопроса.

Стало ясно, что для обнаружения и открытия кромена нужны три компонента:

– специальная магическая формула, которую удобнее всего поместить в несколько артефактов-амулетов;

– кровь богов;

– кровь драконов.

Когда успех уже был близок, срединники решили предупредить остальные государства Лайонассы о грядущей новой эре. Впрочем, эти «остальные» были настолько более простыми, безынициативными или же замкнутыми на себе (у каждого народа свой грешок), что срединники не рассчитывали на какие-то сильные эмоции или конструктивные предложения с их стороны.

Началась подготовка к открытию кромена.

Божественную кровь нашли легко: хранитель Карланон умудрился, уйдя, оставить тут свою возлюбленную из срединников. Эта дама – к вящему своему неудовольствию на тот момент – оказалась беременной, и в жилах ее потомков и тысячу лет спустя текла кровь богов.

С драконами было сложнее. Они не слишком жаловали людей и едва ли вдохновились бы идеей открытия мира. Много раз срединники отправляли экспедиции в Скалистые горы, изучали драконов издалека и пришли к выводу: легче яйцо украсть! Воры старательно выбрали самое маленькое яйцо из кладки. Кто же знал, что именно оно окажется единственным и драгоценным яйцом женского пола...

Самка дракона в племени – как пчелиная матка. Она всего одна, и без нее все обречено на медленное угасание. Без действующей королевы драконье племя становится очень слабым и не является для унни таким авторитетом, каким должно быть для сохранения баланса. Поэтому с яйцом срединники, конечно, оплошали по-страшному, но они об этом еще не знали. Как не знали и о том, что другие государства Лайонассы оказались не такими уж и «безынициативными». Тогда как лучшие маги и ученые Срединного королевства уже заканчивали разрабатывать формулу необходимого для разрушения купола заклинания (создали шесть амулетов, высвобождающих нужные силы при использовании; озаботились согласием потомков одного из хранителей на масштабную сдачу крови; выкрали яйцо), остальные страны твердо решили не допустить подобного беспредела. Вот еще – купол они открывать собрались! Нам и тут неплохо живется. Мало ли что там, во Внешнем мире. Рисковать ради собственного неуемного любопытства жителями всего материка – безответственно и глупо.

На тайной ассамблее пяти материковых государств было решено остановить срединников во что бы то ни стало. Сначала подождать – может, у них еще и не получится ничего с заклинанием. Потом попробовать уговорить по-хорошему. Ну и на крайний случай – применить силу.

Весной 1147 года маги Срединного королевства с гордостью объявили о том, что у них готово все необходимое для уничтожения купола. Полные искренней гордости за свое достижение, они по всему матерiku разослали приглашения на «день X». Открытие кромена запланировали на берегу Шепчущего моря. Там издавна располагался срединный лагерь под названием Прибрежный легион, где и велись основные работы по изучению кромена.

Представители пяти других материковых государств были очень недовольны успехом своих выскочек-соседей. У них издавна были плохие отношения со срединниками, но кроме стал последней каплей. Три армии двинулись на выбранное побережье в мрачной решимости. Еще две армии отправились на основную территорию Срединного государства, чтобы встать там и, если понадобится, применить силу.

Начали с дебатов, но в какой-то момент все вышло из-под контроля, полилась кровь. И тут уже роль сыграли все прежние недовольства других государств срединниками.

Резня в Прибрежном легионе оказалась невероятно жестокой. Срединники были сильнее, но значительно уступали количеством. Небо разрезали магические молнии, леса тряслись, пески взмывали смерчами, и все это было видно на расстоянии сотен километров. Вскоре мирное побережье обернулось долиной смерти.

Самое интересное, что господина Хинхо из Дома Умелых – главного «донора» грядущей акции, который также носил при себе шесть амулетов и драконье яйцо, в день битвы вообще не было в лагере. Он отправился в подводное царство Рамблу, чтобы договориться о разрешении на проход кораблей. Когда Хинхо выберется, на побережье уже все будет кончено.

Одновременно с резней в Прибрежном легионе творилось страшное зло на западе, на основных территориях Срединного государства.

Самка драконов проснулась у себя в Скалистых горах, почувствовав, что ее век на исходе и пришло время для новой королевы. Вообще-то старая самка планировала пожить еще, но ее измотали внезапно возникшие ярчайшие вспышки магии на восточном берегу материка.

Магия, если ее применять без меры, очень расхолаживает энергию унни, развращает ее. Чем больше люди творят волшебства, тем сильнее драконам приходится успокаивать унни, так как слишком разгоряченная, возбужденная энергия может начать беситься, терять формы, порождать хаос.

Самка дракона с неудовольствием подумала о том, что из-за обнаглевших, одуревших от собственного могущества магов-срединников (никто другой в Лайонассе не мог породить вспышки такой силы) ей придется начать подготовку для вылупления маленькой королевы... Кое-как доковыляв до кладки, старая дракониха не нашла нужного яйца. Маленькое и кривенькое, оно совершенно точно отсутствовало.

Большая часть драконов немедленно проснулась по призыву своей королевы. Спать и успокаивать нервную унни оставили только самый минимум ящеров. С помощью дракона-при vratника выяснили, что яйцо, вероятно, украли все те же срединники – их интерес к драконам последние годы был пугающим, вокруг часто околачивались их экспедиции. Во главе с дряхлой драконихой хранители полетели в сторону Срединного королевства. Нужно было во что бы то ни стало успеть вернуть яйцо до смерти самки.

В Мудре, когда драконы потребовали свое, им ответили весьма непочтительно. Срединники пожимали плечами и говорили, что им очень стыдно, но уже поздно. Несколько часов назад состоялось великое открытие Лайонассы, избавление материка от купола-кромена. Возможно, драконы и сами видели величественные вспышки, весь день разрывавшие небо? Слышали вихри, завывающие далеко на восточном побережье? Чувствовали восторженную дрожь земли? Яйцо сыграло в этом свою роль. Увы, теперь оно мертво. Зато Лайонассу ждет новая эра! Простите, драконы, но мы действительно взяли его без спросу. Зато выбрали самое косое.

Совет: не берите в голову, у вас их там полно.

Пока ошеломленные драконы переваривали информацию о том, что их будущую королеву использовали в качестве жертвы, а раздражившую унни магию вызвало возмутительное и опасное уничтожение кромена, старой самке становилось все хуже и хуже. Было ясно, что новое яйцо она уже точно не высидит. Неминуемо случится то, что случаться не должно: драконы останутся без королевы.

И вот тут-то и оказалось, что драконы все-таки ближе к зверям, чем к людям, будь они хоть тысячу раз детьми Отца Небесного. Потому что обезумевшие от утраты и натурально не представляющие, чем обернется отсутствие драконьей самки для вселенной и их племени, осиротелые ящеры отдались инстинкту. Инстинкт гласил: уничтожь врагов.

Не прошло и получаса, как сиятельная Мудра, столица Срединного королевства, была уничтожена драконьим пламенем. Причудливые башни, великолепные дворцы, гордые жители – все превратилось в сизое тусклое стекло...

Драконы в скорби полетели обратно в горы. Они вызвали хранителей – *посмотрите, что сделали ваши срединники!* – накрыли себя куполом, чтобы больше ни одна смертная тварь не смела приблизиться к ним. Когда королева все-таки умерла – она держалась изо всех сил, но не могла продлевать свой век бесконечно – драконы и залегли в долгую, беспробудную спячку, ведь теперь, когда их стало меньше, им нужно еще активнее успокаивать унни и петь ей сновиденческие колыбельные...

В 1147 году драконам, хранителям и всем остальным еще только предстояло узнать, какой будет вселенная с нарушенным балансом унни. И что сделает Отец, чтобы этот баланс восстановить.

Кое-что из жизни Шолоха и Лайонассы

На четвертом листе бумаги, пойманном садовницей Фэй Незабрин, и вовсе творилось прах знает что: какие-то каракули, расположенные едва ли не по кругу. Судя по всему, господин Дахху просто вел разрозненные заметки, а уж куда их потом поместить, он решит когда-нибудь в будущем.

Блесны – жители Рамблы. Носят специальные магические маски – прозрачные, со множеством трубок, – которые позволяют им дышать под водой, нормализуют давление и гравитацию, помогают с распространением звука и так далее.

Воздушная Шахта – центральный колодец, идущий сквозь все этажи шолоховской Башни Магов. Головокружительное местечко! Если упадешь или прыгнешь, на уровне второго этажа тебя поймает «тормозная подушка», но эмоций хватит надолго. И позора тоже: щиты заставят тебя висеть так не меньше получаса. Также Башня выпишет нарушителю огромный штраф.

Газета «Вестник чародея» – ежевечернее издание, позиционируется как газета для колдовского населения города. Редакция «Вестника» частично зачаровывает статьи: тексты могут звучать или пахнуть сообразно материалу, картинки – шевелиться.

Газета «Вострушка» – одна из самых популярных столичных газет, печатается под редакцией Анте Давьера. Выходит дважды в день, на заре и на закате. Отличается приятной кремовой бумагой, рассматривает все сферы городской жизни.

Гластер-Кох – королевская тюрьма для особо опасных преступников. Находится на северо-востоке Шолоха. Ее часто посещают чародеи и знахари: изучают заключенных.

День цветов – один из пяти летних праздников Лесного королевства. По статистике, у четверти туристов, приехавших на фестиваль, начинается аллергия – в Шолохе развешано слишком много цветочных гирлянд. Поэтому рекомендуем вам положить в саквояж толченый корень ларош-травы или эссенцию квадральисты.

Инграсиль – дерево, знаменитое своими крупными белоснежными цветами. Происходит из пустынь Иджикаяна, где имеет очень дурную репутацию (и не на пустом месте, но об этом как-нибудь в другой раз). Одновременно с этим инграсиль является королевским деревом Шолоха. И символом Лесного королевства.

Кафе «Стрекозиная кухня» – кофейня на углу возле Ратуши. Принадлежит нескольким феям, бывшим некогда стрекозиными наездницами. Размер кофейни сделан под людей, но весь настенный декор – преимущественно жокейский – родом из Зубастых равнин. Посетителям выдают лупы, если они хотят рассмотреть его получше.

Клуб Приключенцев – популярное в Шолохе юношеское движение. Гордый девиз Клуба звучит как «Всегда готов!». Приключенцы носят желтые майки, свитера или дождевики – в зависимости от погоды.

Манускрипт Вонойчи – иллюстрированный кодекс, написанный неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита. Был найден в Шэрхенмисте в XV веке, а уже в XVI веке таинственно исчез – слухи гласят, он каким-то образом попал в другой мир. Шэрхен не успели расшифровать манускрипт, но не теряют надежды: они сделали много копий и теперь продают их в том числе как сувениры.

Мастера Легких Мыслей – психотерапевты, работающие в Лазарете. Часто проходят практику в тюрьмах: облегчают гипотетические страдания заключенных.

Озеро Истинных Намерений – магическое озеро в центре города Пик Волн в Шэрхенмисте. Отражает не только самих людей, но и навязчивые образы, которые живут в их мыслях. Эти образы не всегда получается истолковать – подсознание таинственно и непостижимо – но, так или иначе, в озеро заглядывают лишь смельчаки.

Пик Волн – приморская столица Шэрхенмисты, находится на юго-западе острова Рэй-Шнарр.

Пик Грез – скалистая столица Шэрхенмисты, находится в центре острова Рэй-Шнарр.

Потаенный рынок – сумрачное, но колоритное место на западе Шолоха: пестрые шатры на дне туманного оврага, который скрыт от любопытных глаз за долиной папоротников. Там принимают валюты всех стран, торгуют диковинками и говорят исключительно шепотом. Основная часть посетителей – туристы.

Рокочущие ряды – ночной черный рынок, расположен на набережной Топлого канала. Опасное место, элемент контролируемой шолоховской преступности. Не рекомендуем идти туда в одиночестве.

Санация – это комплекс мер по оздоровлению организма. В магии – очистка человека от постоянно действующих чар.

Стародольный язык – язык, на котором говорили в Срединном государстве в прошлой эре. Сейчас повсеместно используется для заклинаний. В современном Лесном королевстве, Рамбле, Асерине, Лютгардии и некоторых других государствах говорят на дольном языке – несмотря на сходство названий, дольный язык значительно отличается от тезки.

Туманное Нагорье – регион Асерина, знаменитый тем, что дождь идет там триста пятьдесят два дня в году.

Чрево Шолоха – злачный район увеселений, расположен на востоке Шолоха.

Шукка – быстроходный небольшой корабль, подходящий для морских путешествий. Есть паруса, но также может работать на магической тяге.

* * *

На этом заканчиваются записи, которые попали в руки садовницы Фэй Незабрин.

– Что ж, господин Дахху неплохо пишет, – одобрительно и слегка растерянно пробормотала госпожа Фэй, читавшая их за завтраком. – Местами ересь, местами очень даже!

Она осторожно сложила листки и отправилась из своего уютного домика в летний флигель поместья, в хозяйскую спальню. Госпожи Кадии, как обычно, не было, а из шкафа почему-то пропала зимняя одежда – ух ты! Куда это хозяйка намылилась в шубе в разгар лета?..

Фэй положила записки на стол, надела соломенную шляпу и пошла подрезать свои любимые розы.

Такой чудесный июль на дворе, такая чудесная жизнь.